

А. Г. ДУГИН

**Т е о р и я
м н о г о п о л я р н о г о
м и р а**

Евразийское движение
Москва
2013

ББК 66.4

Д 80

*Печатается по решению
кафедры социологии международных отношений
социологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

Т. В. Верещагина, *д. филос. н.*

Э. А. Попов, *д. филос. н.*

Научная редакция

Н. В. Мелентьева, *к. филос. н.*

Редактор-составитель, оформление

Н. В. Сперанская

При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта Фондом подготовки кадрового резерва “Государственный клуб” по итогам конкурса, проведенного в соответствии с распоряжением Президента РФ № 216-рп от 03.05.2012 “Об обеспечении в 2012 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества”.

Д 80

Дугин А. Г.

Теория многополярного мира. — М.: Евразийское движение, 2013. — 532 с.

Книга д. полит. н., д. соц. н. А. Г. Дугина, основателя российской школы геополитики и лидера Международного «Евразийского Движения», представляет собой впервые сформулированную и разработанную Теорию Многополярного Мира. Подробно рассматривается место ТММ среди существующих теорий Международных Отношений, геополитические аспекты ТММ, ее соотношение с евразийством и Четвертой Политической Теорией.

ББК 66.4

ISBN 978-5-903459-12-4

© А. Г. Дугин, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1. ТЕОРИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Глава 1. Многополярность — определение понятия и разграничение смыслов	13
Пreamбула	13
Многополярность не совпадает с национальной моделью организации мира по логике Вестфальской системы	16
Многополярность не является двухполярностью	19
Многополярность не совместима с однополюсным миром	21
Многополярный мир не является бесполярным	26
Многополярность не есть многосторонность	29
Резюме	30
Глава 2. Обзор основных теорий Международных Отношений	33
ТММ и классические теории МО	33
Реализм и его пределы	34
Либерализм в МО	39
Английская школа в МО	46
Неомарксизм (третья парадигма)	48
От позитивистских теорий к постпозитивистским	60
Постпозитивистские теории в МО:	
основные признаки и номенклатура	66
Критическая теория МО	68
Постмодернизм в МО	71
Феминизм в МО	73
Нормативизм в МО	76
Историческая социология	78
Конструктивизм в МО	80
Статус постпозитивистских теорий в МО	84
Глава 3. Теоретические основы многополярного мира	88
Гегемония и ее деконструкция	88
Цивилизация	101
Полюса многополярного мира/номенклатура цивилизаций	108

Цивилизации как конструкты	119
Границы цивилизаций	123
Практика многополярного мира: интеграция.....	125
Прекоцепт: цивилизация и «большое пространство»	127
Релевантность реализма для ТММ.....	130
Релевантность либерализма для ТММ.....	134
Релевантность марксизма и неомарксизма для ТММ.....	140
Релевантность критической теории для ТММ.....	145
Релевантность постмодернистской теории для ТММ.....	147
Релевантность феминизма для ТММ.....	150
Релевантность исторической социологии для ТММ.....	153
Релевантность нормативизма для ТММ	158
Релевантность конструктивистской теории для ТММ.....	159
Пример анализа многополярного мира в сравнении с постмодернистской интернациональной системой	161
Власть (князь) в ТММ	166
Решение.....	172
Элита и массы	176
Диалог и война цивилизаций.....	178
Дипломатия: антропология и традиционализм.....	183
Экономика.....	188
СМИ	195
Заключение	197

ЧАСТЬ 2. ГЕОПОЛИТИКА МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Глава 1. Многополярность как открытый проект	201
Многополярность и «цивилизация Суши» (Land Power).....	201
Основания для существования «геополитики Суши» в глобальном мире.....	203
Многополярность как проект миропорядка с позиции Суши.....	207
Многополярность и ее теоретическое осмысление	212
Многополярность: геополитика и мета-идеология	214
Многополярность и неоевразийство	216
Неоевразийство как планетарный тренд	219
Неоевразийство как интеграционный проект	220

Глава 2. К теории многополярности. Мировоззренческие основы 222

Теоретические основы многополярности. Философия множественности. Плюриверсум вместо универсума.....	222

Идейные истоки философии множественности	223
Ф. Боас: равноправие культур.....	226
Н. Трубецкой: альянс народов против навязываемого универсализма	227
Актуальность философии множественности	228
Множественность бытия . Разное единство	228
М.Хайдеггер: поиск целого в «аутентичном Dasein'е».....	231
Плюральная антропология. Отказ от горизонта человечества	232
Э. Гуссерль, А. Мальро: «европейское человечество».....	233
Разные «человечества»	234
Запад и «все остальные» (The West and the Rest).....	235
Признание человеческих различий	236
От плюральности мест к плюральности времен. Философия и антропология места.....	237
Г. Гурвич: время как социологическое явление	240
Плюральность времен как норма	241

Глава 3. К теории многополярности. Стратегические основы 243

Полюса и «большие пространства».	
Понятие полюса в многополярной перспективе	243
Понятие «большого пространства» как оперативный концепт многополярности.....	247
Статус цивилизации и принцип «империи».....	249
Структура идентичностей в многополярном мире. Новая таксономия акторов	253
Китаро Нишида: «логика басё» и вопрос идентичности.	257
Национальное Государство и многополярный мир	259
Четырехполюсный мир. Квадриполярная карта альтернативного мира. Обращение к пан-идеям	262
Четвертая Политическая Теория и четвертый номос земли.....	266
Heartland в XXI веке. Россия как Heartland	271
Интерпретация Heartland'a в трех геополитиках.....	272
Место и роль России в многополярном мире.	273
Задачи Heartland'a	274

Глава 4. Практические шаги по строительству многополярного мира: основные ориентации. Многополярные оси. 276

Реорганизация Heartland'a. Цели	276
Геополитическое сознание элиты.....	277
Западная стратегия Heartland'a. Heartland и США.....	278
Heartland и Европа	281
Проект «Великая Восточная Европа»	283
Heartland и западные страны СНГ	285

Основные задачи Heartland'a в западном направлении.....	288
Южная стратегия Heartland'a: Евразийский Ближний Восток и роль Турции	288
Ось Москва-Тегеран	291
Вред национального эгоизма в российско-иранских отношениях и инструментальные мифы глобалистов.....	293
Афганская проблема и роль Пакистана	294
Среднеазиатский геополитический ромб	296
Основные задачи Heartland'a на южном направлении	299
Восточная стратегия Heartland'a: Ось Москва — Нью-Дели	300
Геополитическая структура Китая	302
Роль Китая в модели многополярного мира.....	305
Геополитика Японии и ее возможное участие в многополярном проекте.....	306
Северная Корея как пример геополитической автономии сухопутного государства	309
Основные задачи Heartland'a на восточном направлении	309
Геополитика Арктики. Значение Арктики.....	310
Стратегическая безопасность России с севера	311
Глава 5. Институционализация многополярности	313
Трансформация современной структуры международного права. Уровни системы международного права	313
Переходное состояние современной системы международного права	314
Правовой статус многополярности	316
Многополярность в российской доктрине Национальной Безопасности. Российско-китайская декларация многополярности 1997 года	317
Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года	318
Критика однополярного мира В.В. Путиным и евразийские тезисы. 319 Игнорирование темы многополярности в российском экспертном сообществе	321
Международные организации, способные стать основой многополярного миропорядка в правовом поле. ООН на современном этапе: геополитический анализ	323
БРИК: геополитика «второго мира»	325
Шанхайская Организация Сотрудничества и ее геополитические функции	330
Интеграционные организации постсоветского пространства	332
Глава 6. Многополярный мир и Постмодерн	337

Многополярность как образ будущего и сухопутный Постмодерн.	
Многополярность как инновационный авангардный концепт ..	337
Многополярность как Постмодерн	339
Многополярный Постмодерн против однополярного (глобалистского/антиглобалистского) Постмодерна	341
Многополярность и теории глобализации.	
Многополярность против мировой политики	343
Многополярность и мировая культура (в поддержку локализации) ..	343
Многополярные выводы из анализа теории мировой системы.....	344
Превратить яд в лекарство. «Оседлать тигра» глобализации: многополярная сеть	348
Сетевые войны многополярного мира	351
Многополярность и диалектика хаоса	354

ЧАСТЬ 3. КОНТЕКСТЫ XXI ВЕКА: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТМОДЕРНА

Глава 1. Схема «нового мира».....	359
Геополитика как анализ постоянной части исторического процесса	359
Суша и Море, Лес и Степь	361
Три основных исторических цикла.....	362
Планетарная дуэль между атлантистскими США и Россией-Евразией.....	363
В чем была фатальная концептуальная ошибка Горбачева и Ельцина?	366
Сводная схема основных парадигм глобальной политологии XXI века	368
Атлантистский проект против евразийского проекта.....	372
Глава 2. Реконструкция парадигм и политическая география Постмодерна.....	374
Постмодерн как вызов	374
Постмодерн: Запад, Восток и Россия.....	379
Эволюция социально-политических идентичностей в парадигмальной системе координат	386
«Империя» как концепт Постмодерна	393
Новая география: «ядро» и «провал» Т. Барнетта.....	396
Модель В. Парето применительно к глобальной системе	398
Глава 3. Запад и его вызов	403
Что мы понимаем под «Западом»?	403
Европа и Модерн	404

Идея «прогресса» как обоснование политики колониализма и культурного расизма	405
Архаические корни западной исключительности.....	406
Империя и ее влияние на современный Запад	407
Модернизация: эндогенная и экзогенная.....	408
Два типа обществ с экзогенной модернизацией	410
Концепции «Запад» и «Восток» в Ялтинском мире	413
В 1990-е годы «Запад» становится глобальным	416
Глобализация.....	418
Постмодерн и «Запад».....	419
Пост-Запад.....	421
Зазор между теорией и практикой глобализма.....	423
США и Евросоюз: два полюса западного мира в начале XXI в.	424
Идентичность России: страна или...?.....	426
Россия как цивилизация (культурно-исторический тип)	430
Россия и Запад в 1990-е годы.....	432
Стратегия «мирового правительства» в отношении СССР и России	435
Россия и Запад в эпоху Путина.....	437
Вызов Западу.....	438
Сети CFR в путинский период	440
Отношения Россия—Запад в будущем	441
Перестройка-2: Россия интегрируется в глобальный «Запад»	442
Россия и Запад в евразийской теории	446
Россия и Запад в оптике современной российской власти	450
Глава 4. «Цивилизация» как идеологический концепт	454
Потребность в уточненной дефиниции	454
Цивилизация как фаза развития обществ	454
«Цивилизация» и «империя»	455
Цивилизация и универсальный тип	456
Цивилизация и культура.....	457
Постмодерн и синхроническое понимание цивилизации.....	458
Деконструкция «цивилизации»	460
Сегодня преобладает синхронистическое и плюральное понимание «цивилизации».....	462
Кризис классических моделей исторического анализа (классового, экономического, либерального, расового)	465
Шаг назад либеральных утопистов: state building	467
Мир как сеть у Томаса Барнетта.....	468
Американский взгляд на мироустройство (три версии).....	469

Ограниченность идейного арсенала противников глобализма и однополярного мира	471
Значение концепта «цивилизации» в противодействии глобализму	472
К «большим пространствам»	473
Реестр цивилизаций	474
Многополярный идеал	477
Глава 5. Принцип «Импери»	
у Карла Шмитта и Четвертая Политическая Теория	479
Порядок «больших пространств»	479
Доктрина Монро	479
Юридический статус «доктрины Монро».	
Политика и право, легальность и легитимность	481
Эволюция «доктрины Монро»	483
Большое пространство и «рейх» в понимании Шмитта	486
Советское «большое пространство». Советский рейх	489
Новая актуальность Четвертой Политической Теории	491
Глава 6. Проект «Империя»	494
Империя без императора	494
Империя как оптимальный инструмент создания гражданского общества	494
Определение империи	495
Империя неоконсов (benevolent hegemony)	496
Критика «империи» у Негри—Хардта	498
Альтернативы глобальной империи: продление Ялтинского status quo	499
Исламская империя (мировой халифат)	501
ЕС: колеблющаяся империя	503
Российские «пораженцы»	505
Антиимперские сторонники суверенитета России	506
Евразийская империя будущего	508
СНГ — котлован грядущей империи	510
Империя после Цхинвала	512
Дружественные империи — евразийские оси	515
Евразийство как имперская идеология	517
Библиография	520
Abstract	529
Монографии автора	529

Часть 1

Т е о р и я м н о г о п о л я р н о г о м и р а

ГЛАВА 1. МНОГОПОЛЯРНОСТЬ — ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ СМЫСЛОВ

Преамбула

С чисто научной точки зрения, полноценной и законченной Теории Многополярного Мира (ТММ)¹ на сегодняшний день не существует. Ее нельзя отыскать среди классических теорий и парадигм Международных Отношений (МО)². Тщетно мы будем перебирать и новейшие постпозитивистские теории. Не до конца она разработана и в самой гибкой и синтетической области — в сфере геополитических исследований, сплошь и рядом откровенно осмысляющей то, что в Международных Отношениях остается за кадром или трактуется слишком при- страстно.

Тем не менее, все больше трудов, посвященных внешней политике, мировой политике, геополитике и, собственно, Международным Отношениям, посвящается теме многополярности. Все большее число авторов пытается осмыслить и описать

¹ Здесь и далее мы будем использовать аббревиатуру ТММ для обозначения Теории Многополярного Мира.

² Выражение Международные Отношения (МО) мы пишем с большой буквы или в сокращении МО в том случае, если речь идет об особой политологической дисциплине «Международные Отношения», академическая институционализация которой насчитывает около 100 лет. В англоязычной среде этому соответствует International Relations (IR). С маленькой буквы это словосочетание («международные отношения») мы будем писать в тех случаях, когда речь идет собственно об этих отношениях, а не о дисциплине, которая их исследует.

многополярность как модель, явление, прецедент или возможность.

Тематики многополярности, так или иначе, касались в своих работах специалист в МО Дэвид Кампф (в статье «Появление многополярного мира»¹), историк Йельского Университета Пол Кеннеди (в книге «Взлет и падение великих держав»²), геополитик Дэйл Уолтон (в книге «Геополитика и великие державы в XXI веке. Многополярность и революция в стратегической перспективе»³), американский политолог Дилип Хиро (в книге «После империи. Рождение многополярного мира»⁴) и другие. Ближе всего, на наш взгляд, к пониманию сущности многополярности подошел британский специалист в МО Фабио Петито, попытавшийся построить серьезную и обоснованную альтернативу однополярному миру на основе правовых и философских концептов К.Шмитта⁵.

Неоднократно упоминают «многополярное мироустройство» в своих речах и текстах политические деятели и влиятельные журналисты. Так, Госсекретарь Мадлен Олбрайт, вначале называвшая Соединенные Штаты «незаменимой нацией», 2 февраля 2000 г. заявила, что США не хотят «установления и обеспечения соблюдения» однополярного мира и что экономическая интеграция уже создала «определенный

¹ Kampf David. The Emergence of a Multipolar World.// Foreign Policy. Oct. 20, 2009. <http://foreignpolicyblogs.com/2009/10/20/the-emergence-of-a-multipolar-world/>

² Kennedy Paul. The Rise and Fall of the Great Powers. Unwin Hyman, 1988.

³ Walton Dale C. Geopolitic and the great Powers in the Twenty-first Century. Multipolarity and the revolution in the strategic perspective. L;NY:Routledge, 2007.

⁴ Hiro Dilip. After Empire. The birth of a multipolar world. NY:Nation books, 2009.

⁵ Petito Fabio. Dialogue of Civilizations as Global Political Discourse: Some Theoretical Reflections//The Bulletin of the World Public Forum 'Dialogue of Civilizations', vol. 1 no. 2, 21-29. 2004.

мир, который можно даже назвать многополярным». 26 января 2007 г. в редакторской колонке “New York Times” прямо говорилось о *“появлении многополярного мира”* вместе с Китаем, который «занимает отныне параллельное место за столом с другими центрами силы, такими как Брюссель или Токио». 20 ноября 2008 г. в докладе «Глобальные тенденции 2025» Национального совета по разведке США указано, что появление *«глобальной многополярной системы»* следует ожидать в течение двух десятилетий.

С 2009 г. президента США Барака Обаму многие рассматривали как провозвестника «эры многополярности», полагая, что он будет уделять в американской внешней политике приоритет растущим центрам силы, таким как Бразилия, Китай, Индия и Россия. 22 июля 2009 г. вице-президент Джозеф Байден во время посещения Украины заявил: «Мы пытаемся построить многополярный мир».

И, тем не менее, во всех этих книгах, статьях и заявлениях не содержится ни точного определения, что такое многополярный мир (ММ), ни, тем более, какой-то стройной и непротиворечивой теории его построения (ТММ). Чаще всего обращение к «многополярности» подразумевает лишь указание на то, что в настоящее время в процессе глобализации у бесспорного центра и ядра современного мира (США, Европы, и шире, «глобального Запада») на горизонте появляются определенные конкуренты — бурно развивающиеся или просто могущественные региональные державы и блоки держав, принадлежащие ко «Второму» миру. Сравнение потенциалов США и Европы, с одной стороны, и растущих новых центров силы (Китай, Индия, Россия, страны Латинской Америки и т.д.), с другой, все больше убеждает в относительности традиционного превосходства Запада и ставит новые вопросы относительно логики дальнейших процессов, предопределяющих глобальную архитектуру сил в планетарном масштабе — в политике, экономике, энергетике, демографии, культуре и т.д.

Все эти замечания и наблюдения чрезвычайно важны для построения Теории Многополярного Мира, но отнюдь не восполняют собой ее отсутствия. Их следует учитывать при построении такой теории, однако, стоит заметить, что они носят фрагментарный и обрывочный характер, не поднимаясь даже на уровень первичных теоретических концептуальных обобщений.

Но, не смотря на это, обращение к многополярному мироустройству все чаще можно услышать на официальных саммитах, международных конференциях и конгрессах. Ссылки на многополярность наличествуют в целом ряде важных межправительственных соглашений¹ и в текстах концепций Национальной безопасности и оборонной стратегии ряда влиятельных и могущественных стран (Китай, Россия, Иран, отчасти Евросоюз). Поэтому сегодня как никогда актуально сделать шаг к тому, чтобы начать полноценную разработку Теории Многополярного Мира в соответствии с базовыми требованиями академического научного подхода.

Многополярность не совпадает с национальной моделью организации мира по логике Вестфальской системы

Прежде чем приступить к построению Теории Многополярного Мира (ТММ) вплотную, следует строго разграничить исследуемую концептуальную зону. Для этого рассмотрим основные понятия и определим те формы глобального мироустройства, которые точно не являются многополярными и, соответственно, по отношению к которым многополярность является альтернативой.

Начнем с Вестфальской системы, признающей абсолютный суверенитет за государством-нацией и строящей на этом основании все правовое поле Международных Отношений. Эта система, сложившаяся после 1648 года (окончания 30-летней войны в Европе), прошла несколько стадий своего становления,

¹ См. Раздел 2 этой работы.

и в той или иной степени отражала объективную реальность до конца Второй мировой войны. Она родилась из отвержения претензий средневековых Империй на универсализм и «божественную миссию», соответствовала буржуазным реформам в европейских обществах и основывалась на положении, что высшим суверенитетом обладает лишь национальное государство, и вне его нет никакой другой инстанции, которая имела бы юридическое право вмешиваться во внутреннюю политику этого государства — какими бы целями и миссиями (религиозными, политическими или иными) она ни руководствовалась. С середины XVII в. и до середины XX в. этот принцип предопределял европейскую политику и, соответственно, переносился с определенными поправками и на страны остального мира.

Вестфальская система изначально относилась только к европейским державам, а их колонии считались лишь их *продолжением*, не обладающим достаточным политическим и экономическим потенциалом для того, чтобы претендовать на самостоятельную суверенность. С начала XX века в ходе деколонизации тот же самый Вестфальский принцип был распространен и на бывшие колонии.

Эта Вестфальская модель предполагает *юридически полное равенство* между собой всех суверенных государств. В такой модели в мире есть столько полюсов принятия внешнеполитических решений, сколько *суверенных государств*. Это правило (по умолчанию) по инерции действует до сих пор, и на нем строится все международное право.

Но на практике, конечно же, между различными суверенными государствами существует *неравенство* и иерархическая соподчинённость. В Первой и Второй мировых войнах распределение сил между самыми крупными мировыми державами вылилось в противостояние отдельных блоков, где решения принимались в той стране, которая была самой могущественной среди союзников. По результатам Второй мировой войны, вследствие поражения нацистской Германии и стран Оси, в

глобальной системе сложилась двухполярная схема международных отношений, называемая Ялтинской. De jure международное право продолжало признавать абсолютный суверенитет любого национального государства. De facto же основные решения, касающиеся центральных вопросов миропорядка и глобальной политики, принимались *только в двух центрах* — в Вашингтоне и в Москве.

Многополярный мир отличается от классической Вестфальской системы тем, что не признает за отдельным национальным государством, юридически и формально суверенным, *статуса полноценного полюса*. А значит, количество полюсов многополярного мира должно быть существенно меньше, чем количество признанных (и тем более, непризнанных) национальных государств. Подавляющее большинство этих государств не способно сегодня в одиночку обеспечить ни своей безопасности, ни своего процветания перед лицом теоретически возможного конфликта с гегемоном (в роли которого в нашем мире однозначно выступают США). А, следовательно, они являются политически и экономически *зависимыми* от внешней инстанции. Будучи зависимыми, они не могут быть центрами по-настоящему *самостоятельной и суверенной воли* в глобальных вопросах миропорядка.

Многополярность не есть такая система международных отношений, которая настаивает на том, чтобы *юридическое* равноправие национальных государств рассматривалось как *фактическое* положение дел. Это лишь фасад совершенно иной картины мира, основанной на реальном, а не номинальном балансе сил и стратегических потенциалов. Многополярность оперирует с тем положением дел, который существует не столько de jure, сколько de facto, и отталкивается от констатации *принципиального неравенства* между собой национальных государств в современной и эмпирически фиксируемой модели мира. Более того, структура этого неравенства такова, что второстепенные и третьестепенные державы не способны отстоять свой суверенитет перед лицом возможного внешнего

вызова со стороны гегемонистской державы, ни в какой переходящей блоковой конфигурации. А, значит, этот суверенитет является на сегодняшний день *юридической фикцией*.

Многополярность не является двухполярностью

После Второй мировой войны в мире сложилась двухполюсная система, называемая также Ялтинской. Формально она продолжала настаивать на признании абсолютного суверенитета всех государств, и по этому принципу была организована ООН, продолжающая дело Лиги Наций. Однако на практике в мире возникло *два* центра глобального принятия решений — США и СССР. США и СССР представляли собой две альтернативные политэкономические системы: соответственно, глобальный капитализм и глобальный социализм, поэтому стратегическая двухполярность опиралась на идеологический, мировоззренческий дуализм — либерализм против марксизма.

Двухполюсный мир основывался на экономическом и военно-стратегическом *паритете* США и СССР, на симметричной сопоставимости потенциала каждого из противоборствующих лагерей. И в то же время, ни у одной другой страны, относящейся к тому или иному лагерю, не было совокупного могущества, даже отдаленно сравнимого с могуществом Москвы или Вашингтона. Следовательно, в глобальном масштабе существовало *два гегемона*, которые были окружены конstellляцией союзных (полуассальных в стратегическом смысле) стран. В такой модели национальный суверенитет стран, формально признаваемый, постепенно утрачивал свое значение. В первую очередь, любая страна зависела от глобальной политики того гегемона, к зоне влияния которого она относилась. Поэтому она не была самостоятельна, и региональные конфликты (как правило, развертывающиеся в зоне Третьего мира) быстро перерастали *в противостояние двух сверхдержав*, стремящихся перераспределить баланс планетарного влияния на «спорных

территориях». Этим объясняются конфликты в Корее, Вьетнаме, Анголе, Афганистане и т.д.

В двухполюсном мире существовала и *третья сила* — Движение Неприсоединения. Оно включало в себя некоторые страны Третьего мира, отказывавшиеся делать однозначный выбор в пользу либо капитализма, либо социализма, и предпочитавшие лавировать между глобальными антагонистическими интересами США и СССР. До определенной степени некоторым это удавалось, но сама возможность неприсоединения предполагала наличие именно двух полюсов, которые в той или иной степени уравнивали друг друга. При этом сами «неприсоединившиеся страны» ни в коей мере не способны были создать «третий полюс», уступая по основным параметрам сверхдержавам, будучи разрозненными и не консолидированными между собой, не объединенными никакой общей социально-экономической платформой. Весь мир делился на капиталистический Запад (первый мир, the West), социалистический Восток (второй мир) и на «всех остальных» (the Rest, Третий мир), причем «все остальные» представляли собой во всех смыслах *мировую периферию*, где периодически сталкивались между собой интересы сверхдержав. Между самими сверхдержавами в силу паритета конфликт был почти исключен (по причине гарантированного взаимоуничтожения друг друга с помощью ядерного оружия). Преимущественной зоной для частичного пересмотра баланса сил служили страны периферии (Азии, Африки, Латинской Америки).

После краха одного из двух полюсов (СССР распался в 1991 году) двухполярная система рухнула. Это создало предпосылки для появления альтернативного мироустройства. Многие аналитики и специалисты в МО справедливо заговорили о «конце Ялтинской системы»¹. Признавая *de jure* суверенитет, *de facto* Ялтинский мир строился на принципе баланса двух симметричных и относительно равновесных гегемоний. С

¹ Safire William. The End of Yalta//New York Times. July 09, 1997

уходом с исторической арены одной из гегемоний вся система прекратила свое существование. Пришло время *однополярного мироустройства* или «однополярного момента»¹.

Многополярный мир не является двухполярным миром (таким, как мы его знали во второй половине XX века), так как *сегодня в мире не существует ни одной державы, способной в одиночку стратегически противостоять мощи США и стран НАТО*, а кроме того, нет ни одной обобщающей и внятной идеологии, способной сплотить значительную часть человечества в жестком идейном противостоянии идеологии либеральной демократии, капитализма и «прав человека», на которой основывается новая, на сей раз *единоличная*, гегемония США. Ни современная Россия, ни Китай, ни Индия, ни какое-то еще государство, *не может претендовать в данных условиях в одиночку на статус второго полюса*. Восстановление двухполярности невозможно ни по идеологическим соображениям (конец широкой притягательности марксизма), ни по стратегическому потенциалу и накопленным военно-техническим ресурсам (США и страны НАТО за последние 30 лет вырвались вперед настолько, что симметричная конкуренция с ними в военно-стратегической, экономической и технической сферах не под силу ни одной стране).

Многополярность не совместима с однополюсным миром

Распад СССР означал одновременно исчезновение и мощной симметричной сверхдержавы и целого гигантского идеологического лагеря. Это был *конец одной из двух глобальных гегемоний*. Вся структура миропорядка с этого момента необратимо и качественно изменилась. При этом оставшийся полюс — во главе США и на основе либерально-демократической капиталистической идеологии — сохранился как явление и продолжил расширение своей социально-политической системы (демокра-

¹ Krauthammer Ch. The Unipolar Moment// Foreign Affairs. 1990/1991 Winter. Vol. 70, No 1. С. 23-33.

тия, рынок, идеология прав человека) в глобальном масштабе. Это и называется *однополярным миром*, однополюсным мироустройством. В таком мире наличествует *единственный центр притяжения решений по основным глобальным вопросам*. Запад и его ядро, евро-атлантическое сообщество во главе с США, оказались в роли единственной оставшейся в наличии *гегемонии*. Все пространство планеты в таких условиях представляет собой тройное районирование (подробно описанное в неомарксистской теории И.Валлерстайна¹):

- зона ядра («богатый Север», «центр»),
- зона мировой периферии («бедный Юг», «периферия») и
- промежуточная зона («полупериферия», к которой относятся активно развивающиеся по пути капитализма крупные страны: Китай, Индия, Бразилия, некоторые страны Тихоокеанского региона, а также по инерции сохраняющая значительный стратегический, экономический и энергетический потенциал Россия).

Однополярный мир в 90-е годы казался окончательно установившейся реальностью, и некоторые американские аналитики провозгласили на этом основании тезис о «конце истории»² (Ф.Фукуяма). Этот тезис означал, что мир становится полностью *однородным* — идеологически, политически, экономически и социально, и отныне все процессы, в нем протекающие, будут представлять собой не историческую драму, основанную на борьбе идей и интересов, но экономическую (и относительно мирную) конкуренцию хозяйствующих субъектов — аналогичную тому, как строится внутренняя политика свободных демократических либеральных режимов. Демократия становится глобальной. На планете есть только Запад и его окрестности, то есть те страны, которые постепенно в него интегрируются.

¹ Wallerstein I. Geopolitics and geoculture: essays on the changing world-system. Cambridge: Press Syndicate, 1991.

² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004

Наиболее четкое оформление теории однополярности предложили американские неоконсерваторы, которые подчеркивали роль США в новом глобальном мироустройстве, подчас открыто провозглашая США — «новой Империей» (Р.Каплан¹), «благой глобальной гегемонией» (У.Кристол, Р.Кэйган²), и предвидели наступление «американского века» (Project for New American Century³). У неоконсерваторов однополярность приобрела теоретическое обоснование. Будущее мироустройство виделось как американоцентричная конструкция, где в ядре располагаются США в роли глобального арбитра и воплощения принципов «свободы и демократии», и вокруг этого центра структурируется констелляция остальных стран, воспроизводящих американскую модель с разной степенью точности. Они различаются по географии и по степени сходства с США:

- ближний круг — страны Европы и Япония,
- далее бурно развивающиеся либеральные страны Азии,
- затем все остальные.

Все пояса, расположенные вокруг «глобальной Америки» на разных орбитах, включены в процесс «демократизации» и «американизации». Распространение американских ценностей идет параллельно с реализацией практических американских интересов и расширением зоны прямого американского контроля в глобальном масштабе.

На стратегическом уровне однополярность выражается в центральной роли США в блоке НАТО, и далее, в асимметричном превосходстве совокупного военного потенциала стран НАТО над всеми остальными державами мира. Параллельно этому, Запад превосходит другие незападные страны в экономическом потенциале, уровне развития высоких технологий и

¹ Kaplan R.D. Imperial Grunts: On the Ground with the American Military, from Mongolia to the Philippines to Iraq and Beyond. NY: Vintage, 2006.

² Fukuyama Francis. "After Neoconservatism"// The New York Times Magazine. 2006-02-19

³ <http://www.newamericancentury.org/>

т.д. И самое главное: *именно Запад является той матрицей, где исторически сложилась и утвердилась система ценностей и норм, которые сегодня рассматриваются как универсальный эталон для всех остальных стран мира.* Это можно назвать *глобальной интеллектуальной гегемонией*, которая, с одной стороны, обслуживает техническую инфраструктуру глобального контроля, а с другой, стоит в центре доминирующей планетарной парадигмы. Материальная гегемония идет рука об руку с гегемонией духовной, интеллектуальной, когнитивной, культурной, информационной.

В принципе, американская политическая элита руководствуется именно таким осознанно гегемонистским подходом, однако отчетливо и прозрачно об этом говорят неоконсерваторы, тогда как представители иных политических и идейных течений предпочитают более обтекаемые выражения. Даже критики однополярного мира в самих США не ставят под сомнение принцип «универсальности» американских ценностей и стремление к тому, чтобы утвердить их на глобальном уровне. Возражения сосредоточены в сфере того, насколько такой проект реалистичен в среднесрочной и долгосрочной перспективе, и смогут ли США в одиночку нести бремя глобальной мировой империи. Проблемы на пути такой прямой и открытой американской доминации, казавшейся свершившимся фактом в 90-е годы, привели некоторых американских аналитиков (того же Ч. Краутхаммера, который и ввел это понятие) к тому, чтобы говорить о конце «однополярного момента»¹.

Но, несмотря ни на что, именно *однополярность* в тех или иных — явных или завуалированных — формах, является той моделью мироустройства, которая стала *реальностью* после 1991 года и остается таковой вплоть до сегодняшнего дня.

Однополярность на практике соседствует с номинальным сохранением Вестфальской системы и с инерционными

¹ Krauthammer Charles. The Unipolar Moment Revisited//National Interest, volume 70, pages 5-17. Winter 2002.

остатками двухполярного мира. De jure по-прежнему признается суверенитет всех национальных государств, а Совет Безопасности ООН отчасти все еще отражает баланс сил, соответствующий реалиям «холодной войны». Соответственно, американская однополярная гегемония de facto наличествует одновременно с рядом международных институтов, выражающих баланс сил иных эпох и циклов в истории международных отношений. Противоречия между положением дел de facto и de jure постоянно напоминают о себе — в частности, в актах прямой интернации США или западных коалиций в суверенные государства (подчас в обход ветоирования подобных действий Советом Безопасности ООН). В случаях подобных вторжению войск США в Ирак в 2003 мы видим пример и одностороннего нарушения принципа суверенитета независимого государства (игнорирование Вестфальской модели), и отказ учитывать позицию России (В.Путина) в Совете Безопасности ООН, и даже невнимание Вашингтона к протестам европейских партнеров по НАТО (Франции Ж.Ширака и Германии Г.Шредера).

Наиболее последовательные сторонники однополярности (например, республиканец Дж. Маккейн) настаивают на приведении международного порядка в соответствие с реальным балансом сил. Они предлагают создания вместо ООН иную модель — «Лигу Демократий»¹, в которой доминирующие позиции США, то есть однополярность, были бы закреплены *юридически*. Такой проект юридического оформления в структуре международных отношений пост-Ялтинской американской гегемонии, легализация однополярного мира и гегемонистского статуса «американской империи» — одно из возможных направлений эволюции мировой политической системы.

Совершенно очевидно, что многополярное мироустройство не просто отличается от однополярного, но представляет собой его *прямую антитезу*. Однополярность предполагает одну

¹ McCain John. America must be a good role model//Financial Times March 18, 2008.

гегемонию и один центр принятия решений, многополярность настаивает на *нескольких центрах*, притом, что ни один из них не обладает исключительным правом и призван учитывать позиции других. *Многополярность, таким образом, есть прямая логическая альтернатива однополярности.* Между ними не может быть компромисса: по законам логики — *либо мир является однополярным, либо многополярным.* При этом важно не то, как юридически оформлена та или иная модель, а какой она является *de facto*. В эпоху «холодной войны» дипломаты и политики неохотно признавали «двухполярность», которая, тем не менее, была очевидным фактом. Поэтому следует разделять дипломатический язык и конкретную реальность. Однополярный мир — это *фактическое* устройство миропорядка на сегодняшний день. Можно лишь спорить о том, хорошо это или плохо, является ли это рассветом такой системы или, напротив, закатом, продлится ли это долго или, напротив, быстро закончится. Но факт остается фактом. *Мы живем в однополярном мире.* Однополярный момент все еще длится (хотя некоторые аналитики убеждены, что он уже подходит к концу).

Многополярный мир не является бесполярным

Американские критики жесткой однополярности, и особенно идеологические конкуренты неоконсерваторов, сосредоточенные в «Совете Международных Отношений» (Council on Foreign Relations), предложили другой термин вместо однополярности — *бесполярность* (non-polarity)¹. Этот концепт строится на том, что процессы глобализации станут развертываться и дальше, и западная модель мироустройства будет расширять свое присутствие среди всех стран и народов земли. Таким образом, интеллектуальная и ценностная гегемония Запада продолжится. Глобальный мир будет миром либерализма, демократии, свободного рынка и прав человека. Но роль

¹ Haass Richard N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance//Foreign Affairs. May/June 2008.

США как национальной державы и флагмана глобализации будет, согласно сторонникам этой теории, сокращаться. Вместо прямой американской гегемонии начнет складываться модель «мирового правительства», в котором примут участие представители разных стран, солидарных с общими ценностями и стремящихся к установлению единого социально-политического и экономического пространства на территории всей планеты. Снова мы имеем здесь дело с аналогом «конца истории» Ф.Фукуямы, только описанным в иных терминах.

Беспольярный мир будет основан на кооперации демократических (по умолчанию) стран. Но постепенно в процесс становления должны включаться и негосударственные акторы — НПО, общественные движения, отдельные группы граждан, сетевые сообщества и т.д.

Основной практикой в строительстве беспольярного мира является распыление уровня принятия решений от одной инстанции (сегодня это Вашингтон) ко многим инстанциям более низкого уровня — вплоть до планетарных референдумов в онлайн режиме по поводу важнейших событий и действий всего человечества. Экономика вытеснит политику, а рыночная конкуренция сметет все таможенные страновые барьеры. Безопасность превратится из дела государств в дело самих граждан. Наступит эра *глобальной демократии*.

Эта теория в основных чертах совпадает с теорией глобализации и представляется как этап, который должен прийти на смену однополярному миру. Но только при условии, что продвигаемая сегодня США и странами Запада социально-политическая, ценностная, технологическая и экономическая модель (либеральная демократия) станет *универсальным явлением*, и надобность в жесткой защите демократических и либеральных идеалов в лице самих США отпадет — все режимы, сопротивляющиеся Западу, демократизации и американизации к моменту наступления беспольярного мира должны быть ликвидированы. Элита же всех стран должна стать однородной, капиталистической, либеральной и демократической — одним

словом, «западной», независимо от того, каким будет ее историческое, географическое, религиозное и национальное происхождение.

Проект бесполярного мира поддерживает целый ряд очень влиятельных политических и финансовых групп — от Ротшильдов до Дж. Сороса и его фондов.

Этот проект бесполярного мира обращен в будущее. Он мыслится как та глобальная формация, которая должна *прийти на смену* однополярности; как то, что за ней последует. Это не столько альтернатива, сколько *продолжение*. И это продолжение станет возможным только по мере того, как центр тяжести в обществе будет перемещаться от сегодняшнего сочетания альянса двух уровней гегемонии — *материальной* (американский ВПК, западные экономика и ресурсы) и *духовной* (нормативы, процедуры, ценности) — к *чисто интеллектуальной гегемонии*, а значение материальной доминации будет постепенно сокращаться. Это и есть *глобальное информационное общество*, где основные процессы властвования будут разворачиваться в сфере разума, через управление над умами, контроль над сознанием, программированием виртуального мира.

Многополярный мир никак не сочетается с проектом мира бесполярного, так как не принимает ни обоснованности однополярного момента в качестве прелюдии к будущему миропорядку, ни интеллектуальной гегемонии Запада, ни универсальности его ценностей, ни распыления уровня принятия решений на планетарное множество без учета их культурной и цивилизационной принадлежности. Бесполярный мир предполагает, что американская модель плавильного котла будет распространена на весь мир. В результате этого будут стерты все различия между народами и культурами, и индивидуализированное, атомарное человечество превратится в космополитическое «гражданское общество» без границ. Многополярность же считает, что центры принятия решения должны находиться на достаточно высоком уровне (но не в одной инстанции — как это имеет место быть сегодня в условиях однополярного мира),

а культурные особенности каждой конкретной цивилизации — сохраняться и укрепляться (а не растворяться в едином космополитическом множестве).

Многополярность не есть многосторонность

Еще одной моделью миропорядка, несколько дистанцирующей от прямой американской гегемонии, является *многосторонний мир* (multilateralism). Эта концепция очень распространена в США в Демократической партии, именно ее формально придерживается во внешней политике Администрация Президента Б.Обамы. В контексте американских внешнеполитических дебатов этот подход противопоставляется однополярности, на которой настаивают неоконсерваторы.

Многосторонность (multilateralism) означает на практике то, что США не должны действовать в области международных отношений, целиком и полностью полагаясь только на собственные силы и ставя всех своих союзников и «вассалов» в приказной манере перед фактом. Вместо этого Вашингтон должен учитывать позиции партнеров, убеждать и аргументировать свои решения в диалоге с ними, привлекать их на свою сторону с помощью рациональных доводов и, подчас, компромиссных предложений. США в такой ситуации должны быть «первыми среди равных», а не «диктатором среди подчиненных». Это накладывает на внешнюю политику США определенные обязательства перед союзниками по глобальной политике и требует подчинения общей стратегии. Эта общая стратегия в данном случае есть *стратегия Запада по установлению глобальной демократии, рынка и имплементации идеологии прав человека в планетарном масштабе*. Но в этом процессе США, будучи флагманом, не должны прямо отождествлять свои национальные интересы с «универсальными» ценностями западной цивилизации, от имени которой они выступают. В определенных случаях предпочтительней действовать в коалиции, а иногда даже идти партнерам на уступки.

Многосторонность отличается от однополярности тем, что акцент здесь ставится на Западе в целом, и особенно на его «ценностной» (то есть «нормативной») составляющей. В этом апологеты многостороннего подхода сближаются с теми, кто выступают за бесполярный мир. Между многосторонностью и бесполярностью различие состоит только в том, что многосторонность ставит акцент на координации между собой демократических западных стран, а бесполярность включает в качестве акторов и *негосударственные* инстанции — НПО, сети, общественные движения и т.д.

Показательно, что на практике многосторонность политики Обамы, неоднократно озвученная им самим и Госсекретарем США Хилари Клинтон, не многим отличается от прямого и прозрачного империализма эпохи Джорджа Буша-младшего, при котором доминировали неоконсерваторы. Военные интервенции США продолжились (Ливия), американские войска сохраняли свое присутствие в оккупированных Афганистане и Ираке.

Многополярный мир не совпадает с многосторонним миропорядком, так как не согласен с универсализмом западных ценностей и не признает правомочность стран «богатого Севера» — ни в одиночку, ни коллективно — на то, чтобы действовать от лица всего человечества и выступать в качестве, пусть составного, но единственного центра принятия решений по основным наиболее значимым вопросам.

Резюме

Разграничение значения понятия «многополярный мир» с цепочкой рядоположенных или альтернативных терминов очерчивает то смысловое поле, в котором нам предстоит в дальнейшем строить теорию многополярности. До этого момента мы говорили только о том, чем *не является* многополярное мироустройство; сами отрицания и различия позволяют

нам по контрасту выделить ряд конституирующих и вполне *положительных* характеристик.

Если обобщить эту вторую положительную часть, вытекающую из серии проведенных разграничений, получаем приблизительно такую картину.

1. Многополярный мир представляет собой *радикальную альтернативу однополярному миру* (существующему по факту в нынешней ситуации) в том, что настаивает на наличии *нескольких* независимых и суверенных центров принятия глобальных стратегических решений на планетарном уровне.

2. Эти центры должны быть достаточно оснащены и независимы *материально*, чтобы иметь возможность на материальном уровне отстоять свой суверенитет перед лицом прямого вторжения вероятного противника, в качестве образца которого следует брать максимально могущественную на сегодняшний день силу. Это требование сводится к возможности *противостоять материальной и военно-стратегической гегемонии США и стран НАТО*.

3. Эти центры принятия решений не обязаны признавать в качестве *sine qua non* универсализм западных нормативов и ценностей (демократия, либерализм, свободный рынок, парламентаризм, права человека, индивидуализм, космополитизм и т.д.) и могут быть полностью *независимы от духовной гегемонии Запада*.

4. Многополярный мир *не предполагает возврата к двухполюсной системе*, так как сегодня ни стратегически, ни идеологически не существует какой-то одной силы, способной в одиночку противостоять материальной и духовной гегемонии современного Запада и его флагмана — США. Полюсов в многополярном мире должно *быть больше, чем два*.

5. Многополярный мир не рассматривает всерьез суверенитет существующих национальных государств, пока он декларируется на чисто юридическом уровне и не подтвержден наличием достаточного силового, стратегического, экономи-

ческого и политического потенциала. Чтобы быть суверенным субъектом в XXI веке, национального государства более не достаточно. *Реальным суверенитетом может обладать в таких условиях только совокупность, коалиция государств.* Вестфальская система, продолжающая существовать *de jure*, не отражает более реалий системы международных отношений и требует пересмотра.

6. *Многополярность не сводима ни к бесполярности, ни к многосторонности*, так как не помещает центр принятия решений (полюс) ни в инстанцию мирового правительства, ни в клуб США и их демократических союзников («глобальный Запад»), ни на подгосударственный уровень сетей, НПО и иных инстанций гражданского общества. Полюс должен локализовываться *где-то еще*.

Эти 6 пунктов задают камертон дальнейшим разработкам и концентрированно воплощают в себе основные черты многополярности. Однако, это описание хотя и существенно продвигает нас в понимании сути многополярности, еще не является достаточным, чтобы претендовать на теорию. Это первоначальный вывод, с которого полноценное теоретизирование только начинается.

ГЛАВА 2. ОБЗОР ОСНОВНЫХ ТЕОРИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ТММ и классические теории МО

Прежде чем приступить к развертыванию собственно Теории Многополярного Мира, необходимо провести обзор основных теорий Международных Отношений. Без этого мы не сможем точно найти место для этой теории и соотнести ее с существующим научным контекстом. Как мы уже говорили ранее, никакой законченной Теории Многополярного Мира в области МО пока не существует. Поэтому для ее корректной институционализации требуется привлечь обширный материал, относящийся к иным теориям, ставшим к настоящему времени классическими.

Ранее мы определили понятие многополярности, соотнеся его со смежными концептами, с которыми оно сопоставляется или которым противопоставляется. Таким путем мы получили *смысловое пространство*, в границах которого помещается предмет нашего теоретизирования. Понятие многополярности определено.

Теперь следует поступить аналогичным образом с базовыми теориями МО. Кратко описав каждую из них, мы сосредоточимся на их принципиальных расхождениях с Теорией Многополярного Мира, а это задаст нам границы уже не только понятийного поля, но и самой теории.

Теория Многополярного Мира предполагает, что мы ставим перед собой цель, не просто изучить явление многополярности или проект многополярности в рамках той или иной существующей теории МО, но что мы намерены обосновать *новую те-*

орию, исходящую из предпосылок, в корне отличающихся от тех, на которых строятся общепринятые теории. А для этого мы должны сделать их краткий обзор, особо останавливаясь на том, что именно в каждой из них неприемлемо для включения в Теорию Многополярного Мира, а что и с какими поправками, напротив, может быть заимствовано.

Реализм и его пределы

Одной из двух главных парадигм, доминирующих в МО, является *реализм*¹. Реализм имеет несколько разновидностей: начиная с классического реализма Г. Моргентау, Э. Карра и Р. Арона через зрелый реализм Г. Киссинджера к неореализму К. Уотлца, С. Уолта или Р. Джилпина².

Основные постулаты реализма таковы:

- главным актором международных отношений являются *национальные государства*;
- суверенитет национальных государств предполагает *отсутствие какой бы то ни было нормативной инстанции, превышающей границы государства*;
- в силу этого между отдельными странами в структуре международных отношений существует *анархия* (хаос);
- поведение государства на международной арене подчиняется логике максимального обеспечения *национальных интересов* (подлежащих рациональному исчислению в каждой конкретной ситуации);
- *руководство суверенного государства* является единственной инстанцией, компетентной для ведения внешней политики, ее осмысления и ее осуществления (простые граждане, λ-индивидуумы, по определению не

¹ Jackson R., Sorensen G. Introduction to International Relations. Oxford Univeristy Press, 2010. Reus-Smit Ch., Snidal D. The Oxford Handbook of International Relations. Oxford University Press, 2008.

² Donneli J. Realism and IR. Cambridge:Cambridge University Press, 2000.

обладают компетенцией для суждения о сфере международных отношений и не способны влиять на протекающие в ней процессы);

- *безопасность* государства перед лицом потенциальной внешней угрозы или конкуренции является *главной задачей* политического руководства страны в международных отношениях;
- все государства находятся друг с другом в состоянии *потенциальной войны* за эгоистические интересы (эта война из потенциальной становится реальной лишь в определенных ситуациях критически возросшего конфликта интересов);
- природа государств и природа человеческого общества остается *неизменной* независимо ни от каких исторических перемен и не склонна изменяться в будущем;
- *фактическая* сторона процессов в международных отношениях *важнее* *нормативной* стороны;
- последним уровнем объяснения структур международных отношений и событий, совершающихся в этих структурах, является выявление объективных фактов и закономерностей, имеющих *материально-рациональную* основу¹.

Реализм в МО отличается тем, что воспринимает Вестфальскую систему как *универсальный закон*, существовавший и на ранних исторических этапах, но осознанный и принятый большинством развитых европейских держав только начиная с XVII века. В основе реалистского подхода лежит *абсолютизация принципа суверенитета* национального государства и приоритетное значение *национальных интересов*. При этом реалисты со скепсисом воспринимают любые попытки создать международные правовые и иные институты, претендующие на регулирование процессов в международных отношениях

¹ Batistella D. Theories des relations internationales. P: Presse de Sciences Po, 2003.

на основании нормативов и ценностей, имеющих интернациональный (сверхнациональный) характер. Любое намерение ограничить суверенитет национальных государств рассматривается реалистами как «идеализм» (Э. Карр) и «романтизм» (К. Шмитт).

Реалисты убеждены, что любое объединение или, напротив, распад традиционных государств, приводит только к появлению новых национальных государств, обреченных на то, чтобы на большем или меньшем уровне воспроизводить одну и ту же постоянную схему, подчиненную неизменным принципам суверенитета, национальных интересов, а государство при любых условиях остается единственным полноценным актором международных отношений.

Один из основателей классического реализма Ганс Моргентау выделял 5 основных принципов и постулатов этой школы:

1. Обществом управляют *объективные* законы, а не пожелания.
2. Главное в международных отношениях — интерес, определяемый в терминах силы, могущества (power).
3. Интересы государств меняются.
4. Необходим отказ от морали в политике.
5. Главный вопрос международных отношений: как данная политика влияет на интересы и могущество нации?¹

Выявление этих 5 областей и анализ того, каким образом на эти вопросы даны ответы и как эффективно это воплощено в жизнь, и составляет содержание дисциплины МО, как ее понимают реалисты.

Классический реализм исчерпывается набором этих отправных точек, которые он защищает и обосновывает перед лицом своих главных идейных противников (либералов в МО).

Неореализм качественно усложняет эту схему, привнося в нее представление о «структуре»² международных отношений

¹ Batistella D. Theories des relations internationales. Op. cit.

² Waltz K. Theory of International Politics. McGraw Hill. NY: 1979.

(К. Уолтц). Вместо хаоса и анархии (как в классическом реализме) область международных отношений становится полем постоянно меняющегося баланса сил (*the balance of powers*¹), чей совокупный, но разнонаправленный потенциал удерживает всю мировую систему в одном и том же положении или, в отдельных случаях, провоцирует ее изменения. Таким образом, суверенитет и его объем, а, следовательно, способность реализовать в той или иной степени национальные интересы, зависит не только от самого государства и от его непосредственных противников и конкурентов в каждом отдельном случае, но от *всей структуры глобального баланса сил*. И эта структура, по мнению неореалистов, активно влияет на содержание и объем национального суверенитета, и даже на формулировку национальных интересов. Классические реалисты начинают свой анализ с государства-индивидуума. Неореалисты — с глобальной структуры, состоящей из государств-индивидуумов и влияющей на их профиль. При этом, как и классические реалисты, неореалисты исходят из того, что главным принципом политики страны в системе международных отношений является принцип «опоры на собственные силы» (*self-help*).

Неореалисты в 60-70-е годы теоретически обосновали двухполярный мир как образцовое издание структуры международных отношений, основанной на равновесии двух гегемоний (американской и советской)². Именно сама эта структура, а не интересы отдельных национальных государств, в таком случае, предопределили содержание всей внешней политики стран мира. Сам подсчет национальных интересов (и, соответственно, шаги по их реализации) начинался с анализа двухполярности, локализации каждой конкретной страны на карте этого двухполярного пространства, с соответствующим геопо-

¹ Waltz K. *Man, the State, and War*. Columbia University Press. New York: 1959.

² Waltz K. *The Spread of Nuclear Weapons: A Debate Renewed*. W. W. Norton & Company. New York: 1995.

литическим, экономическим, идеологическим и политическим знаком.

Когда в 1991 году двухполярный мир рухнул (чего неореалисты не ожидали и не прогнозировали, будучи убежденными в устойчивости двухполярной структуры), ряд представителей этой школы (в частности, Р. Джилпин¹, С.Уолт² и М. Руперт³) обосновали новую модель глобальной структуры, соответствующей однополярному миру. Вместо двух гегемоний пришел черед *одной единственной американской гегемонии*, отныне предопределяющей структуру международных отношений в глобальном масштабе. Но и в этом случае неореалисты убеждены — в центре всей системы стоят *национальные интересы*. В условиях однополярного мира это национальные интересы *одной* страны — США, которая находится в центре глобальной гегемонии и является ее источником. Остальные страны вписываются в эту асимметричную картину, соотнося свои национальные интересы в региональном масштабе с ее глобальной структурой.

В политике к реализму в МО тяготеют, как правило, представители правоконсервативных партий (республиканцы в США, тори в Великобритании и т.д.).

Надо заметить, что реализм *является одной из двух самых популярных в США парадигм* в оценке и расшифровке событий и процессов, проходящих в международной политике.

Реалистская парадигма не делает выбора между Вестфальским миром на основе суверенитета многих национальных государств, двухполярностью или однополярностью. Разные приверженцы реалистского подхода могут придерживаться в этом

¹ Gilpin R. Global Political Economy: Understanding the International Economic Order. NY, 2001.

² Walt S. Taming American Power: The Global Response to U.S. Primacy. W.W. Norton, 2005; Idem. American Hegemony: Its Prospects and Pitfalls// Naval War College Review, Spring 2002.

³ Rupert M. Producing Hegemony: The Politics of Mass Production and American Global Power. Cambridge: Cambridge University Press. 1995

вопросе различных мнений. Но всех их объединяет совокупность ранее приведенных аксиоматических истин и вера в то, что при любых соотношениях потенциала национальных государств друг с другом, именно национальные государства (одно, два или много) выступают как главные и высшие акторы в области международных отношений, а, соответственно, суверенитет, национальные интересы, безопасность и оборона являются главными критериями при анализе любых проблем, связанных с МО.

Реалисты никогда не выходят в своих теориях за пределы национального государства или нескольких национальных государств, так как это противоречило бы их базовой установке. Поэтому реалисты всегда скептически относятся ко всем международным инстанциям и процессам, претендующим на ограничение национального суверенитета или организации наднациональных инстанций и институтов. Никакой конкретной политической реальности в международной сфере за наднациональными (равно как и внутринациональными) структурами реалисты не признают. Внешняя политика есть целиком и полностью область компетенции легального политического руководства национальных государств. Никакого значения международные инстанции или позиции отдельных сегментов внутри национального государства не имеют и могут быть дисконтированы (вложены как составляющие в простой и конкретный факт принятия политических решений властными инстанциями, уполномоченными легально заниматься внешней политикой — как правило, это президент, премьер-министр, правительство, парламент и т.д.).

Соответственно, реалисты скептически относятся к глобализации, интернационализации и экономической интеграции и постоянно полемизируют с теми, кто, напротив, приоритетно обращают внимание именно на эти вопросы.

Либерализм в МО

Главными оппонентами реалистов в МО были и остаются *либералы*. При этом либеральная парадигма разделяет с парадигмой реалистов ряд базовых установок. Так же как и реалисты, либералы рассматривают преимущественно современные западные государства, принимая их за универсальный образец, с которым оперирует их теоретическая мысль. Вместе с тем, либералы отличаются от реалистов по целому ряду принципиальных позиций.

В первую очередь, в отличие от реалистов, либералы убеждены, что природа человека, а, соответственно, человеческого общества и его политического выражения в форме государства, подвержена качественному изменению (предполагается, что в лучшую сторону). Из этого вытекает, что политические формы общества могут эволюционировать и в какой-то момент выйти за границы государства, национального эгоизма и индивидуализма. А это, в свою очередь, означает, что можно допустить при определенных обстоятельствах кооперацию, сотрудничество и интеграцию между разными государствами на основе «моральных» идеалов и общих ценностей.

В своих философских основаниях либералы вдохновляются идеями Дж. Локка о нейтральности человеческой природы, поддающейся улучшению через воспитание, тогда как реалисты исходят из концепций Т. Гоббса о том, что по своей природе человек эгоистичен, агрессивен и зол (откуда его известная максима «*homo homini lupus*»).

В отличие от реалистов, которые рассматривали государства как главных акторов процессов, протекающих в сфере международных отношений, независимо от того или иного политического режима, устройства и идеологических особенностей, либералы, напротив, ставили в центре внимания вопрос: о каком политическом режиме в том или ином государстве идет речь, и, исходя из того, является этот режим либеральным и демократическим или нет, разворачивали свои концепции МО.

Решающим был фактор — является ли то или иное государство демократическим (это включает в себя парламентаризм, рынок, свободу прессы, разделение властей, выборы и т.д.) или нет. Для сторонников либеральной парадигмы отношения демократических стран друг с другом предполагают совершенно иную структуру взаимодействий, нежели недемократических между собой или демократической страны с недемократической. Либералы уверены, что развитая демократия во *внутренней* политике радикально влияет и на *внешнюю* политику государства.

Вся теория либералов в МО строится вокруг важнейшего утверждения: *«демократии друг с другом не воюют»*. Это значит, что демократические режимы относятся друг к другу так же, как их граждане внутри самой страны: вместо агрессии, принуждения, насилия, иерархии и т.д. отношения основываются на мирной конкуренции, признании приоритета права, рационализации взаимодействий и процедур. Демократия может быть повторена и на уровне МО, утверждают либералы, а, следовательно, вся область МО есть не просто борьба всех против всех и следование слепому эгоизму, но т.н. «анархия Локка» (или «анархия Канта» — по выражению А.Вендта), то есть мирное и открытое партнерство между собой различных стран — даже в том случае, если их национальные интересы входят в противоречие (в отличие от «анархии Гоббса», которая предполагает, что «государство государству — волк» — в незыблемости чего убеждены реалисты). На этой демократической платформе можно создать и транснациональные структуры¹, которые смогут преобразовать хаос в систему.

Ранние либералы (какими являлись английский политик Р. Кобден,² президент США В. Вильсон или пацифист Н. Эн-

¹ Woolf Leonard. International Government. London: Allen & Unwin, 1916.

² Cobden R. Political writings. 2 vol. London: Fisher Unwin, 1903

желл¹⁾ в основных своих постулатах противостоят реалистам в том, что для них политический режим (конкретно: демократия или недемократия) имеет решающее значение при анализе международных отношений. Если страны являются демократическими, то совокупность этих стран неуклонно эволюционирует, движется в сторону создания наднациональной системы и появления особых надгосударственных институтов. По мере демократизации других стран они также будут включаться в эти институты. Поэтому принцип национального эгоизма и «опоры на собственные силы» (self-help) способен быть преодоленным в ходе демократизации, что может стать основой гражданского мира и интеграции различных обществ, пока еще разделенных национальными границами, в единое демократическое гражданское общество.

Либералы в МО оспаривают основные тезисы реалистов. Для либералов:

- национальные государства являются важным, *но не единственным*, и в определенных ситуациях не главным актором международных отношений;
- может существовать определенная *наднациональная инстанция*, чьи полномочия будут стоять над суверенитетом национальных государств;
- *анархия* в международных отношениях может быть если не ликвидирована, то *гармонизирована*, умиротворена и смодерирована;
- поведение государств на международной арене подчиняется не только логике максимального обеспечения национальных интересов, но и *универсальным ценностям*, признаваемым всеми сторонами (если страны — демократии);
- руководство государства является *не единственной инстанцией*, компетентной для ведения внешней политики, ее осмысления и ее осуществления (простые граждане

¹ Angell N. The Great Illusion - a Study of the Relation of Military Power to National Advantage. London: Heinemann, 1910.

в развитых демократических обществах могут быть не λ -индивидуумами, но «искусными индивидуумами», по выражению Дж. Розенау¹, и в таком случае могут адекватно понимать протекающие в зоне международных отношений процессы и даже частично влиять на них);

- безопасность государства перед лицом потенциальной внешней угрозы является задачей всего общества, и самым прямым путем к достижению ее является *демократизация всех стран мира* (так как «демократии друг с другом не воюют», и ищут способа мирно решать трения и противоречия на основе компромисса);
- демократические государства находятся друг с другом в состоянии относительно устойчивого и *гарантированного мира*, и угроза войны исходит только от недемократических государств и иных акторов мировой политики (например, международного терроризма);
- природа государств и природа человеческого общества постоянно меняется, *улучшается* и совершенствуется, количество свобод возрастает, процессы демократизации крепнут, уровень толерантности и гражданской ответственности растет (это дает надежды на эволюцию всей мировой политической системы и постепенному отказу от жестко иерархических структур и милитаризации области международных отношений);
- фактическая сторона процессов не должна затмевать в МО *нормативной стороны* (сила идеала, норматива и ценности подчас не менее существенна, чем сила материальных технологий и ресурсов);
- последним уровнем объяснения структур международных отношений и событий, совершающихся в этих структурах, является выявление наряду с объективными фактами и закономерностями, имеющими матери-

¹ Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, 1990.

ально-рациональную основу, *нормативно-идеалистических мотиваций и ценностных факторов*.

Как мы видим, сторонники либеральной парадигмы в МО во всем противоположны представителям реализма. Спор между ними и составляет основное содержание развития МО как научной дисциплины.

Развитием классической либеральной парадигмы является неолиберализм (иногда его определяют как самостоятельную парадигму в МО — «транснационализм»). Неолибералы (М. Дойл¹, Дж. Розенау², Дж. Най³, Р.Киохейн⁴ и т.д.) основное внимание уделяют процессам глобализации, становлению единого экономического, информационного, культурного и социального пространства, а также распространению западных демократических ценностей во всех странах мира и углубленному внедрению их в социальные структуры и общественную жизнь. В явлении глобализации неолибералы видят наглядное подтверждение правоты своей парадигмы, утверждающей необходимость создания наднациональных структур — вплоть до мирового правительства. Неолибералы подчеркивают, что наряду с государствами в современном мире все большим значением начинают обладать НПО, сетевые и общественные структуры (движение за права человека, «врачи без границ», международные наблюдатели на выборах, Green Peace и т.д.), которые оказывают растущее влияние на процессы внешней политики государств.

Классическую неолиберальную теорию (теория взаимозависимости) разработали американские политологи Дж. Най и

¹ Doyle M. Liberalism and World Politics//American Political Science Review, 80(4), 1151-1169 1986.

² Rosenau J. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, 1990.

³ Nye Jr., Joseph S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990.

⁴ Keohane Robert O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy, Princeton, 1984

Р. Киохэйи¹. Согласно этой теории, эпоха национальных государств как главных акторов международных отношений ушла в прошлое, и сегодня суверенные государства являются лишь одной из активных единиц наряду с отраслевыми (внутригосударственными) структурами и различными социальными группами, получающими все более широкий доступ в сферу международных отношений, и наращивающими свою активность на транснациональном уровне. Именно Дж. Най ввел в оборот термин «soft power», «мягкая сила», чтобы подчеркнуть значение фактора идей, норм и интеллектуальных методологий для успеха глобализации и демократизации в планетарном масштабе². Реалисты чаще всего выступают как сторонники «hard power», «твердой силы». Либералы же делают акцент на более тонких, сетевых инструментах влияния.

Такие явления как создание Евросоюза, учреждение Страсбургского суда по правам человека и Гаагского трибунала, по мнению неолибералов, представляют собой прообраз будущего мироустройства, где возникнут инстанции, чья компетенция будет выше национальных государств. Функции самих государств постепенно станут сокращаться, пока они, в конце концов, вообще не будут упразднены.

Либеральная парадигма в МО является чрезвычайно распространенной и наряду с реализмом составляет одну из двух главных моделей интерпретации, анализа и прогнозирования процессов, протекающих в области международных отношений. В политической сфере к либеральной парадигме традиционно тяготеют представители левоцентристских и демократических партий, тогда как реалистами чаще всего являются консерваторы, изоляционисты и патриотические силы. В американской политике либеральная парадигма характерна для большинства представителей Демократической партии, склон-

¹ Keohane Robert O., Nye Joseph S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company, 1977.

² Nye Joseph S. Jr. Soft Power: The Means To Success In World Politics. PublicAffairs, 2004.

ных к таким моделям внешней политики, как беспоплярность и многосторонний подход (мультилатерализм).

Начиная с 90-х годов XX века, либеральный и неолиберальный подход становится все более популярным и в европейских странах, чему способствует интенсивное становление Евросоюза, представляющего собой наглядный образец того, как либеральные концепции транснационализма могут быть воплощены в жизнь. Хотя традиционно силен в европейских странах и реалистский подход («суверенизм»), представители которого относятся к евроинтеграции с определенной долей скепсиса.

Если мы ограничим наше рассмотрение только сферой Realpolitik, конкретной политики, мы заметим, что подавляющее большинство дискуссий на тему МО, развертывающихся среди высокопоставленных политиков на престижных международных форумах и в широких средствах массовой информации, исчерпываются почти ритуальными столкновениями реалистов и либералов. Представители иных парадигм на этом уровне практически отсутствуют, либо получают право голоса крайне редко. Сходным образом дело обстояло до 70-х годов XX века и в научной среде западного мира, где дебаты между реалистами и либералами составляли основное содержание теоретических докладов и дискуссий. Однако с конца 60-х-начала 70-х гг. XX века в теоретической области МО все большую популярность завоевывали иные, альтернативные подходы. Чаше всего оставаясь в пределах научных дискуссий и не выходя на широкую публику, эти альтернативные парадигмы, тем не менее, все больше влияли на теории МО, и в современных учебниках по этой дисциплине им с каждым годом отводится все больше места. Параллельно этому и в научных дискуссиях они становятся все более заметными. Таким образом, для того, чтобы основательно подойти к построению Теории Многополярного Мира необходимо рассмотреть и эти альтернативные парадигмы.

Английская школа в МО

Особое положение среди теорий МО занимает *Английская школа*. Чаще всего ее не выделяют в отдельную парадигму, так как, обладая рядом общих черт с реализмом и либерализмом, она представляет собой оригинальное сочетание элементов, свойственных обоим этим подходам. Тем не менее, ее нельзя считать и синтезом обоих школ в МО, так как по ряду вопросов её представители придерживаются довольно оригинальных позиций, не сводимых ни к либерализму, ни к реализму.

Основанная австралийцем Хэдли Буллом¹ эта школа отличается повышенным вниманием к *социологическому анализу* всей сферы МО. Булл и его коллеги и последователи (М. Уайт², Дж. Винсент³ и т.д.) вводят понятие «мировое общество» или «мировая система», чтобы подчеркнуть, что отдельные государства (признаваемые представителями Английской школы в качестве главных приоритетных акторов в области международных отношений), взятые все вместе, представляют собой не просто механический агломерат эгоистически мотивированных индивидумов, действующих исключительно в частных интересах (как настаивают реалисты), но «общество», *социальную систему*, заведомо предопределяющую социологическое и, отчасти, политическое *содержание* поступков акторов и международных событий: подобно тому, как общество распределяет социальные статусы и роли среди своих членов, наделяя каждый элемент их социальным смыслом. Поэтому, по мнению представителей Английской школы, для того, чтобы национальное государство было *суверенным*, в качестве необходимого условия требуется его *признание* таковым от лица других суверенных государств,

¹ Bull H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. New York: Columbia University Press, 1977.

² Wight Martin. Systems of States. Leicester: Leicester University Press, 1977.

³ Vincent R. J. Human Rights and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

и одновременно взаимное признание ими друг друга. Поэтому суверенитет есть не только свойство государства, автономно присущее ему, но одновременно и продукт *социального контракта* на международном уровне.

А это значит, что хаос и анархия в международной сфере являются *относительными* и представляют собой особый тип системы, поддающейся рациональному изучению и намеренному изменению.

Этот момент релятивизации хаоса в международной среде отчасти сближает представителей Английской школы с классическими либералами. Более того, сходство есть и с некоторыми неолиберальными теориями, настаивающими на расширении номенклатуры акторов в МО. Однако, вместе с тем, теоретики Английской школы согласны с реалистами в оценке значения фактора гегемонии в общей модели международных отношений и строят свой анализ на оценке реального силового потенциала великих держав как ключевого и предопределяющего параметра всей системы международных отношений, что, в свою очередь, сближает их именно с реалистами.

Эта неопределенность в классификации не исчезла со временем, и до настоящего момента тот или иной специалист в МО предлагает свое толкование роли и места Английской школы среди основных парадигм в МО, то настаивая, что ее сторонники являются «идеалистами эпохи холодной войны» (Дж. Мизрхеймер¹), то возвращаясь к более привычному причислению ее к одной из разновидностей реализма.

Акцент на социологической составляющей анализа МО характерен для теорий Р. Арона, которого, тем не менее, однозначно и безоговорочно относят к реалистам.

Английская школа оказала существенное влияние и на некоторые постпозитивистские теории МО, которые мы кратко

¹ Mearsheimer John J. E. H. Carr vs. Idealism: The Battle Rages On// International Relations, Vol. 19, No. 2.

рассмотрим далее. В частности, в ее лоне сформировалось направление исторической социологии и нормативизма.

Неомарксизм (третья парадигма)

Третьей по популярности парадигмой МО (после реализма и либерализма) является *неомарксизм*. Эта модель анализа МО основана на антикапиталистическом и антибуржуазном подходе, берущем свое начало в марксизме, и одно это обстоятельство объясняет тот факт, почему она исключена из официального политического дискурса, преобладающего в капиталистических странах. Здесь существует явный когнитивный диссонанс между аксиоматикой либерал-капитализма (национального у реалистов или транснационального у либералов) и марксизма в самих базовых философских подходах к оценке современного общества и основных политических, экономических и социальных процессов, в нем разворачивающихся. В то же время неомарксизм в МО обладает очень высокой степенью проработанности своих концепций и теорий, он основан на научно-рациональном дискурсе и поэтому наделен высокой степенью научной релевантности безотносительно к тому, рассматриваются ли его аналитические методологии самими марксистами или сторонниками буржуазной идеологии. Неомарксизм в МО может теоретически быть задействован в идеологически нейтральном контексте, в том числе и для осмысления структуры МО с позиций либерального правящего класса.

На сегодняшний день классическим образцом неомарксистской модели МО можно считать теорию мир-системы И. Валлерстайна¹.

С точки зрения Валлерстайна, капиталистическая система изначально складывалась как явление глобальное. Деление европейских стран на национальные государства было лишь переходной стадией. На всех уровнях и на всех этапах буржу-

¹ Wallerstein I. Geopolitics and geoculture: essays on the changing world-system. Cambridge: Press Syndicate, 1991.

азный класс тяготеет к тому, чтобы интегрироваться в единое целое по ту сторону национальных границ, стягиваясь в ядро интернациональной буржуазии. К этому его подталкивала сама логика капитала, принцип свободной торговли и поиск все новых и новых рынков. Капитализм транснационален изначально и сущностно. Поэтому в нашем мире глобализация и ослабление границ между государствами не является чем-то уникальным, но лишь окончательно оформляет на планетарном уровне ту пространственную структуру, которая изначально присуща капиталистической системе¹.

Буржуазный класс есть глобальный класс, и в наше время этот класс получает пространственно-географическую локализацию в лице «богатого Севера» (иначе — «глобального Запада» или «ядра» мир-системы)². Центром мировой буржуазии становится Запад в широком смысле, там концентрируются капиталы, высокие технологии; там сосредоточены экономические бенефициары основных макроэкономических процессов, развертывающихся в мировой экономике; там же, логически, концентрируется и глобальная политическая власть. Тот факт, что национальные государства и соответствующие администрации продолжают существовать, никак не влияет на сущность функционирования мир-системы: основные решения в международных отношениях принимают не правительства и государства, а *мировая космополитическая капиталистическая элита*, состоящая из представителей самых разных народов — от классических американских финансистов и европейских промышленников до нефтяных шейхов, новых русских олигархов или нуворишей Третьего мира. Это и есть «ядро», остов мирового правительства.

¹ Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, North Carolina: Duke University Press. 2004:

² Wallerstein I. The End of the World As We Know It: Social Science for the Twenty-first Century. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

На противоположном конце мир-системы, в зоне мировой периферии, в странах Третьего мира, сосредоточен *глобальный пролетариат*. Это обездоленные слои населения бедных стран, живущие в крайней нищете и несправедливости. Мировая периферия представляет собой пространственную локализацию мирового пролетариата, «обездоленных мира сего». На них влияние *национальных* и региональных политических структур пока еще довольно сильно, и в отличие от мировой буржуазии, включая ее региональных представителей, они еще очень слабо осознают свою классовую природу, и, соответственно, необходимость классовой солидарности. Но по мере оформления глобализации в *правовую* модель мироустройства, все большие слои мирового пролетариата оказываются вовлеченными в миграционные процессы. Под давлением материальных факторов они вынуждены перемещаться в новые пространства и смешиваться с пролетарскими слоями других этнических и национальных групп. В ходе этой миграционной интернационализации мировой пролетариат Третьего мира начинает осознавать свою историческую роль *революционного класса будущего*¹. В более развитых странах в состав пролетариата интегрируются представители низших слоев более развитых обществ, принося с собой в пролетарскую среду более высокий уровень исторической и социальной саморефлексии. Так, в глобальном масштабе в мир-системе постепенно складываются предпосылки для мировой революции, которая станет возможной на следующих, завершающих стадиях глобализации, когда мировая капиталистическая система, дойдя до естественных природных и географических границ своей экспансии, войдет в череду потрясающих ее основание системных экономических, финансовых и политических кризисов и рухнет².

¹ Wallerstein I. *After Liberalism*. New York: New Press, 1995.

² Wallerstein I. *Utopistics: Or, Historical Choices of the Twenty-first Century*. New York: New Press, 1998.

Еще одной важной составляющей глобальной структуры в неомарксистской теории являются страны *полупериферии*. К ним относятся некоторые крупные державы, обладающие неизмеримо бóльшим потенциалом, чем общества Третьего мира, но все же по основным критериям уступающие в развитии региону «богатого Севера». Типичными образцами таких стран полупериферии являются страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка). В этих странах сосредоточен огромный экономический, ресурсный, военно-технологический и демографический потенциал. Но при этом страны полупериферии зависят от Запада в отношении технологий, патентов, самой логистики организации общества и экономики на самых разных уровнях — от политического и социального до правового и культурного. Страны полупериферии образуют своего рода «второй мир». В нем буржуазия еще не столь полно интегрировалась в мировой планетарный класс, а пролетарские массы не находятся в таком нищенском положении как в странах Третьего мира. С точки зрения Валлерстайна, полупериферия — это не альтернатива глобальному капитализму, но временное явление. Под воздействием процессов глобализации странам полупериферии придется, так или иначе, пойти вслед за странами «богатого Севера». А это значит, что буржуазная элита рано или поздно интегрируется в глобальный класс и мировое правительство, а процессы миграции приведут к смешению местного пролетариата с потоком из стран Третьего мира, что приведет к интернационализации пролетариата. В результате страны полупериферии развалятся, и их сегменты будут полностью интегрированы в мир-систему на классовой основе: буржуазия вольется в «глобальный Запад», а низшие классы рухнут в столь же космополитическую массу мигрантов, стремительно утрачивая национальные и культурные отличительные черты. После распада полупериферии мир-система станет совершенной и законченной. Но в тот момент, когда произойдет ее окончательный кризис и она рухнет, согласно неомарк-

систам, в ходе глобальной пролетарской революции к власти в мировом масштабе придет интернациональный пролетариат¹.

Такой анализ мир-системы настолько точно описывает и интерпретирует определенные процессы, протекающие в современном мире, что даже в чисто прагматических целях на него все чаще и чаще опираются специалисты в МО или просто привлекают его для анализа тех или иных отдельных явлений. В сфере научных теоретических исследований этот подход, начиная с 60-х гг., прочно завоевал себе достойное место наряду с реализмом и либерализмом, и сегодня в учебниках по этой дисциплине описывается как *третья парадигма в МО*, необходимая для изучения всем специалистам в данной сфере. Хотя, как мы уже говорили, из политических дебатов или деклараций политиков и экспертов, обращенных к широкой публике, апелляции к этому типу анализа почти полностью исключены.

Следует добавить, что с позиции Валлерстайна глобализация есть зло, но *необходимое* зло. Точно так же для самого Маркса капитализм был злом, с которым надо бороться, но при этом, в сравнении с сословным феодальным обществом, он рассматривался как прогрессивное и передовое явление. Аналогично дело обстоит и в неомарксизме: его сторонники называют себя «антиглобалистами» постольку, поскольку они прекрасно осознают буржуазную сущность этого процесса и занимают свою идеологическую позицию *по ту сторону* от глобального буржуазного класса, являющегося движущей силой глобализации. Но при этом они считают глобализацию неизбежной и исторически, технологически и материалистически *предопределенной*, и даже «передовой» и «прогрессивной» — в сравнении с национальными государствами или странами «полупериферии». *Мировая пролетарская революция возможна только после победы глобализма, а никак не до нее*, убеждены современные неомарксисты. И чтобы подчеркнуть это, они предпочитают называть себя «альтерглобалистами», т.е. «альтернативными глобалиста-

¹ Wallerstein I. After Liberalism. New York: New Press, 1995

ми». Они выступают не столько против глобализации, сколько против мировой буржуазной элиты, а сопровождающая глобализацию интернационализация мирового пролетариата как неизбежный коррелят глобализации как таковой, напротив, является для них *положительным* процессом. С этим связано и нежелание альтерглобалистов принимать в свои ряды те силы, которые выступают столь же радикально против глобализации и глобализма, но с позиции сохранения национального суверенитета или конфессиональной идентичности. Национальные государства на пространстве всех трех зон мир-системы должны быть упразднены, считают альтерглобалисты. И в этом они повторяют критику Марксом антибуржуазных движений феодальной или клерикальной ориентации: выяснению того, что отличает коммунистов от некоммунистических, но тоже *антибуржуазных* течений, посвящена большая часть Манифеста Коммунистической Партии¹. Точно так же, современные альтерглобалисты, будучи врагами мировой буржуазии, частично *солидарны* с ней исторически — перед лицом тех «антиглобалистских» сил, которые считаются неомарксистами «реакционными». Без глобальной победы и завершившейся интернационализации планетарного мирового класса и установления мирового правительства невозможна пролетарская революция, убеждены они. Этим определяется подход сторонников этой парадигмы МО к буржуазной глобализации как к исторически неизбежному и даже необходимому процессу. Пока не произойдет полной интернационализации буржуазного класса в глобальном масштабе, мировой пролетариат не станет в свою очередь интернациональной и глобальной силой, не сможет осознать по-настоящему своего исторического всемирного предназначения. А это невозможно без интенсивной глобальной миграции и расового и культурного смешения обездоленных масс всего мира — с параллельной утратой этни-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической Партии/Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419—459.

ческой, культурной, конфессиональной и национальной идентичности всем человечеством. *Глобальная космополитическая буржуазия должна столкнуться с глобальным космополитическим пролетариатом — только так можно осуществить настоящую пролетарскую революцию*, считают неомарксисты.

В этом легко различить их преемственность троцкистской версии марксизма, к которой неомарксисты подчас открыто апеллируют. Троцкий критиковал сталинский режим как раз за теорию возможности построения социализма в одной стране, выдвинутую Сталиным в 1924 году¹. Как и Ленин, Троцкий считал, что победа пролетарской революции в одной стране возможна, но затем должна начаться мировая революция. Если же она не начинается, то социализм вырождается в бюрократию и только препятствует настоящей мировой революции, а не способствует ей. В этом и заключался смысл троцкистской критики сталинской системы. На основании этой же логики строят свои теории и немарксисты в МО, настаивающие на том, что пролетарская революция может быть только радикально интернациональной и глобальной, то есть мировой. Любая попытка построить социализм в одной стране (или в нескольких) поместит классовые противоречия в национальный контекст и замедлит, а не ускорит искомый момент истории. Отсюда вытекает и отношение неомарксистов к «полупериферии». То, что в этих странах интернационализация на классовой основе замедляется и отчасти искусственно блокируется национальной политикой властей, лишь затормаживает *эксплицитное* оформление *имплицитной* глобальности мир-системы, а, следовательно, это ведет лишь к замедлению исторического процесса и бессодержательной самой по себе задержке.

Довольно подробно это обстоятельство рассматривается в книгах теоретических вождей альтерглобализма А. Негри и

¹ Дугин А. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011. С. 531-534.

М. Хардта¹. В своей терминологии они называют мир-систему «Империей», в центре которой стоят США и глобальный буржуазный класс. Им противостоят «множества»² — разрозненные и распыленные индивидуумы, лишенные социального статуса в мировой элите и каких-либо социальных свойств. Эти множества мыслятся как революционный класс будущего, способный осуществить глобальный саботаж «Империи». Но это может произойти только *после* того, как «Империя» победит. Таким образом, логика неомарксистов и альтерглобалистов в МО такова: пусть как можно скорее победит «Империя» и возникнет мир-система во главе с мировым правительством; тогда и наступит момент восстания множеств.

Теперь посмотрим, как неомарксисты в МО строят свою полемику с представителями других классических парадигм.

В противовес реалистской парадигме они утверждают следующее:

- главными акторами международных отношений выступают не национальные государства, но глобальные *классы*: структура международных отношений организована не правительствами, но *логикой капитала*, приобретающей в период глобализма пространственный смысл;
- следовательно, понятие суверенитета весьма условно и анархия международных отношений управляется законами капитала: *вместо хаоса надо говорить о логике капитала*;
- национальные интересы являются лишь частичной зоной в общем процессе исчисления выгод, которые может приобрести капитал и, соответственно, они зависят от его структуры: национальные интересы есть, в конечном счете, *интересы буржуазного класса* данного общества;

¹ Негри А., Хардт М. Империя. Москва: Праксис, 2004.

² Негри А., Хардт М. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.

- не фактические и юридические правители, но финансовые и промышленные круги, то есть буржуазия как класс влияет на принятие основных решений во внешней политике любого государства, а политические правители лишь оформляют и легализуют эту волю: *внешней политикой заведует буржуазный класс*;
- призывы к безопасности и мобилизация «национальных чувств» являются *пропагандистской информационной стратегией* буржуазии, призванной отвлечь пролетариат от классовой борьбы, предотвратить рост интернационального самосознания и классовой солидарности с трудящимися других стран;
- помимо национальных противоречий существует сговор глобальной буржуазии через голову национальных государств, он-то и предопределяет логику развития процессов в международных отношениях;
- главной войной, которая ведется нескончаемо (тайно или явно), является *классовая борьба*: она имеет интернациональный характер, а межнациональные конфликты и противоречия лишь отвлекают пролетариат от революции и уводят его в сторону от исполнения его исторической миссии;
- природа государств и природа человеческого общества постоянно *эволюционирует*, что проявляется в обострении противоречий между уровнем развития производительных сил и производственных отношений, и составляет сущность исторического прогресса, в ходе которого классовые противоречия вначале обостряются, достигают глобального масштаба, приводят к кризису, а затем выливаются в мировую пролетарскую революцию, после которой государства отмирают, а человеческое общество движется к коммунизму;
- фактическая сторона процессов в международных отношениях важнее нормативной стороны, если интерпретировать эту фактическую сторону методами *классо-*

вого марксистского анализа: главными фактами будут факты конкретики классовой борьбы;

- последним уровнем объяснения структур международных отношений и событий, совершающихся в этих структурах, является выявление объективных исторических фактов и закономерностей, имеющих классовую идеологическую и основу.

Против либералов в МО неомарксисты выдвигают следующие тезисы, частично дополняя, а частично их опровергая:

- международные отношения имеют классовую природу, а *демократические режимы полнее соответствуют структуре буржуазно-капиталистической системы* и прозрачнее обнажают классовые противоречия;
- *логика капитализма стоит над интересами национальных государств*, следовательно, создание мирового правительства на демократической (читай: буржуазной) основе, действительно, возможно и даже необходимо и исторически предопределено (как считают и либералы);
- анархия в международных отношениях есть *видимость*: подчиняясь логике мирового капитала и глобального буржуазного класса, она в определенный момент может быть преодолена и заменена на формальное институционализирование наднациональной инстанции (и в этом неомарксисты согласны с либералами);
- поведение государств на международной арене подчиняется не только логике максимального обеспечения национальных интересов, но и исторической необходимости развития капиталистической мир-системы, что яснее всего проявляется в буржуазных демократиях и не столь ясно в других политических режимах: национальные государства лишь вуалируют эту логику (*национальное государство есть, таким образом, капиталистический блеф*);
- в международных отношениях разворачиваются процессы классовой борьбы, потому вся эта зона является зо-

ной противостояния двух надгосударственных, транснациональных сил — мировой буржуазии и мирового пролетариата: они и являются главными акторами МО;

- *безопасность государства является буржуазным мифом*, прикрывающим свободу правящей буржуазии безнаказанно эксплуатировать пролетариат: главная опасность исходит от капитала, и борьба с ним, включая прямое революционное действие, является исторической миссией обездоленных;
- «демократии друг с другом не воюют» только потому, что господствующая в них буржуазия прекрасно осознает, что *наиболее эффективно* эксплуатировать пролетариат она может лишь в классовой координации на интернациональном уровне;
- *демократический мир скрывает под собой классовую войну*, постоянно экспортируемую демократиями в Третий мир, где демократизация политики и либерализация экономики становятся средствами для установления системы буржуазной диктатуры в интересах мирового капитала: война против недемократий есть действие, направляемое логикой капитала, стремящегося к достижению планетарных границ, а международный терроризм — это искусственный жупел для запугивания масс и оправдания капиталистических интервенций и прямых агрессий;
- история человека и общества развивается диалектически и прогрессивно, но не линейно, а циклически: каждый следующий виток развития переводит общество на новый уровень, но при этом *классовые противоречия не смягчаются, а обостряются*: история имеет *конфликтный* характер и организуется через череду войн и революций, пока классовая природа этих процессов не будет осознана в глобальном масштабе (только победы социалистической революции и построение мирового

коммунизма избавят человечество от государств, войн, страданий, эксплуатации и насилия);

- фактическая сторона процессов в международных отношениях и нормативная сторона составляют *два аспекта классовых отношений* — выраженных материально и оформленных идеологически (демократия наиболее отчетливо формализует реальную картину материальных отношений в обществе через буржуазную идеологию, которую следует разоблачать и критиковать с пролетарской точки зрения, на основе альтернативной марксистской идеологии, трактующей те же самые материальные и экономические закономерности в совершенно ином политическом ключе (то есть существует не одна дисциплина МО, а две — МО глазами буржуазии, что воплощено в реализме и либерализме, и МО глазами пролетариата, что воплощено в неомарксистских теориях МО);
- последним уровнем объяснения структур международных отношений и событий, совершающихся в этих структурах, является выявление *классового смысла* и логики развития, и кризисов мирового глобального капитала.

Если сравнить между собой неомарксистские возражения реалистам и либералам, можно заметить следующую закономерность: у неомарксистов *больше общего с либералами*, чем с реалистами, и именно в либералах, и особенно в неолибералах, неомарксисты видят более правдивое отражение тех глобалистских тенденций, которые ближе всего подходят к описанию мир-системы, хотя и трактуют эту мир-систему со своих классовых позиций: от лица мирового буржуазного класса. Реалисты же, по мнению неомарксистов, отстаивают реальности «вчерашнего дня», и постоянным обращением к национальным государствам лишь затемняют классовую сущность основных процессов в международных отношениях и откладывают осознание их классовой природы.

Несмотря на то, что коммунистические теории, и особенно практики, в западном мире существенно «демонизированы»,

представители неомарксистской парадигмы в МО в научном сообществе остаются престижными и авторитетными.

От позитивистских теорий к постпозитивистским

Видный теоретик МО А. Вендт так классифицирует три преобладающие на сегодняшний день классические теории МО на основании двух пар критериев¹:

материализм vs идеализм/индивидуализм vs холизм.

Материализм предполагает, что в основе процессов, развертывающихся в сфере международных отношений, лежат строго фиксируемые и эмпирически достоверные материальные *факты*, складывающиеся по своей присущей им логике. Дело ученых и аналитиков — лишь корректно и точно описать, осмыслить, систематизировать и проинтерпретировать их в своих (субъективных) теориях. Политики же должны строить рациональную стратегию на основе и самих этих материальных закономерностей, непосредственно и с учетом наиболее релевантных теорий их осмысляющих.

Идеализм исходит из предпосылки, что не столько факты, сколько *ценности и гносеологические концепты*, то есть субъективный фактор, определяют сущность процессов, развертывающихся в международных отношениях, а, соответственно, изменения сознания акторов или расширение их номенклатуры могут повлиять на материальную сторону развертывающихся событий и процессов. Нормы важнее, чем факты, «идеи имеют значение» — такова максима идеалистов в МО.

В другом социологическом регистре противопоставлений контрастируют друг с другом два иных подхода: *индивидуалистический и холистский* (см. Л.Дюмон²).

¹ Wendt Alexander. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

² Дюмон Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. М., 2001; Dumont L. Essais sur l'individualisme. Une perspective anthro-

Индивидуализм предполагает, что решения принимаются акторами (какими бы они ни были) на основании своих эгоистических предпочтений, исходя исключительно из обеспечения собственных интересов.

Холизм (от греческого ὅλος — «целое») исходит из того, что *целое больше части*, и, соответственно, общество в своей совокупности предопределяет решение и выбор отдельных своих элементов — будь то общество в пределах одного отдельно взятого государства, совокупность государств или класс.

На основании двух пар критериев, считает А. Вендт, можно составить следующую картину:

Материализм vs идеализм

Индивидуализм vs холизм

Получаем 4 возможные модели:

- 1) Материализм+индивидуализм. По Вендту, это соответствует реалистской парадигме.
- 2) Идеализм + индивидуализм = либеральная парадигма.
- 3) Материализм+ холизм = неомарксистская парадигма
- 4) Идеализм + холизм = ?

Вопросительный знак, поставленный в конце четвертого сочетания терминов, имеет большое теоретическое значение для всей дисциплины МО. Первые три сочетания описывают доминирующие классические парадигмы, к которым относятся и марксизм, несмотря на революционный пафос и конфликтологический стиль анализа. Все эти формы познания соответствуют современной научной картине мира и основываются на общей теоретической топике, свойственной Модерну. Здесь все зиждется на представлении о том, что существуют строго разграниченные между собой *субъект и объект*, и оба они имеют автономное бытие¹; в зависимости от типа философии

pologique sur l'idéologie moderne. Paris: Le Seuil, 1983.

¹ Латур Бруно. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. — СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-

можно начинать в такой паре, как с субъекта (в МО — либерализм), так и с объекта (в МО — реализм и марксистский материализм). Поэтому три парадигмы в МО — реализм, либерализм и неомарксизм — принято называть «*позитивистскими*». Все они оперируют с эмпирически фиксируемыми «*позитивными*» реалиями, обращением к ним подтверждая свои теории или опровергая и критикуя теории оппонентов.

Но с 60-х гг. в гуманитарных науках в целом (философия, социология, политология и т.д.) стал нарастать интерес к *Постмодерну* и его особой интеллектуальной топике, которая стремится выйти за рамки научной картины мира, сложившейся в основных чертах на заре Нового времени (Декарт, Ньютон, Спиноза и т.д.). Постмодерн, предельно радикализируя интуиции И. Канта, ставит под вопрос саму пару — субъект/объект, считая бытие (онтологию) и того и другого проблематичным и недоказуемым. Структурализм и обращение к языку и тексту обосновывают это сомнение, предлагая вместо традиционной пары означающее/означаемое обращение к языку и его структурам, где на место денотата (отдельного объективно, эмпирически позитивно существующего объекта внешнего мира, на который указывает языковой знак, нотация) заступает коннотат (смысловое поле, связанное с самим языком и задающее семантическую нагрузку знака, *не выходя за пределы самого языка*). Это приводит к выводу: объект и субъект не существуют отдельно друг от друга; любой научный, философский, социологический концепт представляет собой комплексный *гибрид* (Б. Латур)

Постмодернизм, неуклонно расширяющий свои позиции в гуманитарной сфере, в определенный момент достиг и дисциплины МО. На его основании возник целый спектр новых теорий МО, которые совокупно принято называть «постпозитивистскими» и строго отличать от «позитивистских» (реализм, либерализм, неомарксизм). Этим-то постпозитивистским тео-

прия и соответствует зарезервированное А. Вендтом сочетание: *идеализм + холизм*. Теперь на месте вопросительного знака можно поставить термин «постпозитивизм» — как общее название для целого спектра новых теорий в МО, так или иначе окрашенных постмодернизмом и его специфической методологией.

Идеализм здесь подчеркивает то определяющее значение, которое отводится *концептам* (теориям, идеям, воззрениям, текстам) по сравнению с «*материей*» (эмпирическим полем, считающимся вторичным и производным). *Холизм* же обращает наше внимание на то, что речь идет о *целостной системе*, предшествующей выделению отдельных атомарных акторов, а то и вовсе способной обходиться без них (например, «ризома»¹ Ж. Делеза или «тело без органов» А. Арто).

На философском уровне постпозитивисты апеллируют к теориям «языковых игр» Л. Витгенштейна², «научным парадигмам» Т. Куна³, «научному полю» П. Бурдьё⁴, «режимам истины» М. Фуко⁵, «когнитивному интересу» Ю. Хабермаса⁶ и т.д.

Все постпозитивистские парадигмы исходят из того, что теория есть *самостоятельный дискурс, конструирующий реальность*, а не просто отражение на субъективном уровне объективного положения дел (в обществе, истории, политике и т.д.).

Для постпозитивистских парадигм характерно рассмотрение всей сферы МО как сконструированной и постоянно

¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

² Ludwig Wittgenstein: Philosophische Untersuchungen. Kritisch-genealogische Edition. Herausgegeben von Joachim Schulte. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Frankfurt 2001

³ Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

⁴ Бурдьё П. Поле науки. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 2002.

⁵ Фуко Мишель Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью - М.: Праксис, 2002.

⁶ Хабермас Ю. Политические работы. — М.: Праксис, 2005.

конструируемой и переконструируемой реальности, где продуктами такого конструирования становятся одновременно и внешний мир (сами международные отношения как эмпирический факт), и те, кто этим процессом руководит (конструкторы, акторы, аналитики и политики). Важно подчеркнуть, что в таком анализе мы имеем дело не просто с указанием на то, что объективные процессы в международных отношениях кем-то программируются, управляются, провоцируются. Это было бы классическим «идеализмом» в МО, который характерен и для либеральной парадигмы, остающейся вполне «позитивистской». В крайних формах это давало бы «теорию заговора», элементы которой встречаются у ряда левых социологов (например, некоторые неомарксисты или социолог Ч. Р. Миллз¹). Постмодернисты идут дальше и показывают, что не только объект в МО конструируется полностью, от начала и до конца, но и субъект также является результатом этой конструирующей деятельности, хотя и располагается он на другом конце познавательного процесса. Создавая «реальность» международных отношений, теоретики МО и практики в лице правящего класса или оппозиционных радикальных интеллектуалов создают вместе с тем и *самих себя* — учреждая отдельные опорные и *искусственные фигуры* в лоне более сложного комплексного процесса многомерного и целостного социального движения. Отсюда «холизм» постпозитивистских теорий. И отсюда же вытекает главный метод, общий для всех постмодернистов: *деконструкция*.

Деконструкция означает выявление фаз и структур процесса, создающего «объективный мир» и того «субъекта», который этот «объективный мир» конституирует (учреждает) самим процессом познания. Задача деконструкции — выявить базовый текст, в рамках которого разворачивается дискурс МО как дисциплины. Отождествление поля МО с текстом и при-

¹ Миллс, Ч. Р. Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1959.

менение к нему структуралистских технологий может служить полезной метафорой для понимания всего постпозитивистского подхода в целом.

Постпозитивистские теории в МО: основные признаки и номенклатура

Можно выделить ряд общих черт, присущих всем постпозитивистским теориям без исключения. Опишем их на 4 уровнях:

- *эпистемологическом* (природа знаний и науки в МО);
- *методологическом* (критерий истинности гипотез);
- *онтологическом* (статус эмпирического опыта и автономного бытия исследуемых реальностей);
- *нормативном* (значение регулирующих идей для воздействия на реальность).

Постпозитивизм

- *эпистемологически ставит под вопрос* позитивистское отношение к знанию и познанию, критикует претензии на «объективные» и эмпирически подтвержденные формулировки суждений относительно природной и социальной реальности;
- *методологически отбрасывает* какой-то один научный метод в качестве наиболее «истинного» и утверждает равнозначность разных методов (П.Фейерабенд — «эпистемологический анархизм»¹), выделяет в качестве приоритетных интерпретативные стратегии;
- *онтологически отбрасывает рационалистические* концепты природы и деятельности человека, подчеркивая социальную *конструктивность* идентичности акторов и роль этой *сконструированной* идентичности в конституции интересов и действий;
- *нормативно* отрицает аксиологически «нейтральную» теоретизацию вплоть до самой ее возможности, разо-

¹ Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ; Хранитель, 2007.

блачает претензии на «научность как неангажированность» и стремится к разоблачению и ниспровержению властных структур и отношений в любом дискурсе.

Сравнить между собой основные моменты позитивистского и постпозитивистского подходов удобно на примере следующей таблицы¹.

Позитивизм	Постпозитивизм
а) вера в то, что естественные науки и гуманитарные науки могут исследоваться на основании <i>одного и того же</i> метода, то есть строиться на рациональном анализе позитивных эмпирически достоверных фактов (и природа и структура рациональности и ни позитивность фактов под вопрос не ставится);	а) разум и природа имеют радикально <i>различную</i> природу, и более того предопределяются социальными установками, а не существуют сами по себе; конститутивная гносеология, конструктивистское понимание мира;
б) между фактами и ценностями существует <i>онтологическая</i> разница: факты объективны — ценности субъективны;	б) факты и ценности проистекают из <i>общих социологических установок</i> и являются социальными конструктами.
в) в сфере международных отношений существуют <i>причинно-следственные</i> (каузальные) закономерности, которые можно выявить с помощью научных методов;	в) причинно-следственные отношения <i>не являются автономными</i> о того, какими их мыслят, а следовательно, делают люди (то что не <i>считается</i> причиной в МО, то ей и не <i>является</i>)
г) <i>валидность</i> (достоверную ценность) предлагаемых объяснений закономерностей можно обосновать на основе эмпирических (статистических) наблюдений.	г) эмпирические наблюдения в социальной сфере целиком зависят от <i>процедур наблюдения</i> и являются «валидными» только в контексте конкретного «научного поля», а в другом контексте таковыми не являются, то есть их ценность всегда относительна.

¹ Batistella D. Theories des relations internationales. P: Presse de Sciences Po, 2003.

Постпозитивистские теории в МО разными авторами систематизируются по-разному. В одних случаях подходы группируются в обобщающие парадигмы, в других — разделяются. Ниже мы предлагаем наиболее устоявшуюся модель классификации этих теорий¹.

К постпозитивизму в МО относятся следующие направления:

радикальные

- критическая теория МО,
- постмодернизм в МО,
- феминизм в МО,

нерадикальные

- историческая социология,
- нормативизм в МО.

Особое место занимает *конструктивизм*, чьи представители (А. Вендт, Дж. Розенау) настаивают на том, что их парадигма имеет ряд общих черт с позитивизмом (онтология, признание реальности фактов в области международных отношений) и с постпозитивизмом (гносеология, признание определяющей роли концептов, идей и дискурсов в конструировании «реальности» международных отношений).

Критическая теория МО

Критическая теория вытекает из неомарксизма, но отталкивается не от его материалистической версии («базис предопределяет события в надстройке»), но от идеалистической версии в духе идей А. Грамши (надстройка относительно автономна от базиса и способна активно влиять на него). Основателем этого направления в МО является Р. Кокс².

¹ Reus-Smit Ch., Snidal D. International Relations. Oxford:Oxford University Press 2008.

² Robert W. Cox Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory// Millennium 10. 1981; Idem. Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method// Millennium 12. 1983.

Представители критической теории МО (Р. Кокс, ранний Р. Эшли, Э. Линклейтер, М. Хофман и т.д.) отталкиваются от граммшистского определения «гегемонии» как «порядка, основанного на доминации, которая не воспринимается как таковая теми, кто ее на себе испытывают». Иными словами, гегемония — это структура властных отношений, обязательно предполагающая наличие гегелевской диалектической пары Господин-Раб¹, но формально отрицающая такую иерархию, а коллективный Раб (подчиненный элемент) не переживает свое положение как «подчинение» и «рабство». *Гегемония есть господство, выдающее себя за «отсутствие господства»*. Поэтому она не может иметь по определению юридического статуса. Она существует только *по факту*, как социологическая констатация, тогда как юридически и легально, а также психологически, она отрицается и игнорируется.

Роберт Кокс² анализирует то, как властные структуры (мировая или национальная капиталистическая элита) строят дискурс в МО с целью придать видимость «объективности» и «нейтральности» своему «научному» анализу, но на самом деле действуют так исключительно с целью закрепления своих классовых и властных интересов. В этом он следует за классическим марксизмом. Одновременно Р. Кокс указывает на то, что все доминирующие теории в МО являются не чисто теоретическими разработками, ставящими перед собой задачу «получения объективной научной истины», но «теориями, созданными *ad hoc* для решения конкретных проблем» (*problem solving theories*). Соответственно, эти теории служат одой цели: установлению и закреплению гегемонии капиталистического класса. Задача критической теории МО состоит в разоблачении тех гносеологических технологий, которые за этим стоят и в этом процессе используются. Основная мысль Кокса следу-

¹ Гегель. Феноменология духа. Санкт-Петербург: Наука, 1994.

² Cox R., Schechter, M. The Political Economy of a Plural World: Critical Reflections on Power, Morals and Civilization. Routledge: London and New York. 2002

ющая: международные отношения таковы, какими они представляются в теориях МО, а теории МО таковы, какими их делают теоретики. Претендуя на то, что они изучают эмпирическую реальность, эти теоретики в действительности активно конструируют эту реальность вдоль оси классового господства. Отношения между государствами, главными акторами международных отношений, отдельными единицами и блоками становятся такими, *какими их проектируют интеллектуалы*, обслуживающие глобальную буржуазию. А, следовательно, деконструкция и критическое разоблачение структур этого властного дискурса, выведение гегемонии из имплицитной области в эксплицитную, подрывает ее гипнотическую силу и позволяет вскрыть механизм внушения, обмана и манипуляции, к которому прибегают пристрастные и ангажированные теоретики.

В такой теории онтологии (даже в смысле классического позитивистского марксизма, где она локализуется в сфере производительных сил и производственных отношений) почти не отводится места, и по умолчанию предполагается, что «реальность» является такой, как ее описывает доминирующий гегемонистский дискурс.

В качестве альтернативы Кокс предлагает проект «*контр-гегемонии*», основанный на разоблачении существующего порядка в международных отношениях, и призывает к *восстанию* против него. Это восстание в первую очередь должно быть когнитивным. *Капитал есть не что иное, как дискурс*. И его антитеза, пролетариат, тоже имеет одно оружие — интеллект и слово. То есть пролетариат — это тоже дискурс, только обратный.

Р. Кокс предлагает создание *контр-гегемонистского исторического блока*, основанного на тех акторах мировой политики, которые по тем или иным причинам отвергают существующую гегемонию, осознают факт ее наличия и готовы противопоставить ей альтернативные гносеологические, эпи-

стемологические, нормативные и, наконец, онтологические проекты.

Другой представитель критической теории в МО Эндрю Линклэйтер¹ предлагает подвергнуть все теории МО деконструкции и утвердить вместо разнообразных версий властного дискурса в МО альтернативную модель «общины диалога» (dialogic community).

Все моменты, на которых строится аксиоматика реалистов и либералов представители критической теории подвергают деконструкции. Процессы этой деконструкции составляют основное содержание их полемических теоретических работ. В классическом марксизме они отбрасывают фатализм, исторический материализм и уверенность в предопределенности развития мировой истории.

Постмодернизм в МО

Постмодернизм в МО (иначе называемый иногда «постструктурализм в МО»²) представлен Р. Эшли³ ориентирующимся на философию Ф. Ницше и М. Хайдеггера, а также Р. Уокером⁴, Дж. Дер Дерьяном⁵, развивающими идеи философов-постмодернистов М. Фуко, Ж. Деррида и т.д. Постмодернисты

¹ Linklater A. Critical Theory and World Politics: Citizenship, sovereignty and humanity. L, NY: Routledge, 2007.

² Ashley Richard. The Achievements of Poststructuralism/ Steve Smith, Ken Booth, Marysia Zalewski (eds.). International Theory: Positivism & Beyond, Cambridge: Cambridge UP, 1996. С. 240-253.

³ Ashley R., Walker R. B. J. (eds.). Speaking the Language of Exile: Dissidence in International Studies//International Studies Quarterly, Vol. 34, No. 3. September 1990.

⁴ Walker Rob. B. J. Inside/Outside: International Relations as Political Theory, Cambridge: Cambridge UP, 1993.

⁵ Derian James Der, Shapiro Michael J. (eds.). International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics. Lexington, MA: Lexington Books, 1989.

в МО методологически близки к представителям критической теории, и иногда их относят к одному и тому же направлению.

Р. Эшли настаивает на том, чтобы в область МО была перенесена базовая идея постмодернистской гносеологии: субъект и объект не существуют отдельно и автономно, это неразрывно связанная между собой тотальность в историческом мире. Соответственно, в МО появляется радикально новый актор — аналогичный *Dasein* у Хайдеггера или ризоме Делеза. Это не пара субъект/объект, но то, что находится *между ними* и предопределяет и того и другого в историко-социальном контексте. *Постигая реальность, человек формирует ее и вместе с ней самого себя*. Вне этого процесса нет реальности.

Деконструкция реализма приводит постмодернистов к следующему заключению: говоря о том, что «реально» в Realpolitik, теоретики МО эту реальность *учреждают*, заставляя считаться с ней всех остальных и реализуя тем самым классический сценарий инсталлирования властных отношений. Господин и Раб оказываются изначально включенными в структуру «реальности», которую реалисты призваны якобы «объективно изучать и описывать». Но властные отношения оказались в предмете изучения МО не сами по себе, а будучи *спроецированными* туда иерархической системой дискурса, где воля к власти совпадает с волей к знанию (М. Фуко).

Другой пример: λ -индивидуум, с которым оперируют реалистские концепции, не просто обнаруживается как фигура некомпетентная в МО, но *конституируется* как таковая, что ведет напрямую к узурпации его компетенций властными инстанциями и обслуживающими власть интеллектуалами, присваивающими самим себе то, в обладании чем отказывают всем прочим. Таким образом, сам концепт λ -индивидуума является, согласно постмодернистам, формой дискриминации и инструментом сознательного усугубления невежества, пассивности и покорности масс.

Эшли систематически деконструирует классические теории и концепты МО. Так, «международная анархия» опознается им

не просто как констатация фактического положения дел в области международных отношений, но как скрытая валоризация порядка и суверенитета, то есть искусственная и искусная легитимация порядка и власти внутри государства¹. Такие парные концепты, как анархия/порядок, единство/различие, идентичность/дифференциал — носят скрыто моральный характер и отражают ценностные установки, заложенные в якобы нейтральной аналитике².

Феминизм в МО

Еще одной разновидностью постпозитивизма в МО является *феминизм* (Джэйн Эльштейн³, Синтия Энлоэ⁴, Анна Тикнер⁵ и т.д.). Методологически феминизм имеет несколько разновидностей⁶, что предопределяет и характер феминистских подходов к области МО.

Позиционный феминизм (*stand point feminism*) считает, что женская ментальность и сама картина мира у женщин качественно отличны от мужской, и «женский космос» следует признать как самостоятельную духовную вселенную, имеющую все основания на то, чтобы настаивать на своих гендерных архетипах, применительно к любым областям (в том числе и к МО). Так, Анна Тикнер, типичная представительница «позиционного феминизма», предлагает «феминистскую пере-

¹ Ashley R. The Powers of Anarchy: Theory, Sovereignty, and the Domestication of Global Life// Derian D. (ed.) International Theory: Critical Investigations. London: MacMillan, 1995.

² Ashley R. The Eye of Power: The Politics of World Modeling// International Organization, Vol. 37, No. 3 Summer 1983. С. 495-535.

³ Elshstain J. B. Women and War. NY: Basic Books, 1987.

⁴ Enloe Cynthia. Bananas, Beaches and Bases: Making Feminist Sense of International Politics. London: London: Pandora Press 1990.

⁵ Tickner J. Ann. Gendering World Politics. Columbia University Press. 2001.

⁶ Clough P. T. Feminist Thought. Cambridge: Blackwell Publishers, 1994.

формулировку 5 принципов реализма в МО Ганса Моргентау¹, исходя из того, что все ключевые термины здесь даны в жестко *мужской* перспективе: объективность, закон, сила, интерес, отказ от морали, нация и т.д. — это осевые конструкции *мужского* языка доминации, неравенства, приватизации, захвата и порабощения. Женскими аналогами были бы: соучастие, забота, миролюбие, гибкость, смягчение, гармонизация субъективности, прощение, равноправие. Следовательно, в «женской позиции» МО превращаются в совершенно иную концептуальную реальность.

Базовая для реализма философская установка Т. Гоббса, что «человек человеку — волк», перенесенная на отношения между государствами, подвергается аналогичной феминистской деконструкции следующим образом. Гоббс использует латинскую формулу «*homo hominini lupus*», но *homo* (англ. *man*) — это «мужчина». «Мужчина мужчине — волк», может быть, рассуждают феминистки, но к женщинам это явно не относится. Следовательно, базовая метафора, на которой строятся основные аксиомы политической науки, теории государства, суверенитета, а затем и теория анархии в международных отношениях, пригодна только для половины человечества. И стоит ли позволять превращать *всю* теоретическую дисциплину в развертывание гендерной «мужской позиции», игнорируя женский взгляд? Если подставить в формулу «человек человеку волк» вместо «мужчины» (*homo*) «женщину», вся формула развалится и возникнет новая, на основании которой можно построить при желании совершенно иную теорию МО.

А.Тикнер развернуто критикует и неореалистов, например, М.Уотлца за само название, и, соответственно, тематизацию его программной книги «Человек (мужчина/*man*), государство и война»², а Синтия Энлоэ настаивает, что «меня теорию, мы

¹ Tickner J. Ann. Hans Morgentau's Principles of Political Realism. A Feminist Reformulation/Derian D. (ed.) International Theory: Critical Investigations. London: MacMillan, 1995.

² Waltz. M. Man, State and War. Columbia University Press. New York:

меняем не взгляд на мир, но сам мир», и стоит только построить теорию МО от лица женщины, соответствующим образом будет преобразована и сама реальность. В качестве примера, она приводит успехи общественных организаций «солдатских матерей», способных оказать существенное давление на политические решения¹.

К иным выводам приходят феминистки постмодернистского толка. С их точки зрения, неравенство полов заложено в самой природе (базовая дуальность человека как вида) и, следовательно, освобождение женщин возможно только через отказ от пола как такового, через переход к бесполом существам среднего рода (например, к киборгам — «Манифест киборгов» написан для этой цели феминисткой Донной Харауэй²). Применительно к области МО такой постмодернистский феминизм приводит к выводам, аналогичным неомарксистским и альтерглобалистским в духе А. Негри и М. Хардта (множества должны ускользнуть от всех детерминаций, включая гендер³). Это приводит к концепциям «сетевого общества» и трансгуманистским проектам постчеловеческой футурологии.

Марксистский феминизм дает классовый анализ неравенства полов и апеллирует в духе классического марксизма к социальному равноправию в ходе построения коммунистического общества.

Либеральный феминизм настаивает лишь на том, чтобы дать женщинам полностью равные права с мужчинами, имплицитно признавая универсальность мужской позиции. В таком случае женщина получает равное место в обществе и, соответственно, возможность активно участвовать в МО, но в

1959.

¹ Enloe Cynthia. Bananas, Beaches and Bases. Op. cit.

² Haraway Donna. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century// Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. New York; Routledge, 1991. С.149-181.

³ Негри А., Хардт М. Империя. Указ. Соч.

качестве «мужчины» — воспроизводя собственно мужские архетипы, установки и модели поведения.

Различные типы феминизма атакуют область МО с разных сторон, разоблачая «мэйнстрим» в этой дисциплине как «мэйл-стрим» (игра слов: «main stream» в английском, дословно, «основной, главный поток»; «male stream» — «мужской поток»).

Нормативизм в МО

Критическую теорию, постмодернизм и феминизм обычно причисляют к радикальному постпозитивизму. Но существуют и смягченные версии того же направления.

К нерадикальному постпозитивизму в МО, как правило, относят *нормативный* подход (М. Уолцер¹, К. Браун², М. Фрост³) и *историческую социологию* (Ф. Холидэй⁴, С. Хобден⁵, Дж. Хобсон⁶, Б. Бузан⁷, Р. Литтл⁸ и т.д. — практически все они выходцы из Английской школы, традиционно подчеркивавшей социологические аспекты теории МО).

¹ Walzer Michel. Thinking Politically. Yale: Yale University Press, 2007.

² Brown Chris. Understanding International Relations. Basingstoke: Palgrave Publishing, 2005.

³ Frost M. Towards a Normative Theory of International Relations & Ethics and International Relations Consensus. Cambridge: CUP, 1986.

⁴ Halliday Fred. Rethinking International Relations. London: Macmillan, 1994.

⁵ Hobden Stephen. International Relations and Historical Sociology: Breaking Down Boundaries & L.NY: Routledge, 1998.

⁶ Hobden Stephen, Hobson John M. Historical sociology of international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

⁷ Buzan Buzan Barry, Little Richard. The historical expansion of international society / Denmark, Robert Allen, (ed.) The international studies encyclopedia. Wiley-Blackwell in association with the International Studies Association, Chichester, UK., 2010.

⁸ Little R. The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models. Cambridge University Press, 2007.

Нормативистская теория в МО анализирует *исключительно ценности, а не факты*. В ней акцент ставится на исследовании того, как различные авторы и школы определяют и описывают, чем на их взгляд, должны быть те или иные системы, институты, связи, структуры в поле международных отношений. Нормативистов интересует не реальность международных отношений, как она есть, а то, какой она должна была бы стать в соответствии с описывающими ее теориями. Нормативисты исследуют теорию как *проектирование реальности*, отводя эмпирическим фактам и процессам второстепенное значение или вообще не учитывая их.

Нормативисты, в частности, М. Уолцер¹, применяют к МО принцип «густого описания» (thick description), введенный антропологом К. Гирцем². Описание общества или политической системы (в нашем случае, системы МО) может быть либо «разбавленным» («поверхностным» - thin), либо «густым» (thick). В первом случае в рассмотрение включаются только наиболее выделяющиеся стороны явления, бросающиеся в глаза больше всего и, на первый взгляд, предопределяющие все остальное. На основании связей между такими выдающимися надо всеми остальными феноменами и строятся классические теории позитивистов в МО (а также большинство теорий в других областях знаний). «Густое» описание предполагает более тщательный и многомерный анализ разных сторон явления, включение в рассмотрение тех сторон, которые, на первый взгляд могут показаться второстепенными и иррелевантными — все то, что касается нюансов культуры, ценностей, быта, психологических установок и привычек, исторических традиций, широкого поля смыслов, присущих каждому конкретному обществу как уникальному явлению. Классические теории сбрасывают

¹ Walzer M. Thick and Thin: Moral Argument at Home and Abroad Notre Dame, IN: Notre. Dame University Press, 1994.

² Geertz Clifford. Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture/ Geertz Clifford. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York: Basic Books, 1973.

эти факторы со счетов, удовлетворяясь «разбавленным» описанием (с высокой степенью редукции), и полагая, что отдельные наиболее значимые инстанции (государство — у реалистов, государство и демократия — у либералов, классы — у марксистов и т.д.) полностью и исчерпывающе дисконтируют все остальные факторы, выступая как обобщающий результирующий вектор. В грубом приближении такого «разбавленного» описания, как правило, бывает достаточно. Но для строгой научности это не приемлемо, настаивают нормативисты, так как в ходе углубленного исследования и «густого» описания часто вскрывают такие факторы и соотношения, которые радикально меняют всю наблюдаемую картину и, в частности, прогнозируют и систематически описывают заложенные в ней сбои, кризисы и синкопы, не улавливаемые позитивистскими методами. «Смысл имеет значение» — это могло бы стать формулой нормативистов в МО.

Историческая социология

Представители *«исторической социологии»*, сложившейся в лоне последнего поколения ученых Английской школы МО, основывают свои концепции на критике двух выделяемых особенностей большинства классических теорий МО: хронофетишизма и темпоцентризма (С. Хобден¹)

«Хронофетишизмом» они называют присущее теоретикам МО (ложное) убеждение, что порядок международных отношений, который существует в настоящее время, возник сам по себе, является естественным, единственно возможным, спонтанным и неизменным, «самосозданным» и «вечным». Такая установка затемняет изучение процессов и механизмов властвования, скрывает логику формирования социальной идентичности, игнорирует баланс инклюзий/эксклюзий, что

¹ Hobden Stephen, Hobson John M. Historical sociology of international relations. Op. cit.

совокупно не «раз и навсегда», но постоянно производит настоящее, как оно есть, через череду изменений.

«Темпоцентризм» же — это иллюзия изоморфизма (однородности) всех существующих и существовавших когда-либо систем международных отношений, рассматриваемых на основании тех моделей, которые являются преобладающими сегодня, что затрудняет понимание сущности международных отношений в их исторической эволюции.

Помещая МО на шкалу истории сторонники «исторической социологии» приходят к выявлению «интернациональных систем» (Б. Бузан, Р. Литтл¹), каждая из которых представляет собой совершенно особую модель взаимодействия различных акторов внутри и вовне базовых политических единиц (units) в том контексте, который условно можно назвать «интернациональными отношениями». Развивая историко-социологический подход к интернациональным системам, Б. Бузан задается очень важным вопросом: а возможно ли построение теорий МО в ином идейно-историческом и социологическом контексте, нежели западный?² Это является очень существенной особенностью исторической социологии в МО, делающей ее важным инструментом для разработки Теории Многополярного Мира (о чем речь пойдет в следующей главе).

Повышенное внимание к прошлому и к характеру исторических трансформаций «интернациональных систем» позволяет не только точнее понять настоящее, но конструировать буду-

¹ Buzan Barry, Little Richard. *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2000.

² Acharya Amitav, Buzan, Barry (eds.). *Non-Western international relations theory: perspectives on and beyond Asia*. London: Routledge, 2010; Buzan Barry, Acharya, Amitav *Why is there no non-Western international relations theory?: an introduction//International Relations of the Asia-Pacific*, 7 (3) 2007; Buzan Barry, Acharya Amitav *Conclusion: on the possibility of a non-Western IR theory in Asia. International Relations of the Asia-Pacific*, 7 (3). 2007.

шее (так как здесь акцент ставится на осознании возможных перемен), которое верстается уже сейчас. От фиксированных «позитивных» реалий классических теорий МО «историческая социология» ведет к постоянно меняющимся семантически переменным единицам и конфигурациям, требующим всякий раз особого и тщательного рассмотрения. По сравнению с такими уточненными концепциями, классические теории МО выглядят грубыми аппроксимациями, основанными на неоправданном и упрощенном редукционизме.

Конструктивизм в МО

Между позитивистскими и постпозитивистскими парадигмами располагается *конструктивизм* (А. Вендт¹, Н. Онуф², М. Финнмор³, Дж. Рудджи⁴, П. Катценштайн⁵, С. Гудзини⁶ и т.д.). По крайней мере, на этом настаивают сами представители этого направления в МО (в частности, А. Вендт).

Представители этого направления сосредотачивают основное внимание на когнитивной сфере — т.е. области мышления. Так, Марта Финнмор утверждает⁷, что мировая политика в первую очередь определяется не объективной структурой от-

¹ Wendt Alexander. Social Theory of International Politics, Cambridge University Press, 1999.

² Onuf Nicholas. World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia: University of South California Press, 1989.

³ Finnemore Martha. National Interests in International Society. Cornell: Cornell University Press, 1996

⁴ Ruggie John. What Makes the World Hang Together? Neo-utilitarianism and the Social Constructivist Challenge// International Organization 52, 4, Autumn 1998.

⁵ Peter J. Katzenstein (ed.) The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics. New York: Columbia University Press, 1996.

⁶ Guddzini Stefano. A reconstruction of Constructivism in IR// European Journal of International Relations Copyright. Vol. 6(2) 2000.

⁷ Finnemore Martha. National Interests in International Society. Op. cit.

ношений материальных сил, но когнитивной структурой, состоящей из идей, верований, ценностей, норм и институций, взаимно принимаемых акторами. МО, согласно ей, есть сумма не баланса сил (могуществ — power), но сигнификаций и социальных ценностей¹.

Другой конструктивист, Питер Катценштайн, привлекает внимание к значимости культурных факторов в МО, которые в определенных ситуациях становятся определяющими. Он показывает, что идеальная структура, формирующая разделяемые акторами нормативы, не просто аффицирует их поведение, но способствует конституированию самих этих акторов, конструированию их идентичности и их интересов — эти интересы не объекты, ожидающие обнаружения, но *конструкции социальных взаимодействий*. Культурные среды не просто влияют на мотивации поведения государств, но аффицируют фундаментальный характер этих государств, их идентичность, считает он².

Эту же тему развивает один из основателей конструктивистского подхода в МО Николас Онуф, настаивающий на том, что структуры и агенты (акторы) международных отношений влияют друг на друга и постоянно переопределяют и реконструируют друг друга. Он пишет в своей книге, чье название могло бы стать кратко изложенной программой конструктивизма «Мир, который мы сами и создаем», что не только социальные отношения делают людей тем, что они есть, но и люди делают эти отношения тем, что они есть через взаимодействие друг с другом и с природой»³.

Другой видный представитель конструктивизма и крупнейший теоретик этого направления, Александр Вендт, выделяет три возможных модели трансляции культурной парадигмы:

¹ Finnemore Martha. National Interests in International Society. Op. cit.

² Peter J. Katzenstein (ed.) The Culture of National Security. Op. cit.

³ Onuf Nicholas. World of Our Making. Op. cit.

- в реалистской парадигме государство разделяет культуру по принуждению;
- в либеральной — по своим интересам;
- конструктивизм предлагает сделать акцент на консенсусной легитимации: государство разделяет культуру, тогда культура становится *структурным и структурирующим фактором*, конституируя и реконституируя государства через их идентичности и интересы.

Вендт описывает свой подход в рамках предложенной им самим системы категорий: материализм/идеализм — индивидуализм/холизм¹, о чем уже говорилось ранее. Сочетание идеализма с холизмом, не нашедшее соответствия в классических позитивистских теориях, разворачивается в постпозитивизме (и в частности, в пограничном случае конструктивизма) следующим образом:

Идеализм состоит в том, что международная система МО мыслится как ансамбль, состоящий из идей, разделяемых государствами, а не из баланса сил (powers) или средств производства; социальные структуры предопределены разделяемыми акторами-идеями, а не материальными соотношениями, то есть они суть *культуры*, как совокупность социально разделяемых знаний.

Холизм же здесь означает, что интересы государства не эндогенны акторам (не важно: государствам, корпорациям, отраслям или индивидуумам), не строго фиксированы, но конституированы и аффектированы всей интернациональной системой. То есть *поле международных отношений есть самостоятельная живая и конституирующая среда*; интересы и идентичности социальных акторов конструируются идеями, которые они разделяют, то есть *культурой*, в которой они укоренены, и никогда никому не навязываются раз и навсегда кем-то одним, без взаимодействия с остальными.

¹ Wendt Alexander. Social Theory of International Politics, Cambridge University Press, 1999.

Вместо одной идентичности акторов МО — государство, режим, класс, Вендт предлагает выделять четыре уровня идентичности:

а) *корпоративная идентичность*: государство как организационный актор, связанный с обществом, которым он управляет посредством структуры политической власти (на этом исчерпывается реализм);

б) *типовая идентичность*: политический режим и экономическая система, а также частично социальные особенности (обратим внимание на относительность этих понятий в системе международных отношений в разных обществах: для одних одни критерии оценок, для других — другие), — на этом сосредотачивают свое внимание либералы и транснационалисты;

в) *ролевая идентичность*: свойства государств в отношениях с другими государствами (выделение пар гегемон/сателлит, государство, выступающее за статус-кво/государство, неудовлетворенное своим положением в сложившейся международной среде — концепт «неудовлетворенного могущества»); это стоит в центре внимания неореалистов и представителей Английской школы в МО;

г) *коллективная идентичность*: идентификация двух и более государств как принадлежащих к единому «эго», как часть целого (это направление разрабатывают неолибералы, неореалисты и представители Английской школы МО).

Последовательно примененный к анализу действительности, такой метод показывает, что все национальное (безопасность, интерес, выживание и т.д.) встроено (embedded) в нормы и ценности, конституирующие эти идентичности. Следовательно, национальные интересы состоят из международно-разделяемых идей и верований; они-то и структурируют международную политическую жизнь и придают ей смысл.

Вендт трактует базовое для МО понятие «анархии» в трех вариантах:

- анархия Гоббса (другой как враг),
- анархия Локка (другой как конкурент),

- анархия Канта (другой как друг).

Первый случай дает нам концептуальную канву реалистского анализа, второй — либерального, третий позволяет осмыслить постгосударственную модель организации человечества, как глобального гражданского общества, по ту сторону любой государственности (неолиберализм, транснационализм, отчасти мир-система неомарксистов с поправкой на классовой антагонизм).

Статус постпозитивистских теорий в МО

Постпозитивистские парадигмы во всем их разнообразии в последние десятилетия стали важнейшей составляющей всей научной дисциплины МО, и их значение постоянно растет.

В отношении этих подходов следует заметить, что методологически они являются слишком сложными для того, чтобы играть заметную роль в тех случаях, когда ту или иную внешнеполитическую концепцию требуется донести до широких масс. Постпозитивисты опираются на философский и социологический метод, и в качестве предмета своих исследований имеют не сами международные отношения, но теории МО, МО как дисциплину, как продукт «вторичной обработки». Отсюда их критический потенциал: они представляют собой «науку второго уровня», где рациональному (критическому) осмыслению подвергаются сами основы научной рациональности. Это создает дополнительный «этаж», особое измерение научной рефлексии. Апелляции к таким теориям в широком обиходе, очевидно, неуместны, так как требуют очень высокого уровня компетенции.

Но в научной среде МО, напротив, именно постпозитивистскому подходу уделяется все больше внимания. И частично отдельные стороны этих научных парадигм успешно включают в те или иные проекты и программы, связанные с МО.

Можно кратко сформулировать состояние дел в этой сфере таким образом: сегодня существует возможность заниматься

внешней политикой и практикой в сфере международных отношений на основе классических позитивистских теорий МО, и этого может оказаться довольно. Но на уровне академической науки и для участия в серьезных научных конференциях, дебатах и симпозиумах этого уже недостаточно, и без знакомства с постпозитивистскими тенденциями в МО ни один специалист-международник не будет обладать необходимым минимумом компетенции.

*Существующий спектр теорий и парадигм МО не
содержит в себе законченной Теории
Многополярного Мира*

Краткий обзор всего спектра существующих теорий МО был необходим для того, чтобы наглядно проиллюстрировать следующее обстоятельство: *на сегодняшний день ни в одной из существующих парадигм нет готовой Теории Многополярного Мира, и более того, в существующем контексте места для такой теории не зарезервировано.* Долгое время область МО считалась «американской наукой», так как развивалась преимущественно в США. Но в последние десятилетия ее изучение получило более широкое распространение в научных заведениях и институтах всего мира. Однако до сих пор эта дисциплина носит на себе явный отпечаток западоцентричности. Она была разработана в западных странах в эпоху Модерна и сохраняет историческую и географическую связь с тем контекстом, в котором она возникла изначально, и где проходило ее становление. Это выражается, в частности, и в главной оси дебатов, вокруг которых складывалась МО как дисциплина (реалисты vs либералы), что отражала специфику основных забот и проблем собственно американской внешней политики (повторяя в чем-то классический для США спор изоляционистов и экспансионистов).

На последнем этапе, и особенно в среде постпозитивистских подходов, явно проявилась тенденция к *релятивизации амери-*

каноцентризма (западоцентризма в целом), отчетливо дали о себе знать импульсы к демократизации теорий и методов, к расширению критериев, к более равномерному распределению акторов МО и более внимательному («густому») анализу их семантических структур и идентичностей. Это шаг в сторону релятивизации западной эпистемологической гегемонии. Но до настоящего времени даже *критика западной гегемонии строилась по законам самой гегемонии*. Так, типично западные концепты демократии и демократизации, свободы и равенства переносятся на незападные общества и иногда даже противопоставляются Западу, как будто эти концепты представляют собой «нечто универсальное»¹. Если противостояние Западу идет под знаменами универсализма западных ценностей, такое противостояние обречено на то, чтобы остаться стерильным.

Поэтому для того, чтобы выйти за границы западоцентричной цивилизации, необходимо встать на дистанцию в отношении всех ее теоретических концептов и методологических стратегий — даже тех, которые содержат критику самого Запада. По-настоящему альтернативная модель МО и, соответственно, структура миропорядка может сложиться только *в оппозиции ко всему спектру западных теорий в МО* — в первую очередь позитивистских, но отчасти и постпозитивистских.

Отсутствие среди рассмотренных нами теорий МО Теории Многополярного Мира (ТММ) оказывается не досадной случайностью или небрежением, но вполне закономерным фактом: ее в этом контексте, так или иначе закодированном установками западной когнитивной (эпистемологической) гегемонии, просто не может быть.

Тем не менее, теоретически она вполне может быть построена. И учет широкой панорамы существующих теорий МО только поможет ее корректно сформулировать.

¹ Sen Amartya. Democracy as a Universal Value//Journal of Democracy 10.3. 1999.

Если мы всерьез приступим к построению такой теории и изначально займем дистанцию по отношению к когнитивной гегемонии Запада в сфере МО, то есть если мы поставим под вопрос существующий спектр теорий МО в качестве аксиоматической базы, то на втором уровне мы вполне можем заимствовать из этой сферы отдельные составляющие, всякий раз подробно оговаривая на каких условиях и в каком контексте мы это осуществляем. Ни одна из существующих теорий МО, строго говоря, не релевантна для построения Теории Многополярного Мира. Но многие из них содержат в себе элементы, которые, напротив, вполне можно при определенных условиях в ТММ интегрировать.

ГЛАВА 3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Гегемония и ее деконструкция

Построение Теории Многополярного Мира начинается с глубокого историко-философского анализа самой дисциплины МО.

В этом случае наиболее полезны оказываются *постпозитивистские теории*, стремящиеся (хотя и чаще всего безуспешно) выйти за пределы «этноцентризма»¹, свойственного западно-европейской культуре, науке и политике и деконструировать волю к власти и доминации Запада (в последний период истории — США) как основное содержание всего теоретического дискурса в этой области. Представители критической теории и постмодернизма в МО, и не в меньшей степени сторонники историко-социологического подхода и нормативизма, наглядно демонстрируют, что все современные теории МО строятся *вокруг гегемонистского дискурса*. Этот гегемонистский дискурс является характерной чертой западноевропейской цивилизации, уходящей корнями к греко-римскому представлению о структуре Эйкумены, в центре которой находится ядро «цивилизации» и «культуры», а по периферии — зоны «варварства» и «дикости». Такое представление было свойственно и иным империям — Персидской, Египетской, Вавилонской, Китайской, а также индийской цивилизации, неизменно считавшим себя «центром мира», «Срединным Царством».

На более низком уровне с аналогичным «этноцентрическим» подходом мы сталкиваемся практически у всех архаи-

¹ Самнер У. Народные обычаи. М, 1914.

ческих племен и коллективов, оперирующих с картой культурной географии, в центре которой находится само племя (люди), а вокруг него — по мере отдаления — внешний мир, постепенно расчеловечивающийся вплоть до зоны «потустороннего» — духов, чудовищ и иных мифических существ.

Генеалогию современного западного универсализма можно проследить вплоть до эпохи Средневековых империй, и еще дальше к Античной греко-римской цивилизации, и наконец, вплоть до архаического этноцентризма простейших человеческих коллективов, архаических племен, орд. Сплошь и рядом даже самые неразвитые примитивные племена именно сами себя считают «людьми» и даже «высшими существами», и отказывают в этом статусе ближайшим соседям, даже в том случае, если эти соседи наглядно демонстрируют социальные и технологические навыки, многократно превосходящие культуру данного племени¹. Постпозитивисты интерпретируют эту как *базовую когнитивную установку*, которая a posteriori избирательно подыскивает (или фабрикует, в случае их отсутствия) пристрастные аргументы, подтверждающие это мнимое «превосходство» и мнимый «универсализм».

Выявление западной гегемонии как основы западного дискурса, помещение этого дискурса в конкретный исторический и географический контекст является первым фундаментальным шагом для построения Теории Многополярного Мира. Многополярность станет реальной только в том случае, если сумеет осуществить *деконструкцию гегемонии* и развенчать претензии Запада на универсализм своих ценностей, систем, методов и философских оснований. Если же опрокинуть гегемонию не удастся, любые «многополярные» модели будут лишь той или

¹ Яркие примеры такого подхода даны в работах культурных антропологов, в частности, у Д.Эверетта, изучавшего одно из самых архаичных племен Южной Америки — «пирахан». — Everett D. Don't Sleep, There are Snakes. New York: Pantheon Books, 2008. См. также Дугин А. Социология воображения. М., 2010; Он же. Этносоциология. М., 2011.

иной разновидностью западоцентричных теорий. Те, кто, принадлежа к западной интеллектуальной культуре, стремятся выйти за пределы гегемонии и создать контр-гегемонистский дискурс (например, Р. Кокс), фатально остаются внутри этой гегемонии, так как строят свою критику на таких постулатах как «демократия», «свобода», «равенство», «справедливость», «права человека» и т.д., что, в свою очередь, является набором *западоцентричного* миропонимания. Этноцентризм заложен в самом их основании. Они намечают верный путь, но сами пройти по нему до конца не способны. Они понимают искусственность и лживость претензий своей цивилизации на универсальность, но не могут найти доступа к альтернативным цивилизационным структурам. Поэтому контр-гегемонистская теория должна созидаться *за пределом* западного поля смыслов, в зоне промежуточной — между «ядром» мир-системы (в терминологии И. Валлерстайна) и «периферией» (где по культурным обстоятельствам корректное понимание западной гегемонии настолько маловероятно, что им следует пренебречь). «Второй мир», в свою очередь, именно за счет своей ангажированности в постоянный и интенсивный диалог с Западом, с одной стороны, может осознать природу и структуру гегемонии, а с другой, имеет в своих истоках альтернативные системы культурных ценностей и базовых цивилизационных критериев, на которые можно опереться в отвержении этой гегемонии. Иными словами, контр-гегемония в интеллектуальном пространстве самого Запада всегда вынуждена оставаться *абстрактной*, тогда как в зоне «Второго мира» она вполне может стать *конкретной*.

Первым этапом является фиксация внимания на воле к власти Запада как цивилизации.

Сегодня Запад претендует на универсальность и абсолютность своей ценностной системы, выдает себя за нечто *глобальное*. На основе той системы он стремится реорганизовать весь мир, распространив на него те процедуры, критерии, нормы и коды, которые были выработаны на самом этом Западе в по-

следние столетия. Как мы видели, отождествление локальной культуры с универсальной культурой, а ограниченного коллектива с целым человечеством (или, по меньшей мере, с избранной частью человечества, его элитой, способной выступать от его имени) есть черта, присущая *любому* социуму — как имперскому, так и архаическому. Поэтому сама претензия западной цивилизации на универсализм не содержит в себе ничего уникального и из ряда вон выходящего. Этноцентризм, деление всего мира на мы-группу (как правило, мы - «лучшие, нормативные, образцовые») и они-группу (как правило, они — «худшие, враждебные, представляющие угрозу»¹) является социальной константой. И при этом, явная произвольность и относительность такой установки сплошь и рядом не рефлексированы или недостаточно рефлексированы даже самыми развитыми и комплексными обществами, в других вопросах демонстрирующими гибкость суждений и навыки апперцепции. *Воля к власти движет обществами, но старательно избегает прямого взгляда, направленного на нее саму.* Она стремится скрыть себя за «очевидностью» или сложной системой аргументаций.

Начинать построение ТММ надо с того, что *признать Запад ядром гегемонии и зафиксировать это в ясной и недвусмысленной аксиоматике.* Как только мы попытаемся сделать это, мы тут же натолкнемся на интенсивное возражение со стороны самих западных интеллектуалов. Этот упрек, скажут они, целиком правомерен в отношении европейского прошлого. Но в настоящем сама западная культура отказалась от колониальных практик и европоцентристских теорий, приняла нормы демократии и мультикультурализма. Чтобы возразить на это, можно ситуативно встать на точку зрения марксизма и продемонстрировать, что Запад в буржуазную эпоху отождествил свою судьбу с капиталом и стал зоной его географической фиксации. А смысл капитала состоит в доминации над пролетариатом, поэтому под маской «демократии» и «ра-

¹ См. Sumner W. Folkways. Boston: Ginn, 1907.

венства» в условиях капитализма скрывается все та же воля к власти и практики эксплуатации и насилия. Так и поступают представители критической теории, и в этом они совершенно правы. Но чтобы не быть привязанными к марксизму с его дополнительными отягощающими догмами, многие из которых далеко не очевидны и неприемлемы, *необходимо расширить теоретическую базу разоблачения гегемонии и перевести ее из социально-экономического в более общий, цивилизационно-культурный контекст.*

Обстоятельную критику гегемонистских претензий западной цивилизации начали еще русские славянофилы, а в XX веке продолжили представители евразийского направления. Князь Н.С.Трубецкой в программной работе «Европа и человечество»¹, положившей основу идейного течения евразийцев, методом философского культурологического и социологического анализа блестяще показал искусственность и необоснованность претензий Запада на универсализм. В частности, он указывал на вопиющую неадекватность подобных методов как сведение содержания фундаментального тома «Чистая теория права»² юриста Ганса Кельзена почти исключительно к истории римского права и европейской юриспруденции, будто иных правовых систем (персидской, китайской, индусской и т.д.) вообще не существовало. Знак равенства между «европейским» и «всеобщим» — несостоятельная претензия. Единственным ее основанием является факт прямого физического силового и технологического превосходства, *право силы*. Но это право силы ограничено той областью, где действуют законы материальных сравнений и сопоставлений. Перенесение этих признаков на интеллектуальную и духовную сферу есть разновидность «расизма» и «этноцентризма». Исходя из этих принципов, евразийцы развили теорию множественности историко-культурных типов (начало чему положил Н. Дани-

¹ Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000.

² Kelsen H. Reine Rechtslehre. Vienna, 1934

левский¹), среди которых современный западный тип (романо-германская цивилизация) представляет собой лишь *географическую локальность* и *исторический эпизод*. Гегемония и успехи ее навязывания другим является фактом, с которым нельзя не считаться. Но, будучи осознанной как таковая, она перестает быть «очевидностью» или «судьбой», и становится лишь дискурсом, процессом, рукотворным и субъективным явлением, которое можно принять, но можно и отвергнуть, с которым можно согласиться, но который можно и оспорить.

Таким образом, контр-гегемония, необходимость которой обосновывают сторонники критической теории в МО, может быть с успехом дополнена совершенно другим интеллектуальным арсеналом — со стороны консервативных евразийцев, ориентирующихся в своей оппозиции Западу не на «пролетариат» и «равенство», но на культуру, традицию и духовные ценности.

Далее, важно проследить, какие *метаморфозы* проходит сама западная гегемония в последние столетия.

Когда мы имеем дело с традиционным государством или с империей, воля к власти выражена более *отчетливо и прозрачно*. Так было в период империи Александра Македонского, Римской империи, Средневековой Священной Римской Империи Германских Наций и т.д. Но в основании более позднего имперского универсализма вначале лежала греческая философия и культура, затем римское право, позднее христианская Церковь. На этих этапах воля к власти Запада проявлялась в форме сословного иерархического общества и в имперской стратегии в отношении соседних народов, которые либо включались в западную Эйкумену, либо, если это не удавалось, становились врагами, от которых надо было защищаться. Властные отношения и структуры доминанции были прозрачны и во внутренней политике, и в области международных отношений. Особенности такой «интернациональной системы» подробно

¹ Данилевский Н. Россия и Европа. М., 2007.

прослеживают Б. Бузан и Р. Литтл, определяя ее как «античную» или «классическую»¹. Здесь гегемония неприкрыта и откровенна, а, следовательно, и не является в полном смысле «гегемонией» как ее понимал Грамши, поскольку доминанция здесь осуществляется эксплицитно, и теми, на кого она направлена так и осознается. Явную власть можно либо терпеть, либо, при возможности и желании, свергнуть. С гегемонией (в грамшистском понимании) все обстоит несколько сложнее.

Гегемония как таковая складывается в Новое время, когда меняется вся «интернациональная система» — от «классической» к «глобальной» (Б. Бузан, Р. Литтл). Запад вступает в Новое время и отныне радикально меняет обоснование своего универсализма и оформление своей воли к власти. Отныне оно проходит под знаком «Просвещения», «прогресса» «науки», «секулярности» и «разума», а также борьбы с «предрасудками» прошлого во имя «лучшего будущего» и «человеческой свободы». В этот период образуются национальные государства и складываются первые буржуазно-демократические режимы. И хотя этот период истории знает чудовищные практики работорговли и колонизации, а также кровопролитные войны между самими европейскими «просвещенными» державами, принято считать, что человечество (=Запад) вступило в новую эру и стремительно движется к «прогрессу», «свободе» и «равенству». Открытая имперская воля к власти и концепт «христианской Экумены» трансформируются в новые универсальные идеалы, суммируемые в одном понятии «*прогресс*». Теперь «прогресс» берется в качестве всеобщей ценности, и во имя его разворачиваются новые формы доминанции. Это прекрасно показывают постмодернисты в МО, интерпретируя технический взлет западной цивилизации в Новое время как новое издание воли к власти, меняющей, однако, свою структуру. Теперь иерархические отношения выстраиваются

¹ Buzan B., Little R. International Systems in World History. Oxford: Oxford University Press, 2010.

не между «христианами» и «варварами», а между «прогрессивными» и «отсталыми» обществами и народами, между «современным обществом» и «традиционным обществом». Уровень технического развития становится критерием распределения иерархических ролей: развитые страны становятся «господами», неразвитые — «рабами».

На первом этапе Нового времени эта новая структура неравенства выражается грубым образом в практике колонизации. Позднее она сохраняется в более завуалированных формах. В любом случае «глобальная система» МО, отражающая базовые установки Нового времени, есть чисто гегемонистский порядок, где Запад является гегемоном, претендующим на полный контроль, как в стратегической, так и в когнитивной сферах. Это одновременно и диктатура западной *техники* и западной *ментальности*. Соответственно, социальные признаки западного общества эпохи Модерна и его ценности рассматриваются в качестве общеобязательных для всех остальных народов и культур. А то, что отличается от этой системы, воспринимается с подозрением, как нечто «недоразвитое», «недозападное». По сути, это перенос теории «недочеловека» с *биологического* (как у германских расистов, также, кстати, являющихся субпродуктом европейского Модерна, как показывает Х. Арендт¹) на *культурный* уровень.

В сфере теорий МО яркими выразителями концептуальной гегемонии являются представители реализма и либерализма, которые строят свои концепции, исходя из подразумеваемого универсализма Запада и его ценностей (а также интересов), и соответственно, закрепляют и активно поддерживают гегемонистский порядок.

На другом уровне однополярная модель, и многосторонний подход, и даже глобалистская бесполярность также представляют собой разновидности оформления гегемонии — как прямые и откровенные (однополярность, несколько более soft-

¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.

версия — многосторонность), так и имплицитные и завуалированные (так как глобализация и транснационализм неолибералов и конструктивистские проекты также представляют собой формы экспансии западных кодов на всю планету).

Соответственно, построение Теории Многополярного Мира должно проходить через отвержение самих основ западной гегемонии и, соответственно, построенных на ней теорий МО.

Сложнее обстоит дело с марксистской теорией МО. С одной стороны, она жестко критикует саму гегемонию, интерпретируя ее как форму доминации, свойственную капитализму. В этом она наиболее релевантна и продуктивна. Но с другой стороны, она исходит из тех же универсалистских и европоцентристских идей Нового времени как «прогресс», «развитие», «демократия», «равенство» и т.д., что вписывает ее в общий контекст именно *западного* дискурса. Даже если марксисты и солидарны с освободительной борьбой народов Третьего мира и незападных стран в целом против западного господства, они предвидят для этих стран универсальный сценарий развития, повторяющий путь западных обществ и не допускают мысли о самой возможности какой-то иной логики истории. Марксисты поддерживают незападные народы в их антиколониальной борьбе, чтобы они *поскорее* смогли пройти самостоятельно все этапы западного пути развития и построить общество, в сущности, такое же, какое уже построено в обществах Запада. Все общества должны пройти фазу капитализма, составляющие их классы должны стать полностью интернационализированными, и *только тогда* будут созданы условия для мировой революции. Эти аспекты марксизма в МО противоречат Теории Многополярного Мира, так как

- основываются на том же западном универсализме,
- признают односторонний вектор истории всех обществ и
- косвенно оправдывают капитализм и буржуазный строй, считая его необходимой фазой социального раз-

вития, без прохождения которой невозможно ни осуществить революцию, ни построить коммунизм.

Марксизм в такой ситуации есть *обратная сторона западной гегемонии*, которая, критикуя ее наиболее одиозные и лживые аспекты и обнажая ее классовую сущность, при этом не ставит под сомнение *историческую оправданность и даже фатальность* такого порядка вещей. Марксисты и сторонники мир-системы рассуждают: западная гегемония отвратительна, но она неизбежна, и бороться с ней напрямую бессмысленно, поскольку это только *отложит* ее неминуемую победу на глобальном уровне и, соответственно, *отдалит* момент мировой революции. Это значит, марксистское направление в МО следует рассматривать не как антитезу гегемонии, а как ее парадоксальный и не лишенный определенной методологической и концептуальной ценности *инвариант*.

Ближе всего к Теории Многополярного Мира стоят как раз *постпозитивистские теории*, критикующие Модерн как таковой и подчас возвышающиеся до антизападных обобщений и прямой фронтальной атаки на гегемонию и волю к власти, составляющую ее осевой вектор.

Среди этих теорий наибольший интерес представляют те, которые в ходе деконструкции западной гегемонии четко помещают Запад в пространственно-географические границы и, соответственно, прослеживают эволюцию западной доминанции по временной шкале и на географической карте мира¹. Параллельно этому осуществляется эпистемологический анализ интеллектуальных концептов и схем, которые на каждом историческом этапе оформляли западную волю к власти и обосновывали его гегемонию. Такого рода работы показывают, что Запад есть цивилизация среди всех других цивилизаций,

¹ Большое значение здесь играют теории Фернана Броделя, повлиявшие, в частности, и на концепт мир-системы И.Валлерстайна. См. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмм, 1993; Он же. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. в 3 тт. М.: Весь мир, 2006.

и в этом качестве ее претензии на универсализм сводятся до уровня конкретных исторических и географических границ. В этом смысле «современное общество» и совокупность связанных с ним аксиоматических тезисов (секулярность, антропоцентризм, главенство техники, прагматизм, гедонизм, индивидуализм, материализм, консьюмеризм, транспарентность, толерантность, демократия, либерализм, парламентаризм, свобода слова и т.д.) предстают чем-то *локальным и преходящим* — не более чем *моментом* мировой истории, имеющим строгие рамки. Такой анализ подрывает главное условие западной гегемонии — ее сокрытие под покровом универсалистских претензий, выдаваемых за нечто «само собой разумеющееся и очевидное». В этом огромный вклад постпозитивистов в разработку Теории Многополярного Мира.

Но здесь стоит поставить (быть может, риторический) вопрос: а почему в самой постпозитивистской среде не сложилась законченная теория многополярности, ведь релятивизация Запада и деконструкция его гегемонии были налицо и, казалось бы, сами собой подталкивали к тому, чтобы обратиться к иным цивилизациям и иным полюсам, а уже на основе глубинного анализа этих цивилизационных альтернатив и предложить полицентричную картину мира? Но постпозитивисты, как правило, лишь доводят до своих *логических пределов* именно западоцентричный дискурс, предлагая сделать *не шаг в сторону* от Запада и Модерна, но *шаг вперед*, в постисторию, в мир, который должен последовать за исчерпавшим себя Модерном, но сохраняющий с ним преемственность, логическую, историческую и моральную связь. Вместо того чтобы подвергнуть деконструкции принципы «свободы», «демократии», «равенства» и т.д., постмодернисты настаивают лишь на еще «бóльшей свободе», «настоящей демократии» и «полном равенстве», и критикуют Модерн за то, что он этого предоставить не может. Отсюда и споры между рядом современных фи-

лософов¹ и социологов относительно того, можно ли считать Постмодерн по-настоящему новой и альтернативной парадигмой в сравнении Модерном, или мы имеем дело лишь с высоким Модерном, ультрамодерном, «новым Модерном», т.е. с доведением до логического конца предпосылок и нормативов, обозначенных, но не реализованных до конца именно Новым временем.

Как бы то ни было, постпозитивисты, при всех их несравненных достоинствах и полезности их работ для построения Теории Многополярного Мира, остаются глубоко *западными людьми* (кем бы они не были по происхождению) и продолжают мыслить и действовать в рамках, поставленных западной цивилизацией, частью которой они являются даже в том случае, если отчаянно критикуют ее и ее основания (надо заметить, что приглашение к рациональной критике заложено как ценность в самой модели Нового времени).

Постмодернисты *расчищают путь* для построения Теории Многополярного Мира, так как благодаря их работам гегемония Запада становится очевидным, прозрачным и всесторонне описанным явлением, и претензии на универсальность западных ценностей объясняются через обращение именно к этой гегемонии и являются ее практическим следствием. А это значит, что она разоблачается и перестает быть столь эффективной, как в том случае, когда ее наличие не осознается и не замечается. Западные ценности и установки являются локальными и исторически ограниченными, а не глобальными и неизменными, и, соответственно, мировой порядок, построенный на их основании, есть выражение гегемонистской доминации и продукт экспансии одного центра в ментальной и идеальной средах, а не судьба, не прогресс, не объективный закон развития и не предзаданная фатальность. Утвердив и обосновав

¹ См. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. Или Бауман З. Текучая современность СПб: Питер, 2008. Также Дугин А. Постмодерн или ультрамодерн?/Дугин А. Поп-культура и знаки времени. СПб: Амфора, 2005. С. 436-445.

это, мы оказываемся в отношении гегемонии *лицом к лицу*. Она более не проникает в нас исподволь, пропитывая нас и захватывая контроль над нашей волей и нашим сознанием; она объективируется как внешняя и чуждая сила, отдельная от нас и пытающаяся навязать нам через суггестию и принуждение свою абсолютную власть. Хоть раз посмотрев гегемонии глаза в глаза, мы никогда уже не будем прежними.

Цивилизация

Несмотря на огромное значение постпозитивистских теорий в МО к ТММ вплотную подошли не они, а представитель консервативного направления в американской политике, убежденный сторонник реализма политический философ Самуил Хантингтон. Он в своей программной статье и позднее в полемической книге «Столкновение цивилизаций»¹ развернул концептуальную картину баланса сил в современном мире, которая в целом может быть взята за набросок ТММ в первом приближении.

Хантингтон в своей программной работе, сделавшей его всемирно известным и вызвавшей шквал реакций, рассматривает новые условия миропорядка, сложившиеся после распада двухполярного мира. Он полемизирует со своим учеником другим известным политическим аналитиком Ф. Фукуямой, который, интерпретируя конец двухполюсного мира, пришел к выводу о «конце истории»², то есть о фактически наступившем триумфе либерально-демократической модели в планетарном масштабе и о совершившейся глобализации. В духе неолиберальной парадигмы МО Фукуяма посчитал, что

- демократия стала универсальной нормой во всем мире и, следовательно,

¹ Huntington Samuel. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. London: Simon, 1996.

² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.

- отныне угрозы военных конфликтов сведены к минимуму (если не исключены вовсе — «демократии друг с другом не воюют»),
- единственной нормой становится мирная торговая конкуренция,
- гражданское общество утвердилось вместо национальных государств и
- приходит время провозглашения мирового правительства.

На это С. Хантингтон возражает с пессимистических позиций. Согласно ему,

- конец двухполярного мира не ведет автоматически к установлению глобального и однородного либерально-демократического миропорядка, а, следовательно,
- история не закончена, и
- говорить о конце конфликтов и войн преждевременно.

Мир перестал быть двухполярным, но не стал ни глобальным, ни однополярным. В нем наметились совершенно новая конфигурация, новые коллизии, новые столкновения, напряжения и конфликты. Здесь Хантингтон подходит к самому главному моменту и выдвигает совершенно фундаментальную и до сих пор по достоинству нецененную гипотезу относительно того, *кто будет актором, главным действующим лицом этого будущего мира*. В качестве такого актора он называет *цивилизации*.

Именно этот концептуальный шаг и следует считать началом возникновения совершенно новой теории — Теории Многополярного Мира. Хантингтон совершает главное: он выделяет нового актора, цивилизацию, и одновременно говорит о множественности этих акторов, употребляя в самом названии своей статьи это слово во множественном числе: *столкновение цивилизаций*.

Если мы согласимся с Хантингтоном в этом принципиальном моменте, мы окажемся в концептуальном поле, которое выходит за рамки классических теорий МО и даже постпо-

зитивистских парадигм. Стоит только признать множественность цивилизаций и отождествить их с главными акторами (units) в новой системе международных отношений, как мы получаем в первом приближении готовую *карту многополярного мира*. Теперь у нас есть и идентификация того, что является полюсом такого многополярного устройства: этим *полюсом является цивилизация*. Следовательно, сразу же можно ответить на принципиальный вопрос о том, сколько полюсов должно иметь многополярное устройство. Ответ: *столько же, сколько существует цивилизаций*.

Итак, благодаря С.Хантингтону мы получаем в первом приближении *frame* новой теории. В этой теории постулируется модель, в которой существует несколько *центров* принятия глобальных решений в поле международных отношений, и этими центрами являются соответствующие цивилизации.

Хантингтон исторически принадлежит к школе реалистов в МО. Поэтому он тут же переходит от выявления цивилизаций как акторов нового миропорядка к анализу вероятности конфликта (столкновения) между ними. Точно так же устроена базовая модель реалистов при оценке национальных интересов: в первую очередь, при анализе международных отношений они рассматривают вероятность конфликтов, зону пресечения интересов и способность к обеспечению обороны и безопасности. Но фундаментальное различие состоит в том, что классические реалисты прикладывают эти критерии к национальному государству, считающемуся главным и единственным актором в международных отношениях, к как строго и легально конституированной реальности, признанной на международном уровне, а Хантингтон применяет тот же подход к цивилизации — понятию гораздо более расплывчатому, нечеткому и не проработанному концептуально. И, тем не менее, именно интуиция Хантингтона и тот качественный сдвиг в определении актора нового миропорядка от национального государства к цивилизации, представляет собой самый важный момент его теории. Это открывает совершенно новые пути к пониманию

структуры международных отношений и закладывает основы ТММ.

Здесь важно ясно понять, *что такое цивилизация*, и какой смысл заключен в этом принципиальном для ТММ понятии.

Цивилизация не является концептом, фигурирующим ни в одной из теорий МО — ни в позитивистских, ни в постпозитивистских. Это не государство, не политический режим, не класс, не сеть, не сообщество, не группа индивидуумов и не отдельные индивидуумы. *Цивилизация — коллективная общность, объединенная причастностью к одинаковой духовной, исторической, культурной, ментальной и символической традиции (чаще всего религиозной в своих корнях, хотя не обязательно осознаваемой в терминах конкретной религии), члены которой осознают близость друг к другу, независимо от национальной, классовой, политической и идеологической принадлежности*¹.

После классической работы О. Шпенглера² некоторые авторы разделяют, вслед за ним, «цивилизацию» и «культуру», где под «культурой» понимается духовно-интеллектуальная общность, а под «цивилизацией» фиксация рационально-технологических установок и структур. По Шпенглеру, цивилизация есть «остывшая» культура, культура, утратившая внутреннюю силу и волю к развитию и расцвету и опустившаяся до отчужденных механических форм. Однако это разделение не стало общепринятым, и в большинстве работ (например, у А. Тойнби³) понятия «цивилизация» и «культура» оказываются практически синонимами. Для нас важно, что С. Хантингтон понимает под «цивилизацией» практически то же, что и под «культурой», и поэтому не случайно при описании и перечисле-

¹ Другие дефиниции см. в Katzenstein Peter J. *Civilizations in World Politics: Plural and Pluralist Perspectives*. London, UK: Routledge, 2010.

² Шпенглер О. *Закат Европы. Образ и действительность*. М.: "Наука", 1993.

³ Тойнби А. *Постижение истории*. М.: Прогресс, 1991.

лении цивилизаций он преимущественно обращается к религиям или религиозным системам.

В теоретическом поле МО этот концепт встречается впервые, и только сейчас позиционируется как возможный актор глобальной политики. По классификации Бузана/Литтла¹,

- в *классической* или *античной* системе интернациональных отношений (традиционное общество, Премодерн) фигурируют традиционные государства и империи;
- в *глобальной* системе (международные отношения в эпоху Нового времени) — национальные государства буржуазного типа;
- в последней *постмодернистской* системе — наряду с государствами, транснациональные сетевые сообщества, асимметричные группы и иные «множества».

Ни в одной из них нет цивилизаций как акторов. Цивилизации как понятие фигурирует и в исторической науке, и в социологии, и в культурологии. Но в МО этот концепт вводится впервые.

Логика Хантингтона, выдвинувшего гипотезу цивилизации в МО, довольно прозрачна. Конец двухполюсного мира и противостояния друг другу двух идеологических лагерей, капиталистического и социалистического, завершается победой капитализма и ликвидацией СССР. Отныне у капиталистического Запада больше нет «формального» противника, способного на рациональном и интеллигибельном уровне обосновать свою позицию, предложить симметричный альтернативный сценарий мировой системы и доказать на практике свою конкурентоспособность. Из этого Ф. Фукуяма делает поспешный вывод о том, что Запад стал отныне глобальным явлением, и все страны мира и все общества превратились в единое однородное поле, в целом воспроизводящее с небольшими отклонениями парламентскую демократию, рыночную экономику и

¹ Buzan B., Little R. *International Systems in World History*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

идеологию прав человека. Поэтому, считает Фукуяма, время национальных государств прошло, и мир стоит на пороге полной и окончательной интеграции. Человечество на глазах превращается в глобальное гражданское общество, политика уступает место экономике, война полностью сменяется торговлей, либеральная идеология становится универсально признанной безальтернативной нормой, все народы и культуры смешиваются в едином космополитическом плавильном котле¹.

Фукуяма в данном случае следовал правилам «разбавленного» (thin) анализа. Он совершенно справедливо выделяет главные и самые яркие черты происходящих событий. Действительно, конец социализма устраняет с исторической арены самого серьезного и внушительного идеологического противника либеральной демократии, делая ее «универсальной». Никакая другая идеология на этот момент не имеет достаточного распространения, привлекательности и кредита доверия, чтобы всерьез конкурировать с либерализмом. Практически все страны мира принимают *de facto* и *de jure* нормативы западной цивилизации. Обществ, игнорирующих нормативы демократии, рыночную экономику и свободу прессы, осталось совсем не много, и те находятся в состоянии перехода к западной модели. Это является достаточным основанием для того, чтобы провозгласить «конец истории», который если не наступил, то наступит вот-вот. К подобному же выводу пришли неореалисты, открыто оправдывающие гегемонию США (Р. Джилпин, Ч. Краутхамер), и неолибералы (восторженно встретившие победу демократии в странах Восточного блока), и некоторые постмодернисты (увидевшие в глобализации новые горизонты индивидуальной свободы).

¹ Позднее Ф. Фукуяма признал, что его оптимистический прогноз либеральной глобализации был слишком скоропалительным, и в реальности все обстояло далеко не так, как он описал в своей программной работе, сделавшей его знаменитым. Фукуяма Ф. Идеи имеют большое значение. Беседа с А.Дугиным//Профиль. 2007.

Хантингтон противопоставляет этому «густой» (thick) анализ, который уделяет больше внимания деталям, качественным сторонам анализируемых процессов и стремится лучше понять глубинное измерение изучаемых трансформаций пост-биполярного мира. Он приходит к выводу, что модернизация и демократизация, а также нормативы рыночного либерализма по-настоящему затронули только западные общества, а все остальные страны приняли эти правила игры под давлением необходимости, не включили их в глубину своих культур, прагматически заимствовав лишь отдельные избирательные моменты западной цивилизации — прикладные и технологические. Так, Хантингтон говорит о распространенном в западных странах явлении «модернизации без вестернизации», когда представители незападных обществ заимствуют определенные западные технологии, но стремятся адаптировать их к местным условиям и сплошь и рядом направить их *против того же Запада*. Демократизация и модернизация незападных обществ, таким образом, в свете «густого» анализа становятся двусмысленными и относительными, и, соответственно, отнюдь не гарантируют тех результатов, которых следовало бы ожидать без учета внутренней подоплеки этих процессов. Чем больше Запад расширяет свои границы, включая в них «всех остальных» (the Rest, незападные общества), тем больше усугубляется эта *двусмысленность* и возрастает зазор между Западом и незападными регионами, получающими новые технологии и усиливающими свой потенциал, при этом сохраняя связи с традиционными структурами обществ. Вот это обстоятельство и приводит к понятию «цивилизация» как научному концепту МО.

Цивилизации в структуре МО XXI века — это обширные пространственные зоны, которые под влиянием модернизации и с опорой на западные технологии усиливают свой силовой и интеллектуальный потенциал, но вместо того, чтобы полностью принять вместе с этим западную систему ценностей, сохраняют органические и крепкие связи со своими традицион-

ными культурами, религиями и социальными комплексами, подчас резко конфликтующими с западными или даже противоположными им. Распад социалистического лагеря лишь катализирует эти процессы и обнажает такое положение вещей. Вместо симметричной оппозиции Восток - Запад появляется поле напряжений между несколькими цивилизациями. Эти цивилизации, на сегодняшний день чаще всего разделенные национальными границами, в ходе глобализации и интеграции будут все теснее осознавать свою общность и действовать в системе международных отношений, руководствуясь общими ценностями и интересами, вытекающими из этих ценностей. В результате развития этих процессов и в случае успешной «модернизации без вестернизации» мы получаем принципиально новую картину баланса сил в мировом масштабе. Это и есть *многополярный мир*.

Полюса многополярного мира/номенклатура цивилизаций

Хантингтон выделяет следующие цивилизации:
беспорные

- Западная цивилизация
- Православная (евразийская) цивилизация
- Исламская цивилизация
- Индуистская цивилизация
- Китайская (конфуцианская) цивилизация
- Японская цивилизация

потенциальные

- Латиноамериканская цивилизация
- Буддистская цивилизация
- Африканская цивилизация

Им-то и суждено в определенном историческом времени стать полюсами многополярного мира.

Самой очевидной и часто претендующей на единственность и универсальность является западная цивилизация¹. Она берет

¹ Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension of Modernity: Modernity

свое начало в греко-римском мире, а в Средневековье складывается окончательно в западной половине христианской Эйкумены. Сегодня она состоит из двух стратегических центров по обе стороны Атлантики: Северной Америки (в первую очередь, США) и Западной Европы. В этой зоне сформировался Модерн и вся его цивилизационная аксиоматика. Здесь находится бесспорный и очевидный полюс нынешнего миропорядка. Это Хантингтон называет термином «the West», «Запад».

Но в картине множественности цивилизаций мы видим следующую особенность: Запад как цивилизация (*одна из нескольких!*) есть явление локальное, рядоположенное с другими цивилизациями, имеющими длительную историю, глубокие исторические корни, и сегодня обладающими серьезным ресурсным, стратегическим, экономическим, политическим и демографическим потенциалом. Запад — это «большое пространство», среди других «больших пространств»¹. Западная цивилизация является лидирующей, но «*все остальные*» (the Rest), если сложить их совокупный потенциал, в определенный момент могут бросить ему вызов и поставить его гегемонию под вопрос. Сам Хантингтон, естественно, этого не хочет, но он реалистично оценивает ситуацию, предполагая, что это в любом случае когда-то произойдет, и поэтому уже сейчас руководители западной цивилизации должны самым серьезным образом посмотреть в глаза тревожному и рискованному будущему, где вероятность столкновения со «всеми остальными» будет только возрастать — по мере развития мощи других цивилизаций.

Православная (евразийская) цивилизация также имеет средиземноморское происхождение, но складывается на основании восточно-христианской традиции, продолжая геополитику Византийской империи. Уже более тысячи лет назад

as a Distinct Civilization//International Sociology, 16(3) 2001. С. 320-340.

¹ Schmitt Carl. Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für Raumd fremde Mächte- Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht. Berlin: Duncker & Humblot, 1991.

Карта цивилизий

расхождения между западным и восточным христианством принимают критические формы, и эти две части христианской Экумены следуют своими отличными и часто антагонистическими историческими путями. Ядром православной (евразийской) цивилизации является Россия, получившая, начиная с XV века, двойное историческое и геополитическое наследие — одновременно от покоренной османами Византии и от рухнувшей Золотой Орды, став синтезом восточно-христианской и степной (туранской) культур¹.

Вся история отношений России с Западной Европой представляет собой конфликт вокруг линии цивилизационного разлома, прочерченного между православием и западным христианством (католичеством и протестантизмом). Позднее (с эпохи Петра) это противостояние приобретает характер противоречия национальных интересов, еще позднее (в XX веке) выражается в конфликте мирового капитализма и мирового социализма. И хотя эта последняя версия ушла в прошлое, цивилизационная идентичность России и других православных (по своей истории и культуре) обществ предопределяет существенное отличие от западных критериев, что легко выливается в конфликт интересов и при определенных обстоятельствах в вероятность столкновения. Православная (евразийская) цивилизация с ядром в России имеет все основания на то, чтобы претендовать на роль одного из полюсов многополярного мира. В современных условиях у России едва ли хватит потенциала для единоличного противостояния Западу, поэтому возврат к двухполярной системе и невозможен. Но в контексте многополярности, эта цивилизация вполне могла бы стать важнейшим и в определенных ситуациях *решающим* фактором мирового баланса сил. Особенно это стало заметно с 2000 года, когда Москва стала понемногу укреплять свои позиции на международной арене, преодолев хаос 90-х.

¹ Основы евразийства. М. Арктогея-Центр, 2002.

Исламская цивилизация представляет собой еще одну *мировую силу*. Сегодня мусульмане разделены границами национальных государств, но есть пункты, по которым представители исламской цивилизации в целом солидарны между собой по ту сторону национальных границ. По мере модернизации исламских обществ и укрепления их экономического, политического и военно-стратегического потенциала, исламские элиты и интеллектуальные круги все отчетливее осознают различия в ценностных системах между исламским миром и западной цивилизацией, что вызывает постоянно растущие антизападные настроения. Атака исламских террористических групп «Аль-Каиды» на башни Всемирного Торгового Центра 9 сентября 2011 года демонстрирует, до какой степени ожесточения этот конфликт способен дойти. По ряду параметров исламская цивилизация вполне может претендовать на статус самостоятельного полюса многополярного мира.

Не менее очевидны культурные особенности китайской (конфуцианской) цивилизации. Китайское общество объединено не столько религией, сколько общностью этической культуры, сходством социальных установок и множеством иных этических, духовных, философских и психологических черт. Китайцы живо осознают свою цивилизационную особенность и способны сохранять верность культурному типу, даже проживая в среде других, некитайских обществ. Успешно осваивая западные технологии, китайцы сохраняют свою культурную идентичность почти неприкосновенной. Западный индивидуализм, гедонизм, рационализм и т.д. не проникают глубоко в китайское общество. Сохранение в Китайской Народной Республике коммунистического правления только подчеркивает особость китайского пути. Внушительная демография китайского населения представляет собой огромный политический и экономический ресурс, а выдающиеся успехи китайской экономики давно превратили Китай в серьезного экономического конкурента странам Запада.

Не меньшим чем у Китая демографическим потенциалом обладает и Индия. Очевидно, что это не просто государство, но именно цивилизация, с многотысячелетней историей и особыми философскими и ценностными установками, существенно отличающимися от нормативов современного Запада. Модернизация Индии приводит к определенным изменениям в социальной структуре этой страны, но по мере технического развития растет и осознание индусами собственной цивилизационной идентичности (хиндутва¹). Индийская цивилизация не агрессивна и созерцательна по своим корням, но при этом чрезвычайно консервативна и устойчива, и перед лицом альтернативных цивилизационных кодов (Ислам, вестернизация и т.д.) способна проявлять определенную жесткость. Экономический рост Индии в последние годы также делает ее вполне состоятельным претендентом на роль полюса многополярного мира. У Индии есть своя стратегия, распространяющиеся на ряд ключевых зон субконтинента, граничащих с Индией, на определенный сектор Индийского океана и на расположенные там островные государства.

Японская цивилизация, не смотря на то, что из всех западных стран Япония после Второй мировой войны глубже всех интегрирована в зону «глобального Запада», представляет собой уникальное явление с самобытной культурной традицией. Огромный экономический потенциал Японии и специфика японской социальной психологии еще в начале 90-х годов приводили ряд американских аналитиков к мысли о возможном столкновении Запада с Японией². В последние два десятилетия экономический рост Японии заметно замедлился, а ее политические амбиции в региональной политике, не говоря уже о глобальной, существенно сократились. Но, тем не менее, учитывая прошлый исторический опыт и огромный потенциал

¹ Savarkar Vinayak Damodar. Hindutva. Delhi: Bharati Sahitya Sadan, 1989.

² Friedman George, LeBard Meredith. The Coming War With Japan. New York: St. Martin's. Press, 1991.

японского общества, нельзя исключить того, что в определенный момент Япония станет наряду с Китаем одной из ведущих цивилизационных сил — как минимум в Тихоокеанском регионе. Она и сейчас является таковой, но, правда, представляя стратегические интересы США, в том числе и в вопросе уравнивания растущей мощи Китая. В условиях многополярности эта «прозападная» функция Японии может измениться.

Латиноамериканская цивилизация является постколониальной зоной, политически организованной европейцами. Но исторические связи с католическими и консервативными культурами Испании и Португалии, а также значительный процент сохранившегося автохтонного населения, стали причиной того, что культура стран Южной Америки существенно отличается от культуры Северной Америки (где преобладали англосаксонские протестантские влияния и местные индейские племена были почти полностью истреблены). Религиозные, культурные, этносоциологические и психологические отличия латиноамериканцев могут служить предпосылкой для того, чтобы население Южной Америки осознало свое историческое своеобразие и стало самостоятельным полюсом — с собственной повесткой дня и стратегическими интересами.

В этом направлении на разных уровнях уже сегодня начинают двигаться разные латиноамериканские страны — от Венесуэлы Уго Чавеса и Боливии Эво Моралеса до сделавшей в последние годы мощный бросок вперед Бразилии. Совокупно страны Латинской Америки обладают значительным демографическим, ресурсным, экономическим, политическим потенциалом и вполне могут при определенных обстоятельствах стать полюсом многополярного мира.

Остальные цивилизации могут рассматриваться лишь как далекие кандидаты на статус полюса многополярного мира.

Африканская цивилизация, как пространство, подлежащее интеграции в самостоятельный полюс многополярного мира, существует в форме умозрительного проекта. Народы Транс-сахарской Африки чрезвычайно разрозненны и объединены в

национальные государства по чисто колониальному признаку. У них нет никакой *общей* культурной идентичности или цивилизационной системы. Чисто теоретически на основании расовых, пространственных, геополитических, экономических и социологических особенностей в какой-то момент народы Африки могли бы осознать (точнее, сконструировать) свое единство. Такие проекты существуют — например, проект Соединенные Штаты Африки (Кваме Нкрума, Абдулай Вад, Муаммар Каддафи), Организация Африканского Единства, Панафриканское экономическое сообщество и т.д. Совокупность населения и территория делают эту теоретическую конструкцию весьма внушительной (третье место по демографии и первое по объему занимаемого пространства в мире).

Но для того, чтобы эта зона превратилась в самостоятельный полюс, должно пройти, видимо, довольно много времени.

Буддистская цивилизация также представляется туманной и размытой. К ней относятся разные страны, которые отличаются по ряду культурных и социальных признаков от соседних с ними исламской и индуистской цивилизаций. Буддизм распространен в Китае и Японии, однако эти страны могут претендовать на то, чтобы выступать в качестве самостоятельных полюсов. Поэтому консолидация буддистского пространства, четко отличного от ареала китайского или японского влияния, вряд ли может состояться в ближайшей перспективе. Можно считать «буддистскую цивилизацию» резервной зоной в Тихоокеанском регионе.

Таким образом, простой перечень цивилизаций и довольно оформленных и пока еще весьма приблизительных, позволяет придать ТММ конкретный характер. Мы получаем дифференцированную структуру потенциальной карты многополярного мира.

Мы видим на ней

- *западную цивилизацию*, сегодня претендующую на универсализм и гегемонию, но на самом деле, представляющую собой лишь цивилизацию среди многих, а значит,

и ее гегемония и ее универсализм имеют строго определенные географические границы и вполне конкретное историческое содержание (и пространственные и временные границы могут быть сдвинуты в любом направлении — это как раз зависит от межцивилизационного баланса);

- *православную (евразийскую) цивилизацию*, чьи приблизительные границы включают в себя пространство СНГ и часть Восточной и Южной Европы (это территория неоднократно выступала в истории как главный или, по меньшей мере, основательный конкурент для западной цивилизации — вплоть до недавнего прямого дуализма Восток-Запад в системе двухполярного мира);
- *исламскую цивилизацию*, пространственно охватывающую Северную Африку, центральную Азию и ряд тихоокеанских стран (где сосредоточен огромный демографический потенциал и критически важный объем полезного сырья, в том числе энергоресурсов);
- *китайскую цивилизацию*, включающую в себя не только Тайвань, но и обширную зону в Тихоокеанском регионе, на которую распространяется китайское влияние (и которая имеет определенные основания для того, чтобы стать еще более обширной с учетом китайской демографии и темпов экономического роста);
- *индуистскую цивилизацию* (куда кроме, собственно, Индии можно отнести Непал и Маврикий в Африке, где более 50% населения исповедует индуизм);
- *латиноамериканскую цивилизацию*, объединенную связью с испано-португальскими обществами Европы, католической религией, относительной общностью смешанной европейско-индейско-африканской культуры (сюда можно включить как страны Южной Америки, так и Центральной Америки вплоть до Мексики на самом севере этого региона);

- *японскую цивилизацию*, сегодня пребывающую в анабиозе, но исторически имевшую (обоснованные, с точки зрения силового потенциала) претензии на установление во всем Тихоокеанском регионе «японского порядка».

Контуры этих цивилизаций ясно различимы на карте и проступают по целому ряду важных вопросов *сквозь* границы национальных государств, дробящих соответствующие цивилизационные пространства.

Контуры трех других потенциальных цивилизаций видны не столь отчетливо. Африканская и буддистская цивилизации в качестве интегрированного полюса многополярного мира представляют собой сегодня, скорее всего, реалии далекого будущего.

Но, тем не менее, мы имеем дело с готовым наброском миропорядка, радикально отличного от того, что является объектом теоретизаций подавляющего большинства парадигм МО — как позитивистских и классических, так и постмодернистских. Эта картина цивилизационных центров в системе многополярности есть *схема возможного и даже вероятного будущего*. В таком будущем количество акторов мировой политики будет строго больше одного и двух, но при этом их будет на порядок меньше, чем существующих на сегодняшний день национальных государств.

Каждая из цивилизаций будет представлять собой полюс силы и центр локальной гегемонии, превосходящей потенциал всех своих составляющих (относящихся к данной цивилизации), но не обладающей достаточным могуществом, чтобы навязать свою волю соседним цивилизациям.

Многополярный порядок, таким образом, будет воспроизводить на ином уровне Вестфальскую систему — с ее суверенитетом, балансом сил, хаосом интернациональной среды, возможностями конфликтов и потенциалом мирных переговоров. Но с той лишь принципиальной разницей, что акторами отныне будут *не национальные государства*, нормативно

представляемые по одинаковому образцу, скопированному с европейских капиталистических держав Нового времени, а *цивилизации*, имеющие совершенно самостоятельную внутреннюю структуру, соответствующую историческим традициям и культурным кодам.

Такой мир будет в полном смысле слова *полицентричным*, так как равенство цивилизаций на уровне международного порядка не будет предполагать идентичности их внутрисполитического устройства. Каждая из цивилизаций получит, тем самым, право организовывать свои общества в соответствии со своими предпочтениями, ценностными системами и историческим опытом. В одних религия будет играть решающую роль, в других вполне могут преобладать секулярные принципы. В одних будет демократия, в других — совершенно иные политические формы правления, либо связанные с историческим опытом и культурными особенностями, либо избранные в качестве оптимальных самими обществами как конструктивный проект. В отличие от Вестфальской системы, в такой модели мироустройства будет отсутствовать общепланетарная модель универсалистской гегемонии и общеобязательный паттерн. В каждой цивилизации смогут быть утверждены обобщающие системы ценностей, свойственные только этой цивилизации — включая представления о субъекте, объекте, времени, пространстве, политике, человеке, познании, цели и смысле истории, правах и обязанностях, социальных нормативах и т.д. Каждая цивилизация имеет свою философию, и незападные цивилизации, вполне естественно, будут опираться на свои автохтонные философские системы — возрождая их, совершенствуя, трансформируя или даже меняя на новые, но все это в условиях исключительной свободы и опоры на конкретное общество.

Цивилизации как конструкты

Здесь мы подходим к очень важному моменту. Многие критики Хантингтона выдвинули контраргументы, оспаривая

само существование цивилизаций в современном мире или указывая на то, что глобализация, вестернизация и модернизация через определенный срок выровняют культурные и цивилизационные различия¹. Вопрос об онтологии концепта цивилизации, таким образом, ставится ими на повестку дня со всей остротой.

Тот факт, что цивилизации существуют как объединяющий широкие сегменты обществ культурный и ценностный (иногда религиозный) фон, является эмпирическим фактом социологии и истории. Но достаточно ли этого, чтобы в нынешних условиях это единство было достаточно ясно осознано, мобилизовано и превратилось в сильную политическую идею, способную сделать цивилизации главными акторами в системе международных отношений?

Хантингтон приводит эмпирические наблюдения, настаивая на том, что такая онтология есть², и что в нынешних условиях именно цивилизационная идентичность призвана сыграть решающую роль в развертывании основных процессов после конца двухполюсного мира и все возрастающих трудностей у США с тем, чтобы справиться с растяжением границ однополярного момента, а также на фоне глобализации, которая, параллельно с универсализацией определенных кодов и процедур, способствует одновременно возрождению локальных и религиозных идентичностей (Р. Робертсон и его

¹ Fox J. Paradigm Lost: Huntington's Unfulfilled Clash of Civilizations Prediction into the 21st Century// *International Politics*, 42, 2005. pp. 428—457.; Henderson E. A., Tucker, R. Clear and Present Strangers: The Clash of Civilizations and International Conflict// *International Studies Quarterly*, 45. 2001; Russett B. M., Oneal J. R., Cox M. Clash of Civilizations, or Realism and Liberalism Déjà Vu? Some Evidence// *Journal of Peace Research* 37. 2000; Said Edward. The Clash of Ignorance// *The Nation*, October 2001.

² Huntington Samuel P. (ed.) *The Clash of Civilizations?: The Debate// Foreign Affairs*, New York, 1996.

«глокализация»¹). Но это вопрос дискуссионный: сторонники цивилизационного подхода утверждают, что цивилизация является онтологически обоснованным концептом в области международных отношений², противники же настаивают на том, что эта онтология сомнительна или ирреальна. Так как сам Хантингтон стоит на стороне Запада и является интегральной частью его интеллектуальной элиты, то его осмысление фактора цивилизаций идет с позиций Запада, и в самом факте наличия других цивилизаций, кроме Западной, и тем более в их вероятном усилении и становлении самостоятельными полюсами многополярного мира Хантингтон видит лишь угрозу. Он считает эту угрозу реальной и онтологически обоснованной. Поэтому его относят к пессимистам глобализации. И все же для него онтология концепта цивилизации — это оценка серьезности и реальности потенциального противника³.

Однако к этой проблеме можно подойти и с совершенно другой стороны, не в рамках реалистского подхода, которому по многим вопросам остается верен сам Хантингтон, но на основе конструктивистского метода и, шире, постпозитивистских теорий МО.

Для ТММ не столь важно, существуют ли цивилизации как акторы и полюса многополярного мира или нет, является ли их бытие доказанным и весомым фактором или слабой и турбулентной помехой на пути уверенного катка однополярности или западоцентричной глобализации. Цивилизация как актор международных отношений — это совсем не возврат к Премодерну, где фигурировали традиционные государства и империи. Цивилизации, как актор международных отно-

¹ Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage, 1992.

² Harris Lee. *Civilization and Its Enemies: The Next Stage of History*, New York, The Free Press, 2004.

³ В этом его упрекает Эдвард Саид. Said Edward. *The Clash of Ignorance*. Op. cit.

шений, это нечто *совершенно новое*, никогда не бывшее, это своего рода *реальность Постмодерна*, призванная заместить собой исчерпавший себя потенциал миропорядка, основанного на доминации Вестфальской системы, но *Постмодерна альтернативного* как однополярной американской империи, так и бесполярной глобализации.

Иными словами, в каком-то смысле цивилизацию следует рассматривать *как конструкт*, как специфический дискурс, как текст, который, однако, имеет структуру, принципиально отличную от однородного и «монотонного» западоцентричного дискурса. Цивилизация — это привнесение в реальность международных отношений качественного различия (*differance*), когда человечество мыслится не как воспроизводство однотипной серии (презумпция гражданского общества или идеологии прав человека), но как набор несовозможных монад (по Лейбницу¹), которые организуют несколько параллельных семантических и культурных Вселенных. Эти Вселенные сходятся в *конflikте* (как у Хантингтона), но совсем не обязательно, что *только* в нем. В той же мере вероятен и *диалог цивилизаций*², на чем настаивал бывший президент Ирана Мухаммад Хатами³. Форма взаимодействия цивилизаций как акторов многополярной системы может быть *любой* — конфронтационной и мирной, практически в той же самой пропорции, как строятся отношения между собой национальных государств в Вестфальской системе. Но если национальное государство и национальный суверенитет были конструктами Нового времени, то

¹ Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: Издательство Логос, 1997.

² Michael M.S., Petit F. (eds.). *Civilizational Dialogue and World Order: The Other Politics of Cultures, Religions, and Civilizations in International Relations*. Palgrave-Macmillan, 2009.

³ Khatami Mohammad. *Dialogue among civilizations: a paradigm for peace*. NY: Theo Bekker, Joelen Pretorius, 2001; Köchler, Hans (ed.). *Civilizations: Conflict or Dialogue?* Vienna: International Progress Organization, 1999.

цивилизация вполне может стать *конструктом Постмодерна*, выражая, таким образом, *радикальную плюральность дискурсов, не сводимых к общему знаменателю*.

Цивилизации суть то, что требуется создать. Однако этот процесс создания цивилизаций не предполагает целиком искусственной модели, полностью отсутствующей в реальности. Культурная, социологическая, историческая, ментальная, психологическая база для цивилизаций есть, и она эмпирически фиксируется¹. Но переход от цивилизации как культурной и социологической данности к цивилизации как актору многополярного мира требует *усилия*. Это задание, которое может и призвана осуществить особая историческая инстанция.

Что это за инстанция? Можно условно и аппроксимативно определить ее как *политическую и интеллектуальную идеологическую элиту «всех остальных» (the Rest)*, то есть совокупность государственных деятелей, интеллектуалов, представителей крупных монополий и религиозных структур, а также ведущих политических сил тех стран, которые по тем или иным причинам не согласны с однополярностью или западоцентричной глобализацией, являются сторонниками «модернизации без вестернизации» и видят будущее своих обществ только в рамках мироустройства, альтернативного ныне существующему.

Сам Хантингтон, повторяя А. Тойнби, говорит о паре «the West and the Rest», «Запад и все остальные» как о цивилизационных антагонистах². Постепенно это расплывчатое «все остальные» (the Rest) приобретает зримые черты и фиксирует свою историческую программу в выработке ТММ.

¹ Harrison Lawrence E., Samuel P. Huntington (eds.), Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York: Basic Books, 2001.

² С. Н. Трубецкой в этом же смысле противопоставлял как антагонистические концепты «Европу» и «человечество». Трубецкой Н. С. Европа и человечество/ Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2001.

Именно интеллектуальная элита незападного мира призвана *сконструировать многополярность* и, соответственно, превратить «цивилизацию» в действенный и содержательный концепт.

Границы цивилизаций

Очень важный вопрос заключается в том, как определить *границы цивилизаций* и, соответственно, как определить вероятные модели отношений между ними. Здесь можно рассматривать различные варианты, но несколько моментов являются заведомо очевидными.

Границы цивилизаций не могут являться и не являются строго фиксированными *линиями*, как в случае государственных границ, разделяющих между собой национальные государства. Цивилизации отделены друг от друга в пространстве широкими *полосами*, на которых наличествует смешанная цивилизационная идентичность. Кроме того, внутри одной цивилизации могут быть достаточно большие анклавов или вкрапления иной цивилизации. Цивилизация относится к пространству радикально иначе, нежели национальное государство к своей территории. Степень административного упорядочивания соотносится не столько с пространством, сколько с обществами, общинами и группами населения. Поэтому территориальный признак не является здесь столь же однозначным, как в случае определения принадлежности той или иной национальной территории.

Соответственно, у границ между цивилизациями должен быть *качественно иной статус*, нежели у границ между государствами¹. На границе между цивилизациями могут быть расположены целые автономные миры, самобытные и обособленные, составляющие совершенно специфические социаль-

¹ Shapiro M. J., Hayward R. Alker (eds.) Challenging Boundaries: Global Flows, Territorial Identities. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1996.

ные структуры и культурные ансамбли. Для них следует разработать совершенно особую правовую модель, учитывающую особенности тех цивилизаций, которые накладываются друг на друга, и пропорции между ними, а также их качественное содержание и уровень интенсивности осознания собственной идентичности. В некоторых юридических школах различают понятие «граница» (в строгом смысле, как линия, отделяющая территорию одной страны от другой) и «фронтир» (как менее конкретная зона, находящаяся между одним типом пространства и другим). В первом случае это именно линия, не имеющая ширины, в другом случае — зона, полоса, нечто имеющее ширину. В этом контексте одну цивилизацию от другой отделяет именно «фронтир», междцивилизационная зона, которая может быть довольно широкой и расплывчатой, всякий раз специфической и отличающейся от социокультурного пространства, преобладающего по обе стороны «фронтира»¹.

Практика многополярного мира: интеграция

Выяснив онтологический статус концепта «цивилизация», становится понятным направление основного вектора практики строительства многополярного мира. Речь идет об *интеграции*.

Интеграция становится осью многополярного миропорядка. Но эта интеграция в ТММ должна четко вписываться в цивилизационные рамки. Поэтому следует строго различить несколько типов интеграции:

- *глобальную*, не учитывающую цивилизационные особенности и протекающую на основе универсального протокола, за основу которого взята западная система норм, процедур и ценностей;

¹ Ashley R. Living on Border Lines: Man, Poststructuralism and War/ Derian Der, Shapiro M.J. (eds.). International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics Lexington, MA: Lexington Books, 1989.

- *гегемонистскую*, приводящую к установлению иерархических диспропорциональных отношений у субъектов интеграции без учета культурных различий;
- *цивилизационную*, захватывающую только те страны и общества, которые имеют общую культурную составляющую и сходную социально-политическую систему, а также общие исторические (и религиозные) корни.

ТММ настаивает на противодействии первым двум типам интеграции и на поощрении и активном проведении третьего типа интеграции.

Таким образом, мы получаем конкретный набор, состоящий из нескольких интеграционных зон, довольно неравнозначных по своему цивилизационному содержанию:

- *западная интеграция* (европейская и американская), а также евро-атлантическая (здесь все обстоит успешно : есть военно-политический блок НАТО, есть Евросоюз, есть проекты интеграции всего североамериканского континента, включая введение североамериканской валюты — «амеро»);
- *евразийская интеграция* (ее ориентиром является Евразийский Союз, а этапами — интенсификация военно-стратегического сотрудничества в рамках ОДКБ, экономическое партнерство в рамках ЕврАзЭС, союзное государство Россия-Белоруссия, проект Единого Экономического Пространства, с учетом Украины, частично — структуры СНГ);
- *исламская интеграция* (Исламская конференция, Исламский банк развития, единое шиитское пространство от Ирана, Ирака до Ливана, а также фундаменталистские проекты «нового халифата»);
- *китайская интеграция* (АСЕАН+Китай, вероятное поглощение Китаем Тайваня, введение зоны «золотого юаня»);
- *индийская интеграция* (усиление индийского влияния в юго-восточной Азии, на Индийском субконтиненте, в

Непале, и в ряде стран Тихоокеанского бассейна, близких к Индии геополитически и культурно);

- *японская интеграция* (пока под вопросом и включает в себя рост влияния Японии на Дальнем востоке);
- *латиноамериканская интеграция* (Латиноамериканская Ассоциация интеграции, Меркосур, Центральноамериканский общий рынок и т.д.)
- *африканская интеграция* (Организация Африканского единства, Соединенные Штаты Африки и т.д.).

Интеграция становится приоритетным процессом в организации многополярного порядка в международных отношениях.

Преконцепт: цивилизация и «большое пространство»

В ходе строительства многополярного мира в определенный момент со всей остротой встанет вопрос о переводе понятия цивилизация из социокультурной категории в *правовое понятие*. Здесь чрезвычайно важна концепция «большого пространства» (Grossraum), разработанная немецким философом и юристом К. Шмиттом¹. Значение идей К.Шмитта для сферы МО убедительно показал английский теоретик МО Ф. Петито². К. Шмитт задается вопросом о том, каким образом происходит формирование международных нормативов, которые со временем приобретают статус общепризнанных правовых положений. Особенно его интересует становление такого явления как *Jus Publicum Europeum*, заложившего основы евро-

¹ Schmitt Carl. Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für Raumbremde Mächte- Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht. Berlin: Duncker & Humblot, 1991.

² Petito F., Odysseos L. The International Political Thought of Carl Schmitt: Terror, liberal war and the crisis of global order. London and New York: Routledge, 2007; Petito F., Odysseos L. (2006) Introducing the International Theory of Carl Schmitt: International Law, International Relations, and the Present Global Predicament(s)// Leiden Journal of International Law, vol. 19 no. 1. 2006.

пейской системы МО в Новое время. Шмитт стоит в целом на позициях реализма, и поэтому для него первостепенным вопросом является сама *процедура* соотнесения суверенитета национального государства (над которым по определению не может быть никакой высшей инстанции) и выработкой правил в области международных отношений, которым, тем не менее, национальные государства вынуждены подчиняться. Обычно наличие институционального упорядочивания анархии международных отношений признают именно либералы, поэтому в некоторых классификациях их называют «институционалистами». В случае К. Шмитта мы имеем дело с убежденным реалистом, но, тем не менее, уделяющим пристальное внимание структурированию среды международных отношений. Отсюда парадоксальная характеристика его подхода: «институционалистский реализм»¹.

Хаос и анархия в международных отношениях, как базовые предпосылки реализма в МО, по Шмитту, регулируются не просто воззванием к общности либерально-демократических ценностей, торговой конкуренции и пацифизму, но специфически осознаваемым балансом сил, соотнесенным с конкретной географической ситуацией. Уделяя большое внимание геополитике, Шмитт настаивает на фиксации правовых норм в географическом пространстве². В результате вся сфера МО оказывается соотнесенной с физической и политической картой. Хаос в МО приобретает тем самым пространственные черты и структурируется силовыми линиями баланса могуществ различных держав.

Так как Вестфальская система формально отказывается от признания какой бы то ни было легитимной и легальной реальности, превосходящей национальный суверенитет, пространственная нормативизация сферы международных отношений

¹ Petitо F., Odysseos L. The International Political Thought of Carl Schmitt: Terror, liberal war and the crisis of global order. Op. cit.

² См. Дугин А. Геополитика. М.: Академический проект, 2011; Он же. Четвертая политическая теория. СПб: Амфора, 2007.

не получает и не может получить формально концептуализированного выражения. Но, тем не менее, баланс сил подчас бывает устойчивым и очевидным настолько, что по своей сути вполне может сравниться с законом и, соответственно, быть зафиксированным в праве фиксации. Такова была судьба «доктрины Монро», Английского морского права, «доктрины Вильсона» или условий Версальского мира: доминирующие мировые державы отождествляли свои национальные интересы (подтвержденные силовым ресурсом) с нормативным положением дел даже в том случае, если речь шла о процессах, протекающих не просто за пределами их непосредственных границ, и на критически далеком от них расстоянии¹.

Шмитт детально анализирует процесс этой тонкой работы, приводящей на последнем этапе к появлению наднациональных правовых структур, имеющих различную степень обязательности и до определенной степени концептуально конфликтующих с общепризнанной Вестфальской системой национальных суверенитетов. Для этого анализа К. Шмитт вводит технический термин «*преконцепт*» («пред-понятие») как некую *политическую идею*, имеющую наднациональный масштаб и пока еще не закрепленную в правовых уложениях, но, при определенных обстоятельствах и конкретном состоянии баланса, силу, способную обрести легальный статус.

Далее, Шмитт соотносит «преконцепт» (например, «доктрину Монро» или «немецкий Рейх») с пространственными границами, на которых этот преконцепт может быть применим. В результате рождается новая форма — «большое пространство» (Grossraum), являющееся одной из важнейших составляющих политической теории К. Шмитта.

«Большое пространство» — это пространственное выражение правового преконцепта в области МО.

Если мы применим эту процедуру к нашему понятию «цивилизация», то обнаружим, что она идеально подходит к ТММ.

¹ См. Третью часть этой книги.

Многополярность, как, впрочем, и двуполярность или однополярность, не является правовым понятием и не может стать таковым в ближайшем будущем или вообще никогда. Это описание фактического баланса сил среди ведущих мировых акторов. Следовательно, и «цивилизация» и «многополярный уклад» имеют статус правовых прекоцептов: они существуют, они могут быть силовым и ресурсным образом подтверждены, они могут быть декларированы, они могут быть действенны и реальны. При определенных обстоятельствах они даже могут сменить Вестфальскую модель, и тогда будет закономерно поставить вопрос о формальном отказе от национального суверенитета, перенеся это понятие на иную инстанцию — на саму *цивилизацию* или полюс многополярного мира. В этом случае прекоцепт станет просто концептом и правовым понятием.

Но события могут разворачиваться и по другой логике, а в этом случае цивилизация и многополярность останутся в состоянии прекоцепта на неопределенно долгий срок (подобно тому, как двухполярность не упразднила национального суверенитета, хотя и сделала его относительным для всех тех стран, которые не обладали статусом сверхдержавы).

А когда мы попытаемся начертить границы цивилизаций, то столкнемся напрямую с «большим пространством», понятием, столь удобным в силу его прекоцептуального статуса для фиксации пространственной локализации цивилизации.

Многополярный мир, основанный на балансе сил составляющих его цивилизаций, можно будет назвать, вслед за К. Шмиттом «*порядком больших пространств*»¹.

Релевантность реализма для ТММ

Цивилизация как базовый актор в МО и выстраиваемая на этом основании ТММ, после того, как их оригинальность

¹ Schmitt Carl. Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für Raumfremde Mächte- Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht. Op. cit.

и отличие от существующих подходов в МО были отчетливо выявлены и прояснены, могут быть на новом уровне снова соотнесены с существующими теориями — но уже не как производные, а как новая *самостоятельная парадигма* с другими, уже существующими парадигмами. Это сопоставление поможет нам и более полно обрисовать специфику ТММ и ее структуру, и исследовать наиболее важный момент — выяснение того, как теоретически могут складываться отношения между цивилизациями, будет ли в них превалировать конфликт (как считал С. Хантингтон) либо диалог (как считают М. Хатами или Ф. Петито¹).

Реализм для акторов цивилизаций. Реалистская парадигма, оперирующая с нормативами Вестфальской системы и выделяющая в качестве акторов национальные государства, напрямую совершенно не применима для ТММ. Отличие в акторах предопределяет совершенно иное понимание среды международных отношений. Если мы примем реалистскую парадигму буквально, то увидим, что вместо карты цивилизаций и «больших пространств» перед нами будет политическая карта мира, где зоны цивилизаций поделены (подчас совершенно искусственно) на серии национальных государств, а некоторые государства представляют собой пересечение двух или более цивилизаций. Реалисты настаивают, что «государство государству — волк» или, на крайний случай, признают иерархические отношения гегемонии. Но такой подход блокирует любую попытку интеграции «больших пространств» на цивилизационной основе. Следовательно, в чистом виде реализм не приемлем и не применим. Сторонники ТММ в таком случае логически оказываются в полемических отношениях с представителями классического реализма и неореализма.

Но если мы возьмем в качестве главных акторов международных отношений цивилизации, фиксированные в «больших

¹ Petitio F. Dialogue of Civilizations as Global Political Discourse: Some Theoretical Reflections// The Bulletin of the World Public Forum 'Dialogue of Civilizations'. vol. 1 no. 2, 21-29. 2004.

пространствах», то мы получаем совершенно иную картину. В этом случае мы можем представить *межцивилизационные* отношения как прямую аналогию со структурой международной среды в реалистской парадигме. Здесь также следует постулировать хаос и анархию, но уже на новом уровне — как *межцивилизационный* хаос и *межцивилизационную* анархию.

Повторяя логику реалистов, можно сказать, что никакого надцивилизационного уровня в ТММ не существует, и никакой универсальной шкалы ценностей, которая могла бы выступать в качестве общепризнанного норматива в отношениях между цивилизациями, быть просто не может. Цивилизационный многополярный подход предполагает совершенную уникальность каждой цивилизации, и найти общий знаменатель для них не представляется возможным. В этом суть многополярности как *плюриверсума*¹. Каждая цивилизация сама формулирует и презентует свои понятия человека, общества, нормы, истины, знания, бытия, времени, пространства, Бога, мира, истории, политики и т.д. Поэтому диалог между цивилизациями возможен в той же степени, как и конфликт, но не возможен переход от нескольких цивилизаций к одной единственной. Следовательно, на этом уровне ТММ может полностью заимствовать логику традиционных реалистов, отрицающую онтологию и устойчивость интернациональных институций и норм, но применить ее к совершенно новой среде — не межнациональной (межгосударственной), но межцивилизационной.

Изменение субъекта миропорядка означает изменение и его качественного содержания. Если реалисты полагали, что все государства стремятся к оптимизации своих интересов и рационализации способов и механизмов их достижения, то в случае цивилизации такая редукционистская схема не работает. У цивилизаций могут быть совершенно разные цели и разная мотивация. Одни склонны к экспансии, другие — к

¹ По поводу этого концепта см. Манифест 2001 г. французского движения GRECE (Ален де Бенуа) http://grece-fr.com/?page_id=64.

максимализации материального могущества, третьи — к техническому развитию, четвертые — к созерцанию, пятые — к сохранению себя в изоляции, шестые — к активному диалогу с окружающим миром и обмену культурными формами. Здесь совершенно не подходит «разбавленный» (thin) подход к МО, так как цивилизации как субъекты настолько многомерны и уникальны, самобытны и особенны, что наличие «густого» (thick) подхода становится не просто желательным, но необходимым и обязательным. Моделирование профиля цивилизации всякий раз является уникальной задачей, а выявление общих свойств можно получить только *a posteriori*, и никак не *a priori*. Это второе ограничение реализма. Если реалисты понимают принципы «опоры на собственные силы» (self-help) и национальных интересов как общую линейку параметров, свойственную практически любому национальному государству, то ТММ настаивает на том, что у цивилизаций номенклатура базовых мотиваций намного *шире* и *объемнее*, а также разнообразнее. Поэтому и хаос и анархия в междоцивилизационной среде приобретают более сложную структуру: это не просто поле борьбы приблизительно одинаковых акторов с разным силовым потенциалом, но сходной системой интересов и целей, но многомерный и многослойный лабиринт, где действуют *нелинейные* закономерности, посторонние аттракторы и явления турбулентности. Составление карты междоцивилизационной анархии является намного более сложным делом, чем анализ анархии в классическом реализме, и даже в неореализме.

Но с этими двумя фундаментальными поправками, многие логические ходы реализма могут быть с успехом задействованы при развертывании ТММ.

В частности, наиболее важным заимствованием классического реализма может стать критика самой возможности надцивилизационных институтов. Неореализм, с его тяготением к построению структурной системы, основанной на балансе сил, вполне может быть применен к многополярному миропорядку, который по своим основным параметрам также будет органи-

зован в соответствии с силовым потенциалом главных акторов (только в данном случае ими будут цивилизации). В определенном смысле цивилизации как полюса многополярного мира будут региональными *гегемониями*, со всеми вытекающими из этого последствиями. При этом таких гегемоний должно быть заведомо больше двух. Неореалистские конструкции, приоритетно исследующие как раз гегемонистские модели, могут быть чрезвычайно полезны для построения ТММ. При этом оказавшиеся на периферии теории К. Уолтца об устойчивости двухполярной модели¹, опровергнутые фактами 80-х-90-х годов XX века, снова могут быть введены в оборот при конструировании многополярной модели, которая будет поставлена на место двухполярной.

Релевантность либерализма для ТММ

Отдельные аспекты ТММ может заимствовать и в либеральной парадигме. Либерализм настаивает на том, что сходные политические режимы (хотя речь у либералов идет только о либеральных демократиях) склонны к интеграции, укреплению многоуровневых социокультурных, экономических и сетевых связей, а в перспективе и общих наднациональных институций. Культура политической демократии создает условия для преодоления национального эгоизма. Если отбросим типичное для западного универсализма, по сути «этноцентрическое» обращение к «демократии», то получим тезис: общества *со сходными культурами* склонны к интеграции и созданию наднациональных структур. Если мы применим это к зоне общей цивилизации, то окажемся на волне ТММ. Действительно, интеграционные процессы и создание надгосударственных структур на основе общей социокультурной матрицы протекают намного *легче*, чем в иных случаях. В рамках цивилизации не столько политический режим государства (демократия),

¹ Waltz K. Theory of International Politics. McGraw Hill. New York: 1979.

сколько *культура (и часто религия)* имеет значение. Поэтому отношения между государствами с общей культурой (религией) строятся по совершенно иной логике, нежели между государствами с разной культурой.

Общность культуры для ТММ есть необходимое условие для успешной интеграции в общее «большое пространство» и, соответственно, для создания самого полюса многополярного мира. Значение культурного фактора, как не менее значимого, чем принцип суверенитета, сближает сторонников ТММ более с либералами, нежели с классическими реалистами, настаивающими на суверенитете именно национальных государств без учета культурного фактора. (Исключение составляет К. Шмитт и иные «институциональные реалисты», в частности, некоторые представители Английской школы в МО). Но это сближение действительно только при условии замены признака «политического режима» (демократии) на признак принадлежности к общей культуре (религии).

Либеральная парадигма, и особенно неолиберализм и транснационализм, большое внимание уделяет процессам глобализации. У глобализации на практике есть несколько этапов. Вначале идет региональная глобализация, а затем и универсальная, планетарная. Для либералов в МО региональная глобализация есть лишь переходное состояние и предварительный этап общепланетарной глобализации, не имеющий в себе никакой особой ценности и лишь предуготовляющий искомый результат — наступление «глобального мира» и «конца истории».

ТММ, со своей стороны, поддерживает региональную глобализацию и интеграцию по той причине, что эти процессы на практике всегда проходят в границах какой-то одной конкретной цивилизации. Споры между странами Евросоюза о принятии Турции в эту наднациональную структуру ясно показывают, что даже у европейцев, игнорирующих какие бы то ни было религиозно-культурные стороны идентичности обще-

ства, ощущение чуждости турок вызывает серьезные опасения.

Но если для неолибералов и глобалистов это временные трудности, то сторонники ТММ, напротив, *концептуализируют именно региональную интеграцию*, которую рассматривают как самостоятельный и законченный процесс, ценный сам по себе, и более того, не предполагающий после своего завершения никаких иных интеграционных этапов. В соответствии с духом многополярности, региональная интеграция мыслится не как ступень или фаза планетарной глобализации, но как автономный историко-политический, стратегический и социальный процесс, имеющий цель в самом себе. Интеграция должна закончиться по достижению естественных границ цивилизации. После этого наступит фаза уточнения пропорций и системы влияния в зонах «фронттира».

Региональная глобализация сближает сторонников ТММ с либералами в МО, а отношение к планетарной глобализации, напротив, разделяет.

Но если принять эти две фундаментальные поправки (культурное единство вместо политического режима и региональная глобализация вместо планетарной), то сторонники ТММ вполне могут заимствовать аргументацию у представителей либеральной теории в МО, особенно в тех случаях, когда надо опровергнуть тезисы реалистов, строго придерживающихся статоцентрического подхода.

Более того, либералы развили ряд тем, которые также релевантны для ТММ.

В первую очередь, это *идея мира или зоны мира*, которая является приоритетным центром внимания либерализма в МО¹. Если мы посмотрим на исторические реалии, то заметим, что понятие мира сплошь и рядом связывалось с обязательным уточнением: какого именно мира? Мы знаем *Pax Romana*, *Pax*

¹ Lederach John Paul. *Preparing for Peace*. Syracuse: Syracuse University Press, 1996; Richmond Oliver P. *Peace in International Relations*. London: Routledge, 2008.

Turcica, Pax Britannica, Pax Russica, наконец, современный Pax Americana. Такое словоупотребление термина «мир» с дополнением, проясняющим, чей это мир, кто ответственен за него и за сохранение порядка, весьма показательно. Если мы соотнесем это дополнение с цивилизациями, то получим *многополярную теорию мира* (в смысле Pax, peace), состоящую из нескольких зон, где будет царить мир, основанный всякий раз на конкретном цивилизационном принципе. Мы получаем:

- Pax Atlantica (состоящий из Pax Americana и Pax Europea)
- Pax Eurasiatica
- Pax Islamica
- Pax Sinica
- Pax Hindica
- Pax Nipponica
- Pax Latina
- И более отдаленные
- Pax Buddhistica
- Pax Africana.

Эти зоны цивилизационного мира (как отсутствия войны) и общей безопасности могут быть взяты в качестве базовых концептов многополярного пацифизма. Задача цивилизаций как акторов международных отношений, в первую очередь, сделать их зонами устойчивого мира, так как в противном случае они не смогут выступать консолидировано на общепланетарном уровне. При этом многополярный мир (Pax Multipolaris) должен иметь особую онтологию в контексте международных отношений: он предполагает одновременно наднациональный, надгосударственный уровень (а поэтому есть мир интернациональный и внешний по отношению к государствам), но вместе с тем не «универсальный» и не «общепланетарный» (то есть внутренний по отношению к цивилизациям).

Второй важный момент для ТММ заключается в неолиберальном концепте взаимозависимости и расширения номенклатуры акторов. Здесь также следует перенести все то, что

Система мирных зон мировых цивилизаций в структуре многополярности

говорится либералами относительно всего человечества на уровень цивилизации. Цивилизация предполагает наличие социокультурной, геополитической и экономической зоны, где тесно переплетаются между собой структуры и общины, относящиеся к этой цивилизации, причем гораздо в большей степени, нежели в условиях разделения национальными границами. Цивилизационные сети сменяют в ТММ сети глобальные, но в остальном их функции остаются весьма сходными. В цивилизации переплетаются между собой различные уровни политико-социальных, экономических и культурных систем, образуя намного более сложную и нелинейную карту общества, нежели в классических буржуазных моделях политической нации. Это своего рода «цивилизационная турбулентность», требующая нелинейного подхода и детального описания каждого отдельного сегмента. В цивилизации взаимозависимость социальных групп и страт образует сложную игру множественных идентичностей, накладывающихся друг на друга, расходящихся и сходящихся в новых узлах. Общий цивилизационный код (например, религия) задает рамочные условия, но внутри этих границ может существовать значительная степень вариативности. Часть идентичностей может быть основана на традиции, но часть представлять собой новаторские конструкции, так как цивилизации в ТММ мыслятся живыми историческими организациями, находящимися в процессе постоянных трансформаций.

Так же как и в либерализме ТММ признает за индивидуумами, относящимися к конкретной цивилизации, не нулевую степень компетенции в международных вопросах — по меньшей мере, в пределах цивилизации. Идентичность индивидуума здесь строго маркирована культурой, и в этой культуре индивидуум всегда может почерпнуть основополагающие знания, необходимые для того, чтобы сформулировать свою точку зрения по конкретному цивилизационному вопросу. Поэтому на индивидуальном уровне рядового члена общества в ТММ мы

имеем, скорее, «искусного индивидуума» Дж. Розенау¹, нежели λ -индивидуумов реалистов; только компетентность этого «искусного индивидуума» определяется не личным доступом к широкому спектру некодифицированной информации (как у транснационалистов и глобалистов), а принадлежностью к семантическому полю традиции.

Релевантность Английской школы в МО для ТММ

Английская школа в МО чрезвычайно продуктивна для построения социологии межкультурного взаимодействия. Представители этой школы рассматривали среду международных отношений *как общество* и, соответственно, приоритетно исследовали процедуры и протоколы социализации стран в сфере международных отношений, то есть их интернациональную «социализацию». Тем самым они снабдили теоретиков МО арсеналом методов, предназначенных для углубленного исследования закономерностей взаимодействий акторов международных отношений между собой. В ТММ акторы меняются: вместо государств ими становятся цивилизации. Вместе с этим меняется и структура среды международных отношений. Соответственно, методы Английской школы МО вполне могут быть взяты за основу для изучения *межкультурного социума*, ансамбля цивилизаций и структуры разветвляющегося между ними диалога.

Тезис о «диалоге цивилизаций» приобретает в оптике Английской школы конкретное содержание: этот диалог может быть осмыслен как стратегия социализации, предполагающая динамику градиентных отношений, ритмы эксклюзий/инклюзий, попытки иерархизировать систему отношений, экспансию и отступления, протоколы войны и мира, баланс материального и духовного и т.д.

¹ Rosenau J., Fagen W. A New Dynamism in World Politics: Increasingly Skillful Individuals?//JSTOR. Studies Quarterly. 41. 1997.

Цивилизации в многополярном мире будут представлять собой планетарное общество, так или иначе вынужденное признавать наряду с собой *другого*. Но в данном случае другим будет выступать не государство, а цивилизация, отличная от данной. Как будет структурироваться образ другого, до какой степени он будет наделен отрицательными и пейоративными чертами, а в какой он может быть осмыслен в духе мирной конкуренции и партнерства, будет зависеть от множества приходящих факторов, предсказать которые заведомо невозможно. Но концептуальный инструментарий Английской школы теоретически прекрасно годится для того, чтобы строить на нем дальнейшие теории.

В качестве примера можно взять образ исламского мира на современном Западе. Определенная демонизация Ислама как цивилизации (особенно после 9/11) стала на Западе характерным цивилизационным клише (причем, независимо от того, о какой стране идет речь и на основании чего этот негативный образ формируется — на базе христианской идентичности или чистого секуляризма). Нечто аналогичное характерно и для американофобии и общей неприязни к Западу в самом исламском мире — и снова независимо от того, о каком конкретно государстве идет речь. Мы имеем дело с распределением социальных статусов и ролей на уровне международных отношений, а это в значительной степени и исследует приоритетно Английская школа в МО, ставя в центре внимания «общество государств» и социальные аспекты их взаимодействия, взаимопризнания и взаимооценки.

Методы Английской школы будут приемлемы в ТММ, если мы вместо «общества государств» будем исследовать «общество цивилизаций» и социологические процессы, в этом обществе протекающие.

Релевантность марксизма и неомарксизма для ТММ

Марксизм и неомарксизм в МО чрезвычайно полезен для ТММ как доктринальный арсенал критики универсализма западной цивилизации и ее претензий на моральное превосходство, основанное на факторе превосходства материального, технологического и финансового. Западная цивилизация в Новое время встала на путь капитализма и достигла на этом пути предельных горизонтов. Но материальное воплощение успеха в высоком уровне развития экономики и в эффективности рыночных процедур, а в последнее время и приоритетно развитого финансового сектора, может выступать в качестве решающего аргумента только в том случае, если мы согласимся признать капитал мерилom не только материальных, но и социальных, культурных и духовных ценностей. Это прекрасно показал М. Вебер, идентифицировав капитализм как выражение протестантской этики¹, где вознаграждение человека при жизни богатством и успехом мыслится как прямое отражение его морального достоинства. Знак равенства между благополучием и моралью, как отличительная черта западного общества Нового времени, имеет, таким образом, религиозные и культурные истоки. Капитал и капитализм оказываются не просто эталоном силы, но и эталоном правды.

Марксизм в своих истоках бросает вызов такому подходу, и, признавая мощь капитала, отказывает ему в праве морального превосходства. Этика марксизма организована прямо противоположным образом. Благим является труд и трудовой класс (пролетариат), который оказывается в условиях капитализма полностью поработанным паразитическим классом буржуазии. Богатый, для марксизма, значит, плохой. Следовательно, материальное развитие или средоточие капитала в тех или иных странах не просто ничего не доказывают, но доказывают, что речь идет о самых несправедливых и, следовательно, дурных обществах, которые необходимо уничтожить.

¹ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

В анализе МО эта марксистская этика приводит к моральной оценке «богатого Севера» и ядра капиталистической мир-системы как историко-географического и социального выражения мирового зла. Запад становится не образцом для подражания, вожделения и обетованной землей, где получены ответы на все вопросы, но цитаделью эксплуатации, лжи, насилия и несправедливости.

Не разделяя догматически всех выводов относительно мировой революции и мессианского предназначения пролетариата, ТММ принимает марксистский подход в оценке капиталистической природы Запада и солидаризуется с разоблачением капитализма как асимметричной модели эксплуатации и навязывания своих цивилизационных критериев (капитализм, свободный рынок, погоня за наживой, материализм, консьюмеризм и т.д.) всем остальным народам и обществам. *Капитализм есть материальная экономическая сторона западного универсализма и западного колониализма.* Принимая логику капитала, мы автоматически вынуждены будем рано или поздно признать Запад и его цивилизацию в качестве ориентира, образца для подражания и горизонта развития. Но это прямо противоположно идее многополярного мироустройства и ценностного плюрализма цивилизаций. Для одних цивилизаций материальное благополучие и капиталистические формы хозяйствования приемлемы и вожделенны, а для других, вполне возможно, что нет. Капитализм — не обязательная и не единственная форма организации хозяйства. Он может быть как принят, так и отвергнут. отождествление материального благополучия с моральным достоинством одни могут оправдать, а другие отбросить. Поэтому для ТММ антикапиталистический вектор марксизма и неомарксизма в МО, а также разоблачение эксплуатационных процедур, свойственных зависимому развитию¹, является важной составляющей и вполне может быть

¹ Furtado C. A nova dependência, dívida externa e monetarismo. RJ: Paz e Terra, 1982.

принят на вооружение. То же самое справедливо и для критики «богатого Севера» и призыву к противостоянию ядру мир-системы. Без этого противостояния появление многополярного мира невозможно.

Главное отличие ТММ от неомарксизма и теории мир-системы (а также проектов А. Негри, М. Хардта и других альтерглобалистов) состоит в том, что ТММ категорически не признает исторического фатализма марксистских теорий, настаивающих на том, что капитализм является общеобязательной и универсальной фазой исторического развития, за которой столь же фатально и неотменимо должна последовать пролетарская революция. Для ТММ капитализм есть эмпирически фиксируемая форма развития западноевропейской цивилизации, выросшая из корней западноевропейской культуры и обретшая сегодня почти планетарный размах. Но глубинный анализ капитализма в незападных обществах показывает, что он имеет в них сплошь и рядом имитационный и поверхностный характер, наделен иными смысловыми характеристиками и представляет собой всякий раз нечто особое и весьма отличное от социально-экономической формации, возобладавшей на современном Западе. Капитализм возник на Западе, на нем же он может либо развиваться дальше, либо погибнуть. Но его экспансия за пределы западного мира, хотя и обусловлена стремлением капитала к росту, совершенно не оправдана, с точки зрения тех незападных обществ, на которые она проецируется. У каждой цивилизации может быть свое время, свое представление об истории, свое видение хозяйства и логики материального развития. Капитализм вторгается в незападные цивилизации как продолжение колониальной практики, а, следовательно, может и должен быть отброшен, отражен — как агрессия чуждой культуры или чуждой цивилизации. Поэтому ТММ настаивает на том, чтобы борьба с «богатым Севером» шла сегодня от лица всех субъектов политической карты человечества, и особенно, от лица стран «второго мира» (полупериферии по И. Валлерстайну). Многополярный мир должен на-

ступить не *«после либерализма»*¹ (как считают неомарксисты), а *вместо либерализма*. Поэтому борьба с либерализмом должна идти не во имя того, что придет ему на смену после того, как он утвердится в планетарном масштабе, а *уже сегодня*, чтобы в планетарном масштабе он вообще никогда бы не утвердился. Незападным цивилизациям необязательно проходить капиталистическую фазу развития. Равно как не надо и мобилизовать свое население для пролетарской революции. Элиты и массы стран «полупериферии», вопреки неомарксистам, вовсе не обязаны социально разделиться и интегрироваться в два интернациональных класса — мировую буржуазию и мировой пролетариат, утратив все свои цивилизационные признаки. Напротив, элитам и массам, принадлежащим к одной и той же цивилизации, необходимо осознать свою общую цивилизационную идентичность, значение которой должно быть более весомо, чем значение идентичности классовой. Если относительно интернациональной солидарности буржуазии и (в меньшей степени) пролетариев, марксисты отчасти правы (ведь речь идет о капиталистических обществах и буржуазных государствах, где, действительно, доминирует логика капитала), то обращение к какой-то иной, незападной цивилизации качественно меняет все дело. Верхи и низы, например, исламского мира, гораздо острее осознают свою общую принадлежность к исламской культуре, чем свою классовую близость к верхам и низам других цивилизаций — в частности, западной. И это единство надо не размывать и раскачивать (как либеральным космополитизмом, так и неомарксистским или анархистским классовым интернационализмом), но укреплять, развивать и поддерживать.

Многополярный мир, особенно на первом анти-гегемонистском этапе своего становления, должен строиться на солидарности всех цивилизаций в их противостоянии колониальной и глобалистской практике «богатого Севера». И эта борьба

¹ Wallerstein I. *After Liberalism*. New York: New Press. 1995.

должна сплотить элиты и массы внутри самих цивилизаций, тем более что применение к ним чисто классового критерия (элиты как буржуазия, массы как пролетариат) является проекцией западного гегемонистского подхода. В незападных цивилизациях эмпирически, безусловно, есть высшие и низшие социологические страты, но их социологическая и культурная семантика качественно отличается от редукционистской модели, где главным и единственным критерием является отношение к собственности на средства производства. Поэтому ТММ апеллирует к цивилизационной солидарности элит и масс в общем строительстве полюса многополярного мира и организации «большого пространства» в соответствии с историческими и культурными особенностями каждого отдельного общества.

Релевантность критической теории для ТММ

Чрезвычайно продуктивны для ТММ постпозитивистские теории МО.

Критическая теория в МО может быть задействована практически полностью для денонсации западной гегемонии. Критика западоцентричных претензий, глобального капитализма, либеральной глобализации и однополярного мира в этой теории соответствует основным установкам ТММ и является необходимой ее частью. Без ясного осознания гегемонистской природы нынешней системы международных отношений и ее сущностной однополярности (как бы она ни выражалась — прямо, косвенно или завуалировано) не может быть обоснована потребность в альтернативе. ТММ в своих истоках представляет радикальную альтернативу именно существующей гегемонии. Поэтому тщательное и детальное описание ее структуры, методов ее укрепления и сокрытия ее сущности, а также ее разоблачение является важнейшей составляющей ТММ. Критическая теория в МО (в первую очередь, Р.

Кокс¹) представляет собой образец такой фронтальной атаки, основные моменты которой можно полностью интегрировать в ТММ. Это же касается и структуралистского и лингвистического анализа гегемонии².

Вытекающая из критики гегемонии концепция контр-гегемонистского блока также может быть взята на вооружение ТММ. При этом концепт контр-гегемонистского блока приобретает в ТММ более конкретные и систематизированные черты, нежели в инерциально марксистской критической теории. *Контр-гегемонистский блок в ТММ представляет собой совокупность тех сил во всех существующих на сегодняшний день цивилизациях, которые осознают условия нынешней гегемонии как неприемлемые и не удовлетворяющие интересы народов и обществ.* Ядром контр-гегемонистского блока должны стать авангардные интеллектуалы, представляющие основные цивилизации, претендующие на то, чтобы быть полноценными полюсами, в чем условия нынешней гегемонии им а priori жестко отказывают: православной (евразийской), исламской, китайской, индийской, латиноамериканской (а также буддистской, японской и африканской). В границах самой западной цивилизации также вполне могут объявиться представители интеллектуальных кругов, осознающих западную цивилизацию (американскую и европейскую) как *локальные и региональные*, и предпочитающих ограничить зону их распространения историческими пределами (например, американский изоляционизм или сторонники проекта «крепость-Европа»). На втором уровне к ядру этого контр-гегемонистского блока можно было бы отнести и все те силы, которые противостоят глобализации

¹ Cox R.W. Production, Power and World Order: Social Forces in the Making of History. Columbia: Columbia University Press, 1987; Idem. Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method/ Gill S. (ed.). Gramsci, Historical Materialism and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

² Ashley R. The Eye of Power: The Politics of World Modeling// International Organization. Vol. 37, No. 3 Summer 1983.

и однополярности по каким-то иным, например, классовым, этическим, культурным, религиозным или идеологическим основаниям. Но если мы учтем, что при построении контргегемонистского блока сторонники многополярного мира, целое семейство интеллектуалов и теоретиков будет опираться на гигантский потенциал своих цивилизаций, а не просто на моральное отвержение гегемонии, этот блок мгновенно превратится в нечто намного более серьезное, нежели можно себе представить, если учитывать только впечатление от текстов и предложений западных теоретиков, как правило, представляющих неконформистские и маргинальные круги. Диалог с контргегемонистами всех типов, принадлежащими ко всем группам и культурным зонам, безусловно, чрезвычайно важен, но приоритетной является консолидация именно представителей мощных и состоятельных в региональном масштабе цивилизационных сил.

Только в сочетании с ТММ критическая теория превращается из благородной интеллектуальной игры и морально героической позиции в серьезную и внушительную политическую силу.

Релевантность постмодернистской теории для ТММ

Не менее важно направление постмодернизма в МО — в первую очередь для систематической деконструкции властного дискурса, с помощью которого западная гегемония преподносит себя как нечто естественное, безальтернативное и единственно возможное. Вся структура теоретизации поля международных отношений в западной политической науке, не говоря уже о политических дискурсах по поводу международных вопросов западных политиков, представляет собой хорошо организованное поле «самосбывающихся пророчеств» (self-fulfilled prophecies), «теорий для решения проблем» (solving problems theories) и «выдавания желаемого за действительное» (wishfull thinking). Теории МО и глобальный дискурс западных

лидеров есть своего рода «нейролингвистическое программирование», призванное навязать через текст¹ человечеству тот образ реальности, который организован всегда в пользу удовлетворения интересов западной элиты. Знание, подчеркивают постмодернисты в МО, не может быть объективным и нейтральным. И разоблачение того, кому и чему служат те или иные теории, составляет уникальный и чрезвычайно полезный инструмент деконструкции МО в самых разнообразных теоретических изданиях².

Иногда эту деятельность называют «субверсивной» («подрывной»), так как она помогает увидеть натяжки, фигуры умолчания и двойные стандарты, которыми полны теоретические тексты и, тем более, политические декларации, описывающие логику процессов в международных отношениях и тем самым их предопределяющую. В целом постмодернисты ведут ту же линию, что и представители критической теории, разоблачая и выставляя напоказ гегемонистскую природу Запада и его «тоталитарный» дискурс, призванный навязать свои интересы и ценности всем остальным обществам³. Притом, что население Запада составляет несопоставимо меньшую часть человечества, и его культура не является самой древней или совершенной (если к культуре вообще можно применить оценочную шкалу).

Постмодернизм в МО чрезвычайно полезен для ТММ еще и тем, что позволяет избавиться от предрассудков «эмпиризма», «верификации», «статической достоверности», «материальной

¹ Shapiro M. J. *Textualizing Global Politics*/ Darian Der J., Shapiro M. J. (eds.). *International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics*, Lexington, MA: Lexington Books, 1989.

² Darian Der J. (ed.), *International Theory: Critical Investigations*. London: MacMillan, 1995.

³ Ashley R. *Imposing International Purpose: Notes on a Problematic of Governance*// Czempiel Ernst-Otto, Rosenau James N. (eds.). *Global Changes and Theoretical Challenges: Approaches to World Politics for the 1990s*. Lexington, MA: Lexington Books, 1989.

наглядности» и т.д., которые характерны для остатков преодоленной веры эпохи Модерна в самостоятельную онтологию объекта. На уровне философии науки и социологии идея того, что критерием научности является верифицируемость факта на практике, давно была отвергнута и заменена иными, более тонкими критериями, в частности, фальсификационизмом (К. Поппер, И. Лакатос), то есть признанием научной той гипотезы, которую можно опровергнуть на основе рациональной системы доказательств. Другие эпистемологи говорили о «смене парадигм» (Т. Кун) или о «пролиферации гипотез» (П. Фейерабенд), как главных признаках научности. В МО эти философские разработки внедряются с опозданием, но постмодернисты восполняют этот недостаток, приводя саморефлексию специалистов в МО к должному уровню¹. В постмодернистской эпистемологии нет фактов, объектов или субъектов. Есть только процессы, алеаторные коды, структуры, сети, гибриды (Б. Латур) или ризомы (Ж. Делез). И все они могут организовываться либо вокруг оси воли к власти, либо расслабиться и быть предоставленными сами себе.

Вот здесь можно наметить одно качественное различие между постмодернизмом в МО и ТММ. Пока речь идет о критике западной гегемонии и воли к власти Запада, с разоблачением структур доминирования и установления неравенства на уровне дискурса и теоретизирования (письма), то обе теории идут рука об руку. ТММ полностью признает арсенал постмодернистской критики и заимствует из него базовые методы деконструкции. Деконструкция гегемонии полностью принимается. Различия начинаются там, где постмодернисты выдвигают свой альтернативный проект. Он чаще всего сводится к требованию отказа от воли к власти вообще, от любой иерархии и к обращению к всеобщему расслабленному хаосу, где полностью угасает и стирается любая иерархическая гео-

¹ Darian Der J. Introducing Philosophical Traditions in International Relations// Millennium, Vol. 17, No. 2. 1988.

метрия бытия, знаний, социума, политики, телесности, пола, производственных практик и т.д. Деконструируя власть Запада, постмодернисты стремятся в его лице низвергнуть принцип иерархии вообще. ТММ не разделяет этого пафоса, полагая, что деконструкция воли к власти Запада, чрезвычайно полезная для расчищения поля создания ТММ, и, соответственно, для построения многополярного мира как такового, не ликвидирует волю к власти как явление, а вместе с ней и любую иерархическую геометрию мира, но релятивизирует эту волю, монополизует Запад в его претензии быть единственным носителем воли к власти и навязывать свое западное (сегодня — либерально-капиталистическое) издание этой воли остальным обществам.

Западная воля к власти есть, и она на самом деле предопределяет структуру всего западного дискурса. В соответствии с этим организуется среда МО и ее теоретическое осмысление (даже точнее: осмысление организует эту среду *через* ее теоретическое осмысление). Но, вскрыв и признав это, можно сделать вывод, отличный от постмодернистского. Не отвергая эту волю в целом, давайте ограничим ее естественными историческими и географическими пределами западной цивилизации, и в этих рамках позволим ей либо утверждаться, либо трансформироваться, либо сползать в сети и клубни турбулентного общества. Это выбор Запада. Но выбор иных цивилизаций — евразийской, исламской, китайской, индусской и т.д. вполне может заключаться в том, чтобы *отстоять право культивировать свою версию воли к власти, построенную на основании исторических традиций, культур, религий, социальных особенностей* и т.д. Православная, китайская, исламская или индийская воля к власти могут отличаться и друг от друга, и от европейской, и любая из них имеет все основания для того, чтобы укрепляться, видоизменяться, мутировать или распыляться. *В каждой цивилизации у воли к власти может быть своя судьба.* Освободившись от глобального влияния со стороны гегемонистского дискурса Запада и принуждения к его полному (до карикатуры) копиро-

ванию, цивилизации получают огромную степень свободы поступить с автохтонными структурами воли к власти по своему собственному усмотрению. И в этом не должно быть никаких заведомых универсалистских предписаний (в том числе и постмодернистских). Волю к власти можно принять или отбросить, это остается на усмотрение конкретных обществ. Но освободиться от одной гегемонистской воли к власти современного капиталистического Запада, необходимо.

Релевантность феминизма для ТММ

Феминизм в МО обладает большой методологической ценностью для ТММ в силу того, что демонстрирует как социологическая позиция (в данном случае гендерная) аффектирует теоретические конструкции. Особую ценность представляет собой *stand point feminism*, «ситуационный феминизм», наглядно демонстрирующий возможность радикального пересмотра социально-политических теорий, стоит только начать их построение с иной социологической отправной точки — в данном случае, из «ситуации» женщины, а не мужчины. В результате мы получаем совершенно особую теорию, имеющую с общепринятыми мало общего. Тем самым подрывается претензия на универсальность однобоких (здесь — маскулистских) дискурсов.

ТММ предлагает повторить этот ход, поставив в основании теории не иной гендер, а иную цивилизационную идентичность. Это даст нам *stand point civilizational approach* — то есть «ситуационный цивилизационный подход». Если для западной цивилизации антропологический принцип Гоббса «человек человеку — волк» может работать и стать основанием дальнейших политологических конструкций, вплоть до концепции Левиафана, суверенитета, национального государства и анархии международных отношений, а может быть оспариваемым более гуманной и пацифистской позицией Локка и Канта, то в контексте любой другой цивилизации мы имеем дело с со-

всем иной антропологией, сопряженной с качественно иными базовыми представлениями о человеке и его природе. Например, в индуизме действует принцип «человек человеку — бог», в православной этике — «ты больше, чем я», а в исламской религии — «перед лицом Аллаха нет различия между одним и другим». Везде мерой вещей являются разные реалии, где-то все измеряется человеком, а *где-то нет*, и сам человек видится производным от иной субстанции (в например, в буддизме индивидуум есть случайный поток переплетенных дхарм и не имеет собственной природы и собственного «я», откуда буддистский принцип «анатман»).

Стоит встать на антропологическую *точку зрения* какой-то конкретной, но незападной цивилизации, и мы получаем совершенно новую концепцию государства, власти, общества, истории, международных и межгосударственных отношений и связей, отличающуюся от западной намного больше, чем мужской взгляд от женского в рамках самой западной цивилизации. Поэтому феминизм в МО может служить иллюстрацией социологического плюрализма стартовых позиций, который можно применить и в совершенно ином контексте.

Что же касается собственно требований феминисток расширить присутствие женского начала в теоретизации МО, то это как раз совершенно необязательно буквально воспроизводить в ТММ. Помимо того, что женский взгляд и мужской взгляд на мир существенно различаются в контексте одной и той же цивилизации (на что совершенно справедливо указывают феминистки, требующие эти различия изучать и учитывать), *разные цивилизации по-разному конституируют гендерные пары* — так же на основе присущей только им уникальной антропологии. Например, лишение индусской женщины права взойти добровольно на жертвенный костер после смерти мужа (обряд сати), как это имеет место в законодательстве современной Индии, копирующей правовые кодексы западных обществ, вполне может рассматриваться как «ущемление прав индусской женщины»,

тогда как европейцам обоего пола этот обряд, скорее всего, внушит только ужас и отвращение. В разных цивилизациях семантическое содержание пола качественно различается, и вопрос о месте женщины в обществе должен решаться на основании локальных социальных традиций и устоев. Если феминистки борются против стремления мужчин выдать свои гендерные архетипы и установки за нечто универсальное, они должны были бы осудить в той же мере и стремление выдать за универсальные любые ценности, имеющие историческое и локальное происхождение — в том числе, и идею равенства полов, которая в современном виде является, безусловно, сугубо западным, модернистским и отчасти постмодернистским концептом.

Релевантность исторической социологии для ТММ

Чрезвычайно актуален для ТММ метод исторической социологии в МО, так как он позволяет рассмотреть современную эволюцию всей системы международных отношений в исторической перспективе, а значит, расчищает горизонты будущего и делает возможным новое углубленное осмысление истории. Представители историко-социологической школы в МО критикуют классические теории за отсутствие у них исторического измерения. Это означает, что эти теории не уделяют должного внимания *эволюции* акторов, действующих единиц и руководящих принципов, предопределяющих взаимодействия между собой государств и обществ на разных этапах истории. Считая, что сегодняшнее положение дел, так или иначе, воспроизводит то, как было всегда, и, проецируя на прошлое нынешнее статус-кво (темпоцентризм и хронофетишизм большинства теорий МО), классические парадигмы в МО закрывают возможность понять прошлое и обрекают будущее на повторение одних и тех же механических закономерностей. Утрата исторического чувства приводит большинство теоретиков МО к неадекватным прогнозам и анализам — ярким случаем чего стала полная неспособность неореалистов и неолибералов предсказать

крах двухполярного мира и распад СССР буквально накануне того, как эти принципиальные события стали свершившимся фактом. Структура международных отношений некогда была качественно отличной от той, что есть сейчас, и вполне вероятно, в ближайшем будущем станет качественно отличной от той, что существует сегодня. Чтобы предсказать и спроектировать будущее и понять прошлое, в сфере МО необходимы особые теоретические инструменты, которые и разрабатывает историческая социология.

Одну из версий такого историко-социологического подхода предлагают известные теоретики этого направления Б. Бузан и Р. Литтл¹. Они вводят понятие «интернациональной системы» и прослеживают фундаментальные изменения этой системы на разных исторических этапах. Суть их теории такова:

Существует 4 «интернациональные системы»:

- *преднациональная система* (характерная для тех обществ, где еще нет никаких следов политической государственности — племена охотников и собирателей, ранние фазы аграрных производителей и т.д.);
- *классическая или античная система* (соответствует городам-государствам, империям и первым политическим образованиям; эта система характерна для традиционного общества и продолжает существовать в течение тысячелетий вплоть до начала Нового времени в Европе);
- *глобальная интернациональная система* (приходит на смену классической; основана на взаимодействиях суверенных национальных государств и характеризуется тем, что накладывает сетку национальных территорий на все обитаемое пространство планеты — отсюда ее глобальность);

¹ Buzan B., Little R. International Systems in World History. Oxford: Oxford University Press, 2010.

- *постмодернистская интернациональная система* (складывающаяся в результате глобализации и представляющая собой результат мутации предыдущей системы и диффузии структур национальных государств).

При переходе от одной интернациональной системы к другой меняется практически все — главные акторы, структура взаимодействия между ними, интенсивность контактов и обменов, экономический уклад, политическое оформление власти, идеологии и т.д. При этом все исторические переходы происходят не одновременно и не мгновенно, а иногда растягиваются на тысячелетия, и в разных частях мира протекают по-разному и с разной скоростью. Чтобы понять настоящий момент в международных отношениях, необходимо поместить его в этот фундаментальный историко-социологический контекст.

Теория интернациональных систем важна для ТММ по двум причинам.

Первая: эта теория позволяет лучше понять, как стало возможным появление цивилизации в качестве претендента на главного актора международных отношений.

Вторая: в ее контексте можно сосредоточиться на историческом и социологическом смысле того, какой станет постмодернистская система, ведь сегодня совершенно не ясно, в каком направлении она будет эволюционировать дальше, более того, в отношении этого направления могут и должны вестись самые серьезные споры. Будущее не предопределено, оно открыто и делается теми, кто осуществляет выбор сегодня. Рассмотрим этот аспект несколько подробнее.

Если следовать универсалистскому и западоцентричному взгляду на историю, то переход к глобальной интернациональной системе представляет собой нечто «необратимое» и «справедливое» для всех обществ земли. Даже там, где они были включены в эту систему изначально в статусе европейских колоний, они постепенно получают независимость и обретают национальный суверенитет. Но так обстоит дело только на поверхности. Под тонкой пленкой модернизации политических

систем в большинстве незападных обществ сохраняется совершенно иная социокультурная модель, как правило, соответствующая именно классической или античной интернациональной системе. Модернизация распространяется на верхние слои общества, большинство же остается в условиях общества традиционного. Поэтому получающие независимость бывшие колониальные общества лишь формально являются «современными» и, соответственно, полноценными акторами Вестфальской системы. В своей сути они, как и прежде продолжают оставаться традиционными.

Именно этот фактор и проявляется тогда, когда рушится двухполюсный мир. Из-под тонкой пленки модернизации выступают контуры *реального содержания* многих социокультурных регионов. Здесь обнаруживается новое повышение значения и роли всех тех признаков, которые составляют отличительные черты именно традиционного общества — религии, этики, семьи, этноса, эсхатологии и т.д. Это и есть феномен «всплывания цивилизаций» («emergency of civilizations»), когда после обрушения структуры Модерна (двухполярность) в условиях Постмодерна (глобализация) поднимается континент Премодерна (столкновение/диалог цивилизаций).

В терминах исторической социологии МО это описывается как обнаружение признаков *классической* интернациональной системы при переходе от *глобальной* интернациональной системы к *постмодернистской*. Глобализирующийся мир, намереваясь сделать решительный шаг вперед за пределы Модерна и Нового времени, внезапно обнаруживает, что во многих регионах мира Модерн еще, оказывается, толком и не утвердился, а Нового времени пока там так и не наступило. И здесь возникает подозрение, что может быть, в этих незападных обществах Модерн в его европейском и привычном для нас понимании вообще невозможен, а Нового времени не наступит никогда. Это и есть фактор цивилизации — со всем веером его премодернистских атрибутов. И если этот актер окажется достаточно сильным и устойчивым, то универсалистская и

прогрессистская логика линейного понимания истории, свойственного Западу, будет опрокинута. ТММ в определенном смысле и предлагает осуществить это, перейдя от линейного понимания истории к циклическому, от всеобщего и единого времени человечества — к особым траекториям и маршрутам отдельных цивилизационных времен, переплетающихся друг с другом в сложном и требующем пристального внимания постоянно меняющемся узоре¹.

Отсюда можно сделать второй шаг, и рассмотреть постмодернистскую интернациональную систему, о которой говорят Бузан и Литтл, как открытый *выбор* между продолжением западоцентричной глобализации, но только с постоянным размытием вертикальной ориентации гегемонистского дискурса Запада, и многополярным проектом, в котором в дело вступают забытые, но снова пробуждающиеся от анабиоза *структуры традиционного общества*, т.е. цивилизации, культуры, религии. Раз в контексте каждой интернациональной системы меняются смыслы, акторы, связи и структуры, то переход от глобальной системы к новой системе также предполагает сдвиги, сломы, смену идентичностей и парадигм. Не корректно применять к постмодернистской системе модернистские критерии, на глазах утрачивающие свою релевантность. А значит, смысловые горизонты той интернациональной системы, которая приходит на смену глобальной системе и условно пока определяется как «постмодернистская», остаются открытыми и проблематичными, а за формирование их может вестись напряженная и страстная борьба между различными сегментами человечества.

Это важный пункт ТММ: Постмодерн в МО не является предпрешенным и не означает перехода от одной приблизительной понятной структуры международных отношений к другой, тоже в целом представимой. Это, скорее, открытый процесс с

¹ О социологии времени см. Дугин А. Социология воображения. М.: Академический проект, 2010; Он же. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2011.

неопределенным исходом, который может привести как к одной модели миропорядка, так и к совершенно иной и отличной от первой по основным параметрам. Постмодерн может стать продолжением Модерна, а может и выходом за его границы в сторону от магистральной логики его развертывания. Тот второй вариант Постмодерна представляет собой шанс построения многополярного мира на основе цивилизационного плюрализма.

Релевантность нормативизма для ТММ

Нормативизм в МО чрезвычайно удобен для «густого» анализа цивилизаций и структуры соотношений и связей между ними. Этот подход ставит в центре внимания исследование норм, ценностей, идей и идеалов конкретных обществ, с помощью чего достигается углубленное понимание того, как осмысляются основные темы международных отношений в разных странах и социальных контекстах. Такой нормативистский подход предполагает, что образы мировой политики осмысляются и интерпретируются каждым обществом в соответствии с его культурными установками (нормами). И эти нормы влияют на политическое руководство и иные центры, принимающие решения во внешней политике, так как они никогда не являются оторванными от остальной социальной среды, но связаны с ней и зависят от нее по внутривнутриполитическим соображениям (вопрос легитимности). Даже если отдельные λ-индивидуумы и даже их совокупность не обладают компетенцией в сфере международных отношений и в вопросах внешней политики, их совокупные представления вполне могут влиять на легитимацию правителя. Внешняя политика, таким образом, помещена в конкретный социокультурный контекст, и в этом контексте символы, предпочтения, установки и этнические комплексы играют важную роль.

Приоритетно изучая образы из области международных отношений (например, фигуру другого) и их резонанс в кон-

кретном обществе, нормативисты подводят нас вплотную к составлению цивилизационной карты, где различные общества проецируют разные комплексы моральных критериев, этических оценок, императивов и правил на международную среду. Как это сопрягается с конкретной реальной политикой в каждом конкретном случае, следует рассматривать отдельно, но при таком подходе вся сфера зоны международных отношений становится не пространством применения силовых или экономических технологий или институциональных глобалистских инициатив, но полем символов и знаков, которые, к тому же, разные общества и культуры интерпретируют по-разному — в соответствии со своими ценностными комплексами.

Так, для ТММ открывается широкий простор *символического анализа международных отношений* на основе конкретных цивилизационных ансамблей, каждый из которых описывается через оригинальную картину норм и идеалов.

Релевантность конструктивистской теории для ТММ

О значении конструктивизма для ТММ уже шла речь ранее. Важнее всего в этом подходе значение, которое уделяется *теоретическим построениям*, имеющим подчас определяющую роль в осуществлении того или иного проекта. Представления о мире аффектируют мир, и если не делают его таким, каким он представляется, то, по крайней мере, придают ему некоторые качественные черты. Следовательно, система международных отношений есть в значительной степени *результат конструирования* в процессе развертывания теоретического поля МО как дисциплины.

Сами конструктивисты, в первую очередь, А. Вендт, предпочитают использовать этот метод в гуманистическом и не-олиберальном ключе, указывая на то, как много в МО зависит от самоограничивающих формулировок или запрограммированных изначальными установками конфликтов. Вендт полагает, что анархию международных отношений можно осмыс-

лить по-разному — в духе Гоббса (соперничество, готовность к войне), в духе Локка (конкуренция, мирное соперничество) и в духе Канта (солидарность, партнерство, объединение в общее гражданское общество). По Вендту, онтологически это одна и та же анархия, но ее гносеологическая оценка позволяет сконструировать на ее основании либо поле вражды, либо зону конкуренции, либо пространство тесного солидарного сотрудничества. Как мы сконфигурируем понимание реальности в международных отношениях, такой она, в конце и концов, и предстанет. Согласно конструктивистам, мы живем в том мире, который создаем сами. Николас Онуф формулирует это в названии своей программной книги «Мир, который мы сами и сделали» («World of Our Making») ¹.

Но в контексте ТММ на основании конструктивистского понимания природы международных отношений можно сделать заключение, отличное от (в целом) либеральной ориентации самих конструктивистов. Они хотят сделать мир «более гуманным» в духе соответствия тем ценностям, которые представляются им базовыми и само собой разумеющимися в контексте западной модернистской и, отчасти, постмодернистской культуры. Но это «мир, сделанный ими» — «World of Their Making». Незападные цивилизации вполне логично предпочтут *«сделать мир»* в соответствии с их собственными установками и идеями, традициями и культурными паттернами. Западный мир, претендующий сегодня на то, чтобы быть единственной и универсальной моделью мира, *создан людьми Запада*. Они же научились его деконструировать и конструировать заново. Эта практика является критически важной для ТММ. Но применять ее надо в ином контексте и для решения других задач. Осознав, что в лице норм, претендующих на самоочевидность и универсализм (технический прогресс, демократия, права человека, толерантность,

¹ Onuf Nicholas. World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia: University of South California Press, 1989.

гуманизм, рыночная экономика, свободная пресса и т.д.), мы имеем дело с проекцией только одной из цивилизаций, причем, с чертами, присущими только одной исторической фазе этой цивилизации, мы будем способны легко локализовать западный дискурс, подвергнуть его деконструкции и *освободить, тем самым, смысловое поле для конструирования иной реальности*. Мир, созданный нами, а не ими, может быть и должен быть только многополярным. И чтобы он стал таким, его остается только сконструировать.

Начинать надо с теории. Так как именно в пространстве репрезентаций и концептов коренятся истоки того, что затем мы начинаем воспринимать и переживать как реальность, данность и статус-кво.

Пример анализа многополярного мира в сравнении с постмодернистской интернациональной системой

Приведем пример того, как метод, предлагающийся теоретиками «интернациональных систем», мог бы быть применим к многополярности.

Предлагаемый анализ интернациональной системы сводится к выявлению следующих уровней¹:

- система
- подсистема
- unit (основная единица)
- subunit (под-единица)
- индивидуум

И к рассмотрению отношений между ними в сферах: военной,

- политической,
- экономической,
- социальной,
- амбиентальной.

¹ Buzan B., Little R. International Systems in World History. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Кроме того, в интернациональной системе выделяются:

- *взаимодействие* (бывает линейным или многоординатным; это определяет уровень интенсивности взаимодействия; по характеру чаще всего сводится к пяти типам: войны, союзы, обмены, заимствование, доминация);
- *структура* (статичная модель организации unit в системе);
- *процесс* (трансформация всех отношений по качественной шкале).

По Бузану/Литтлу постмодернистская интернациональная система характеризуется следующими особенностями:

- расширение номенклатуры базовых единиц (units) (по сравнению с глобальной системой, где преимущественно действовали государства);
- появление негосударственных акторов вплоть до новой единицы — кочевника асфальта (Э. Юнгер, Ж. Аттали), космополита полностью равнодушного к системе территориализированных иерархий;
- еще более высокая интенсивность взаимосвязей;
- возникновение новых сверхгосударственных пространств — информационного, торгового, культурного, сетевого, дистрибьюторского, стилевого;
- глобальное взаимодействие как дисперсия (дисперсия военно-политических базовых единиц — к торгово-экономическим единицам);
- появление новых локальностей (регионализм).

Эта картина постмодернистской интернациональной системы, описываемая Бузаном/Литтлом, соответствует, в целом, глобалистскому видению и концептам транснационализма и неолиберализма.

Теперь опишем по той же методике многополярную модель.

Главной базовой единицей (unit) является цивилизация (плюс многополярного мира).

Эта единица входит в планетарную систему, основанную на *межцивилизационном взаимодействии*. С соседними цивили-

зациями складывается подсистема — каждый раз разная — в зависимости от того, какую цивилизацию мы рассматриваем. Здесь могут быть асимметричные ситуации.

На уровне под-единиц (subunits) мы встречаем целый спектр концептов, и их номенклатура может быть различной и асимметричной — частично иерархической, частично рядоположенной.

В постмодернистской системе в этом вопросе есть совпадение с многополярностью: и там, и там фиксируется рост значения локальных факторов и новый регионализм.

Так, среди под-единиц (subunits) можно выделить *доминантную* социокультурную общность и *миноритарные* общности. Эти миноритарные общности могут соответствовать доминантным общностям в других цивилизациях, а могут быть уникальными.

Эти общности способны структурироваться по культурному, религиозному, этническому, территориальному или иному признаку, образуя *суперпозицию идентичностей*. Каждая из этих идентичностей может быть тождественной или отличной от доминантной общности, иметь или не иметь аналоги в других цивилизациях. В зависимости от этого будут складываться и междоцивилизационные отношения.

Появление новых или возрождение прежних общностей (религиозных, этнических, социокультурных и иных) является признаком многополярного мира.

Отношения между цивилизациями будут складываться неравномерно, в зависимости от того, какую под-единицу (subunit) мы рассматриваем. Связи с отдельными религиозными или социокультурными группами могут развиваться весьма интенсивно. Между доминантными группами цивилизаций, напротив, связи и обмены, скорее всего, будут осуществляться в довольно ограниченной сфере и при опосредовании специальных инстанций на это уполномоченных.

Вместо повышения роли индивидуального актора, кочевника асфальта, напротив, многополярность предполагает све-

дение к минимуму индивидуальной идентичности в пользу разнообразного выбора асимметричных коллективных идентификаций и социальных статуарных наборов.

Техника как явление, претендующее на универсализм и культурную нейтральность, будет возвращена в свой изначальный историко-культурный контекст и осознана как специфический гаджет лишь одной из цивилизаций, выражая собой ее гегемонистские претензии и ее этноцентрический импульс.

Сравнивая модели постмодернистской системы, предлагаемые историческими социологами в МО (и в целом совпадающие у транснационалистов, глобалистов и неолибералов) с моделью многополярного мира, мы видим фундаментальное различие в образе картин будущего. В одном случае (у обычных постмодернистов) мы имеем дело с транспозицией современного западного кода на все более и более распыленный *индивидуальный* уровень. Во втором случае человечество рекомбинируется и регруппируется на основе *холизма* — коллективной идентичности, хотя структура этой идентичности, взаимодействия между собой отдельных групп и процессы, отражающие постоянное изменение в качестве этих взаимодействий, будут представлять собой динамичную картину, не сводимую ни к классической интернациональной системе, ни к глобальной, ни к той, которую описывают представители исторической социологии в МО под названием «постмодернистской» (в ее неолиберальной и транснационалистской) версии.

При этом качественное семантическое изменение природы unit по сравнению с глобальной системой, где базовой единицей было национальное государство, в ТММ можно уподобить тому различию, которое существует между элементарной частицей классической физики и фракталом (Б. Мандельброт) или петлей (в физике суперструн Э. Виттена). *Цивилизация есть комплексная реальность с очень сложной и всякий раз уникальной геометрией* и системой странных аттракторов. Поэтому и система межцивилизационных отношений, таких как войны, союзы, обмены, заимствования и доминация, приобре-

тут *комплексный* характер¹. Межцивилизационная война будет чем-то принципиально иным, нежели войны между государствами — и, по сути, и по форме. Также чем-то иным будет союз цивилизаций или природа мирных договоров. Характер обмена, в том числе и экономического, станет определяться уровнем, где эти операции осуществляются — в цивилизации таковыми могут быть довольно разные инстанции и довольно разные группы (в отличие от статоцентричной концепции в классических парадигмах МО или атомарных индивидуумов/множеств в неолиберализме и неомарксизме).

И наконец, доминанция одной цивилизации над другой также может носить амбивалентный характер: материальное превосходство не всегда будет означать превосходство когнитивное и гносеологическую гегемонию. И напротив, духовная доминанция в отдельных случаях может сопровождаться отставанием в области развития материальной сферы. Многополярный мир оставляет все возможности предельно открытыми.

Из этого можно сделать важное заключение: многополярный мир — это пространство предельно открытой истории, где живое участие обществ в создании нового мира, новой карты реальности не будет ограничено никакими внешними рамками, никакой гегемонией, никаким редукционизмом или универсализмом, никакими предустановленными и навязанными кем-то со стороны правилами. Такая многополярная реальность будет намного более сложной, комплексной и многомерной, чем любые постмодернистские интуиции.

Многополярный мир — это рукотворное пространство практически неограниченной исторической свободы, свободы народам и общинам самим верстать свою историю.

¹ Morin, E., Le Moigne, J.-L. L'intelligence de la complexité. Paris: L' Harmattan, 1999.

Власть (князь) в ТММ

Рассмотрим несколько конкретных аспектов ТММ применительно к классическим темам, разбираемым в МО.

Важнейшим вопросом в МО является выявление инстанции, которая является носителем верховной власти, определяющей структуру поведения актора в среде международных отношений. Эта инстанция функционально называется «носителем суверенитета» или «князем» (по терминологии Н. Макиавелли¹).

Базовой единицей (unit) в ТММ является, как мы видели, цивилизация. Соответственно, необходимо выяснить, как решается в таком явлении как цивилизация проблема власти и ее носителей, и соответственно, проблема суверенитета.

Этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Цивилизация, как нам известно, *комплексное* явление, математическое и геометрическое описание которого требует введения нелинейности. В этом принципиальное отличие цивилизации от национального государства, которое в Новое время ввело как строго рационализированную схематичную редукционистскую реальность, в таком качестве и осмысляемую в большинстве теорий МО. Лишь постпозитивистские теории МО стали постепенно релятивизировать эту линейную схему, доминирующую в реализме и либерализме, а также (с некоторыми существенными поправками) в марксизме. Нелинейность процессов и комплексность акторов в турбулентных моделях международных отношений Постмодерна представляются намного более примитивными, упрощенными и предсказуемыми в сравнении с цивилизацией. Постпозитивистские теории, в любом случае, имеют своим концептуальным пределом индивидуумов (отсюда идеология прав человека), к математической сумме которых при всех обстоятельствах сводится вся система МО даже в самой смелой постмодернистской

¹ Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990.

модели. Атомарный индивидуум составляет концептуальную опору как национальных государств, так и демократий, как гражданского общества, так и постмодернистских множеств альтерглобализма. И во всех случаях этот атомарный индивидуум репрезентируется на основании западной антропологии, концептуализируется в свете классических модернистских и постмодернистских представлений. Иными словами, пределом сложности турбулентных систем является индивидуум как концепт, сконструированный по выкройкам западноевропейской социологии¹. Соответственно, все калькуляции вокруг проблемы носителя суверенитета, так или иначе, выстраиваются на основе этого концепта. Атомы могут складываться самым причудливым и замысловатым образом, но всегда любая композиция сводима к дигитальному коду, поддающемуся статистическому расчету. Поэтому вопрос о власти и представительстве в классических и даже постпозитивистских теориях МО всегда принципиально сводим к калькуляционной схеме: индивидуумы и группы индивидуумов могут делегировать власть своим представителям вплоть до суверенного правителя (индивидуального или коллективного — президента, премьер-министра, правительства, парламента и т.д.) или, напротив, опускать эту власть все ниже и ниже — на средний уровень (субсидиарность федералистских моделей, местное самоуправление) или даже еще ниже, вплоть до собственно индивидуального уровня (проект электронного референдума всех граждан через прямое онлайн участие — в ультрадемократических утопиях планетарного гражданского общества). Какой бы ни была инстанция суверенитета, она высчитывается и определяется на основе индивидуума, как специфически западного базового социологического и антропологического

¹ Dumont L. Essais sur l'individualisme. Une perspective anthropologique sur l'idéologie moderne. Paris: Le Seuil, 1983.

концепта¹. Власть есть явление человеческое и индивидуальное.

Но плюрализм цивилизаций выбивает почву из-под такой концептуализации. Дело в том, что разные цивилизации оперируют с разными антропологическими конструктами, большинство из которых не разлагаются на атомарных индивидуумов или, иначе, атомарные индивидуумы не являются неразложимыми (атомарными) или автономно содержательными. В разных цивилизациях человек может быть кем угодно, но только не самостоятельной самотождественной единицей. Чаще всего он представляет собой осознанную и эксплицитную *функцию от социального целого* (на этом принципе основана собственно социология Э. Дюркгейма и его последователей, культурная антропология Ф. Боаса и его учеников, а также структурализм К. Леви-Стросса). Соответственно, структура власти и ее формализация в каждой отдельной цивилизации отражает специфику организации *холистского ансамбля*, которая может качественно отличаться в каждом конкретном случае.

Кастовый принцип индуизма имеет мало общего с исламской религиозной демократией или китайским ритуализмом. Кроме того, одни и те же цивилизационные основы могут давать различные концептуализации власти в ее отношении к обществу и отдельным людям. В христианской цивилизации мы видим (как минимум) две полярные средневековые модели нормативного государства — симфония властей и цезаре-папизм Византии (отголоски чего до сих пор ясно ощущаются в православных странах, и особенно в России) и августиновский, в духе учения о «двух градах», принцип папо-цезаризма, свойственный католическому Западу. После Реформации к этому добавился широкий спектр протестантских концептуализаций природы власти — от лютеранской монархии до

¹ В этом отношении чрезвычайно релевантна «понимающая социология» М. Вебера, строящаяся как раз вокруг этого концепта и его всесторонне обосновывающая.

профетически-либерального кальвинизма и эсхатологического анабаптизма.

Поэтому заведомо следует рассмотреть власть в контексте цивилизации как фрактальное нелинейное явление, отражающее самобытную геометрию каждого конкретного социального «холоса».

Конечно, кто-то в цивилизации должен принимать решение в вопросах, связанных с междоцивилизационными отношениями — в частности, о мире и войне, союзе и его расторжении, о сотрудничестве и обмене, о запретах, квотах и тарифах и т.д. Можно назвать это *стратегическим полюсом* цивилизации. Эта инстанция является условной и выводимой чисто умозрительно как умозрительное пространство, где концентрируются решения, затрагивающие в той или иной степени сферу международных отношений. Этот стратегический полюс и есть полюс многополярного мира, поскольку мир цивилизаций открывается как многополярный именно за счет пересечения интересов или оформления конфликтов, проходящих через *инстанцию полюса*.

Стратегический полюс *должен* наличествовать в любой цивилизации. Его наличие и делает мировую систему многополярной, но его место и его содержание, а также его структура и связь с другими уровнями власти в каждой цивилизации могут быть уникальными и не похожими ни на что другое.

Примером одной из таких комплексных систем является модель принятия решений в современном Иране, где объем суверенитета пропорционально разделен между светской властью президента и духовными структурами аятолл. В Саудовской Аравии меджлис, аналог парламента, представляет собой площадку для консенсусных решений трех доминирующих в этом обществе сил: многочисленной королевской семьи, духовных авторитетов салафитского Ислама и представителей наиболее значимых бедуинских племен. В современном Китае совокупность политических и экономических интересов этой своеобразной страны при выходе в область междуна-

родных отношений жестко контролирует и регламентирует Компартия. В Индии баланс фасадного светского парламентаризма и имплицитной кастовой системы создает многоуровневую модель принятия наиболее важных решений. В России вполне устойчив едва прикрытый демократическими процедурами западного образца патерналистский авторитаризм. Все эти реальные формы организации стратегического полюса считаются по западным меркам «аномалиями», подлежащими «европеизации», «вестернизации», «модернизации» и «демократизации», а затем и ликвидации в общей системе глобального гражданского общества. Но этот проект представляется сегодня все более утопичным даже самым последовательным апологетам планетарной демократии. В этом отношении показательно изменение взглядов Ф. Фукуямы в последние годы, когда он признал, что его ожидания скорого «конца истории» были явно поспешными, так как на пути глобализации и создания планетарной либерально-демократической системы стоит еще слишком много с трудом преодолимых препятствий для того, чтобы можно было «положить конец истории» в ближайшем будущем¹.

При принятии модели многополярного мира системы власти, корнящиеся в цивилизационных особенностях традиционных обществ, *утратят необходимость скрывать себя* под поверхностно принятыми и двусмысленными западными демократическими стандартами. Поэтому стратегический полюс цивилизации может вполне открыто провозгласить себя, признав эксплицитно себя тем, чем он и так имплицитно является в большинстве незападных обществ. Но только вместо того, чтобы испытывать за это «угрызения совести» перед лицом недостижимого западного образца (выдаваемого за «универсальную норму»), цивилизации получают возможность институционализировать свои особые модели власти в соответствии

¹ Фукуяма Ф. Идеи имеют большое значение. Беседа с А.Дугиным// Профиль. 2007.

со своими традициями, историческим состоянием обществ и волеизъявлением тех социальных инстанций, тех выразителей культурного «холоса» цивилизации, которые в них считаются наиболее авторитетными и правомочными для подобных действий.

Цивилизационный плюрализм ТММ совершенно не настаивает на ликвидации демократии там, где она есть, или на том, чтобы препятствовать ее появлению и созреванию там, где ее нет или она слаба и номинальна. Ничего подобного. ТММ не является заведомо антидемократической. Но она не является и нормативно демократической, так как ряд цивилизаций и обществ вообще не считают демократию в ее западном издании ни ценностью, ни оптимальной формой социально-политической организации. Если так считает общество и если это имеет обоснование в цивилизационном укладе, то это надо принять как факт. Сторонники демократии могут бороться за свои идеалы и взгляды, как им вздумается. Они могут выиграть, но могут и проиграть. Всё это вопросы, решать которые предстоит внутри цивилизации, без оглядки на какие бы то ни было укоряющие или подбадривающие взгляды или недовольные реакции извне.

Поэтому стратегический полюс, который должен существовать в силу полицентричного характера многополярного мира, не может иметь однотипного политического содержания — аналогичного понятию национального государства в Вестфальской системе. Эта система строилась на оптимистической уверенности в универсальности человеческого разума, под которой, как позже выяснилось, понималась весьма *специфическая рациональность* европейского человека Нового времени, высокомерно и заносчиво принятого за «трансцендентальный разум» вообще. Европейская рациональность Нового времени, стремительно оживающая себя сегодня, оказалась пространственно *локальным историческим моментом*, не более того. С постепенным осознанием этого связан и Постмодерн в целом, и эрозия Вестфальской системы, в частности.

ТММ не предлагает нового универсализма в области определения того, кто нормативно должен являться носителем власти в новых базовых единицах (units) многополярного мира. Но и не впадает в хаотический экстаз полуживотного ризоматического иррационализма постструктуралистов. Цивилизации как структуры, как языки имеют все основания для развертывания своих особых моделей рациональности, иерархическая симметрия которых, предопределяющая структуру властных отношений, и, соответственно, политическое устройство общества (которое есть не что иное, как калька философской парадигмы, что ясно показано уже у Платона и Аристотеля), могут быть любыми.

Поэтому вопрос о власти в многополярном мире решается следующим образом. Извне мы намечаем в каждой цивилизации стратегический центр, который выступает субъектом диалога в международных отношениях. Этот стратегический центр есть формализации цивилизации и ее *метонимическая аббревиатура* в системе многополярности. Но ее структура и ее содержание, ее соотношение с внутренними пластами и этажами общества, объемы ее полномочий и характер легитимации — все это может качественно и фундаментально варьироваться. Многополярность запрещает оценивать эту легитимацию извне, то есть выносить суждение относительно содержания власти в цивилизации, отличной от той, к которой принадлежит наблюдатель. Поэтому концепт стратегического центра остается *вполне конкретным вовне* в сфере международных отношений, но *совершенно произвольным внутри* и может быть сконфигурирован в соответствии с культурными кодами каждого отдельного общества на основании свойственной ему и только ему социальной и политической антропологии.

Можно назвать этот принцип ТММ «плюральность князя».

Решение

Подобный фрактальный подход является базовой установкой ТММ в отношении всех других классических тем МО, связанных с суверенитетом, легитимностью акторов, легальностью процедур в международных отношениях и т.д. Во всех случаях правильным ответом будет обращение к уникальной социальной и культурной специфике каждой цивилизации — при отсутствии какой бы то ни было априорной проекции. ТММ требует от теоретика максимальной *цивилизационной апперцепции*, то есть способности рефлексировать собственную принадлежность к той цивилизации, от лица которой осуществляется анализ международных отношений, а также проникновения в ценностную цивилизационную систему изучаемой цивилизации. Здесь в полной мере релевантны требования, предъявляемые к культурным антропологам, намеривающимся исследовать то или иное архаическое общество. Для этого необходимы:

- знание языка,
- включенное наблюдение,
- мораторий на поспешные выводы и моральные сопоставления чужого со своим,
- отсутствие предвзятых мнений и предрассудков относительно исследуемой культуры,
- искреннее намерение проникнуть в то, как члены данного общества сами понимают и интерпретируют окружающий их мир, социальные институты, традиции, символы, ритуалы и т.д.

Все это прекрасно систематизировано и обосновано Ф. Боасом и его последователями¹.

ТММ требует от политолога-международника навыков социальной и культурной антропологии, без которых ни одно его заключение относительно политических структур той или

¹ См. Дугин А. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.

иной цивилизации и соотношения этих структур между собой не будет иметь валидности и научной ценности.

Поэтому прикладные вопросы, сопряженные с проблемой суверенитета, его носителя и его структуры требуют предварительно углубленного осмысления цивилизационного поля.

В качестве удобной формализации для точной фиксации того, где конкретно располагается стратегический полюс в цивилизации, может быть использована процедура, предложенная К. Шмиттом для определения суверенитета. «Суверенен тот, кто принимает решение в условиях чрезвычайного положения¹», — утверждает он. Чрезвычайное положение — это ситуация, когда правовой кодекс, отвечающий за упорядочивание вопросов правления в обычных типовых обстоятельствах, перестает действовать и не способен служить опорой для выбора того или иного поведения, предполагающего включенность в него значительной группы людей и масштабные социальные последствия. Это определение К. Шмитта является удобным инструментом для локализации центра власти в проблематичных исторических условиях. Если пользоваться этим критерием, то, как только мы видим принятие решения в чрезвычайных обстоятельствах, мы обретаем автоматически *локализацию* полюса суверенитета. Тот, кто принимает решение в чрезвычайных обстоятельствах, тот суверенен даже в том случае, если у него не хватает легальности или легитимности с чисто правовой точки зрения. И наоборот, тот, кто не принимает решения в чрезвычайных обстоятельствах, тот не суверенен, даже при наличии у него формальной легальности и легитимности.

Так появляется конкретный параметр для определения местонахождения суверенной инстанции практически *в любой политической системе* — и там, где власть действует открыто и прозрачно (*potestas directa*), и там, где она действует косвенно

¹ Шмитт К. Диктатура. СПб.: Наука, 2005

и тайно (*potestas indirecta*)¹. Поэтому в цивилизации при естественной для нее неопределенности и комплексности социальных слоев внутри общего контекста, месторасположение суверена, князя, определяется *через* фактическую локализацию источника принимаемых решений, а не наоборот. *Кто решает в чрезвычайных обстоятельствах, тот и князь, тот и является носителем суверенитета.*

Это замечание относительно решения позволяет отнестись к цивилизации как к системе, открытой для истории и насыщенной мощной экзистенциальной энергией. В какой-то момент любой цивилизации в стихии многополярного мира приходится принимать решение. И всякий раз инстанция этого решения может теоретически всплывать *в различном сегменте цивилизации*. Это чрезвычайно усложняет структуру международного права, делает ее отчасти спонтанной и «оказионалистской» (*ad hoc*). Но, вместе с тем, это освобождает естественную и наполненную внутренней силой, *potestas*, стихию исторического бытия от необходимости постоянно взламывать быстро остывающую систему легальных нормативов, превращающихся в ограничения и стесняющие ток живой и непредсказуемой истории.

Здесь понятие хаоса международных отношений, наличествующее и в классических парадигмах, является вполне уместным и релевантным. Хаосом среда международных отношений в контексте ТММ является в той мере, в какой она позволяет решению манифестироваться в любой точке цивилизации — предсказуемой или нет. Канализация решения и обуздание его стихии, формализация и легитимация власти — все это внутреннее дело каждой цивилизации. Но теоретически следует рассматривать *суверенитет не как правовое уложение, а как функцию от самого факта решения, принятого в чрезвычайных обстоятельствах.* В таком случае стратегические полюса

¹ Schmitt C. Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes. Berlin, 1938.

цивилизаций будут постоянно иметь дело с серией спонтанных вызовов, и драма истории обретет насыщенный, органический и динамичный характер, в отличие от той рутины, военной или пацифистской, в которую превратились международные отношения в Вестфальскую эпоху или в условиях двухполярного мира, и печальным апогеем чего являются слабовольные утопии глобализации.

Точка принятия решения в чрезвычайных обстоятельствах — это концентрация исторического духа; не дисперсия анатомических пожеланий и простейших инстинктов, но движение по вертикали интенсивного исторического процесса.

Элита и массы

Практически то же самое можно сказать относительно социальной стратификации цивилизаций и выделения в них высших и низших классов, элиты и массы (по В. Парето). Геометрия социального верха и социального низа в каждой цивилизации может варьироваться. Холизм незападных цивилизаций может быть кастовым, сословным, теократическим, этническим, монархическим, демократическим, смешанным — каким угодно. Теоретически, каким угодно может стать и западное общество, хотя на основании эмпирических наблюдений можно предположить, что оно сохранит и в будущем свои индивидуалистические и либерально-демократические установки и тенденции к дисперсии социального тела в сторону атомизации и гражданского общества. И это полное право Запада — организовывать свое общество в соответствии с собственной волей. Демократизация и дисперсия властных полномочий, однако, не отменяет принципиально классового неравенства и огромного зазора между сверхбогатой элитой и всеми остальными гражданами. Поэтому классовое неравенство, в XX веке старательно прикрываемое ростом среднего класса, который в последнее время резко затормозился, в свою очередь, конструирует элиты и массы Запада в духе тех иерархий, которые подробно

описаны и раскритикованы марксистами. Элиты и массы Запада формируются по классовому критерию. Запад считает это «нормальным» и «справедливым», а остальные формы иерархизации отвергает как «негуманные», «варварские» и «недемократические».

В отношении своего общества Запад имеет все основания принимать любые политические решения. Но в отношении незападных обществ в многополярном мире, компетенции морального судьи у Запада исчерпываются. Люди европейской культуры Нового времени считают, что материальное неравенство «справедливо», а социальное нет. Представители других цивилизаций, например, индусской, придерживаются совершенно иного мнения. Логика «дхармы» и законы «артхи» приводят индуса к справедливости совершенно иного рода: справедливо следовать традиции, в том числе кастовой, и несправедливо ее нарушать. Благородный бедняк, исполняющий карму, перерождается в высшем мире. Нерадивый богач имеет все шансы перевоплотиться в свинью. И это справедливо. А вторжение западных критериев в структуры традиционного общества, есть верх несправедливости и типично колониальная и расистская в своих корнях практика.

Также несправедливым для мусульман является взимание банковского процента (так как время принадлежит Аллаху, и деньги не могут порождать деньги во времени — это кощунство и святотатство, посягательство на прерогативы Господа миров). При этом стратификация исламского общества может представляться неприемлемой индуистам, а китайцы-конфуцианцы могут распознать в буддизме «завуалированный анархизм» и «асоциальность».

Элиты и массы, верхи и низы есть в любой цивилизации. И они имеют свои функции в общем целом социального тела в соответствии с нормативной конфигурацией этого тела. В некоторых случаях они могут оказывать влияние на внешнюю политику и выступать в роли «компетентных групп» (в отличие от уверенности классических реалистов в том, что

λ-индивидуум, представитель массы, обладает нулевой компетенцией в международных вопросах). В других случаях не могут, и тогда их доля влияния на международные отношения ничтожна. Но этот вопрос снова зависит от случая рассматриваемой конкретной цивилизации. Ни неолиберальные концепты относительно неуклонного и гарантированного роста компетенции масс в международных отношениях, ни реалистский скепсис на этот счет, не применимы в качестве норматива в ТММ.

Социальная стратификация обществ в рамках цивилизации не является международной проблемой, не имеет универсальной формы и дисконтируется через стратегический центр цивилизации, каким бы причудливым образом он бы ни был составлен: правительство, парламент, император, правящая партия, союз духовных лидеров и т.д. Легитимным этот центр делает само социальное тело, цивилизационный холос.

Диалог и война цивилизаций

Теперь опишем в общих чертах, как ТММ рассматривает проблему войны в МО. Война — это свойство человеческой истории и постоянно встречающееся в ней событие. Более того, согласно общепринятой концепции, именно войны и революции делают историю историей. Практически все известные государства были созданы войнами или возникли в ходе военных походов. Войны же положили основу практически всем существующим исторически элитным группам. Война, по Гераклиту, «есть отец всех вещей, в одних она обнаруживает богов, в других — людей, в одних — рабов, в других — свободных». Полис, как государство, и политика, как управление полисом, всегда были тесным образом сопряжены со стихией войны и по внутреннему устройству, и в отношении главной задачи обеспечения безопасности, и с точки зрения перспектив завоевательных походов на того или иного внешнего противника.

Стремиться к прекращению войн все равно, что стремиться к упразднению истории или исчезновению человека и человеческого общества. Минимализировать риск войны или вообще избавиться от него может быть задачей определенных культур, социальных или гендерных типов (женщины не склонны к стихии войны и рассматривают ее чаще всего как катастрофу и чисто негативное явление). Но наблюдение за историей человеческих обществ показывает, что мир, как и война, являются циклически чередующимися явлениями, сменяющими друг друга в определенной последовательности, какими бы короткими или длительными не были интервалы.

Поэтому ТММ не исключает возможности войны (столкновения) между цивилизациями, но при этом не считает, что это является единственным возможным сценарием.

Здесь следует обратиться к концепции *диалога*. Диалог — это по-гречески «разговор, осуществляемый с кем-то другим», где высказывание передается (*диа-* от одного к другому). Диалог может выражаться в словах, но может и в жестах. И слова и жесты могут быть мирными или агрессивными, в зависимости от ситуации. Диалог может быть жестким. В конце концов, *война также способна быть формой диалога*, в ходе которого одна сторона в жесткой форме что-то *сообщает* другой.

Диалог совсем не обязательно предполагает равенство говорящих. Сама структура человеческого языка иерархична, и поэтому произнесение фраз в диалоге вполне может носить характер развертывания воли к власти или стратегии доминирования. Это еще раз подтверждает, что войну также можно рассматривать как диалог.

В ТММ между цивилизациями по умолчанию развертывается именно диалог, который можно рассмотреть в двух экстремумах — мирный диалог и немирный диалог. Но в любом случае речь идет именно о сообщении, об общении одного и другого, о коммуникации, а, соответственно, о социализации цивилизации или нескольких цивилизаций одновременно в общей системе международных отношений. Диалог цивилизации

ведут между собой постоянно. Подчас он занимает целые тысячелетия, на протяжении которых народы, культуры и религии смешиваются друг с другом, переплетаются, сближаются, поглощают друг друга, разделяются и удаляются друг от друга и т.д. Поэтому нельзя *начать* диалог между цивилизациями и нельзя его *прекратить*. Он и так ведется сам по себе, и всю человеческую историю можно рассмотреть как такой *непрерывно длящийся диалог*.

Но цивилизация становится главным актором международных отношений лишь в определенных ситуациях. Согласно ТММ, сегодня мы живем именно в такой ситуации, а, следовательно, структура диалога цивилизаций требует, в свою очередь, нового осмысления и повышенной рефлексии. Этот диалог именно сегодня нуждается в *формализации*. Как, о чем и для чего ведут между собой диалог цивилизации?

Диалог цивилизаций есть конституирование базовой пары идентичностей — мы и они, что является неотъемлемым свойством любого общества. Общество способно осознать себя как себя только перед лицом другого общества, *осознанного* как другое. Так как цивилизация является максимально сложной системой общества, состоящего, в свою очередь, как из иерархических, так и из рядоположенных слоев и пластов, то степень этой цивилизационной рефлексии относительно своей идентичности требует особого инструментария, качественно намного более сложного, нежели модели и процедуры идентификации иных базовых единиц. Цивилизационная идентичность и для утверждения самой себя, и для противопоставления себя другому, и, соответственно, для формирования образа другого, требует в наивысшей степени усложненной рефлексии. Этот уровень, как правило, выражается в особой философии или теологии, духовной традиции, сконцентрированной в интеллектуальных элитах, но по касательной расходящейся на все слои общества вплоть до самых его глубин. То, что является философией или теологией для элит, становится типичными видами ментальности, психологией и усредненным культурным

типом для масс. Но на всех уровнях — от острого осознания философских основ до самых инерциальных и неосознанных ментальных и психологических клише, через исторические события, политические реформы, достижения искусства и науки и хозяйственные практики — идентичность цивилизации утверждается и, утверждаясь, как таковая, обязательно контрастирует с идентичностью других соседних цивилизаций. Это и есть диалог цивилизаций: постоянное сравнение своего и чужого, обнаружение общих свойств или, напротив, различий, обмен отдельными элементами, отвержение других, вскрытие смыслов или семантические сдвиги, искажающие элементы другой цивилизации. В определенных случаях наличие другого становится основанием для войн. В других — диалог развивается мирно и конструктивно.

Цивилизации ведут между собой диалог о постоянно перепределяемом балансе своего и чужого, идентичности и инаковости. Этот диалог не имеет никакой конечной цели, так как не ставит перед собой задачи убедить другого в своей правоте, и тем более, в принятии образа другого как нормативного для себя (хотя в некоторых случаях — крайней экспансии и, напротив, крайней пассивности могут быть и такие сценарии). Но смысл заключается не в достижении цели, а в наличии самого диалога, который в условиях открытого исторического процесса всегда облекает себя в череду исторических событий, вспыхивающих в разных сферах — от религиозных и политических реформ, появления новых философских теорий до народных волнений, династических переворотов, военных походов, циклов экономического подъема и упадка, новых открытий, экспансий и сжатий, этнических передвижений и т.д. В диалоге участвует вся многоуровневая структура цивилизации, и он ведется на всех ее этапах.

Однако формализуется этот диалог в интеллектуальной элите, которая способна емко отразить, определить параметры как своей идентичности, так и идентичности другого. В значительной степени, она и конфигурирует образ дру-

гого, наделяет его теми или иными чертами, корректно или некорректно разгадывает семантические блоки той цивилизации, с которой находится в состоянии диалога.

При повышении уровня формализации цивилизации существенно возрастает и роль интеллектуальной элиты, которая становится носителем диалога цивилизаций не просто по инерции, но по своей функции. И эта функция приобретает важнейшее международное измерение, так как от структуры диалога цивилизаций зависит напрямую сама структура международных отношений в многополярном мире. Если стратегический полюс есть инстанция принятия *решений* и точка суверенитета цивилизации, то содержательный *смысловой* центр цивилизации сосредотачивается в ее интеллектуальной элите, которая в условиях многополярности резко повышает свой статус в области международной жизни. Эта элита уполномочивается насыщать многополярность смысловым содержанием и разворачивать содержательные процессы, конститутивные для среды международных отношений, а, следовательно, для истории человечества.

В диалоге цивилизаций интеллектуальная элита должна осуществлять дисконт всех стальных факторов — экономических, технологических, материальных, ресурсных, логистических и т.д. Знак, образ, концепт, философская теория, теологическая экзегеза представляют собой главное синтетическое послание от одной цивилизации к другой. И от того, каким будет это послание в каждом отдельном случае, во многом будет зависеть изгиб мировой истории — война или мир, конфликт или сотрудничество, упадок или взлет.

Диалог, о котором идет речь, не может быть сведен к конкуренции, к установлению гегемонистских отношений, к убеждению одних в своей правоте других и т.д. Диалог цивилизаций — это нередуцируемое фрактальное поле свободной и спонтанной истории, непрограммируемой и непредсказуемой, так как будущее в таком случае рассматривается как конструируемый горизонт мышления и воления. Мышление

относится к зоне компетенции интеллектуальной элиты цивилизации, воление — к стратегическому полюсу и точке решения. Вместе оба эти начала составляют *голограмму цивилизации*, ее живое символическое средостение, солнечное сплетение цивилизационных нервов.

Не власть, не хозяйство, не материальные ресурсы, не конкуренция, не безопасность, не интересы, не комфорт, не выживание, не гордость, не агрессивность — являются базовой мотивацией исторического бытия цивилизации в условиях многополярного мира, но именно процесс духовного диалога, который на любом повороте и при любых обстоятельствах может приобрести как позитивный и мирный, так и агрессивный и воинственный характер. «Духовные битвы, - как писал А. Рембо в «Сезонах в аду», - столь же жестоки, как человеческие сражения»¹. Очевидно, что современная западная цивилизация устала от истории и больше не вдохновляется высокими горизонтами ее свободы. Отсюда и стремление как можно быстрее с ней покончить, закрыв исторический процесс. Но специфика ТММ в том и состоит, чтобы открыть и отвоевать возможность смотреть на мир, на время и эпоху не только глазами Запада; а это значит, что диалог цивилизаций осмысливается не как нечто механическое, рутинное и ставящее перед собой только одну цель — «чтобы не было войны», но как нечто насыщенное, живое, непредсказуемое, напряженное, содержательное, рискованное и с открытым и неизвестным финалом.

Дипломатия: антропология и традиционализм

В классических теориях МО выделяется специальная группа уполномоченных лиц, которые занимаются планированием и реализацией внешней политики государства. Речь идет о дипломатическом корпусе. Значение его в международных отношениях очень велико, так как от компетентности и эффектив-

¹ Рембо Артур. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1960.

ности дипломатов в значительной мере зависит вся структура международных отношений. Не дипломаты определяют внешнеполитический курс. Это решение, как правило, находится на уровне главы государства или иного руководящего органа. Но дипломатический корпус претворяет решения в жизнь, и от того, с каким искусством дипломаты справляются с поставленной задачей, часто в международных отношениях зависит очень и очень многое. Потому в Вестфальской системе занятие дипломатией предполагало специальную подготовку, знакомство с различными странами и национальной психологией, особые навыки поведения и манеру переговоров. Чаще всего дипломаты представляют собой элиту общества и рекрутируются в высших слоях.

Многополярность выдвигает к дипломатическому корпусу дополнительные требования. Межцивилизационные отношения сводятся к диалогу. И в мирное время этот диалог получает свою наибольшую формализацию в действиях именно дипломатического корпуса, представляющего одну цивилизацию перед лицом другой. Поэтому дипломатия в контексте ТММ приобретает новое качественное измерение: на нее возлагается миссия искусного ведения межцивилизационного диалога. Мы видели выше, что в ТММ за такой диалог ответственна интеллектуальная элита цивилизации. Соответственно, дипломатический корпус должен быть интегральной частью этой элиты. Принадлежность к интеллектуальной элите предполагает глубокую степень рефлексии относительно идентичности собственной цивилизации, включая все ее многомерные и разнообразные слои и нелинейные закономерности. Поэтому представитель интеллектуальной элиты по определению должен отличаться незаурядными навыками в области философии (или/и теологии). Это требование целиком и полностью распространяется и на дипломатов. Но при этом от дипломатов, выступающих от имени цивилизации, требуется и еще одна компетенция. Это способность понять структуру *другой цивилизации*, с которой данная вступает в диалог, а, соответствен-

но, освоить или создать заново корректную систему перевода (пусть приблизительного) смыслов из контекста одной цивилизации в контекст другой. Кроме рефлексии своей идентичности, дипломат многополярного мира должен обладать способностью охватывать и *иную идентичность*, проникать в нее на критически важную для взаимопонимания глубину. Для этого требуется владение особой топикой, которая могла бы быть аппроксимативно общей для самого разного цивилизационного контекста.

В этой связи надо сразу отбросить западный гегемонизм, претендующий на универсальное объяснение основных социальных, политических и мировоззренческих установок (на базе критериев и норм самой западной цивилизации). Западные версии гуманитарных дисциплин (философии, истории, социологии, права, политологии, культурологии и т.д.) насквозь пронизаны этноцентризмом и стремлением к эпистемологической гегемонии. Поэтому ссылка на эту базу заведомо выводит нас из контекста многополярности, и при видимом удобстве обращения к проработанным западным систематизациям культур и философий, этот самый простой путь оказывается самым долгим и ведущим в никуда, то есть неприемлемым. Его следует отбросить как абсолютно непригодный для формирования дипломатического корпуса многополярного мира.

Лишь на периферии западной науки и философии можно найти некоторые методики и теории, которые могли бы послужить важным концептуальным подспорьем для воспитания профессиональных участников диалога цивилизаций. В первую очередь, это *культурная и социальная антропология*¹, представители которой разработали методики изучения архаических обществ, поставив перед собой цель — заведомо избавиться от проекции западоцентричных теорий на социальные объекты исследования. Антропологи разработали систему правил, позволяющую максимально приблизиться к жизнен-

¹ Дугин А. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.

ному миру незападных обществ, выяснить структуры их символических и мифологических представлений, разобраться в сложных и не лежащих на поверхности таксономиях (часто резко контрастирующих с привычными для западного человека систематизациями). При этом в рамках западной науки антропологические методы применяются почти исключительно к бесписьменным культурам, предоставляя анализ более сложных обществ (собственно, цивилизаций) классическим дисциплинам — философии, истории, социологии, религиоведению и т.д.

В контексте многополярного мира данный антропологический подход может быть с успехом применен к исследованию цивилизаций. И если строго соблюдать правила культурной антропологии, мы имеем шанс получить специалистов и интеллектуалов, по-настоящему независимых от эпистемологической гегемонии Запада, и при этом способных глубоко постичь цивилизационные коды, отличные от своих собственных, и деконструировать идентичности и комплексы идентичностей, им свойственные.

Дипломатия в ТММ должна быть жестко привязана к антропологии, и дипломатические компетенции должны основываться на искусном владении базовыми навыками антропологического праксиса.

Вторым способом систематизировать межкультурную дипломатию в условиях многополярного мира является *традиционалистская философия*¹. Большинство существующих сегодня цивилизаций представляют собой разновидность традиционных обществ с относительно неглубокой степенью модернизации. А в традиционном обществе религия, сакральное, символ, ритуал и миф играют, как известно, решающую роль. Различные религии основываются на собственных оригинальных теологических комплексах, которые либо несводимы к другим комплексам, либо сводимы, но с огромными

¹ Генон Р. Восток и Запад. Великая триада. М., 2005.

натяжками, искажающими изначальный смысл. Попытки построить синкретические модели для облегчения межконфессионального диалога ни к чему не приведут, так как немедленно столкнутся с противостоянием консервативной ортодоксии и вызовут только волну протеста в самих цивилизациях. Поэтому ни секулярная (западная) база, ни религиозный синкретизм не могут быть взяты за основу дипломатической практики в области межконфессионального общения, к которому в значительной мере будут сводиться наиболее значимые и важные аспекты диалога цивилизаций.

В такой ситуации есть только один выход: взять за основу философию традиционализма (Р. Генон, Ю. Эвола, М. Элиаде и т.д.), которая представляет собой проект выявления семантической карты, общей для традиционного общества как такового — особенно в его оппозиции секулярному, западному обществу эпохи Модерна¹. Но и само это секулярное общество Запада, анализируется традиционалистами *с позиций общества традиционного*², что делает такой метод оптимальным для большинства цивилизаций.

Полноценный и семантически корректный диалог между цивилизациями можно выстроить только на основании традиционалистской философии.

Выделив главные направления многополярной дипломатии, мы получаем теоретическую основу для ее становления. Остальные компетенции: знакомство с технологическими условиями другой цивилизации, военно-техническими и стратегическими аспектами, демографией, экологией, социальными и миграционными проблемами, и т.д., естественно, входят как необходимое условие в подготовку профессиональных дипломатов. Но диалог цивилизаций предполагает, в первую очередь, *установление канала корректной передачи смыслов*. Без этого канала весь комплекс технических знаний будет лишен

¹ Генон Р. Кризис современного мира. М.: Арктогея, 1991

² Генон Р. Царство количества и знаки времени. М., 2004.

солидной базы и станет представлять собой бесполезное или искаженное знание. Не вопросы мира и войны, торговли или блокады, миграции или безопасности, экономических санкций или торгового оборота должны стоять во главе дипломатии многополярного уклада, но вопросы смысла философии, циркуляции идей (в платоновском смысле). Поэтому дипломатия должна превратиться в своего рода сакральную профессию.

Экономика

По правилам современного дискурса ни одной теории и ни одного проекта не может обойтись без экономической программы и соответствующих ей расчетов и исчислений. Закономерно встает вопрос, на какой экономической модели будет основываться многополярность?

В случае однополярного или глобального мира мы имеем строго определенный ответ: современная мировая экономика представляет собой капиталистическую систему, и в будущем любые проекты будут строиться на этой основе. При этом стало практически аксиомой, что сегодня капитализм вступил в свою *третью фазу* развития¹ (постиндустриальная экономика, информационное общество, экономика знаний, турбокапитализм по Э. Лютваку и т.д.), для которой характерны:

- качественная доминация финансового сектора над промышленным и аграрным;
- диспропорциональный рост удельного веса фондовых рынков, хэдж-фондов и иных чисто финансовых институций;
- высокая волатильность рынков;
- развитие транснациональных сетей;
- поглощение третичным сектором (сектором услуг) вторичного (производство) и первичного (аграрное хозяйство);

¹ Дугин А. Конец экономики. СПб: Амфора, 2009.

- делокализация промышленности из стран «богатого Севера» в страны «бедного Юга»;
- глобальное разделение труда и рост влияния транснациональных корпораций;
- резкий прогресс высоких (высокоточных и информационных) технологий;
- повышение значение виртуального пространства для развития экономических и финансовых процессов (электронные биржи и т.д.).

Такова картина мировой экономики настоящего и, если все будет двигаться по инерциальному сценарию, ближайшего будущего. Однако *такая экономическая модель несовместима с многополярностью*, так как в ее основе лежит имплементация западных кодов ведения хозяйства на общепланетарном уровне, гомогенизация экономических практик всех обществ, стирание цивилизационных отличий, а, следовательно, упразднение цивилизаций в единой космополитической системе, действующей по универсальным правилам и протоколам, сформулированным и примененным впервые капиталистическим Западом в его интересах. Современная глобальная экономика *есть гегемонистское явление*. Это убедительно описывают неомарксисты в МО, но в целом признают и реалисты, и либералы. Против этого, в значительной мере, направлены постпозитивистские теории (критическая теория и постмодернизм). Сохранение такой экономической системы несовместимо с реализацией многополярного проекта. Поэтому ТММ должна обратиться к альтернативным экономическим теориям.

В этой связи полезно внимательно присмотреться к марксистской и неомарксистской критике капиталистической системы и анализу заложенных в ее основании противоречий, а также к выявлению и прогнозированию природы неизбежных

кризисов¹. Марксисты часто говорят о системном крахе капитализма и видят его проявления в волнах экономического кризиса, потрясшего человечество, начиная с 2008 года, после краха американской ипотечной системы. Хотя сами марксисты полагают, что финальный кризис капитализма должен наступить только после окончательной интернационализации мир-системы и двух глобальных классов (мировой буржуазии и мирового пролетариата), их интерпретация кризисов и прогнозирование их интенсификации, являются весьма реалистичными. В отличие от марксистов, сторонники ТММ не должны откладывать многополярность на период, что последует за финальным аккордом глобализации. Вполне возможно, что ближайшие кризисы нанесут по мировой капиталистической системе фатальный удар, не дожидаясь окончания глобализации и космополитизации классов. Это вполне может привести к полномасштабной Третьей мировой войне. Но в любом случае мировая экономическая модель, существующая сегодня, скорее всего, в самое ближайшее время столкнется с фундаментальным и необратимым кризисом. И, вероятно, перестанет существовать, по крайней мере, в том виде, в котором она есть сегодня². Последние границы экспансии новой экономики и постиндустриального уклада уже видны сегодня, и нетрудно заметить, что, возможно, через несколько шагов этой системе предстоит коллапс.

Что может противопоставить ТММ в сфере экономике постиндустриализму?

Оrientирами в этом вопросе должны быть:

- ниспровержение капиталистической гегемонии Запада,
- отвержение претензий либеральной экономики и рыночной модели на универсализм и глобальный самоочевидный норматив и, соответственно,

¹ Wallerstein I. Decline of American Power: The U.S. in a Chaotic World. New York: New Press, 2003.

² Дугин А. Конец экономики. Указ. соч.

- экономический плюрализм.

Многополярная экономика должна основываться на признании различных полюсов и в экономической карте мира.

Поиски экономических альтернатив следует искать в философском поле, отвергающем или, по меньшей мере, релятивизирующем значение материального, гедонистического фактора. Признание материального мира — главным и единственным, материального благополучия — высшей общественной, культурной и духовной ценностью, неминуемо приведет нас к капитализму и к либерализму, то есть к согласию с правомочностью экономической гегемонии Запада. Даже если незападные страны захотят обернуть экономические процессы в свою пользу и подорвать монополию Запада на контроль в области рыночной экономики в глобальном масштабе, рано или поздно логика капитала навяжет незападным странам и соответствующим цивилизациям все те же нормативы, которые существуют сегодня. В этом марксисты правы: у капитала есть своя логика, и стоит только принять ее, как она приведет социальную и политическую систему к буржуазному образцу, полностью тождественному западному. Поэтому выступать против гегемонии «богатого Севера» и выражать верность капиталистической системе является полным противоречием и фундаментальной концептуальной преградой на пути построения истинной многополярности.

Американский социолог П. Сорокин отчетливо видел границы материалистической западной цивилизации, которую он называл «чувственной» социокультурной системой¹. С его точки зрения, экономоцентричное общество, основанное на гедонизме, индивидуализме, консьюмеризме и комфорте, обречено на скорое исчезновение. А на смену ему придет идеационное² общество, ставящее во главе угла радикально духовные

¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.

² Евразийцы называли его «идеократическим».

и отчасти антиматериальные ценности. Этот прогноз может быть путеводной нитью для ТММ в ее отношении к экономике в целом. Если мы видим в многополярности именно завтрашний день, а не продолжение сегодняшнего, то мы должны последовать за этой интуицией великого социолога.

Сегодня большинство экономистов — и западных и незападных — убеждены, что альтернативы рыночной экономике нет. Такая уверенность равнозначна уверенности в том, что все общества движутся влечением к материальному комфорту и консьюмеризму, а, следовательно, ни о какой многополярности речи быть не может. Стоит нам признать, что экономика — это судьба, мы автоматически признаем, что либеральная экономика — это судьба, а в таком случае экономическая гегемония «богатого Севера» становится естественной, оправданной и легитимной. Остальным странам остается только «догоняющее развитие», которое в структуре мир-системы приведет к глобализации, классовому расслоению и стиранию границ цивилизаций (здесь И. Валлерстайн совершенно прав).

Отсюда следует логический вывод: экономическая модель многополярного мира должна строиться на отвержении экономоцентризма и на постановке экономических факторов ниже социальных, культурных, религиозных и политических. *Не материя, но идея является судьбой*, а, следовательно, не экономика должна диктовать, что делать в политической сфере, а политическая сфера должна доминировать над экономическими мотивациями и структурами. Без релятивизации экономики, без подчинения материального духовному, без превращения хозяйственной сферы в подчиненное и второстепенное измерение цивилизации в целом, многополярность недостижима.

Следовательно, ТММ должна отвергнуть все типы экономоцентрических концепций — как либеральных, так и марксистских (поскольку в марксизме экономика также мыслится как исторический фатум). Антикапитализм и особенно антилибе-

рализм должны стать направляющими векторами становления ТММ.

В качестве позитивных ориентиров следует взять широкий спектр альтернативных концептов, которые до настоящего времени оставались маргинальными среди классических экономических теорий (по вполне понятным — чисто гегемонистским причинам).

В качестве первого шага по деструкции мировой экономической системы как она есть сегодня, вероятно, следует обратиться к теории «автаркии больших пространств» (Ф. Лист)¹, что предполагает создание закрытых экономических зон на территориях, относящихся к общей цивилизации. По периметру этих территорий предполагается выстраивание таможенных барьеров, которые настраиваются таким образом, чтобы стимулировать в рамках данной цивилизации производство необходимого минимума товаров и услуг, требующегося для обеспечения нужд населения и развития внутреннего производственного потенциала. Внешняя торговля между «большими пространствами» сохраняется, но организована таким образом, чтобы ни одно из «больших пространств» не становилось зависимым от внешнеторговых поставок. Это гарантирует реструктуризацию всей экономической системы в каждой из цивилизаций, в соответствии с региональными особенностями и требованиями внутреннего рынка. Так как цивилизации по определению представляют собой демографически весомые зоны, то в перспективе этого внутреннего рынка будет вполне достаточно для интенсивного развития.

Параллельно этому, следует сразу поставить вопрос о создании системы региональных валют и об отказе от доллара в качестве мировой резервной валюты. Каждая цивилизация должна выпускать свою независимую валюту, обеспеченную экономическим потенциалом данного «большого пространства». Полицентризм эмиссионных инстанций станет, в таком

¹ Дугин А. Конец экономики. Указ. соч.

случае, прямым выражением экономической многополярности. При этом следует отказаться от какого бы то ни было универсального эталона в междивизиационных расчетах: курс валют должен определяться качественной структурой внешней торговли между двумя или несколькими цивилизациями.

Во главе угла должна стоять *реальная экономика*, соотношенная с объемом конкретных товаров и услуг.

Принятие этих правил создаст предпосылки для дальнейшей диверсификации экономических моделей каждой из цивилизаций. Выйдя из пространства глобального либерального капитализма и организовав «большие пространства» в соответствии с цивилизационными особенностями (пока еще на рыночной основе), в дальнейшем цивилизации смогут сами выстроить экономическую модель в соответствии с культурно-историческими традициями. В исламской цивилизации, вероятно, следует ввести мораторий на банковский рост денег. В других цивилизациях возможны обращения к социалистическим практикам перераспределения прибавочного продукта по той или иной схеме (через управление налоговой системой, по теории французского экономиста Ж. Ш. Сисмонди, или через иные инструменты — вплоть до введения планового хозяйства и дирижистских методов¹).

Экономический плюрализм цивилизаций должен выстраиваться поэтапно, и без каких бы то ни было универсалистских предписаний. Разные общества могут создавать разные экономические модели — как рыночные, так и смешанные или плановые, как на основе хозяйственных практик традиционного общества, так и на основе новых постиндустриальных технологий. Главное — разрушить либеральный догматизм, гегемонию капиталистической ортодоксии и подорвать глобальную функцию «богатого Севера» как главного бенефициара в организации планетарного распределения труда. Распределение труда должно развертываться только внутри «больших про-

¹ Дугин А. Конец экономики. Указ. соч.

странств», в противном случае цивилизации окажутся в зависимости друг от друга, что чревато возникновением новых гегемоний.

СМИ

Средства массовой информации в современной структуре международных отношений играют огромную роль. Они создают единую планетарную информационную среду, которая все больше влияет на международные процессы. СМИ становятся глобальными, и через медийный дискурс способствуют процессам глобализации (в интересах Запада). Глобальные СМИ являются важнейшим инструментом Запада в формировании общественного мнения и являются, по сути, инструментом *глобального управления*. Для строительства многополярного мира необходимо начать фронтальную борьбу с глобалистскими СМИ.

Роль СМИ в традиционном обществе является весьма ограниченной. Рост их влияния напрямую сопряжен с Новым временем, буржуазной демократией и гражданским обществом. СМИ являются конститутивным элементом демократии и претендуют на то, чтобы воплощать в себе *дополнительное измерение*, промежуточное между властью и обществом, элитой и массами. В пространстве медиакратии формируется новая модель нормативного образца, влияющего на массы *как завуалированное приказание*, учреждающее особую онтологию демократического общества (то, о чем говорится в СМИ, есть; то, о чем СМИ умалчивают, того не существуют). А для власти СМИ заменяют собой общественное мнение, то есть являются *суррогатом массы*. Так, пространство СМИ в теории должно снимать напряжение между верхами и низами общества, переводя их иерархические отношения в *горизонтальную плоскость телеэкрана* (газетной полосы, компьютера, планшета, мобильного телефона и т.д.). Медиа-пространство является

двойным симулякром: симулякром власти и симулякром общества¹.

Глобализация распространяет этот принцип на все человечество, превращая его в глобальный симулякр. В СМИ встречается спроецированная на плоскость реальность мирового правительства и представленная аналогичной проекцией (но только снизу) реальность планетарного общества. Это создает особый виртуальный мир, который воплощает в себе спроектированный капиталом и Западом глобальный гегемонистский конструкт. Независимость СМИ от национальных государств делает их привилегированной зоной постмодернистских диссипативных структур. Поэтому в этой области переход от Модерна к Постмодерну виден нагляднее всего, и виртуальность заменяет собой реальность наиболее осязаемо.

Глобальные СМИ в незападных цивилизациях задают образцы для национальных СМИ, подстраивая их под общий виртуальный проект. И по мере того, как роль СМИ возрастает, структуры традиционного общества оказываются либо в слепой зоне, либо подвергаются планомерным и систематическим атакам, направленным на их ослабление и размывание.

СМИ по природе своей буржуазны и несут отпечаток западной культуры. Поэтому для строительства многополярного мира необходимо качественно пересмотреть их роль в обществе. На этом пути можно выделить два этапа.

Первый этап состоит в создании сети *цивилизационных СМИ*, которые служили бы постоянным рупором интеграционных процессов и способствовали бы укреплению цивилизационной идентичности. В этом случае цивилизационные СМИ могли бы подорвать монополию глобальных (и потому подчиненных интересам Запада) СМИ и создать предпосылки для консолидации культурно-социальных групп вокруг оси общей цивилизации.

¹ См. Дугин А. Поп-культура и знаки времени. СПб: Амфора, 2005.

Второй этап будет заключаться в том, чтобы вернуть СМИ в контекст структур того общества, которое будет построено на цивилизационной основе с учетом особого культурного кода. Нельзя исключить, что в некоторых цивилизациях СМИ вообще могут быть упразднены как явление, так как никаких универсальных нормативов в этом вопросе не останется и выбор того, как организовывать отношения власти и общества, элит и масс, будет решаться на основе свободного цивилизационного поиска. Одни цивилизации могут сохранить это пространство «демократического симулякра» и виртуального дубля реальности, другие вполне вероятно предпочтут от него отказаться.

Заключение

Представленные нами теоретические выкладки являются пролегоменами к полноценной ТММ. Нашей задачей в этом разделе было выяснить содержание понятия «многополярность», соотнести ТММ с существующими теориями МО и, таким образом, подойти вплотную к формулировке некоторых базовых принципов этой теории. Прделанный нами разбор можно рассматривать как подготовку почвы для полноценного конструирования развернутой ТММ. Основные магистральные пути такого развертывания мы в целом наметили. Но детальная разработка этих направлений — дело будущего, это только еще предстоит осуществить.

Плюрализм, заложенный в самой основе многополярного подхода, исключает какую бы то ни было форму догматизма. Бессмысленно спорить относительно деталей многополярного устройства, темпов построения многополярного мира, локализации границ между цивилизациями, нюансов правового оформления новой системы международных отношений. Даже количество акторов многополярного мира пока остается открытым вопросом.

Одну из версий четырехполярного устройства (квадриполяризм), разработанного в евразийской теории на основе гео-

политических концепций, мы опишем во втором разделе этой работы. В первом же разделе для нас было важно сформировать первичный глоссарий терминов ТММ, соотнесенный с контекстом МО как особой и устоявшейся политологической дисциплины. Это позволит отныне оперировать с концептуализированной моделью ТММ, постулирующей определенные базовые моменты, но остающейся открытой для дальнейшего развития и секторальных разработок отдельных направлений.

Принципиально было осуществить теоретический рывок от предельно расплывчатого и неопределенного употребления термина «многополярность», «многополярный мир» к теоретической базе, в рамках которой он получает вполне конкретное, хотя и открытое для дальнейшего осмысления, значение.

Во втором разделе теория многополярности и ее основные моменты будут соотнесены с геополитикой, от какого бы то ни было обращения к которой мы сознательно воздерживались в первом разделе, чтобы сохранить терминологическую чистоту и остаться в границах МО как самостоятельной дисциплины. Привлечение геополитических методов поможет еще глубже и объемнее осмыслить многополярность как явление и как проект.

И наконец, в третьем разделе, мы приводим ряд текстов геополитического, политологического, философского и социологического характера, описывающих параметры исторической среды, в которой человечество пребывает в настоящее время и проясняющих ее наиболее значимые для многополярности особенности.

Часть 2

Геополитика

многополярного

мира

ГЛАВА 1. МНОГОПОЛЯРНОСТЬ КАК ОТКРЫТЫЙ ПРОЕКТ

Многополярность и «цивилизация Суши» (Land Power)

В этом разделе мы опишем взгляд на глобализацию и глобализм, который невозможен изнутри «цивилизации Моря», то есть из стихии номинально «глобального мира». Такой взгляд не учитывается ни в антиглобализме, ни в альтерглобализме потому, что он отказывается от самих глубинных философских и идеологических оснований европоцентризма. Такой взгляд отбрасывает веру:

- в универсальность западных ценностей, в то, что западные общества прошли в своей истории единственно возможный путь, который предстоит пройти всем остальным странам;
- в прогресс как в непрекаемую поступательность исторического и социального развития;
- в то, что безграничное техническое, экономическое и материальное развитие и есть ответ на самые насущные нужды всего человечества;
- в то, что люди всех культур, религий, цивилизаций и этносов принципиально такие же, как люди Запада, и управляются теми же антропологическими мотивами;
- в безусловное превосходство капитализма над другими социально-политическими формациями;
- в безальтернативность рыночной экономики;

- в то, что либеральная демократия является единственно приемлемой формой политической организации общества;
- в индивидуальную свободу и индивидуальную идентичность как высшую ценность человеческого бытия;
- в либерализм как в исторически неизбежную, приоритетную и оптимальную идеологию.

Иными словами, мы переходим на позиции «цивилизации Суши» и рассматриваем сегодняшний момент мировой истории с ее точки зрения или теллурократической, как *эпизод* «великой войны континентов», а не как ее завершение.

Разумеется, трудно отрицать, что современный момент исторического развития демонстрирует ряд уникальных черт, которые при желании можно интерпретировать как победу Моря над Сушей, Карфагена над Римом, Левиафана над Бегемотом. Действительно, никогда в истории «цивилизация Моря» не достигала таких серьезных успехов и не простирала мощь и влияние своей парадигмы в таких масштабах. Конечно, «*геополитика Суши*» признает этот факт и заложенные в нем последствия. Но она ясно отдает себе отчет в том, что глобализацию можно интерпретировать и иначе — а именно, как серию побед в сражениях и битвах, но не как окончательный выигрыш войны.

Здесь напрашивается одна историческая аналогия: когда в 1941 году германские войска подступали к Москве, можно было посчитать, что все потеряно и конец СССР предрешен. Нацистская пропаганда именно так и комментировала ход войны: на оккупированных территориях создается «новый порядок», работают органы власти, создаются экономические и политические инстанции, налаживается социальная жизнь. Но советский народ продолжал ожесточенное сопротивление — как на всех фронтах, так и в тылу противника, планомерно двигаясь к своей цели и к своей победе.

В геополитическом противостоянии Моря и Суши сейчас именно такой момент. Внутри «цивилизации Моря» инфор-

мационная политика выстроена так, чтобы ни у кого не зародилось сомнения, что глобализм есть свершившийся факт, и глобальное общество в основных чертах состоялось, что все преграды отныне носят технический характер. Но с определенных концептуальных, философских, социологических и геополитических позиций все это можно оспорить, предложив совершенно иное видение ситуации. Все дело в *интерпретации*. Исторические факты не имеют смысла без интерпретации. Точно так же и в геополитике: любое положение дел в сфере геополитики имеет смысл только в той или иной интерпретации. Глобализм сегодня интерпретируется почти исключительно в атлантистском ключе. И тем самым в него вкладывается «морской» смысл. Взгляд с позиции Суши меняет не положение дел, но его смысл. А это во многих случаях имеет решающее значение.

Далее мы представим взгляд на глобализацию и глобализм с позиции Суши — геополитический, социологический, философский и стратегический.

Основания для существования «геополитики Суши» в глобальном мире

Чем можно обосновать саму возможность взгляда со стороны Суши на глобализацию, при том, что, как мы показали, структура глобального мира предполагает маргинализацию и фрагментаризацию Суши?

Для этого есть несколько оснований.

Человеческий дух (сознание, воля, вера) всегда способен сформулировать свое отношение к любому окружающему явлению. И даже если это явление представляется необоримым, всеобъемлющим, «объективным», его можно принять или отвергнуть, оправдать или осудить. В этом состоит высшее достоинство человека и его отличие от животных видов. И если человек отвергает и осуждает нечто, он вправе строить стратегии преодоления в любых, самых тяжелых и непреодолимых,

ситуациях и состояниях. Наступление глобального общества может быть принято и одобрено, а может быть отторгнуто и осуждено. В первом случае мы плывем по воле волн истории, во втором — ищем «точки опоры», чтобы остановить этот процесс. История делается людьми, и дух здесь играет центральную роль. Следовательно, существует теоретическая возможность создания теории, радикально противоположной тем взглядам, которые выстраиваются на основе «цивилизации Моря» и принимают основные парадигмы западного взгляда на вещи, ход истории, логику смены социально-политических ситуаций.

Геополитический метод позволяет идентифицировать глобализацию как субъективный процесс, связанный с успехами одной из двух глобальных сил. Как бы «маргинальна и фрагментаризирована» ни была Суша, она имеет за собой серьезные исторические основания, традиции, опыт, социологические и цивилизационные предпосылки. Геополитика Суши выстроена не на пустом месте: это традиция, обобщающая фундаментальные исторические, географические и стратегические тенденции. Поэтому даже на теоретическом уровне оценка глобализации с позиции «геополитики Суши» абсолютно правомочна.

Точно так же, как в центре глобализации стоит ее «субъект» (мондиализм и его структуры), *у цивилизации Суши может быть и есть свое субъектное воплощение.* Несмотря на гигантский масштаб и массивные формы исторической полемики цивилизаций, мы имеем дело, в первую очередь, с противостоянием умов, идей, концепций, теорий, а лишь затем — материальных вещей, аппаратов, технологий, финансов, вооружений и т.д.

Процесс десуверенизации национальных государств пока не стал необратимым, и элементы Вестфальской системы частично сохраняются. Это значит, что ряд национальных государств в силу определенных соображений все еще может делать ставку на проведение сухопутной стратегии, то есть мо-

жет полностью или частично отвергнуть глобализацию и парадигму «цивилизации Моря». Примером этого является Китай, который балансирует между глобализацией и собственной сухопутной идентичностью, жестко следя за тем, чтобы общее равновесие сохранялось и из глобальных стратегий было заимствовано только то, что укрепляет Китай как суверенное геополитическое образование. То же самое можно сказать и о тех государствах, которые США приравнивали к «оси зла» (Иран, Куба, Северная Корея, Венесуэла, Сирия и др.) Конечно, угроза прямого вторжения войск США дамокловым мечом висит над этими странами (по примеру Ирака или Афганистана), а изнутри они непрерывно подвергаются тонким сетевым атакам. Но в настоящий момент их суверенитет сохраняется, что делает их привилегированными зонами для развития цивилизации Суши. Сюда же можно отнести ряд колеблющихся стран — таких, как Индия, Турция и др., которые, будучи значительно вовлечены в орбиту глобализации, сохраняют самобытные социологические черты, приходящие в противоречие с официальными установками правящих режимов. Такая ситуация свойственна многим азиатским, латиноамериканским и африканским обществам.

И, наконец, самое главное — *нынешнее состояние Heartland'a*. От него зависит, как мы знаем, господство над миром, реальность или эфемерность однополярной глобализации. Heartland в 1980-90-е годы фундаментально сократил зону своего влияния. Из него вышли последовательно два геополитических пояса — Восточная Европа (страны которой входили в «социалистический лагерь», «Варшавский договор», СЭВ и т.д.) и Союзные Республики СССР. К середине 1990-х в Чечне началось кровавое тестирование возможности дальнейшего членения России на «национальные республики». Эта фрагментация Heartland'a вплоть до мозаики марионеточных несамостоятельных государств на месте России должна была стать финальным аккордом построения глобального мира и «конца истории», после чего говорить о Суше и «*геополитике Суши*»

было бы гораздо сложнее. Heartland имеет центральное значение в возможности стратегической консолидации всей Евразии и, следовательно, «цивилизации Суши». Если бы процессы, происходящие в России в 1990-е годы пошли своим чередом и ее распад продолжился бы, ставить под вопрос глобализацию было бы намного труднее. Но в России с конца 1990-х — начала 2000-х годов произошел перелом, распад был остановлен; федеральная власть восстановила контроль над мятежной Чечней. В. Путиным была проведена правовая реформа субъектов Федерации (связанная со снятием статьи о «суверенитете», с назначением губернаторов из центра и т.д.), которая укрепила вертикаль власти в пространстве всей России. Начали набирать обороты интеграционные процессы в СНГ. В августе 2008 года в ходе пятидневного конфликта России с Грузией Россия установила прямой стратегический контроль над территориями, находящимися за пределом Российской Федерации (Южная Осетия, Абхазия), и признала их независимость, несмотря на огромную поддержку Грузии со стороны США и стран НАТО и давление международного общественного мнения. В целом, Россия как Heartland с начала 2000-х годов приостановила процессы самораспада, укрепила энергетику, упорядочила вопросы поставки энергоресурсов за рубеж, отказалась от практики одностороннего сокращения вооружений, сохранив свой ядерный потенциал. При этом влияние сети геополитической агентуры атлантизма и мондиализма на политическую власть и принятие стратегических решений качественно ослабло, укрепление суверенитета было осмыслено как первоочередная задача, и интеграция России в ряд глобалистских структур, угрожающих ее самостоятельности, была приостановлена. Одним словом, Heartland продолжает оставаться основой Евразии, ее «ядром» (Core) — ослабленным, понесшим серьезные потери, но все же существующим, независимым, суверенным, способным проводить политику, если не в глобальном, то в региональном масштабе. В своей истории Россия несколько раз падала еще ниже: удельная раздробленность на-

чала XIII века, Смутное время, события 1917-1918 года показывают нам Heartland в еще более плачевном и ослабленном состоянии. Но всякий раз через какой-то срок Россия оживала и возвращалась на орбиту своей геополитической истории. Сегодняшнее состояние России трудно признать блестящим или даже удовлетворительным с геополитической (евразийской) точки зрения. Но главное — Heartland существует, он относительно самостоятелен, и, следовательно, мы имеем теоретическую и практическую базу для того, чтобы объединить все предпосылки для выработки ответа со стороны Суши на явление однополярной глобализации и воплотить их в жизнь.

Таким ответом Суши на вызов глобализации (как триумфа «цивилизации Моря») является *многополярность* как теория, философия, стратегия, политика и практика.

Многополярность как проект миропорядка с позиции Суши

Многополярность представляет собой резюме «геополитик Суши» в актуальных условиях разворачивания глобальных процессов. Это чрезвычайно емкое понятие, требующее досконального рассмотрения.

Многополярность (multipolarism) — это *реальная антитеза однополярности* во всех ее проявлениях: *жестком* (империализм, неоконсы, прямая доминация США), *мягком* («многосторонность», multilateralism) и *критическом* (альтерглобализм, постмодернизм, неомарксизм).

Жесткая версия однополярности (радикальный американский империализм) основана на том, что США заявляют себя как последний оплот мирового порядка, процветания, комфорта, безопасности и развития, окруженный хаосом недоразвитых обществ. Многополярность утверждает прямо противоположное: США — это существующее среди многих других национальное государство, чьи ценности сомнительны (или, по крайней мере, относительны), претензии диспропорцио-

нальны, аппетиты чрезмерны, методы ведения внешней политики неприемлемы, а технологический мессианизм губителен для культуры и экологии всего мира. В этом смысле многополярный проект является жесткой антитезой США как инстанции, которая методично строит однополярный мир, и нацелен на то, чтобы категорически не допустить, сорвать и предотвратить это строительство.

Мягкая версия однополярности провозглашается действующей не только от имени США, но от имени «человечества», при том, что под ним понимается исключительно Запад и те общества, которые согласны с универсальностью западных ценностей. «*Мягкая однополярность*» призывает не навязывать силой, а убеждать, не принуждать, а объяснять выгоды, которые народы и страны получают от вступления в глобализацию. Здесь полюсом выступает не одно национальное государство (США), а западная цивилизация в целом как квинтэссенция всего человечества.

Такая, как ее иногда называют, «*многосторонняя*» *однополярность* (multilateralism, многосторонность) отвергается *многополярностью*, считающей, что западная культура и западные ценности представляют собой лишь один ценностный набор среди многих иных, одну культуру среди разных других культур, что культуры и ценностные системы, построенные на совершенно иных принципах, имеют полное право на существование, и поэтому у Запада в целом и у тех, кто разделяет его ценности, нет никаких оснований настаивать на универсальности демократии, прав человека, рынка, индивидуализма, личной свободы, секулярности и т.п. и строить на базе этих нормативов глобальное общество.

Против *альтерглобализма* и *постмодернистского антиглобализма* *многополярность* выдвигает тезис о том, что капиталистическая фаза развития и построение глобального капитализма в мировом масштабе не является необходимой фазой развития общества, и само такое утверждение есть произвол и стремление навязать разным обществам один единственный

сценарий истории. В то же время, смешение человечества в единый мировой пролетариат является не путем к лучшему будущему, а побочным и абсолютно отрицательным эффектом глобального капитализма, не открывающим никаких новых перспектив и ведущим лишь к деградации культур, обществ и традиций.

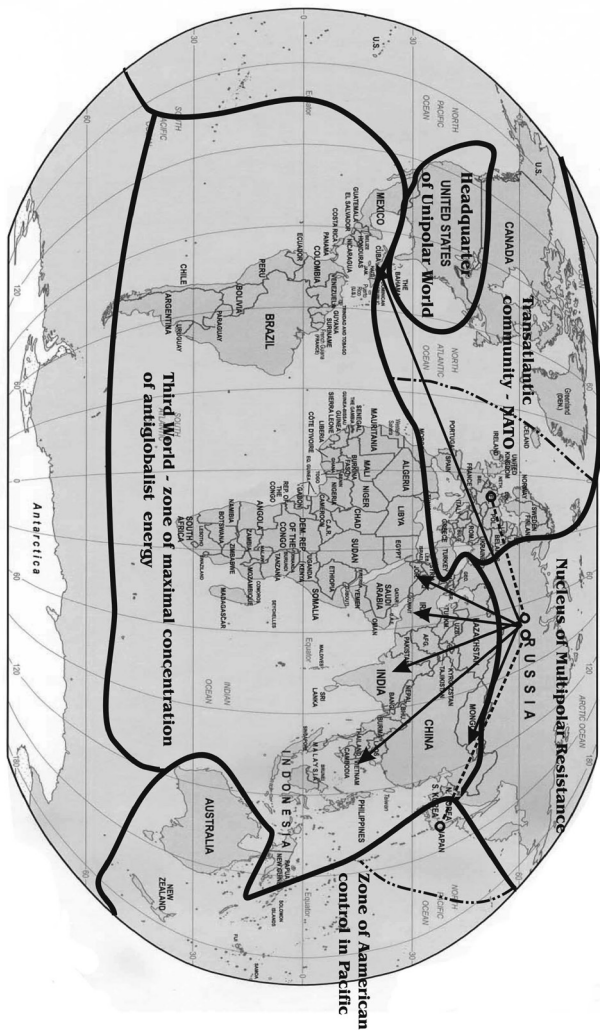
Если у народов и есть шансы организовать эффективное сопротивление мировому капитализму, так только там, где социалистические идеи сочетаются с элементами традиционного общества (архаическими, аграрными, этническими и т.д.), как это было в истории СССР, Китая, Северной Кореи, Вьетнама и имеет место сегодня в некоторых странах Латинской Америки (например, в Боливии, Венесуэле, на Кубе и т.д.).

Далее, *многополярность* — это совершенно иной *взгляд на пространство земли, нежели биполярность, двухполюсный мир*.

Многополярность представляет собой нормативный и императивный взгляд на нынешнюю ситуацию в мире с позиции Суши и качественно отличается от той модели, которая преобладала в Ялтинском мире в эпоху «холодной войны».

Двухполюсный мир строился по идеологическому принципу, где в качестве полюсов выступали две идеологии — социализм и капитализм. Социализм как идеология не ставил под вопрос универсализм западноевропейской культуры и представлял собой социо-культурную и политическую традицию, уходящую корнями в европейское Просвещение. В определенном смысле, капитализм и социализм конкурировали между собой как две версии Просвещения, две версии прогресса, две версии универсализма, две версии западноевропейской социально-политической мысли.

Социализм и марксизм вошли в резонанс с определенными параметрами «цивилизации Суши» и поэтому победили не там, где предполагал Маркс, а там, где он эту возможность исключал — в аграрной стране с преобладающим укладом традиционного общества и имперской организацией поли-

Стратегия строительства многополярного мира.

тического пространства. Другой случай (самостоятельной) победы социализма — Китай — представлял собой также аграрное, традиционное общество.

Многополярность оппонирует однополярности не с позиции одной идеологии, которая могла бы претендовать на второй полюс, но с позиции многих идеологий, многих культур, мировоззрений и религий, которые (каждая по своим причинам) не имеют ничего общего с западным либеральным капитализмом. В ситуации, когда Море имеет единое идеологическое выражение (правда, все более уходящее в сферу подразумеваний, а не открытых деклараций), а сама Суша не имеет такового, представляя собой несколько различных мировоззренческих и цивилизационных ансамблей, многополярность предлагает создание *единого фронта Суши против Моря*

Многополярность отличается и от консервативного проекта сохранения и укрепления национальных государств. С одной стороны, национальные государства в колониальную и в постколониальную эпохи отражают в своих структурах западноевропейское понимание нормативного политического устройства (игнорирующего религиозные, социальные, этнические, культурные особенности конкретных обществ), то есть сами нации частично являются продуктами глобализации. А с другой стороны, из двухсот пятидесяти шести стран, официально числящихся сегодня в списке ООН, только незначительная часть способна при необходимости отстоять свой суверенитет самостоятельно, не входя в блок или альянс с другими странами. Это значит, что не каждое номинально суверенное государство можно считать полюсом, так как степень стратегической свободы у подавляющего большинства из признанных стран ничтожна. Поэтому укрепление Вестфальской системы, которая по инерции существует и сегодня, не является задачей многополярности.

Многополярность, будучи противоположностью однополярности, не призывает ни к возврату к двухполюсному миру на идеологической основе, ни к закреплению порядка нацио-

нальных государств, ни к простому сохранению статус-кво. Все эти стратегии будут играть только на руку центрам глобализации и однополярности, так как у них есть проект, план, цель и рациональный маршрут движения в будущее, а все перечисленные сценарии в лучшем случае являются призывом к замедлению процесса глобализации, а в худшем (например, проект восстановления двуполярности на идеологической основе) выглядят как ностальгия или безответственные фантазии.

Многополярность — это вектор геополитики Суши, обращенный в будущее. Он основывается на социологической парадигме, чья состоятельность исторически доказана в прошлом, реалистично учитывает сложившееся в современном мире положение дел и основные тенденции и силовые линии его вероятных трансформаций. Но многополярность выстраивается как проект, как план того миропорядка, который только еще предстоит создать.

Многополярность и ее теоретическое осмысление

Несмотря на то, что термин «многополярность» в последнее время довольно часто употребляется в политических и международных дискуссиях, его значение довольно размыто и неконкретно. Различные политические круги и отдельные аналитики вкладывают в него разный смысл. Основательные исследования и солидные научные монографии, посвященные многополярности, можно пересчитать по пальцам¹. Даже серьезные статьи на эту тему довольно редки². Причина этого вполне понятна:

¹ Murray D., Brown D. (eds.) *Multipolarity in the 21st Century. A New World Order*. Abingdon, UK: Routledge, 2010; Ambrosio Th. *Challenging America global Preeminence: Russian Quest for Multipolarity*. Chippenheim, Wiltshire: Anthony Rose, 2005; Peral L. (ed.) *Global Security in a Multi-polar World*. Chaillot

² Turner Susan. *Russia, Chine and the Multipolar World Order: the danger in the undefined// Asian Perspective*. 2009. Vol. 33, No. 1. С. 159-184; Higgott Richard *Multi-Polarity and Trans-Atlantic Relations: Normative Aspirations and Practical Limits of EU Foreign Policy*. — www.garnet-eu.org.

параметры нормативного политического и идеологического дискурса в глобальном масштабе сегодня задают США и страны Запада и по этим правилам можно обсуждать все, что угодно, но только не наиболее острые и болезненные вопросы. Даже те, кто считают, что однополярность была лишь «моментом»¹ в 1990-е годы и сейчас происходит переход к новой неопределенной модели, готовы обсуждать любые версии, но только не «многополярную». Так, например, современный глава CFR Ричард Хаасс говорит о «не-полярности» (*Non-Polarity*), имея в виду такую стадию глобализации, где потребность в наличии жесткого центра отпадет сама собой². Подобные ухищрения объясняются тем, что одной из задач глобализации является, как мы видели, маргинализация «цивилизации Суши». А поскольку многополярность может быть только формой активной стратегии «цивилизации Суши» в новых условиях, то обращение к ней в общем глобальном контексте Западом, задающим тон в структуре политического анализа, не приветствуется. Тем более не следует ожидать, что конвенциональные идеологи Запада возьмутся за разработку *теории многополярности*.

Логично было бы предположить, что теория многополярности будет выстраиваться в тех странах, которые открыто провозглашают ориентацию на многополярный мир как основной вектор своей внешней политики. К числу таких стран относятся Россия, Китай, Индия и некоторые другие. Кроме того, обращение к многополярности можно встретить в текстах и документах некоторых европейских политических

2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.garnet-eu.org/fileadmin/documents/working_papers/7610.pdf (дата обращения 28.08.2010); Katz M. Primakov Redux. Putin's Pursuit of «Multipolarism» in Asia//Demokratizatsiya. 2006. vol.14 № 4. С.144-152.

¹ Krauthammer Ch. The Unipolar Moment// Foreign Affairs. 1990 / 1991 Winter. Vol. 70, No 1. С. 23-33.

² Haass R. The Age of Non-polarity: What will follow US Dominance?// Foreign Affairs.2008. 87 (3). С. 44-56.

деятелей (например, бывшего министра иностранных дел Франции Юбера Видрина¹). Но в данный момент и в этой области мы едва ли можем найти нечто большее, чем материалы нескольких симпозиумов и конференций с довольно смутными формулировками. Приходится констатировать, что тема многополярности должным образом не осмысляется и в тех странах, которые ее провозглашают в качестве своей стратегической цели, не говоря уже об отсутствии внятной и цельной «теории многополярности».

Тем не менее, на основании геополитического метода с позиции «цивилизации Суши» и с учетом анализа явления глобализма, вполне можно сформулировать некоторые безусловные принципы, которые должны лечь в основание теории многополярности, когда дело дойдет до ее более систематизированной и развернутой разработки.

Многополярность: геополитика и мета-идеология

Наметим теоретические источники, на основании которых должна строиться полноценная теория многополярности.

Основой этой теории в актуальных условиях может быть только геополитика. Никакая религиозная, экономическая, политическая, социальная, культурная или экономическая идеология не способна в данный момент сплотить критическую массу стран и обществ, относящихся к «цивилизации Суши» в единый планетарный фронт, необходимый для того, чтобы составить серьезную и эффективную антитезу глобализму и однополярного миру. В этом и состоит специфика исторического момента («момента однополярности»²): у доминирую-

¹ Déclaration de M. Hubert Védrine, ministre des affaires étrangères sur la reprise d'une dialogue approfondie entre la France et l'Hinde: les enjeux de la resistance a l'uniformisation culturelle et aux excès du monde unipolaire. New Delhi — 1 lesdiscours.vie-publique.fr. 7.02.2000. [Электронный ресурс] URL: <http://lesdiscours.vie-publique.fr/pdf/003000733.pdf>

² Krauthammer Ch. The Unipolar Moment. Op.cit.

щей идеологии (глобального либерализма/постлиберализма) нет симметричной оппозиции на ее собственном уровне. Поэтому надо обратиться к геополитике напрямую, взяв принцип Суши, Land Power вместо *оппонирующей идеологии*. Это возможно лишь в том случае, если в полной мере будут осознаны социологическое, философское и цивилизационное измерения геополитики.

Для доказательства этого утверждения нам послужит «цивилизация Моря». Мы видели, что *матрица* этой цивилизации встречается не только в Новое время, но и в талассократических империях древности, например, в Карфагене, античных Афинах или Венецианской республике. В рамках самого современного мира атлантизм и либерализм обретают полное превосходство над другими тенденциями далеко не сразу. Мы можем проследить определенную концептуальную последовательность: как «цивилизация Моря» (как геополитическая категория) движется сквозь историю, через серию социальных формаций, принимая разные формы, пока не находит своего наиболее законченного и совершенного выражения в идее глобального мира, где ее внутренние установки становятся доминирующими в планетарном масштабе. *Идеология современного мондиализма есть только историческая форма более общей геополитической парадигмы*. И между этой (возможно, наиболее совершенной) формой и геополитической матрицей существует прямая связь.

В случае «цивилизации Суши» аналогичной симметрии не существует. Идеология коммунизма лишь частично (за счет героизма, коллективизма и антилиберализма) резонировала с геополитическими установками «сухопутного» общества, да и то только в случае евразийского СССР и в меньшей степени Китая, так как другие аспекты этой идеологии (прогрессизм, техника, материализм) плохо вписывались в структуру ценностей «цивилизации Суши». И сегодня даже в теории коммунизм не может выполнять той мобилизующей идеологической функции, которую он выполнял в XX веке в планетарном мас-

штабе. С идеологической точки зрения Суша действительно расколота на фрагменты, и в ближайшее время едва ли мы можем ожидать появления какой-то новой идеологии, способной симметрично противостоять либеральному глобализму.

Но сам геополитический принцип Суши ничего не утрачивает в своей парадигмальной структуре. Именно он и должен быть взят в качестве фундамента для построения теории многополярности. Эта теория должна обращаться напрямую к геополитике, черпать из нее принципы, идеи, методы и термины. Это позволит иначе отнестись и к широкому спектру существующих неглобалистских и контр-глобалистских идеологий, религий, культур и социальных течений. Им совершенно не обязательно трансформироваться в нечто единое и систематизированное. Они вполне могут оставаться локальными или региональными, но быть интегрированными в общий фронт противостояния глобализации и доминации «цивилизации Запада» на метаидеологическом уровне, на уровне парадигмы «геополитики Суши». И этот момент множественности идеологий заложен уже в самом термине «много-полярность» — и не только в рамках стратегического пространства, но и в области пространства идеологического, культурного, религиозного, социального, экономического).

Многополярность есть не что иное, как продолжение «геополитики Суши» в новую среду, характеризующуюся наступлением глобализма (как атлантизма) на качественно новом уровне и в качественно новых пропорциях. Никакого другого смысла у многополярности просто не может быть.

Геополитика Суши и ее основные вектора, спроецированные на современные условия, является осью многополярной теории, на которую нанизываются все остальные аспекты этой теории. Эти аспекты составляют философскую, социологическую, ценностную, экономическую, этическую стороны этой теории. Но все они, так или иначе, сопряжены с осознанной в углубленно социологическом ключе структурой «цивилизации Суши» и с прямым смыслом самого понятия «многопо-

лярности», которое отсылает нас к принципам плюральности, множественности, неуниверсальности, дифференцированности.

Многополярность и неоевразийство

Ближе всего к теории многополярности располагается *неоевразийство*. Это направление уходит корнями в геополитику и оперирует преимущественно с формулой «Россия-Евразия» (как Heartland), но вместе с тем разрабатывает широкий спектр мировоззренческих, философских, социологических и политологических направлений, а не ограничивается только геостратегией и прикладным анализом.

Содержание термина «неоевразийство» можно проиллюстрировать фрагментами Манифеста Международного «Евразийского Движения» «Евразийская миссия»¹. Его авторы выделяют в неоевразийстве пять уровней, которые позволяют по-разному трактовать его в зависимости от конкретного контекста.

Первый уровень: *евразийство есть мировоззрение*.

Согласно авторам Манифеста, термин «евразийство» «применяется к определенному мировоззрению, определенной политической философии, в оригинальной манере, сочетающей в себе традицию, современность и даже элементы Постмодерна. Философия евразийства исходит из приоритета ценности традиционного общества, признает императив технической и социальной модернизации (но без отрыва от культурных корней) и стремится адаптировать свою идейную программу к ситуации постиндустриального, информационного общества, называемого «Постмодерном».

В Постмодерне снимается формальное противопоставление между традицией и современностью. Однако постмодернизм атлантистского типа уравнивает их с позиции безразличия и

¹ Евразийская миссия. Манифест Международного «Евразийского Движения». М.: Международное Евразийское Движение, 2005.

исчерпанности содержания. Евразийский Постмодерн, напротив, видит возможность альянса традиции с современностью как созидательный оптимистический энергичный импульс, побуждающий к творчеству и развитию.

В евразийской философии легитимное место получают реальности, вытесненные эпохой Просвещения — религия, этнос, империя, культ, предание и т.д. В то же время из Модерна берется технологический рывок, экономическое развитие, социальная справедливость, освобождение труда и т.д. Противоположности преодолеваются, сливаясь в единую гармоничную и оригинальную теорию, пробуждающую свежие мысли и новые решения для вечных проблем человечества.(...)

Философия евразийства — открытая философия, любые формы догматизма ей чужды. Она может пополняться многообразными течениями — историей религий, социологическими и этнологическими открытиями, геополитикой, экономикой, страноведением, культурологией, разнообразными видами стратегических и политологических исследований и т.д. Более того, евразийство как философия предполагает оригинальное развитие в каждом конкретном культурном и языковом контексте: евразийство русских будет с неизбежностью отличаться от евразийства французов или немцев, евразийство турок от евразийства иранцев; евразийство арабов от евразийства китайцев и т.д. При этом основные силовые линии этой философии в целом будут сохраняться неизменными.(...)

Основными реперными точками евразийской философии можно назвать следующие пункты:

- дифференциализм, плюрализм ценностных систем против общеобязательной доминанции какой-то одной идеологии (в нашем случае и в первую очередь американской либерал-демократии);
- традиционализм против уничижения культур, догматов и обрядов традиционных обществ;

- «государство-мир», «государство-континент» против как буржуазных национальных государств, так и «мирового правительства»;
- «права народов» против всемогущества «золотого миллиарда» и неокOLONиальной гегемонии «богатого Севера»;
- этнос как ценность и субъект истории против обезличивания народов и отчуждения их в искусственных социально-политических конструкциях;
- социальная справедливость и солидарность людей труда против эксплуатации, логики грубой наживы и унижения человека человеком».¹

Неоевразийство как планетарный тренд

На втором уровне: *неоевразийство есть планетарный тренд*. Авторы Манифеста поясняют:

«Евразийство на уровне планетарного тренда — это глобальный, революционный, цивилизационный концепт, который, постепенно уточняясь, призван стать новой мировоззренческой платформой взаимопонимания и сотрудничества для широкого конгломерата различных сил, государств, народов, культур и конфессий, отказывающихся от атлантической глобализации.

Стоит внимательно прочесть заявления самых разнообразных сил во всём мире: политиков, философов, интеллектуалов, и мы удостоверимся, что евразийцы составляют подавляющее большинство. Менталитет многих народов, обществ, конфессий и государств, хотя они сами об этом могут не подозревать, евразийский.

Если подумать об этом множестве различных культур, религий, конфессий и стран, не согласных с «концом истории», навязываемом нам атлантизмом, бодрость нашего духа возрастёт, а серьёзность рисков реализации американской концеп-

¹ Там же С. 88

ции стратегической безопасности XXI века, связанной с установлением однополярного мира, резко увеличится.

Евразийство есть совокупность всех естественных и искусственных, объективных и субъективных препятствий на пути однополярной глобализации, причем возведенных от просто-го отрицания к позитивному проекту, к созидательной альтернативе. Пока эти препятствия существуют разрозненно и хаотически, глобалисты справляются с ними по отдельности. Но стоит их интегрировать, сплотить в некое единое, последовательное мировоззрение планетарного характера, шансы на победу евразийства во всем мире будут весьма серьезными».¹

Неоевразийство как интеграционный проект

На следующем уровне неоевразийство трактуется как *проект стратегической интеграции евразийского материка*:

«Понятие «Старый Свет», которым обычно обозначается Европа, можно рассмотреть гораздо шире. Это гигантское мультицивилизационное пространство, населенное народами, государствами, культурами, этносами и конфессиями, связанными между собой исторически и пространственно общностью диалектической судьбы. Старый Свет — это продукт органического развития человеческой истории.

Старый Свет обычно противопоставляется Новому Свету, т.е. американскому матерiku, открытому европейцами и ставшему платформой построения искусственной цивилизации, в которой воплотились европейские проекты Модерна, эпохи Просвещения. (...)

В XX веке Европа осознала свою самобытную сущность, и постепенно двигалась к интеграции всех европейских государств в единый Союз, способный обеспечить всему этому пространству суверенность, независимость, безопасность и свободу.

¹ Там же.

Создание Евросоюза было величайшей вехой в деле возвращения Европы в историю. Это было ответом «старого Света» на непомерные претензии «нового». Если рассматривать альянс США и Западной Европы — с доминацией США — как атлантический вектор европейского развития, то интеграцию самих европейских держав с преобладанием континентальных стран (Франция-Германия) можно считать евразийством применительно к Европе.

Особенно это становится наглядным, если учесть теории о том, что Европа геополитически простирается от Атлантики до Урала (Ш.де Голль) или до Владивостока. Иными словами, бескрайние пространства России также полноценно включаются в поле Старого Света, подлежащего интеграции.

(...) Евразийство в этом контексте может быть определено как проект стратегической, геополитической, экономической интеграции севера евразийского материка, осознанного как колыбель европейской истории, матрица народов и культур, тесно переплетенных между собой.

А поскольку сама Россия (как, впрочем, и предки многих европейцев) в значительной степени связана с тюркским, монгольским миром, с кавказскими народами, то через Россию и параллельно через Турцию интегрирующаяся Европа как Старый Свет в полной мере приобретает евразийское измерение — и в данном случае не только в символическом, но и в географическом смысле. Здесь можно синонимически отождествить евразийство с континентализмом.¹

Эти три наиболее общие определения неоевразийства показывают, что здесь мы имеем дело с предварительным основанием для построения теории многополярности. Это сухопутный взгляд на самые острые вызовы современности и попытка дать на них выверенный, учитывающий геополитические, цивилизационные, социологические, исторические и философские закономерности, ответ.

¹ Там же. С. 45

ГЛАВА 2. К ТЕОРИИ МНОГОПОЛЯРНОСТИ. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Теоретические основы многополярности. Философия множественности. Плюриверсум вместо универсума

Теория многополярности основывается на *философии множественности*. Эту идею емко выразил французский философ и геополитик Ален де Бенуа в манифесте «2000» возглавляемого им движения GRECE. Ален де Бенуа призывает рассматривать мир как «плюриверсум», в отличие от «универсума». По латыни «universum» означает «сведение к единому». Неологизм «pluriversum» подчеркивает, что целью является не сведение к единому, не упрощение системы, но сохранение множественности и разнообразия. Авторы Манифеста пишут:

«Различие заложено в самом движении жизни, которая бурно разворачивается через все большее и большее усложнение. Множественность и различие народов, этносов, языков, нравов, религий характеризуют развитие человечества, начиная с его истоков. Есть два отношения к этому факту. Для одних это жизненно-культурное различие и разнообразие представляет собой бремя, откуда рождается стремление всегда и повсюду сводить людей к тому, что есть между ними общего, что подчас приводит к самым извращенным последствиям. А для других, и это наш случай, различие — это богатство, которое необходимо сохранять и культивировать. (...) Мы считаем, что хороша та система, которая способна передавать через себя как минимум столь же сложные ансамбли как те, что она вбирает в

себя. Подлинное богатство мира заключается в различии культур и народов».¹

Этот принцип полностью созвучен неоевразийской философии.

Идейные истоки философии множественности

Истоки философии множественности следует искать одновременно в нескольких философских традициях.

Это:

- *немецкий романтизм* (братья Фридрих Шлегель (1772 — 1829) и Август Шлегель (1767—1845), Фридрих Шеллинг (1775 — 1854), Фридрих Гельдерлин (1770 — 1843), Людвиг Тик (1773—1853), Адам Мюллер (1779 — 1829), Генрих фон Кляйст (1771 — 1811), Новалис (1772 — 1801) и др.);
- *органицизм* (Альфред Эспина (1844—1922), Рене Вормс (1869 — 1926), Павел Лилиенфельд-Тоаль (1829 — 1903), Альберт Шэффле (1831 — 1903) и др.);
- *философия жизни* (Фридрих Ницше (1844—1900), Вильгельм Дильтей (1833—1911), Анри Бергсон (1859—1941) и др.);
- *холистская традиция в социологии* (Ф. Теннис (1855 — 1936), Г. Зиммель (1858 — 1918), В. Зомбарт (1863 — 1941), М. Мосс (1872 — 1950), Ж. Дюран и др.);
- *культурная антропология/этносоциология* (Франц Боас (1858 — 1942) и его ученики Альфред Кребер (1876 — 1960), Эдвард Сэйпир (1884 — 1939), Роберт Лови (1883 — 1957), а также Бронислав Малиновский (1884 — 1942), Альфред Рэдклиф-Браун (1881 — 1955), Клод Леви-Стросс (1908 — 2009), Рихард Турнвальд (1869 — 1954), Вильгельм Мюльман (1904 — 1988) и др.);
- *русское славянофильство и религиозная философия* (А. С. Хомяков (1804 — 1860), И. В. Киреевский (1806 —

¹ Manifeste de la GRECE. Paris: Labyrinthe, 2001.

- 1856), К. Н. Леонтьев (1831 — 1891), Н. Я. Данилевский (1822-1885), В. С. Соловьев (1853—1900) и др.)
- *евразийство* (Н. С. Трубецкой (1890 — 1938), П.Н. Савицкий (1895 — 1965), Г. В. Вернадский (1877 — 1973), Н.Н. Алексеев (1879 — 1964) и др.);
 - *фундаментальная онтология* (М. Хайдеггер (1889 — 1976));
 - *«Консервативная Революция»* (О. Шпенглер (1880 — 1936), К. Шмитт (1888 — 1985), Э. Никшиш (1889 — 1967), Э. Юнгер (1895 — 1998) и др.);
 - *традиционализм* (Р. Генон (1886 — 1951), Ю. Эвола (1889-1974), М. Элиаде (1907 — 1986) и др.).
 - К европейским и русским источникам следует добавить целый спектр современной восточной философии:
 - *японской* (Китаро Нишида (1870 — 1945), Тейтаро Дайсетцу Судзуки (1870 — 1966) и др.);
 - *индийской* (Бал Ганадхар Тилак (1856 — 1920), Шри Рамана Махариши (1879 — 1950), Ананда Кумарасвами (1877— 1947) и др.);
 - *китайской* (Кан Ювэй (1858 — 1927), Лян Цичао (1873 — 1923), Шен Юдинг (1908-1989), Лян Шумин (1893 — 1988), и др.);
 - *иранской* (Мухаммад Икбаль (1877 - 1938), Али Шариати (1933 — 1977), Мухаммад Хусейн Табатабаи (1892 — 1981), Муртаза Маттахери (1920 — 1979), Сейид Хоссейн Наср и др.);
 - *арабской* (Абд-эль Рахман Бадави (1917 — 2002), Хасан Ханафи, Надир ибн-Бизри, Хишем Джайят и др.).

Это гигантское поле теорий, школ, идей и авторов, которое можно расширять до бесконечности во всех направлениях (географическом и историческом, вглубь времен) имеет следующее общее качество. Все они, независимо от того, созданы ли они на Западе или на Востоке:

- критически оценивают философскую структуру ценностей западной цивилизации,

- отвергают ее претензии на универсальность,
- считают тупиковым магистральный путь западноевропейского развития в последние века и квалифицируют нынешнее состояние западной цивилизации как кризис и преддверие катастрофы,
- не признают мифа о прогрессе и эволюции,
- критически оценивают техническое развитие и видят в «раскрепощенной технике» величайшую угрозу;
- отказываются воспринимать европейскую рациональность как единственно возможную форму рациональности,
- утверждают право разных культур двигаться по своим траекториям в любом избранном ими направлении.

Одним словом, все эти интеллектуальные направления являются многополярными по своей сути, обосновывая в самых разных контекстах, аспектах и ракурсах право на различие и подрывая претензии западного либерального дискурса на доминанцию, единственность, нормативность и глобализм. Лишь редкие авторы и школы, из перечисленных выше, напрямую апеллировали к геополитике, «цивилизации Суши», но все они, и множество иных течений в современной философии, по своим структурам могут быть отнесены именно к «сухопутным», если учесть то, что мы говорили о социологическом измерении геополитики. Все эти школы и авторы предлагают строить общество на основах *традиций*, которые, у каждого этноса и каждой культуры, у каждого места земли самобытны и различны. Таким образом, все они обосновывают «плюриверсум» как антитезу «единому миру», one world. Различие берется в этих философиях как синоним жизни, богатства (К.Леонтьев называл этот принцип «цветущей сложностью»¹), свободы и жизненной силы. А не как угроза и «бремя», каким оно представляется «универсалистам». Поэтому эти направ-

¹ Леонтьев К. Цветущая сложность. Избранные статьи. М.: Молодая гвардия, 1992.

ления призывают к обоснованию различий между народами и культурами, их углублению, сохранению и новому утверждению. Разница между одной культурой и другой совершенно не обязательно должна автоматически вести к конфликту между ними. Конфликты периодически случаются, но точно так же случаются они и в универсальном мире. Надо стремиться к миру и гармонии, к диалогу и взаимопониманию. Но ни в коем случае нельзя приносить в жертву динамические структуры идентичности, какие бы они ни были.

Ф. Боас: равноправие культур

В этом отношении показательна огромная работа культурных антропологов (американской школы Франца Боаса, английской школы Малиновского и французской школы Клода Леви-Стросса) и этносоциологов (Р.Турнвальд), которые, исследуя архаические народы, пришли к выводу, что их жизненный мир, структура мифологического мышления, социальный уклад и воззрения на природу, общество, человека, историю, жизнь, смерть, тайну, обряд и т.д. несут в себе колоссальное культурное богатство, абсолютно сопоставимое, а то и многократно превосходящее культуру современного западного человека.

Ф. Боас писал об этом в одном из своих писем из ранней экспедиции к арктическим островам Баффина:

«Я часто спрашиваю себя, в чем же состоит то преимущество, которым обладает «развитое» общество над обществом «дикарей», и я нахожу, что, чем больше я изучаю их привычки, тем больше понимаю, что мы просто не имеем никакого права смотреть на них сверху вниз. Мы не имеем права осуждать их за их формы и предрассудки, какими бы нелепыми они нам ни казались. Мы, «высокообразованные люди» намного хуже них...»¹.

¹ Cole D. (ed.) Franz Boas' Baffin Island Letter-Diary, 1883-1884/ Stocking George W.Jr. Observers Observed. Essays on Ethnographic Fieldwork.

Если внимательные и серьезные антропологи и этнологи, познакомившись с примитивными обществами, приходят в таком выводам, то что говорить о многотысячелетних культурах Азии, Ближнего Востока, Северной Африки или Латинской Америки?! Что говорить о тысячелетней русской культуре? Все эти культурные, социальные и религиозные явления — от гигантских до микроскопических — обладают уникальной ценностью и развиваются естественным путем. И всем им угрожает дорожный каток современной западной цивилизации, навязывающий примитивные коды своей декадентской культуры в глобальном масштабе, апеллируя к самым простейшим, материальным и примитивным реакциям, действительно, универсальным и всеобщим, тогда как сложные здания культуры и духовная жизнь, напротив, различает все общества и делает их неповторимыми, оригинальными и самобытными.

*Н. Трубецкой: альянс народов
против навязываемого универсализма*

С аналогичного тезиса начиналась и евразийская философия. Князь Николай Трубецкой написал книгу «Европа и человечество»¹, в которой задолго до глобализации (в ее современной форме) предупреждал, что европейский универсализм несет в себе смертельную угрозу всему человечеству, поскольку отрицает множественность культур. Н. Трубецкой в начале XX столетия призвал народы Земли сплотиться для того, чтобы дать решительный бой романо-германскому миру и его необоснованным колониальным и империалистическим претензиям. Другой евразиец, Петр Савицкий, подхватив идеи Трубецкого, уточнил в статье «Европа и Евразия»², что только Россия-Евразия может быть главной опорой для создания тако-

Madison: The University of Wisconsin Press, 1983. С.33.

¹ Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София, 1920.

² Савицкий П. Н. Континент Евразия. М:Аграф, 1997.

го общечеловеческого фронта, направленного против европейской стратегии отношения к миру.

Актуальность философии множественности

В условиях глобализации эти евразийские инициативы 1920-х годов прошлого века выглядят удивительно актуально. Тезис Трубецкого об «угрозе Европы для человечества» может быть переформулирован как тезис об «угрозе глобализации», а мысль П. Савицкого о роли России-Евразии в построении глобального антиевропейского альянса народов может быть положена в основу стратегии многополярного мира.

Но отрицание глобализации и борьба с однополярностью не самоцель. Они проистекают из особенного, уникального видения мира (совершенно иного, нежели современное европейское и особенно англосаксонское либеральное мировоззрение), которое отнюдь не реактивно и не живет «ненавистью» и «отторжением», но самодостаточно и имеет ценность в самом себе — в гармоничном и естественном раскрытии потенциала каждого из обществ (малого или большого) на своем собственном всегда оригинальном и самобытном пути.

Таким образом, в основе теории многополярности должна лежать философия плюриверсума, философия различия, взятого как самоценное и позитивное фундаментальное явление жизни. Вопреки универалистской философии глобализма многополярная философия различия утверждает, что подлинные ценности могут существовать *только в рамках породивших их культуры*, что множество культур — это *богатство человечества*, а не его беда, и что универсальным в человечестве являются только самые низменные, бескультурные и порочные проявления. Иными словами, философия многополярности отрицает не следствия или побочные эффекты глобализации, но *ее корни*, основания, глубинные мировоззренческие предпосылки.

Множественность бытия . Разное единство

Итак, идея глобализации в своих философских истоках апеллирует к *единству бытия* (по меньшей мере, так у К.Акселоса, О.Финка, В.Десана и т.д.). Но каждая культура понимает и трактует это единство *совершенно по-разному*.

Мы уже упоминали об «этноцентризме» и видели, что даже самое крохотное племя способно вместить мир в зону, расположенную неподалеку от границ его селения. И солнце, и луна, и звезды, и небо, и живые, и мертвые, и стихии, и боги, и духи — все вмещается в этноцентр, как в первичную матрицу универсального. Только при переходе к состоянию «народа» этнос утрачивает единство бытия, но тут же пускается в погоню за ним, вступает в историю, чтобы его восстановить. В теологически и философски развитых культурах единство бытия приобретает еще более утонченный характер. В исламе это связано с тематикой «таухида», единения верующего с Аллахом через исполнение религиозных предписаний. Арабский термин «таухид» означает «приведение к единству», «активное единение». Вообще, идея единого бытия составляет центральную тему в теологиях монотеизма. В христианской традиции эта тема особенно широко представлена в Православии, а в ряде монашеских практик, таких, как исихазм, идея единения человека и Бога как «восстановление единства бытия» стоит в центре внимания. Этимологически термин «иудей» трактуется еврейской традицией как производное от ивритского слова «ахад», «один» и, следовательно, «иудей» есть носитель знания о едином Боге, единобожия, то есть единства бытия.

Совершенно иначе понимают единство бытия индусы (в рамках адвайта-Веданты и ее философии), буддисты (ставящее превыше всего не единство бытия, а нирвану, «погашение бытия»), китайцы (в двух версиях своей духовной традиции — конфуцианской и даосской) и другие развитые философские культуры.

В русской религиозной философии (В. Соловьев, П. Флоренский, С. Булгаков) единство бытия интерпретируется через сложную и парадоксальную теорию «всеединства»¹.

Поэтому форма постижения единства бытия широко варьируется от этноцентрумов до гигантских по философскому и теологическому объему религиозных культур. Единство бытия постигается различно, и никакая инстанция не может претендовать на то, что она одна выносит нормативный приговор относительно того, какое понимание единства надо считать правильным. Мы подходим к этой теме по запутанным лабиринтам разнообразных духовных культур, и само путешествие, само освоение данной культуры (которая либо дана нам изначально обществом, либо выбрана нами сознательно и добровольно) составляет не простой путь становления человеком.

В отношении «единого бытия» мы стартуем с разных позиций, и пути тоже фундаментально различны. Если на определенном уровне продвижения нам становятся понятны духовные структуры других культур и религий, это вполне объяснимо, так как люди, взыскующие единства, чем-то похожи. Но это касается только тех, кто кладет жизнь на алтарь духа, философии, религии, искусства, науки. Большинство людей живут в своем «жизненном мире», единство которого обеспечивается не ими индивидуально, а обществом и его традициями. Попытка соединить все человечество в столкновении с единым бытием, причем только в его западном рационально-логическом, либерально-индивидуалистическом понимании, составляющим сущность глобализма и мондиализма, окончательно оторвет массы от единства, от мира в его целостности, погрузит его в водоворот бесконечных фрагментов, осколков, частей, не складывающихся ни в какое общее целое. Так, современный французский философ Марсель Конш говорит, что

¹ См. Дугин А. Мартин Хайдеггер и возможность русской философии. М.: Академический проект, 2010.

современность не может более оперировать со словом «мир» (le monde) как с чем-то целым. Отныне вместо мира, мы погружены в «экстравагантный ансамбль»¹. Впрочем, это замечал в последние годы даже Костас Акселос, апологет мондиализма, утверждавший, что «при современной глобализации утрачивается мир как таковой»².

М.Хайдеггер: поиск целого в «аутентичном Dasein'e»

Философия многополярности строится таким образом, чтобы предоставить путь к единству бытия, к опыту целого, опыту мира многообразным культурам и традициям различных обществ, и не выносить на этот счет никаких окончательных решений. Феноменологически, на уровне «жизненного мира», мир состоит из различий: разных этносов, разных языков, разных обществ. Все, что сегодня повсюду оказывается одинаковым, — «Макдональдс», молодежные моды, брэнды, рыночные операции, формально демократические процедуры, технические приборы, сетевые протоколы, интернациональный сленг на изломанном английском, автомобили и другие серийные товары, — никак не приближает нас к единству бытия и является искусственной нивелирующей паутиной, наброшенной на общества, с совершенно различной структурой и различным пониманием бытия. Бытие не может открыться через технику, комфорт, унифицированные товары или модные брэнды. Поэтому единства бытия следует искать где угодно, только не в глобальном мире. Странствие по нему не открывает нам планетарного горизонта, но зато закрывает глубинное измерение нашей собственной культуры и идентичности, в глуби-

¹ Conche M. *Lucrèce et l'expérience*. Saint-Laurent-Québec: Éditions Fides, 2000. См. также Conche M. *L'aléatoire*. Paris: PUF, 1999.

² Mondialisation without the world. Interview with Kostas Axelos — www.radicalphilosophy.com, 2005. [Электронный ресурс] URL: <http://www.radicalphilosophy.com/pdf/mondialisation.pdf> (дата обращения 02.08.2010)

не структуры которой, согласно многополярной философии, и лежит путь к бытию и открытости.

Философ Мартин Хайдеггер вводит понятие «Dasein», «вот-бытие», которое описывает структуру отношения человека с бытием. «Dasein», по Хайдеггеру, первичная реальность, над которой впоследствии надстраивается мышление, рациональность, философия, культура. В теории многополярности стартовым моментом является утверждение множественности Dasein'ов, то есть убежденность в том, что каждое общество, культура, этническая или народная группа имеет свой особый Dasein¹, отталкиваясь от которого и создаются впоследствии разветвленные культурные, социальные, политические, религиозные и философские системы. Множественность Dasein'ов и основанное на этом принципе исследование различных «жизненных миров» народов земли составляет сущность многополярной философии.

Плюральная антропология.

Отказ от горизонта человечества

Концепт «человечества», как его понимают глобалисты, в многополярной философии перечеркивается. Это понятие искусственное, чисто техническое и не имеет феноменологического или эмпирического подтверждения. Оно родилось в Новое время на основании секулярных гуманистических абстракций и имело чисто идеологическое значение для борьбы с христианской религией и ее представлением о центральной фигуре Бога — в мире и истории. Вопреки теологическому утверждению гуманисты выдвинули тезис о том, что не Бог творит историю, но человек, человечество. В основу концепции «человечества» была положена секуляризация христианской идеи сотворения всех людей от первочеловека Адама. Отбросив идею «творения» как «предрассудок», деятели Про-

¹ Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический проект, 2010.

свещения сохранили представление о *человечестве как едином явлении*, но уже на основании социально-психологических, а позже (после Дарвина) видовых биологических и зоологических свойств (*Homo Sapiens*).

Э. Гуссерль, А. Мальро: «европейское человечество»

Показательно, что в европейской культуре XIX-XX века сплошь и рядом использовался термин «европейское человечество» (в частности, его употребляли Эдмунд Гуссерль (1859-1938)¹ и Анри Мальро (1901 — 1976)²). Это не оговорка и не случайное выражение. Европейская культура основана на презумпции того, что она является прогрессивной, идущей впереди всех голограммой мировой культуры. Европейское общество рассматривается как алгоритм общества как такового, и тогда все человечество есть лишь расширение понятия (причем, как правило, с точки зрения незавершенности, незаконченности, отсталости) «европейского человечества».

На самом же деле, горизонт «человечества», который якобы обнаруживает глобализм и его философия, есть все то же «европейское человечество», лишь раздутое до планетарных размеров, спроецированное на все остальные культуры и народы. Поэтому глобалисты открывают не «мир как целое», а остаются в рамках Запада, который превращается в «планетарный Запад». Никакого столкновения с общим, никакого обнаружения целого не происходит. То, что не похоже на Запад, превращается в то, что похоже на Запад (с его демократией, рынком, техникой, либерализмом, индивидуализмом, правами человека, сетями и т.д.), и только после этого принимается в расчет. *Глобализм есть абсолютизация частного, а не открытие общего и целого.* А «человечество» есть не что иное, как инструментальный идеологический концепт, служа-

¹ Husserl E. La crise de l'humanité européenne et la philosophie. P.: Philosophie, 2008.

² Malraux A. La Tentation de l'Occident. Paris: Grasset, 1926.

ший для того, чтобы во всех направлениях работать с формулой «человечество»=«европейское человечество». Конечно, на практике эта формула не работает, так как большинство мировых культур и подавляющее большинство населения земли относятся к неевропейскому типу. Но для Запада и мондиализма это означает только одно: сегодня не относятся, а завтра будут относиться — кто добровольно, а кто принудительно.

Разные «человечества»

С точки зрения теории многополярности, конечно, существует «европейское человечество» как общество, построенное на основаниях ценностных систем западноевропейской цивилизации. Но наряду с ним существуют и многие другие «человечества» — индийское, китайское, русско-евразийское, арабское, исламское, африканское, тихоокеанское, буддистское, латиноамериканское человечества и так далее. Их границы подчас накладываются друг на друга, а внутри них существуют «микрочеловечества» вплоть до этносов и племен. Крохотные племена нивхов, кетов, юкагиров, шорцев или сету в Евразии, ведда на Цейлоне или пирахан в бассейне Амазонки — те же «человечества» с уникальным языком, культурой, обрядами, традициями, со своими собственными рациональностью, жизненным миром, Dasein'ом. И чтобы сложить всех их в общий планетарный ансамбль, надо предварительно досконально изучить их культуры, проникнуть в их суть, понять и полюбить их, постичь их логику — причем такой, какая она есть, а не такой, какой она видится извне. На практике это почти невозможно, но вполне может быть высокой и благородной целью. Эту цель и ставит перед собой философия многополярности. Причем не для того, чтобы выяснить, что между всеми этими «человечествами» есть общего, но чтобы насладиться величественным богатством их различий.

Теория многополярности отрицает *горизонт человечества*, считая его «империалистической» евроцентричной абстракци-

ей. Она готова иметь с ним дело только в форме его отрицания, отвержения, разоблачения его несостоятельности и его колониальной, и даже «расистской» сущности: ведь в своем основании этот концепт предполагает, по умолчанию, превосходство западных обществ над всеми остальными и является выражением если не биологического, то, во всяком случае, культурного, социального и технологического расизма.

Запад и «все остальные» (The West and the Rest)

Остается лишь разрешить вопрос о том, в каком смысле евразиец Н.Трубецкой использовал термин «человечество» в своей программной работе «Европа и человечество»¹? В данном случае Трубецкой понимает «человечество» как антитезу «европейскому человечеству», как многообразие существующих культур и традиций. Европа для него воплощает в себе навязчивый империалистический универсализм, а все остальные «человечество» превращается в жертву европейской глобальной политики (в том числе экономической, культурной, образовательной и т.д.), представляя собой вовсе не «единый горизонт», а типично сухопутное «многообразие» культур, находящееся под угрозой стирания, уничтожения, разложения и переформатирования под напором становящегося глобальным Западом.

В своей книге «Столкновение цивилизаций»² американский политолог Самуил Хантингтон, опираясь на работы английского историка Арнольда Тойнби³ (1889—1975), использует формулу «The West and the Rest» — «Запад и остальные». То, что имеет в виду под «человечеством» Н. Трубецкой, это как раз «остальные» (the Rest) — *все, кроме Запада*, тогда как глобалисты и мондиалисты, напротив, под «человечеством» имеют в виду

¹ Трубецкой Н. С. Европа и человечество. Указ. соч.

² Huntington Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. New York: Simon and Schuster, 1996.

³ См. Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.

прежде всего именно Запад, а под «остальными» (the Rest) — тех, кому еще только предстоит этим «Западом» стать (своего рода «недочеловечеством», «недоразвитыми обществами»).

Философия многополярности — это философия «остальных» (the Rest), которым угрожает опасность со стороны «Запада» (the West) и которым необходимо консолидировать усилия, чтобы эту опасность отразить. Лишь после этого можно говорить о пути к единству через самый сложный процесс диалога культур и цивилизаций или о сохранении и возрождении различий. Это вопрос открытый, и теория многополярности не может так далеко прогнозировать будущее. Если проект глобализации рухнет, перед разными народами и обществами земли встанут совершенно иные проблемы и вызовы. Будут ли они глобальными или нет, заранее предсказать невозможно. Но сегодня вся глобальная проблематика носит пристрастный, инструментальный и жестко идеологизированный характер, исходит из западного «ядра» и является формой информационной войны и манипуляции общественным мнением.

Признание человеческих различий

Различие человеческих обществ является эмпирически подтверждаемым историческим законом. Мы знаем только *разные общества*, и каждое из них основано на особой антропологии, имеет особое представление о том, что такое человек. Никакой общей антропологии не существует. Каждая культура решает антропологическую проблему по-своему. Многополярная философия признает это как факт и не стремится его изменить. Поэтому она постулирует множественную антропологию как аксиому, как нечто, что нужно признать и осмыслить, но отнюдь не преодолеть. Любая попытка иерархизировать человеческие общества, так или иначе, ведет к «расизму»; и даже если биологический расизм сегодня вышел из моды, культурный, экономический, социальный, технологический расизм остается осью западного взгляда на мир. Сегодня он просто

поменял свои формы: теперь «низшими» считаются культуры и общества, которые не признают императива индивидуализма, свободы, толерантности, секуляризма, прав человека, политической демократии и либеральной рыночной экономики: они объявляются «отсталыми», «недоразвитыми», «архаичными» и «тоталитарными» и подлежат, как в предельном случае Югославии, Ирака и Афганистана, насильственному «исправлению» и «аккультурации».

Многополярная философия исходит из совершенно иного подхода: каждое общество вправе выстраивать свои структуры и свои представления о человеке на основании собственных исторических традиций. Это может нравиться или не нравиться соседним обществам. В пограничных случаях это может провоцировать конфликты, а в других, напротив, гармоничное сочетание и творческий диалог культур. По крайней мере, *никогда нельзя судить одно общество, исходя из критериев другого общества, а тем более возводить результаты этого сравнения в идеологический принцип* — в этом состоит суть философии многополярности.

От плюральности мест к плюральности времен.

Философия и антропология места

Признание позитивного смысла в различиях между обществами и культурами является основой теории многополярности. Мир многообразен, и это, во-первых — данность, а, во-вторых — ценность. Общества, этносы, народы, страны и цивилизации, расположенные в разных зонах пространства земли, выражают различные «пространственные смыслы» («Raumsinn» Ф. Ратцеля). Так возникает представление о многополярной географии культур — культурная карта мира, представляющая собой мозаику самых разнообразных обществ, которые, сплошь и рядом, входят в более широкие ансамбли или, напротив, разделены между собой национальными административными границами.

Многополярная теория имеет дело, в первую очередь, именно с такой культурной географией, или антропогеографией, с *антропогеографической картой мира*. На этой карте наносятся, в первую очередь, общества, народы, этносы, религии, культуры как сложные и динамично развивающиеся живые организмы, локализованные в пространстве. Так складывается многополярная карта плюральности «человеческих мест», *культурная топология мира*. Она берется в многополярной теории за основную матрицу, базовый алгоритм, на который позднее накладываются политические границы, экономические сети, зоны распределения природных ресурсов и военно-стратегические объекты. Общество в его привязке к пространству — первично, остальное вторично. Различия между «человеческими местами» определяют все остальное — включая самые технические и искусственные формы промышленной или военной организации пространства.

Так выстраивается философия пространства, философия места. А. Геттнер называл ее «хорографией» (или «хорологией»), учением о качественном пространстве¹.

Многообразие «человеческих мест» создает первичную структуру мира; все общества, сосуществующие в разных секторах такого мира, являются рядоположенными и равноправными, а отношения между ними развиваются по логике жизненного развития — активные общества расширяются, мобилизуются, развиваются, пассивные — сужаются, отступают, закрываются. Любая попытка управлять этим процессом является заведомо расистской, так как автоматически служит интересам какого-то конкретного общества в ущерб другим. «Человеческие места» следуют сценариям, заложенным в структурах их культуры, и на ее основе решают проблемы, которые выдвигает окружающий мир в своих трансформациях.

¹ Hettner A. *Die Geographie, ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Methoden*. Breslau: Ferdinand Hirt, 1927.

И все они делают это собственным совершенно оригинальным способом.

«Теорию мест» развил известный японский философ Кита-ро Нишида, который, занявшись изучением европейской философии и, в первую очередь, феноменологии, пришел к выводу, что наряду с типично европейской моделью рациональности, оперирующей логикой, построенной на принципе «идентичности» объекта, существует альтернативная рациональность (свойственная, например буддистско-японской культуре), где вместо «идентичностей» фигурируют «места»¹. К. Нишида назвал это «логикой мест» («basho» — по-японски «место»). В отличие от «идентичностей», которые подразумевают жесткие логические конструкции («есть/нет», «истина/ложь»), «логика мест» основана на включающем принципе — оппозиции могут сосуществовать, не отвергая друг друга, наряду друг с другом в системе сложной конструкции «мест» («томо»). Высшим «местом», согласно К. Нишиде, является «пустота» или «ничто» («ми» — по-японски), которое включает в себя все остальные места и является их основой. Государство (культура, общество) также является «местом» (топосом), которое предваряет и вмещает «ничто», но зато включает в себя все остальное. Все остальные места (внутри государства/общества) включаются в него, хотя и сохраняют своеобразие, различия, особенности и противоречия. Соответственно, другие государства/общества, вне Японии, в свою очередь, являются высшими «местами» для всего того, что в них включено и получают из этого свою реальность, свое бытие и свой смысл. Философия К. Нишиды и теория «басё» прекрасно укладывается в общий подход к проблеме места, пространства в многополярной теории.

¹ Nishida K. Logik des Ortes. Der Anfang der modernen Philosophie in Japan. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1999.

Г. Гурвич: время как социологическое явление

От признания пространственного плюрализма, на котором строится теория многополярности¹, следует перейти к более тонкому принципу «плюральности времен». Как показали классики социологической мысли (Э. Дюркгейм, М. Мосс и особенно русско-европейский социолог Георгий Гурвич (1896—1965)), «время» есть категория социальная, и в каждом обществе существует свое особое «время», и даже не одно, а сразу несколько². Это значит, что разные общества, даже сосуществующие в одном и том же физическом времени, с точки зрения собственной истории и культуры находятся в различных периодах. У этноцентров преобладает «вечное возвращение». К этносам, вступившим в историю, приходит поступательное время, направленное на реализацию общей судьбы и общего проекта (в настоящем и будущем). У разных религиозных культур — свои представления о логике и цели истории, о мессианстве, о циклах и о целях. Современные национальные государства оперируют с физическим временем и, в целом, разделяют западноевропейские модели «темпоральности». Постмодерн несет с собой еще одну модификацию времени — постисторию, игровое рециклирование фрагментов прошлого, ироническое время³.

Каждое «место» земли, где находится то или иное общество, имеет, таким образом, свое социальное время, которое часто

¹ Мартин Хайдеггер говорил о том, что «пространственность» (Raumlichkeit) является «экзистенциалом» *Dasein*'а Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen: Niemeyer, 1986. См. также Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. Указ. соч.

² Gurvitch Georges. The Spectrum of Social Time. Dordrecht: D. Reidel, 1964. См. также Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический проект, 2010; Он же. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.

³ Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. Указ. соч. См. также Дугин А. Г. Постфилософия. М.: Международное «Евразийское Движение», 2009.

складывается из наложения друг на друга различных темпоральностей. Поэтому их историческая синхроничность (одновременность) весьма условна: к общечеловеческому (а точнее, к западноевропейскому физическому и календарному времени) они относятся только одной стороной, которая вплетается в сложный контекст локальных времен. Речь идет не о том, что одни общества проделали большой путь в общей логике истории, а другие меньший (это и есть расистский подход). Сами структуры времени в каждом обществе могут быть различны, и нет никаких оснований считать, что все они движутся в одну и ту же сторону: некоторые из них, может быть, движутся туда же, куда и западное общество, а другие вполне могут двигаться в совершенно ином направлении в соответствии со структурой своей темпоральности и ее смысла, а могут вообще не двигаться никуда (как в случае этноцентризма). Нет никаких рациональных оснований для того, чтобы вырывать общества из их собственного времени и бросать в стихию времени западного, модернизировать их, делать их современниками глобального момента. Для большинства ныне существующих обществ глобализации как естественного момента их собственной истории еще не наступило и, возможно, не наступит никогда. Поэтому заставлять их считаться с нынешним «глобальным моментом» есть просто ничем не оправданное насилие.

Плюральность времен как норма

Философия многополярности, со своей стороны, признает *плюральность времен как факт и как нормативное положение дел*. Разные общества живут в разных временах и имеют на это полное право и основание. Эти времена могут течь в разных направлениях, как русла рек, могут сливаться и ветвиться, а могут, как озера, стоять на месте. Никто не должен осуществлять *темпоральный диктат*, навязывать другим эпоху или эру. Исламское общество отсчитывает свою историю от хиджры, христиане — от Рождества Христова, иудеи — от сотво-

рения мира. Свои системы летоисчисления есть у индусов, китайцев, буддистов. На земле до сих пор есть народы, которые вообще не знают времени, даже циклического (как некоторые племена аборигенов Австралии) и, значит, во времени они не нуждаются, и никто не смеет им его навязывать.

Так теория многополярности проводит линию позитивного толкования *различия* во всех сферах. Поэтому она представляет собой не просто наспех созданный «ad hoc» набор идей и представлений, призванный сиюминутно оппонировать однополярности и глобализму, но готова проводить свой анализ вплоть до самых глубинных оснований человеческого общества, вплоть до философского осмысления бытия, человека, пространства, времени, мира.

Мир многополярной теории тоже многополярен. Он дифференцирован во всех отношениях и во всех проекциях. Он представляет собой *открытый плюриверсум*, в котором в разных направлениях и с разной скоростью движутся разные социальные жизненные организмы, сливаясь, отталкиваясь друг от друга, конфликтуя и входя в союзы и альянсы. Если этот жизненный поток бытия конкретных человеческих обществ и имеет какую-то общую парадигму, закон или алгоритм, то понять его возможно только через углубление в эту многообразную, плюралистичную и всегда дифференцированную стихию.

Горизонт общения (между этносами, культурами, народами, странами, обществами, людьми) многополярный мир отнюдь не ограничивает, но лишь подчеркивает, что для того, чтобы он был содержательным и осмысленным, необходимо тщательно учитывать культурные особенности каждого участника. Без этого обмен может проходить только в самых низменных, материальных и примитивных формах. А подходить к разным культурам с единым общим шаблоном — самый верный путь не понять в них вообще ничего, но общение свести к насилию и навязыванию всем чуждого им культурного кода.

ГЛАВА 3. К ТЕОРИИ МНОГОПОЛЯРНОСТИ. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Полюса и «большие пространства».

Понятие полюса в многополярной перспективе

От рассмотрения философских основ теории многополярности перейдем к ее стратегическим аспектам. Начнем с того, что понимается под «полюсом» в стратегическом смысле.

Во-первых, многополярность по контрасту с однополярностью и однополярной глобализацией (в узком — американско-империалистическом, и широком — общезападном, смыслах), предполагает, что карта будущего мира должна быть структурирована таким образом, чтобы на ней находилось несколько центров силы, не обладающих абсолютным превосходством в отношении друг друга и позволяющих разным обществам (вплоть до микроуровня) осуществлять свободный выбор блока, к которому примкнуть. Этих полюсов должно быть больше двух. Это принципиально. Данное положение вытекает из анализа фактического положения дел. В настоящее время ни у одной из крупных держав, или даже блока крупных держав, недостаточно потенциала, чтобы предъявить права на единоличное стратегическое оппонирование мощи США и стран НАТО.

Двухполярный мир завершился распадом СССР, и после СССР никаких серьезных претендентов на статус второго полюса нет. Поэтому французский политик Юбер Видрин предложил после 1991 года пользоваться не термином «сверхдержава» (применительно к США), а «гипердержава», чтобы подчеркнуть ее асимметричное превосходство, тогда как в противостоянии двух «сверхдержав» до конца соблюдалась

определенная симметрия (по крайней мере, в стратегическом потенциале).

Ни современная Россия, ни Китай (как наиболее подходящие кандидаты на статус «второго полюса») не способны мобилизовать те мощности и ресурсы, которые были бы достаточны для конкуренции с США в стратегической сфере. У России проблемы с экономикой, демографией и нерешенностью многих социальных проблем, а Китаю, у которого с этими моментами все обстоит, наоборот, весьма благополучно, недостает природных ресурсов и развитой ядерной инфраструктуры. О других претендентах на второй полюс говорить не приходится. Из этого и вытекает стратегическая модель многополярного мира.

Если сейчас нет ни одной державы, которая была бы способна бросить вызов единоличной доминации США в мировом масштабе, то необходимо создать коалицию нескольких блоков, которые, преследуя в региональном контексте собственные стратегические интересы и противоречия в чем-то друг другу, даже будучи основаны на различных цивилизационных типах и идеологиях, могли бы организовать одновременно несколько полюсов, объединенных главной стратегической идеей: *блокированием американской гегемонии*.

Однако в том состоянии, в котором находятся сегодня отдельные страны, практически все они не подходят на роль полюса даже в собирательной и множественной трактовке. *Полюс многополярного мир, как и сам этот мир, должен быть составным, то есть представлять собой результат стратегической интеграции*. Иными словами, стратегический полюс многополярного мира должен быть предварительно создан.

Теоретически полюс¹ многополярного мира должен представлять собой мощное военное, экономическое, демографическое, политическое, географическое и цивилизационное

¹ См. О содержании концепта “полюс” в постбиполярном мире см. также Buzan B., Waever O. *Regions and Powers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

образование, которое было бы способно осуществить стратегическую интеграцию прилегающих к нему территорий, выступая как результирующий вектор широкого спектра региональных интересов и представляющих их совокупно перед лицом глобализма и однополярности, осознанных как вызов. При этом такой полюс заведомо должен быть достаточно дифференцированным по внутренней структуре, чтобы служить центром притяжения для разнообразных, часто противоречивых, региональных держав и политических сил. И вместе с тем он должен быть способен выстроить систему стратегического партнерства с другими потенциальными полюсами многополярного мира — даже теми, с которыми существуют локальные разногласия.

Структурным примером того, что могло бы стать типичной формой полюса многополярного мира, является Евросоюз. Это политическое пространство, объединенное цивилизационно, исторически, культурно, экономически, социально, энергетически и т.д. При том, что Европа была ареной кровопролитного противостояния европейских держав, их агрессивного соперничества, жесточайших мировых войн, ее территория — «европейское место» — была постепенно интегрирована и через серию сложных и проблематичных ситуаций вышла на уровень федеральной государственности, во главе которой стоит сегодня, пусть символический, но президент (Херман Ван Ромпей).

Геополитически идентичность Европы является двойственной, в ней наличествуют как атлантистские (морские), так и континенталистские (сухопутные) черты и, соответственно, центры сил. Атлантистская идентичность Европы выражается в том, что она в целом поддерживает однополярную модель, но стремится обеспечить распределение ролей в рамках «ядра» («Богатого Севера»), чтобы при проведении глобальной стратегии Вашингтон учитывал и европейские интересы («многосторонний подход» — *multilateralism*). Континенталистская идентичность Европы (представленная традиционно, в первую

очередь, Францией и Германией, а также другими крупными промышленными странами — Италией и Испанией) вполне сочетается именно с многополярным подходом, предполагает стремление к независимости от США и ограничению американской гегемонии в мировом масштабе, к превращению Европы в самостоятельный геополитический центр силы, к созданию социально-политической системы, не столько на основе либерализма, сколько на принципах социал-демократии (не англо-саксонский индивидуализм, но европейская континентальная социальность и солидарность), к созданию собственных европейских вооруженных сил, и, в конечном итоге, к превращению Европы в самостоятельный полюс. Если допустить, что континентальная идентичность в Европе берет верх над атлантистской, в лице Евросоюза мы в перспективе получаем законченный полюс многополярного мира.

Аналогичный евроинтеграции сценарий можно представить себе и в иных зонах мира. Интеграция постсоветского пространства вокруг России на сходных принципах — одна из версий создания нового полюса. Принципиальными моментами здесь является интеграция России с Белоруссией и Украиной на западе и Казахстаном на юге, с созданием вокруг этих четырех «ядерных» государств гибкого интеграционного поля, привлекательного для соседних стран — как входивших ранее в состав СССР, так и не входивших (Болгария, Румыния, Словакия, Сербия, Македония на западе, Монголия — на востоке).

Аналогичные полюса в ходе региональной интеграции могут создаваться и уже создаются и в иных зонах. Китай и Индия по своим демографическим показателям уже представляют собой почти готовые полюса. Колоссальный экономический потенциал Японии и некоторых других тихоокеанских драконов (Южная Корея, Сингапур, Тайвань) позволяет предположить их возможную коалицию, которая также может при определенной конфигурации претендовать на статус полюса. В более отдаленной перспективе полюсом может стать арабский мир, интегрированная Латинская Америка и Транссахарская Африка.

Полюсом многополярности не может быть отдельное взятое национальное государство. В некоторых ситуациях (Китай, Индия, Россия) национальное государство может стать *ядром интеграции*, в других случаях (Евросоюз, Тихоокеанский регион, Латинская Америка, арабский мир) — интеграция будет складываться вокруг нескольких ядер. Но во всех случаях для того, чтобы получить законченный полюс, необходимо пройти путь стратегического объединения довольно разнородных территорий.

Если представить себе формирование таких региональных полюсов в ходе интеграционных процессов на региональном уровне и допустить, что их уже два или три (кроме США и зоны их приоритетного влияния в пределах двух Америк), то мы получаем реальный остов многополярного мира, который фундаментально ограничит американскую гегемонию и поставит на пути «однополярной глобализации» весьма существенную преграду. И даже если каждый из этих полюсов будет поодиночке сильно уступать мощи США, их совокупный потенциал и слаженная дипломатическая позиции может радикально изменить общую структуру миропорядка.

*Понятие «большого пространства»
как оперативный концепт многополярности*

Философия многополярности такова, что даже в условиях региональной интеграции (при создании полюса многополярного мира) требует учета многообразия локальных обществ как органических и культурных явлений. Поэтому для выстраивания многополярного миропорядка и осуществления интеграционных процессов необходим особый концептуальный инструментарий, более гибкий и дифференцированный, нежели жесткие модели национальной государственности, пусть и воспроизводимые в формате нескольких стран. Совсем не обязательно, и даже не целесообразно, присоединять одни страны к другим или создавать на основе нескольких стран новые го-

сударства. Такой подход несет на себе отпечаток европейского универсализма Нового времени, а именно этому и стремится противостоять многополярная философия. Поэтому гораздо полезнее оперировать с другими концептами, которые будут корректно описывать интеграционные процессы и обосновывать их на стратегическом уровне. В этом случае оптимально подходит выдвинутый Карлом Шмиттом принцип «большого пространства»¹(разработанный на основании опыта американской интеграции и глубинного переосмысления тезиса Карла Хаусхофера).

Концепт «большого пространства» в теории многополярности играет центральную роль. Он подчеркивает стратегический масштаб интеграции, устанавливает ее параметры, определяет конкретные цели, описывает необходимый минимум территорий, демографических и экономических показателей, уровень энергетической обеспеченности, культурные и исторические границы земель, подлежащих интеграции. Но при этом намеренно не утверждает ничего конкретного относительно формы государственного устройства, политической системы или административного управления этим создающимся «большим пространством». Любая конкретизация может пойти только во вред. Более того, разные «большие пространства» могут быть политически организованы совершенно по-разному. В одном случае они могут объединиться в общую государственность, в другом — полностью сохранить уже существующие административно-политические формы, в третьем — перестроить общую зону на основании новых (например, культурных, религиозных или этнических) установок. Важен не правовой статус новой интегрированной структуры, но ее стратегическая композиция, ее границы, центры управления, масштаб и размах.

¹ Schmitt C. Raum und Grossraum im Volkerrecht// Zeitschrift fur Volkerrecht. 1940. Vol. 24. No. 2.

«Большое пространство» может стать принципом всей многополярной стратегии. *Многополярный мир, должен мыслиться как порядок «больших пространств»*. Не одного глобального общего пространства, но мозаики из нескольких зон.

Концепт «большого пространства» может быть масштабирован. В своем максимальном выражении он может совпадать с концептом полюса — одного из нескольких в рамках общей многополярной системы. Но это самый крайний случай. Как правило, реалистичный взгляд на баланс сил и интересов в нашем мире подсказывает, что интеграционных зон может быть несколько *больше*, нежели полноценных полюсов, но при этом намного *меньше*, нежели официально признанных государств. Полюс многополярного мира может состоять из нескольких больших пространств, сохраняющих в его структуре относительную самостоятельность, подобно тому, как внутри самого «большого пространства» будет сохраняться автономия более мелких единиц — государств, этнических и религиозных групп и т.д.

Статус цивилизация и принцип «империи»

Если бросить взгляд в историю, что в качестве прецедента «больших пространств» можно взять две формы социальной интеграции: 1) культурную, выражением которой является *цивилизация*, и 2) политическую, проявляющуюся в форме *империи*. Цивилизация представляет собой «большое пространство», которое объединено философией, культурой, образом мыслей, терминологическим аппаратом, на основании одного или нескольких языков, в некоторых случаях, религией или культом, однако в ней отсутствует стратегическое единство и централизованное управление. Империя, в первую очередь, это именно единство и централизация с точки зрения политической власти, а культурная близость обществ, входящих в империю, вторична и производна.

Обе исторические формы «большого пространства» отличаются сочетанием (в принципиально разных пропорциях) локального разнообразия (форм управления, организации, этнической и религиозной идентичности и т.д.) и общего для всех единого начала. На основании цивилизации могли строиться империи (например, Александром Македонским), а исчезнувшие империи оставляли после себя общее цивилизационное поле (например, исламский мир после распада халифата). Это показывает, что «цивилизация» и «империя» являются исторически взаимобратимыми явлениями: одно может сосуществовать с другим или возникать на месте другого. Это чрезвычайно важное замечание показывает, что между цивилизацией (культурным единством) и империей (политическим единством) существует непрерывность. И воплощается эта непрерывность в пространственном выражении: и цивилизация? и империя представляют собой «большие пространства» в геополитическом и социологическом смысле; общества, располагающиеся в пределах этого пространства, имеют в своих структурах некоторые сходные парадигмальные элементы. Если учесть, что общество как раз и производит пространство (А.Лефевр) и что его структуры отражают и одновременно конституируют пространство, эта закономерность становится легко объяснимой. Все исторические «большие пространства» (как империи, так и цивилизации) располагались в конкретных географических зонах с плавающими границами, но общим ядром и общей пространственной структурой. Поэтому можно утверждать, что некогда единые территории на новом историческом витке могут быть вновь, рано или поздно, интегрированы — по крайней мере, до тех пор, пока общая структура пространства остается неизменной и отражается в живущих на этом пространстве и организующих его обществах («вмещающий ландшафт»).

Примеров этому можно привести множество. Так, с ритмическим постоянством степные зоны Евразии объединялись тем или иным кочевым народом, становясь частью единой степной

империи или нескольких империй. От скифов, сарматов, тюрок, хазар до монголов и русских эти территории периодически собирались в единое стратегическое пространство — с разными этническими ядрами, идеологиями и социальными системами. Эта зона представляет собой геополитический Туран, где можно до сих пор обнаружить следы общей евразийской культуры и цивилизации, объединявшей различные этносы, племена и религии. В монгольской, а затем в русской государственности (империя) это культурное единство получило свое наивысшее выражение.

Другой пример — современная Европа. Некогда она представляла собой пространство Римской Империи, которая вначале распалась на две составляющие (Восточную и Западную империи), а в Новое время окончательно раскололась на суверенные национальные государства. Однако европейская культура и европейская цивилизация оставались общими для разных европейских этносов и, через много веков после исчезновения империи, политическое единство Европы возродилось в новом качестве — в форме Евросоюза.

Эти примеры показывают, что «большое пространство» как главный интеграционный концепт теории многополярности является чрезвычайно продуктивным для оперирования со столь разнородными явлениями, как культура и политика. В «большом пространстве» как самостоятельной категории эти явления сходятся в той социологической матрице, которая предшествует их окончательному оформлению и представляет собой модель отношения нескольких обществ к единому пространству, осмысленному и воспринятому как единое и общее.

Поэтому термин *цивилизация* может иметь политический и геополитический смысл, а термин империя — соответственно, цивилизационный. Итак, мы получаем формулу:

- империя
- большое пространство
- цивилизация

Культурная и политическая унификация пространства имеют общий корень и могут перетекать друг в друга в зависимости от конкретных исторических обстоятельств. Если рассмотреть под этим углом зрения идеи Самуила Хантингтона относительно столкновения цивилизаций, мы увидим, что они не лишены основания в том смысле, что культурное единство цивилизации вполне может в некоторых ситуациях быть дополнено стратегическим компонентом, чего не учитывали критики Хантингтона, посчитав, что он переоценил значение культурного фактора¹. Поэтому то, что сегодня является «цивилизацией», завтра может стать «империей», так как в основе и того и другого лежит общая матрица — «большое пространство».

Эта обратимость культурного единства в стратегическое должна пояснять всю фундаментальность понятия «большое пространство», его значимость для многополярного мира. Многополярный мир должен строиться на условиях естественного исторического выбора обществами своих ориентиров развития, а, следовательно, на основании их культурной парадигмы. Введение концепта «большое пространство» показывает, как трансформировать культуру в политику в тех случаях, когда это становится необходимым. Однако понятие «империя» следует воспринимать технически, в отрыве от исторических коннотаций — как политологический термин оно означает не более чем *стратегическое единство с сохранением широких локальных автономий и разной степени социально-политической интеграции различных частей единого целого*.

В этом смысле империя теоретически *сочетается с федерализмом*, но *противоречит понятию национального государства*, которое проводит полную унификацию населения в правовом, образовательном, языковом и культурном аспектах, а также оперирует не с коллективными акторами

¹ Tomlinson J. Globalization and Culture. Cambridge: Polity Press, 1999.

(как империя, допускающая в своих пределах широкую политическую независимость отдельных составляющих), а с индивидами.

Если «империя» все-таки звучит слишком определенно, а «цивилизация», напротив, слишком расплывчато, термин «большое пространство» является оптимальным со всех точек зрения и точно отражает сущность теории многополярности.

*Структура идентичностей в многополярном мире.
Новая таксономия акторов*

Теория многополярности должна представить свой собственный проект, а также того, кто в многополярном миропорядке будет считаться главным актором внешней политики и международных отношений. Вестфальская система предлагает на этот вопрос однозначный ответ: национальные государства. В эпоху «холодной войны» реальными акторами были центры идеологических блоков (две сверхдержавы). В глобализме остается один актор — «ядро» (Core) мировой системы или «мировое правительство». В противовес этому теория многополярности выдвигает плюральную модель акторов, предлагая новую и оригинальную многополярную таксономию.

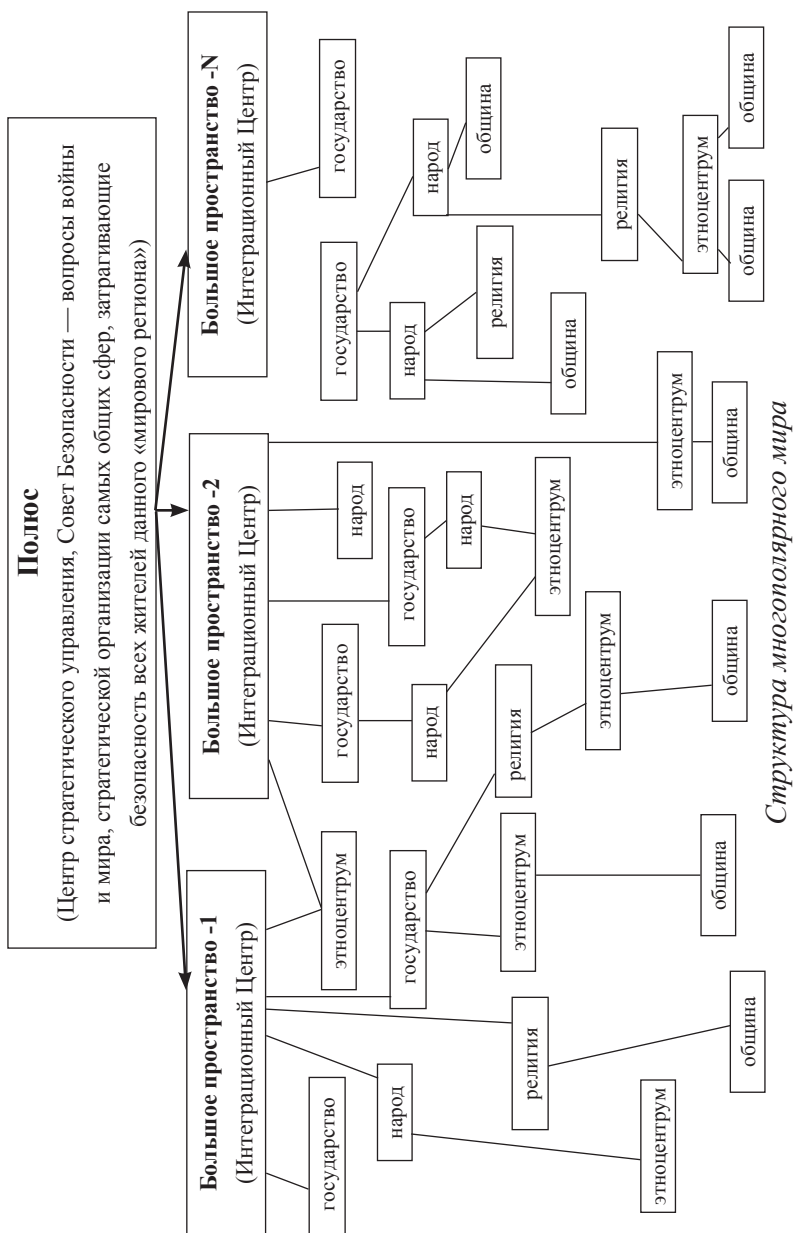
Полноценным стратегическим суверенитетом в многополярном мире будут обладать те инстанции, которые мы обозначили как «полюса». Это огромные стратегические образования, которых будет заведомо ограниченное количество: больше двух, но намного меньше, чем потенциальных «больших пространств». Это означает, что каждый полюс должен обладать единым командованием общих вооруженных сил, и эта инстанция должна находиться в подчинении стратегического руководства полюса. В компетенции этой высшей стратегической инстанции будут входить только самые острые вопросы — такие, как война и мир, применение и неприменение силы, введение санкций и т.д. Приблизительно такую функ-

цию выполняет сегодня Совет Безопасности ООН, но только в совершенно иной модели, которая чрезмерна по формату, не соответствует новой расстановке сил в мире, а потому не эффективна. Совет Безопасности «полюса» можно также уподобить руководству сплоченного военного блока — такого, как НАТО или ОДКБ.

Эта инстанция будет принимать также стратегические решения макроэкономического, энергетического и транспортно-го характера, затрагивающие все пространство, находящееся в ведении полюса.

На следующем уровне будут располагаться центры, ответственные за интеграцию «больших пространств». Их структура должна быть похожей на структуру правительств конфедеративных государств, где все решения принимаются по принципу *субсидиарности*, то есть, чем локальнее проблема, тем больше полномочий ее решения сосредоточено на низших инстанциях самоуправления. Лишь общие вопросы, затрагивающие всё «большое пространство» целиком, должны находиться в ведении «центров интеграции». Так как правовой статус «больших пространств» может существенно варьироваться, то и юридическая форма их управляющих инстанций может представлять собой как наднациональный орган, где участвуют главы государств, входящих в большое пространство (если национальные государства сохранятся), так и иные формы конфедеративной или федеративной организации (при более тесной интеграции).

На еще более низком уровне теория многополярности допускает весьма широкую форму «правовой» субъектности. Здесь будут располагаться как национальные государства, так и разнообразные формы иных социальных систем, у которых не будет нужды в национальном государстве, так как все стратегические решения будут приниматься на более высоком уровне. Вопросы, которые будут находиться в пределах компетенции инстанций, расположенных ниже, нежели центры «больших пространств», будут иметь преимущественно социальный ха-

ракти, то есть представлять собой процесс организации различных общественных групп в соответствии с их культурной, исторической, этнической, религиозной, профессиональной спецификой.

В целом, «большое пространство» представляет собой наложение многих социальных систем разного качества и разного формата, каждая из которых организована в соответствии со своими естественными жизненными и историческими параметрами. Задача многополярного подхода в том, чтобы обеспечить максимальную дифференциацию социальных единиц, предоставив общинам и обществам максимум свободы в выработке форм самоуправления и социальной организации. И этноцентры, и консолидированные историей народы, и государственные образования, и религиозные общины, и новые формы социальности — все это станет возможным в рамках многополярной модели организации общества, без утверждения жестких общеобязательных нормативов. Все вопросы, не затрагивающие самых общих стратегических позиций полюса и процесса интеграции «больших пространств», будут делегированы на максимально возможный локальный уровень, свободный контроля высших инстанций. Любые сегменты общества смогут организовать свое бытие и свое пространство в соответствии со своими представлениями, силами, возможностями, желаниями, традициями и структурами воображения.

Схему властных инстанций в многополярном мире можно представить себе так, как на схеме, описывающей структуру полюса многополярного мира.

Высшее стратегическое руководство сосредоточивается на уровне полюса, но затрагивает очень небольшой спектр вопросов, касающихся только самых принципиальных и общих для жителей данного «мирового региона» тем. Ниже находятся интеграционные инстанции «больших пространств». А далее следует сложная (отмеченная на схеме 10 произвольной системой упорядочивания и накладывающимися друг на друга формами) конфигурация более мелких акторов, среди которых не

выстраивается никакой политической, управленческой, правовой или статусной иерархии. — Каждое общество, на какой бы основе оно ни было организовано, может оказаться в любой форме соподчинения или полной автономии по отношению к иным инстанциям, в зависимости от конкретного случая. Где-то религии могут быть поставлены выше этничности и государственности, где-то наоборот; где-то один и тот же этнос, религиозная общность или иная форма устойчивого коллектива окажется принадлежащей к разным государственным или социальным формами и т.д. В многополярном мире нет нормативных правил, которые претендовали бы на универсальность. Сколько обществ, столько и вариантов их организации.

Китаро Нишида: «логика басё» и вопрос идентичности.

Вопрос об идентичности решается в организации общества на многополярных началах не в духе европейской рациональности, но скорее в духе «логики мест» (басё) Китаро Нишида¹, когда одна идентичность не исключает другую, но накладывается на нее, включая в себя все, даже противоречивые формы — поскольку все «места» (К.Нишида) суть причудливая игра высшей идентичности «небытия» (mu), в которой у человека есть одна задача — впустить в себя социальную культуру как момент освящения. В этом процессе соблюдается только главное правило: коллективная идентичность более важна, нежели индивидуальная. Человек определяется тем, к какому обществу и, соответственно, к какой культуре он принадлежит. Не общество производно от человека, но человек есть производная от общества. А так как вариации обществ и их соподчинений огромна, то и человеческая идентичность и ее структуры оказываются безграничными. Ригидные социальные системы (такие, к примеру, как «этноцентрумы») минимизируют индивидуальную

¹ Nishida Kitaro. *Intelligibility and the Philosophy of nothingness*. Honolulu: East-West Center Press, 1958; Idem. *An inquiry into the Good*. New Haven and London: Yale University Press, 1990.

идентичность, сводя ее почти к нулю¹. В других социумах — например, в обществах монотеистических религий — значение личности намного выше и сочетается с другими формами неиндивидуальной идентификации (но и этот повышенный статус индивидуального начала есть не что иное, как следствие социальных установок).

В национальных государствах индивидуальная идентичность становится доминирующей, а в гражданском обществе — единственной. Но и в этом случае исключительность индивидуальной идентичности есть результат специфической организации общественной парадигмы, а отнюдь не самого индивидуума. Чтобы осознать себя как индивидуальность, надо быть помещенным в социальную (внеиндивидуальную, нормативную) среду, которая сделает это установкой и ценностью.

Многополярная теория признает *все формы идентичности*, но рассматривает их в социальном контексте и не предлагает *никакой иерархизации*. Одна коллективная идентичность ничем не лучше и не хуже другой, то же верно и в отношении индивидуальной идентичности, если речь идет об обществе, которое наделяет личность автономной онтологией. Такой подход предполагает уважительное отношение ко всем социальным системам и настаивает лишь на том, чтобы предоставить им свободу органического становления.

Жесткая или открытая и гибкая идентификации имеют свой смысл только в конкретном социальном контексте, в отрыве от которого они не могут быть ни поняты, ни сравнены между собой.

Согласно Китаро Нишида, общественное благо реализуется через дезиндивидуализацию сознания собственного присутствия². Когда человек понимает, что не он живет, но социальное сознание живет сквозь него, он становится самим собой,

¹ Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. Указ. соч.; Он же. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.

² Nishida Kitaro. An inquiry into the Good. Op. cit.

обретает свое «место», свою идентичность. Как к таковому к «благу» не обязательно стремиться, достаточно того, чтобы идентифицироваться с общим (с общиной, государством, социальной группой). В этом случае не имеет значения, хорошее ли это общество или плохое, справедлив ли правитель или, напротив, тиран или самодур. Все эти оценки не имеют ни смысла, ни автономного бытия: необходимо лишь хорошо служить коллективной идентичности, стирая свое «я» ради исполнения своего явления в человеческом виде — и тогда цель будет достигнута. Если хорошо работать на любой коллектив и истово служить любому правителю, благо будет реализовано: коллектив станет здоровым, а правитель — соответствующим ситуации.

Это правило действует и в отношении современного западного общества, поскольку, если пройти путь абсолютного индивидуума и абсолютной свободы до конца (как в теории предлагает либерализм), то выйдешь к фундаментальной онтологии, Dasein'у и традиции (только с другого конца)¹.

Национальное Государство и многополярный мир

Один из важнейших пунктов теории многополярности касается национального государства. Суверенность этой структуры была поставлена под сомнение уже в эпоху идеологического противостояния двух блоков («холодная война»), а в период глобализации эта тема приобрела еще более острую актуальность.

Мы видели, что глобалистские теоретики либо говорят о полной исчерпанности «национальных государств и о необходимости перехода к «мировому правительству» («ранний» Ф. Фукуяма²), либо считают, что национальные государства еще

¹ Evola J. Fenomenologia dell'individuo assoluto. Roma: Edizioni Mediterranee, 1974. На русском: Эвола Ю. Оседать тигра. С-Пб.: Владимир Даль, 2005.

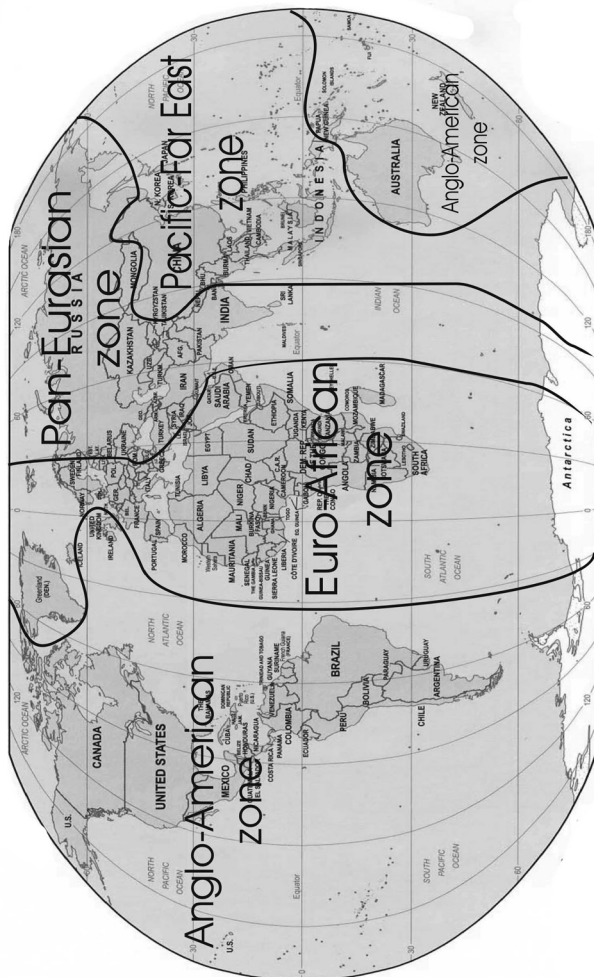
² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.

не выполнили своей миссии до конца и должны просуществовать еще какой-то исторический период, чтобы лучше подготовить своих граждан к интеграции в «глобальное общество» («поздний» Ф. Фукуяма¹).

Многополярная теория рассматривает национальные государства как явление евроцентрическое, механистическое и, в каком-то смысле, «глобалистское» в начальной стадии (идея нормативной индивидуальной идентичности в форме гражданственности подготавливает почву для «гражданского общества» и, соответственно, «глобального общества»). То, что все пространство мира разделено сегодня на территории национальных государств есть прямое следствие колонизации, империализма и проекции западной модели на всё человечество. Поэтому самостоятельной ценности для теории многополярности национальное государство в себе не несет. Тезис о сохранении национальных государств в перспективе построения многополярного миропорядка важен только в том случае, если он прагматически препятствует глобализации (а не способствует ей) и скрывает под собой более сложную и выпуклую социальную реальность: ведь многие политические единицы (особенно в Третьем мире) являются национальными государствами лишь номинально, а по сути, представляют собой те или иные формы традиционных обществ с более сложной системой идентичности.

Позиция сторонников многополярного мира здесь полностью противоположна глобалистам: если национальное государство проводит унификацию общества и содействует атомизации своих граждан, то есть осуществляет реальную углубленную модернизацию и вестернизацию, то такое национальное государство не имеет никакой ценности и является лишь разновидностью глобализационного инструментария.

¹ Fukuyama Francis. State-Building: Governance and World Order in the 21st Century. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004.

Модель многополярного мира. Квадруполяризм — 4 мировые зоны

Такое национальное государство не заслуживает сохранения и не имеет смысла в многополярной перспективе.

Но если национальное государство служит фасадом иной социальной системы — особой самобытной культуры, цивилизации, религии и т.д., то его следует поддерживать и сохранять, ориентируясь на его грядущую эволюцию в более гармоничную структуру в рамках социологического плюрализма в духе многополярной теории.

Позиция глобалистов прямо противоположна во всем: национальные государства, служащие фасадом традиционному обществу (такие, как Китай, Россия, Иран и т.д.) они призывают демонтировать, а национальные государства с прозападными режимами, — Южная Корея, Грузия, страны Восточной Европы, — напротив, укрепить.

*Четырехполюсный мир Квадриполярная карта
альтернативного мира. Обращение к пан-идеям*

Все вышеприведенные теоретические соображения, касающиеся стратегического устройства многополярного мира, можно вполне применить к существующему положению вещей и предложить — в качестве одной из возможных версий — модель будущего многополярного мироустройства, соответствующего всем перечисленным условиям. Назовем эту модель «квадриполярностью» или «четырехполюсным миром»¹. Эта конструкция основывается на нескольких исходных источниках:

- на новой актуальности геополитики пан-идей (Куденоф-Каллерги, К. Хаусхофер);
- на учете геополитической стратегии CFR и «Трехсторонней комиссии» в отношении трех мировых регионов (США, Европы и Тихоокеанского ареала);

¹ Евразийская миссия. Манифест Международного «Евразийского Движения». Указ. соч. С. ???

- на анализе роли и места современной России в мировой политике.

Применив идеи многополярной теории к анализу настоящего момента и основываясь на геополитических методологиях, мы можем обрисовать следующую картину.

Потенциальный многополярный мир в своей четырехполюсной версии (квадриполяризм) представляет собой четыре мировых зоны, которые делят земной шар по меридиану. Приблизительно так выглядела и карта К. Хаусхофера в случае реализации пан-идей.

В первой зоне располагаются два американских континента. Это первый полюс. Его центр находится в Северном полушарии и совпадает с США. Эта модель воспроизводит доктрину Монро или статус США как великой региональной державы, пика которой она достигла к концу XIX столетия, освободившись от европейского контроля и, напротив, установив свой контроль (экономический и политический) над большинством стран Латинской Америки.

В составе этой зоны, находящейся под стратегическим контролем полюса США, можно выделить два или три «больших пространства». Два — в том случае, если объединить близкие по социально-политическому и культурному укладу США и Канаду в одно «большое пространство», а всю Латинскую Америку по тому же признаку оформить в другое «большое пространство». Три «больших пространства» получаются в том случае, если мы разделим те латиноамериканские страны, которые достаточно глубоко интегрированы с США и находятся полностью под их контролем, и те, которые тяготеют к созданию собственной геополитической зоны, противостоящей США (к чему явно склоняются Куба, Венесуэла, Боливия и не-явно Бразилия, Чили и т.д.).

Во второй зоне, правее на карте мира, находится область Евро-Африки. Полюсом этой зоны, очевидно, является Евросоюз, бесспорный политический и экономический лидер в этих границах и центр притяжения для всей этой меридиональной

зоны. Мы рассматриваем многополярный сценарий и, следовательно, по умолчанию считаем, что в такой Европе преобладает континентальная ориентация, трансатлантические связи ослаблены, расшатаны или вообще порваны, и все стратегическое внимание Европы обращено к Югу. В этой зоне намечается три «больших пространства» — сам Евросоюз, арабское «большое пространство» (преимущественно исламское) и Транссахарская (черная) Африка. Все три «больших пространства» имеют ярко выраженные культурные и цивилизационные черты, строго отличные друг от друга, но отнюдь не взаимоисключающие. Так как многополярность понимает интеграцию как партнерство только высших политических и стратегических инстанций, то смешение между собой разнообразных обществ, входящих в эти три пространства, ни в коей мере не предусмотрено. Процессы межкультурного, социального, этнического, экономического обмена могут развиваться по естественной логике, но никаких универсалистских рецептов здесь не должно существовать. Общества могут жить отдельно, не пересекаясь без необходимости, а общее стратегическое планирование проводится на уровне полномочных и компетентных представителей всех трех «больших пространств».

Следующая зона — и она является ключевой во всей картине — это Евразия. Здесь полюсом выступает Россия (Heartland). Вместе с тем в этой зоне есть ряд важнейших региональных центров силы: Турция (если она выберет евразийский, а не европейский путь интеграции, что вполне вероятно), Иран, Индия, Пакистан. Здесь мы имеем дело с несколькими «большими пространствами» и их наложениями. Русско-евразийское «большое пространство» включает в себя Российскую Федерацию и страны СНГ. Турция, Иран, Пакистан и Индия сами по себе представляют «большие пространства», тогда как Афганистан находится в точке, на которую оказывают давление все региональные центры сил (за исключением Турции и Индии, хотя в отношении Индии земли Афганистана занима-

ют ключевое положение, что было давно системно осмыслено строителями Британской империи¹).

Именно против самой возможности наличия такого стратегически консолидированного евразийского пространства ориентирована вся мощь атлантизма и глобализации. Трехсторонняя комиссия и проекты CFR как периода Второй мировой войны, так и послевоенного периода, а также вся геополитика «холодной войны» были направлены к одной цели: не допустить сближения СССР (Heartland) с другими региональными державами на Юге от его границ. Именно поэтому вторжение советских войск в Афганистан вызвало столь резкую реакцию у США. Стратегически однополярный мир и процессы глобализации возможны только в том случае, если евразийской стратегической зоны не существует, выход России (Heartland) к теплым морям блокирован, а ее интеграционный потенциал крайне ограничен. И наоборот: *многополярный мир, организация миропорядка на принципах «цивилизации Суши» зависит только и исключительно от того, удастся ли России создать стратегический блок с мощными азиатскими державами, расположенными к Югу от ее границ.*

И, наконец, четвертой зоной является Тихоокеанский регион, где на роль полюса претендуют две державы — Китай и Япония. Эта зона может быть сконфигурирована различным образом, так как в ней велико и цивилизационное влияние Индии. Китай сам по себе — «большое пространство» (особенно если учесть концепцию «Большого Китая», куда относят также Тайвань, Сингапур и Гонконг²), а Япония обладает всеми данными для того, чтобы создать «большое пространство» вокруг себя как мощного центра геополитического, экономического, технологического и стратегического излучения.

¹ Снесарев А. Е. Афганистан. М.: Госиздат, 1921.

² Бабаян Д. Геополитика Китая на современном этапе: некоторые направления и формы. Ереван: Де-Факто, 2010.

От атлантистского сценария однополярности *квадриполярность* принципиально отличается структурой геостратегических осей. Они идут строго с Севера на Юг вдоль меридианов, полюса интеграции находятся в северном полушарии, а их влияние распространяется глубоко в области Юга и на Южное Полушарие, тогда как атлантистская модель построена по принципу окружения Евразии (Heartland'a) с Запада (Европой с доминанцией атлантистской идентичности) и с Востока (союзными США странами тихоокеанского региона — в первую очередь, Японией).

Четвертая политическая теория и четвертый номос земли

Так как однополярный мир и глобализм (мондиализм) представляют собой идеологию (или мета-идеологию), основанную на либерализме, то многополярный мир также должен иметь определенные идеологические установки. Однако здесь возникают трудности. Старые идеологии, оппонировавшие либерализму (фашизм и коммунизм), исторически рухнули, не только потому, что проиграли, но и потому, что содержали в своих структурах своего рода идейный вирус, который — наряду с внешним давлением (либерализма) — и обеспечил их поражение. В политологии принято называть все версии либерализма и либеральной демократии «первой политической теорией», коммунизм — «второй», а спектр идеологий, так или иначе близких к европейскому «Третьему Пути» — «третьей политической теорией».

Современная глобализация строится на основании «первой политической теории», но возведенной к ее парадигмальной цивилизационной матрице — к чистому выражению «цивилизации Моря». Поэтому глобализация предполагает трансформацию либерализма в более общую структуру: из классической идеологии или политической теории либерализм (точнее, неолиберализм) превращается в планетарную мета-идеоло-

гию, которая, с одной стороны, сливается с самой атлантистской «морской» социологической матрицей, а с другой — *переходит с уровня идей на уровень вещей*, входит в сами вещи окружающего глобализирующегося мира. Носителями этой мета-идеологии отныне становятся не столько интеллектуалы, партийные и общественные деятели или СМИ, сколько сами технологии, формы финансовых взаиморасчетов, индивидуальные электронные номера, торговые сети, модные брэнды или бытовые приборы. Трудно придумать лучшего пропагандиста неолиберальной идеологии, чем сеть закусочных «Макдональдс», операционные системы «Windows», поисковики «Google», кредитные карты, ноутбуки и мобильные телефоны. Все эти предметы и технологии излучают идеологическую энергию, призывая «подключиться», «быть на волне», «следовать за новейшими тенденциями» и т.д. Мета-идеология либерализма не убеждает, не аргументирует и не доказывает свою правоту и состоятельность, она ловит в глобальные сети жизненных практик, становящихся необходимыми, а далее инсталлирует себя, как компьютерную программу в hardware¹.

Многополярный мир также должен основываться на идеологической базе или политической теории, которая убедительно оппонировала бы неолиберализму, но так же, как и он в сегодняшнем состоянии, представляла бы собой именно мета-идеологию, отражая социологическую парадигму Суши. Будучи именно мета-идеологией, политическая теория многополярности должна быть предельно общей, гибкой и способной включить в себя самые разные — подчас противоречивые — системы идей. Кроме того, по своей природе многополярность предполагает многообразие и различие, взятые как позитивные явления, и, значит, новая мета-идеология не может быть догма-

¹ Nye Joseph S. Jr. Soft Power: The Means To Success In World Politics// Public Affairs, 2004; Idem. The War on Soft Power//Foreign Policy, March 25, 2012; Gallarotti Giulio. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used// Journal of Political Power, 2011.

тической или жестко оформленной. Ее основной чертой будет именно противопоставление либеральному единообразию и стандартизации глобализирующегося человечества широкого спектра самобытных локальных и региональных возможностей — экономических, социологических, политических и культурных.

Так как «вторая» и «третья политические теории», существовавшие в иных исторических условиях, сегодня неприемлемы и не эффективны, следует поставить вопрос о выработке «Четвертой Политической Теории»¹. Именно в этом направлении и ведутся сегодня разработки российских социологов, политологов и философов² и ряда европейских интеллектуальных центров континенталистской ориентации³.

¹ См. Дугин А. Г. Четвертая Политическая Теория. СПб: Амфора, 2009; Dugin A. Fourth Political Theory. London: Arthos, 2012; Бенуа А. де. Против либерализма. К Четвертой Политической Теории. СПб: Амфора, 2010; Четвертая политическая теория. МГУ. Вып. 1, 2011. Вып. 2, 2011.

² Дугин А. Г. Четвертая Политическая Теория. СПб: Амфора, 2009; Он же. Четвертая Политическая Теория//Профиль. 2008. №48(603) от 22.12.; Он же. Критика концепта модернизации. Консервативный ответ на основании Четвертой Политической Теории. [www.konservativizm.org](http://konservativizm.org). 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://konservativizm.org/konservativizm/theory/210310203701.xhtml> (дата обращения 01.09.2010); Матвиенко Ю. А. Военный аспект Четвёртой Политической Теории. — www.konservativizm.org. 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://www.konservativizm.org/konservativizm/theory/010410162807.xhtml> (дата обращения 01.09.2010); Бовдунов А. Л. В поисках Четвертой Политической Теории. — www.geopolitica.ru. 2008. [Электронный ресурс] URL: <http://www.geopolitica.ru/Articles/434/> (дата обращения 01.09.2010); Жаринов С. Свобода как фундамент и цель Четвёртой Политической Теории. — www.konservativizm.org. 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://www.konservativizm.org/konservativizm/theory/130410163922.xhtml> (дата обращения 01.09.2010)

³ Бенуа Ален де. Против либерализма. К Четвертой Политической Теории. СПб.: Амфора, 2009; Савин Л.В. К Четвертой Политической Теории. Интервью с Аленом де Бенуа. — www.geopolitica.ru. 2009.

«Четвертая Политическая Теория» в самом общем виде основана:

- на главном принципе *свободы* общества следовать своим историческим путем в *любом* направлении и создавать *любые* социально-политические и социокультурные формы¹;
- на утверждении *множественности времен* наряду с линейным временем и «прогрессом», которые являются локальными социологическими феноменами, приемлемыми только в рамках западной цивилизации²;
- на признании *полного равенства* «западных» и «восточных», «современных» и «архаичных», «технологически и экономически развитых» и так называемых «отсталых» народов;
- на *отвержении всех форм (явных и скрытых) расизма*, в том числе расизма культурного, экономического, технологического, цивилизационного и т.д.;
- на признании права обществ создавать как *религиозные*, так и *секулярные* политические системы, или не создавать никаких вообще; теология и догматика (и даже мифология) могут выступать столь же серьезными основаниями для принятия политических решений, как и секулярная логика и рациональные интересы;
- на обязательной *привязке* социально-политических и культурных форм к *пространству* и истории как к конкретному *семантическому* полю, вне которого они утрачивают смысл;

[Электронный ресурс] URL: <http://geopolitica.ru/Articles/808/> (дата обращения 01.09.2010).

¹ Жаринов С. Свобода как фундамент и цель Четвёртой Политической Теории. Указ. соч.

² Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную. Социологию. Указ. соч.; Он же. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.

- на выделении в качестве «базового актора» четвертой политической теории такой инстанции, как *Dasein* — различного у представителей разных обществ¹;
- на признании *множественности и различия высшими жизненными ценностями*, покушение на которые (особенно в глобальном масштабе) должно повлечь за собой санкции всех политических и стратегических инстанций, признающих четвертую политическую теорию и многополярный миропорядок².

Если обратиться к теории Карла Шмитта о «номосе земли», то можно заметить одну важную закономерность. Ален де Бенуа пишет о ней так:

«Шмитт утверждал, что до сегодняшнего дня было три «номоса» Земли. «Первый номос» — это номос древности и Средневековья, где цивилизации жили в некоторой изоляции одни от других. Иногда бывают попытки имперского соединения, как, например, империи Римская, Германская, Византийская. Этот номос исчезает с началом Модерна, когда появляются современные государства и нации, в период, который начинается в 1648 году с Вестфальским договором и завершается двумя мировыми войнами: это второй «номос государств-наций». «Третий номос Земли» соответствует биполярному регулированию во время «холодной войны», когда мир был разделен между Западом и Востоком; этот номос окончился с падением Берлинской стены и разрушением Советский Союза.³» И далее он добавляет:

«Вопрос заключается в том, каким будет новый номос Земли, *четвертый*? И здесь мы подходим к теме Четвертой Политической Теории, которая должна родиться. Это и есть «четвертый номос Земли», который пытается появиться на свет.

¹ Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический проект, 2010.

² Дугин А. Г. Четвертая Политическая Теория. СПб: Амфора, 2009.

³ Бенуа Ален де. Против либерализма. К Четвертой Политической Теории. Указ. соч. С.

Я думаю и глубоко надеюсь, что этот четвертый номос Земли будет номосом большой континентальной логики Евразии, Евразийского континента¹».

Heartland в XXI веке. Россия как Heartland

Многополярный мир и сама возможность его построения напрямую зависят от главного фактора — от положения, состояния и поведения современной Российской Федерации в ближайшие годы и десятилетия, когда и будет решаться, каким быть «четвертому номосу земли». Этот «номос» может быть либо глобалистским и однополярным, основанным на неолиберализме и сетевом обществе, либо многополярным, связанным с «порядком Суши» и «четвертой политической теорией». Все зависит от того, захочет ли и сможет ли Россия выполнить на этом критическом витке мировой истории ту миссию, ту задачу, которые диктует ей ее «пространственный смысл» (Raumsinn).

Это утверждение основано на холодном и отстраненном расчете и объективных данных геополитики — какую бы ее версию мы ни взяли («геополитику Моря», «геополитику Суши» или «геополитику Берега»). Геополитика оперирует с понятием Heartland и строит свою картину миру вокруг этой «географической оси истории» (Х.Макиндер). *Россия есть Heartland*. В этом выражается вся ее история и ее значение. Россия имеет смысл только как Heartland, как «цивилизация Суши», как континент. Поэтому, каким быть «четвертому номосу земли», зависит целиком и полностью именно от России.

Интерпретация Heartland'a в трех геополитиках

Это признают все школы и направления геополитики, кроме пропагандистских или псевдо-геополитических исследований и публикаций, преследующих не научные, а иные цели.

¹ Там же. С.

Но для «геополитики Моря» все сводится к тому, чтобы сделать императивное и желательное расчленение Heartland'a (его маргинализацию и фрагментацию) как условие глобализации и окончательного закрепления однополярности необратимым, реальным и окончательным. От того, удастся ли в достаточной степени ослабить, расколоть и дестабилизировать Россию, подчинить ее и ее фрагменты внешнему управлению, зависит во многом судьба глобализации. Поскольку пока этого не произошло, и не снята с повестки дня возможность построения многополярного — четырехполярного — мира, а значит, глобализация ставится под вопрос. За всем показным безразличием США и Запада к современной России скрыт плохо скрываемый ужас от допущения, что она может развернуться вспять в своем пока деградационном движении и выйти на новую историческую орбиту, как не раз бывало в прошлом.

Для «геополитики-3» («геополитики береговой зоны») Heartland и политическая судьба России также имеют огромное значение, поскольку только наличие «цивилизации Суши» дает возможность Rimland'у осуществлять стратегический выбор ориентаций и комбинировать определенные элементы (Моря и Суши). В противном случае какая бы то ни было роль этой зоны сходит на «нет», и она становится техническим приложением к США, своего рода «стратегической колонией».

Для «континентальной геополитики» ключевая роль России видится с противоположным знаком, чем для «геополитики Моря», так как «цивилизация Суши» и всех тенденций, находящихся с этой цивилизацией в резонансе, возникает шанс развиваться и реализоваться на сухопутных (не атлантистских, не глобалистских, не однополярных) принципах, только если России удастся сохранить свой стратегический потенциал, территориальную целостность и политическую независимость. Только при наличии четвертой — евразийской — зоны многополярный мир может состояться. Как бы значительны ни были стратегические и экономические силы Евросоюза или Китая, при отсутствии полного российского контроля над

Heartland'ом и ее участия в мировой реорганизации политического пространства на новых основаниях они рано или поздно окажутся под прямым контролем глобального «ядра», будут вынуждены принять его правила и законы и, тем самым, раствориться в «глобальном обществе». В одиночку же противостоять США они не будут в силах вообще никогда.

Место и роль России в многополярном мире.

Для всех тех, кто всерьез намерен противостоять американской гегемонии, глобализации и планетарной доминации Запада (атлантизма), аксиомой должно стать следующее утверждение: *судьба миропорядка решается в настоящее время только в России, Россией и через Россию*. Принятие на себя России естественной роли лидера в строительстве многополярного мира является необходимым (но далеко еще не достаточным) условием для существования многополярности. Какие бы процессы во всех остальных странах и обществах ни проходили, они останутся локальными техническими возмущениями, с которыми глобализация рано или поздно справится. Единственный шанс к реализации интересов всех стран, обществ, политических и религиозных движений, которые не видят своего будущего иначе, нежели в многополярном мире, лежит в России и в ее политике. При этом совершенно не важно, как те или иные силы относятся к России, к ее культуре, ее традициям и ее социальному укладу, ее политике и т.д. Это не имеет ровным счетом никакого значения.

Центральная роль России обусловлена структурой политической географии. Не случайно, немецкий геополитик Карл Хаусхофер, в разгар войны с СССР, продолжал утверждать, что реализация сухопутной миссии Германии возможна только через союз с СССР («континентальный блок»), а белогвардеец П. Савицкий в 1919 году на фронте гражданской войны предсказывал победу большевиков, так как они оказались способны консолидировать территории Heartland'a, а белых оттеснили к

береговой зоне (то, что белые опирались на Антанту, было решающим аргументом в их поражении и в атлантистской идентичности этого движения).

Поэтому и в наше время о ключевом значении России для всей «цивилизации Суши» говорят преимущественно не сами русские, но иностранные геополитики континентальной ориентации (Ж. Парвулеско¹, А. де Бенуа², Э. Шопрад³ и многие другие).

Задачи Heartland'a

Задача России в такой ситуации заключается в реорганизации пространства Heartland'a таким образом, чтобы обеспечить себе *реальный* суверенитет. Поскольку это возможно только в контексте многополярного мира, то «эгоистическая» задача приобретает планетарный масштаб. Многополярный мир должен строиться одновременно в разных регионах; только через координацию и взаимное соучастие в создании «четвертого номоса земли» на многополярной основе каждый участник этого процесса может обеспечить себе свободу и независимость. Суверенитет России напрямую зависит от того, сможет ли континентальная Европа добиться самостоятельности перед лицом США, а Китай — сохранить и укрепить свое влияние в Тихоокеанском регионе. В свою очередь, Европа и Китай, а также все остальные потенциальные «большие пространства» в еще большей степени зависят от способности России отразить вызов глобализации и создать систему евразийских континентальных альянсов. Поэтому стратегическая задача отстаивания собственной самостоятельности обще-

¹ Парвулеско Ж. Владимир Путин и Евразийская империя. СПб.: Амфора, 2006.

² Бенуа Ален де. Против либерализма. К четвертой политической теории. Указ. соч. С.

³ Шопрад Э. Россия - главное препятствие на пути создания американского мира//Русское время. 2010.№2.

ством, совершенно не похожим на другие общества, заставляет его тесно сотрудничать с потенциальными партнерами по многополярности, как бы далеко они не находились.

Россия не сможет обеспечить свои стратегические интересы и свою безопасность в одиночку. Для этого она вынуждена вести активную политику в мировом масштабе. Но так как Россия есть Heartland, имеет ядерное оружие, гигантские запасы природных ресурсов, огромные территории, многовековую традицию отстаивания своей независимости и (что немаловажно) осознание собственной исторической миссии (на разных этапах выступавшей в разных формах — от православно-христианской до коммунистической), именно она становится *ключом* к реализации многополярного сценария и в случае других стран, не удовлетворенных однополярностью и глобализмом (Китай, Евросоюза и т.д.).

ГЛАВА 4. ПРАКТИЧЕСКИЕ ШАГИ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА: ОСНОВНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ. МНОГОПОЛЯРНЫЕ ОСИ.

Реорганизация Heartland'a. Цели

Описав в самых общих чертах структуру многополярного мира, следует перейти к более прицельному геополитическому анализу конкретных направлений в его строительстве.

Рассмотрим основные вектора геополитической активности, которые качественно усилят совокупный потенциал Heartland'a, от чего зависит «быть или не быть» многополярному миру.

Основным принципом этой активности является *стратегическая реорганизация пространства*, окружающего Россию со всех сторон с тем, чтобы это:

- позволило России иметь прямой доступ к жизненно важным географическим объектам (портам, теплым морям, ресурсам, ключевым стратегическим позициям);
- обеспечило отсутствие американских военных баз и прямого политического влияния;
- предотвратило интеграцию в НАТО;
- способствовало дальнейшей интеграции на евразийской основе;
- благоприятствовало развитию многообразных социальных систем, отличных от глобалистского стандарта;
- укрепляло позиции держав и блоков, ориентированных многополярно, континентально и дистанцированно в отношении глобализации.

Для строительства многополярного мира Heartland должен консолидироваться, накопить ресурсы, мобилизовать социальные структуры, перейти к фазе повышенной геополитической активности, требующей интенсивной политической работы. Необходима своего рода «геополитическая мобилизация», а под нее — пересмотр инструментов, ресурсов и потенциальных преимуществ, которые в периоды инерционного развития не привлекают внимания.

Россия должна сделать геополитический прыжок, рывок, который резко вывел бы ее в новое качество. При этом надо как можно шире использовать те преимущества, которые можно получить в ходе интеграционных процессов. Одно дело рассматривать саму Россию и соседние страны как национальные государства, преследующие свои корыстные интересы (что диктует конкурентный, соревновательный подход, а то и соперничество), другое — оценивать потенциал соседей как часть единого стратегического пространства, которое необходимо создать. В этом случае требуется совершенно иной расчет и складывается совершенно иная картина возможностей.

Геополитическое сознание элиты

Началом строительства многополярного мира должно быть *изменение сознания российской политической элиты, открытие ей континентального и планетарного геополитического горизонта, привитие ответственности за судьбу вверенного ей социального, политического, экономического и исторического пространства*. Точно так же, как глобализм и построение однополярного мира основываются на методичном воспитании в атлантистском ключе нескольких поколений американской, европейской и мировой элиты (через закрытые клубы, экспертные организации, интеллектуальные корпорации, специализированные учебные заведения и т.д.), что включает в себя, кроме всего прочего, обязательный минимум в области геополитики и социологии, создание многополярного мира и

реорганизация Heartland'a должны начинаться с геополитического пробуждения и воспитания российской элиты, активной подготовки ее к ответу на настоящие и будущие вызовы, с которыми она непременно столкнется. В этой сфере также строго необходим минимум геополитических и социологических знаний, а самое главное — широкий горизонт стратегического и исторического мышления, охватывающий общую картину трансформаций, проходящих с Россией и остальным миром в течение последних столетий. Элита России должна осознавать себя как элита Heartland'a, мыслить евразийскими, а не только национальными масштабами и ясно осознавать неприменимость для России атлантистского и глобалистского сценария. Только такая элита сможет осуществить необходимую геополитическую мобилизацию и эффективно проводить активную политику реструктурирования всего евразийского пространства в целях построения многополярного мира и в интересах безопасности России.

Западная стратегия Heartland'a. Heartland и США

Теперь рассмотрим общие параметры того, как должно происходить возрождение Heartland'a по основным направлениям в ходе строительства многополярного мира.

Начнем с западного направления.

Первым и наиболее фундаментальным моментом является модель выстраивания отношений России с США. В нынешних условиях это чрезвычайно трудная и деликатная тема. С точки зрения классической геополитики, а также исходя из радикальной противоположности глобалистского (однополярного) и многополярного сценариев, вся стратегия США направлена против Heartland'a: на его сдерживание, окружение, ослабление, фрагментирование и маргинализацию. Эта стратегия совершенно не зависит от конкретной американской администрации и персональных взглядов того или иного ответственного американского политика. США не могут не мыслить

и не действовать так, поскольку в этом состоит постоянный вектор их планетарной стратегии (начиная с Вудро Вильсона), который дал убедительные результаты и привел США вплотную к мировому господству. Не может быть таких причин или аргументов, которые могли заставить бы США отказаться от мировой гегемонии и от строительства глобального мира, тем более что многим американцам представляется, что эти цели практически достигнуты. Требовать от США, чтобы они занимали какую-то иную позицию в отношении Heartland'a, кроме жестко и последовательно враждебной, просто безответственно и глупо.

Все то, к чему стремится США в зоне евразийского материка, прямо противоположно стратегическим интересам Heartland'a и строительству многополярного мира. Эта противоположность взгляда на организацию политического пространства Евразии является абсолютной аксиомой, не допускающей ни исключений, ни нюансов. США хотят видеть Евразию и баланс сил в ней такими, чтобы это максимально соответствовало однополярности и глобализации. «Heartland» придерживается прямо противоположной точки зрения.

Российское руководство не может не понимать этого, и именно такая, резко негативная, оценка однополярного мира и американской гегемонии не раз высказывалась Президентом России Владимиром Путиным (в частности, в так называемой «мюнхенской речи»¹). Но при этом существующая асимметрия между США как мировой «гипердержавой» и Российской Федерацией как мощной, но только лишь *региональной державой*, не позволяет оформить геополитическое противостояние между Морем и Сушей, глобализацией и многополярностью в открытую и прямую конфронтацию. Намного превосходящий

¹ Путин В. В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. — kremlin.ru. 2007. [Электронный ресурс] URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml (дата обращения 20.09.2010.)

современную Россию по своим стратегическим возможностям Советский Союз не выдержал двухполярного напряжения. Тем более не способна, даже теоретически, выдержать его (в одиночку) современная Россия. Поэтому Россия вынуждена постоянно поступать в соответствии с этой асимметрией, уклоняясь от прямой конфронтации, вуалируя свою позицию за дипломатическими двусмысленностями, методом проб и ошибок «прозванивая» структуру американского давления в поисках брешей и слабых мест, стараясь парировать точечные удары по территориям жизненно важных интересов России в ближнем зарубежье и Восточной Европе, а также подспудно пытаясь выстроить наброски многополярных альянсов.

Американские и российские интересы заведомо противоположны во всем, но это не выгодно и не просто признать (хотя и по разным причинам) ни той, ни другой стороне.

Россия стратегически заинтересована, чтобы американского присутствия или присутствия НАТО не было на постсоветском пространстве. США заинтересованы в прямо противоположном. Россия хочет иметь прямые партнерские отношения со своими западными соседями в Восточной Европе (странами бывшего соцлагеря). США видит в них зону своего преимущественного влияния (санитарный кордон, препятствующий сближению Москвы с Евросоюзом). Россия хочет построить интеграционную модель с Украиной и Беларусью. США поддерживают «оранжевую революцию» в Киеве, чьи вожди делают все возможное, чтобы оторвать Украину от России, и дискредитируют на мировом уровне Президента Беларуси А.Г. Лукашенко — в первую очередь, за его самостоятельную политику и четкую ориентацию на союз с Россией. Россия укрепляет контакты с крупными державами континентальной Европы (Германией, Францией, Италией) в первую очередь, в сфере энергетического сотрудничества. США через свое влияние на страны Восточной Европы и на определенные политические круги в Евросоюзе (евроатлантизм) всячески саботирует эти контакты, препятствует энергетическим проектам, постоянно

ставит под вопрос маршруты трубопроводов, и даже пытается закрепить правовым образом возможность военного вмешательства в случае спорных энергетических ситуаций с поставками, очевидно, имея в виду, в первую очередь, поставки из России.

В такой ситуации продолжения геополитической напряженности, периодически выходящей на поверхность, трудно строить конструктивную российско-американскую политику — в силу отсутствия у нее каких бы то ни было оснований. Эффективность российско-американских отношений с обеих сторон измеряется прямо противоположным образом. Успехи России в отношениях с США измеряется тем, насколько Москве удалось, в конечном итоге, укрепить Heartland. Успехи США трактуются в этой стране прямо противоположным образом — они зависят от того, насколько США удалось Heartland ослабить.

Heartland и Европа

Совершенно иная модель существует в отношении Евросоюза. В расширенной версии теории Heartland'a, сложившейся у Х. Макиндера к 1919 году, кроме России к нему относится территория Германии и Средней Европы. В Европе существует основательная континентальная традиция, континентальная идентичность, которая имеет самые разнообразные культурные, социальные и политические выражения. Это отчетливо видно в политике таких стран, как Франция и Германия (в меньшей степени — в политике Италии и Испании). Развитие стратегического партнерства с этим ядром Европы для России имеет приоритетное значение, так как именно на его основе может складываться многополярность. В момент одностороннего и не одобренного Советом Безопасности ООН вторжения стран коалиции (США и Великобритания) в Ирак в 2001 году набросок российско-европейского континентального альянса дал о себе знать в форме оси «Париж-Берлин-Москва»¹, ког-

¹ Grossouvre Henri de. Paris, Berlin, Moscow: Prospects for Eurasian

да три президента этих стран (Ж.Ширак, Г.Шредер и В.Путин) совместно осудили действия Вашингтона и Лондона, выразив тем самым консолидированные интересы Heartland'a в его расширительном толковании (Россия + континентальная Европа). Это вызвало почти панику в США, где очень хорошо осознали, чем может кончиться такой альянс в случае его углубления и продолжения¹ для американской мировой гегемонии, и принялись всеми способами его демонтировать.

В Евросоюзе есть и другая составляющая, воплощенная в Англии, а также в странах «Новой Европы» (бывшие страны соцлагеря), чье политическое руководство, как правило, ориентировано жестко антироссийски и проамерикански. Стратегия этого сектора европейской политики несамостоятельна и полностью зависит от Вашингтона. В духе классической англосаксонской геополитики, США сегодня заинтересованы в создании из стран Восточной Европы «санитарного кордона», который находился бы под прямым стратегическим протекторатом англосаксов и разделял бы расширенную версию Heartland'a (Россия плюс центральная Европа) клином на две части.

Именно таким видел Макиндер путь к мировому господству: «Кто контролирует *Восточную Европу* (выделено нами — А.Д.), управляет «сердечной землей» (Heartland), кто управляет «сердечной землей» (Heartland), то управляет «мировым островом»; кто управляет «мировым островом», то правит миром»². Ничего не меняется и сегодня. «Санитар-

Cooperation// World Affairs. 2004. Vol 8 No1. Jan—Mar.

¹ *Hulsman J.* Cherry-Picking: Preventing the Emergence of a Permanent Franco-German-Russian Alliance. — www.heritage.org. 2003. [Электронный ресурс] URL: <http://www.heritage.org/Research/Reports/2003/08/Cherry-Picking-Preventing-the-Emergence-of-a-Permanent-Franco-German-Russian-Alliance> (дата обращения 03.09.2010).

² *Mackinder H.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington, D.C.: National Defense University Press,

ный кордон» из антироссийских национальных государств Восточной Европы, слабо осознающих ответственность за собственно континентальную европейскую идентичность, построен и служит все той же цели. Эти страны интегрированы в НАТО, и на территории некоторых из них планируется разместить элементы американской системы ПРО, направленной, со всей очевидностью, против России.

Естественно, у России с этими евроатлантическими странами отношения будут складываться не просто, так как их политические режимы ориентированы антироссийски, а кроме того эти страны не самостоятельны и инструментально используются США.

Проект «Великая Восточная Европа»

При этом в отношении Восточной Европы Россия может выдвинуть и конструктивный проект, который можно условно назвать «Великая Восточная Европа» (Greater Eastern Europe). Теоретически он должен строиться на исторических, культурных, этнических и религиозных особенностях восточно-европейских обществ. На всем протяжении истории Западной Европы ее славянские этносы и православные общества находились на периферии, были обделены вниманием и мало влияли на выработку общей западноевропейской социальной, культурной и политической парадигмы. Католики считали «православных» «восточными схизматами» («раскольниками» и «еретиками»), а к славянам часто относились как к людям «второго сорта». Все это — следствия типичного европоцентризма и оценки уровня культуры общества по степени его схождения с обществом Западной Европы.

Славяне же и православные культуры существенно отличались и отличаются от романо-германских и католико-протестантских обществ. Если эти отличия Западная Европа исторически толковала в пользу превосходства романо-германской

Евразийский проект Великой Восточной Европы, как особого самостоятельного геополитического образования, дружественного как России-Евразии, так и континентальной Европе.

культуры над славянской, а католичества над православием, то в рамках многополярного подхода все выглядит иначе и утверждается самобытность восточно-европейских стран и народов как самостоятельных и самоценных социологических и культурных явлений.

Проект «Великая Восточная Европа» может включать как славянский круг (поляков, болгар, словаков, чехов, сербов, хорватов, словенцев, македонцев, боснийцев и сербов мусульман, а также малые этносы — такие, как лужицкие сербы), так и православный (болгар, сербов, македонцев, но вместе с тем румынов и греков). Единственный восточно-европейский народ, который не попадает под определение «славянский» или «православный» — это венгры. Но с другой стороны, в этом случае налицо их евразийское, степное происхождение, общее с другими финно-угорскими народами, подавляющее большинство которых живут на территории Heartland'a и имеют ярко выраженный евразийский культурный характер.

Великая Восточная Европа могла бы стать самостоятельным «большим пространством» в рамках единой Европы. Но в этом случае эти страны и общества перестали бы исполнять функцию «санитарного кордона», служить пешками в атлантической геополитической игре и обрели бы достойное место в общем ансамбле многополярного мира.

С точки зрения Heartland'a, это был бы оптимальный вариант.

Heartland и западные страны СНГ

Рассмотрим отношения Heartland'a со странами СНГ, находящимися к Западу от территории Российской Федерации. Земли нынешних Украины и Беларуси изначально были неотъемлемой, причем ядерной, частью центральной, Киевской Руси, и именно с этих территорий берет начало как российская государственность, так и историческое освоение восточными славянами всего пространства Heartland'a. После освобож-

дения от монголов Московские великие князья, а затем цари считали восстановление стратегической целостности бывших земель Киевской Руси под единым началом православной славянской государственности основным вектором внешней политики. Бесчисленные войны с Литвой, Ливонским орденом, а позже (в эпоху Санкт-Петербургского периода) с Османской империей были продиктованы именно этой задачей — восстановлением единого политического пространства. Объединение великороссов, малороссов и белорусов виделось русским политическим и общественным деятелям как исполнение Московской исторической предначертания.

Украина и Беларусь в целом принадлежат именно к зоне Heartland'a, и, следовательно, интеграция трех восточнославянских обществ и государств в единую сплоченную стратегическую структуру является важнейшей исторической задачей. Со стратегической точки зрения эта интеграция совершенно необходима для того, чтобы Heartland стал самостоятельной геостратегической силой в региональном, а затем и мировом масштабе. Это отчетливо осознавали геополитики атлантисты — от Х. Макиндера до З. Бжезинского. Макиндер активно работал над созданием «независимой Украины» в годы гражданской войны, а З. Бжезинский — уже в наше время, в конце 1980-х- начале 90-х годов. При этом Бжезинский совершенно справедливо отмечает, что возможность геополитического возрождения России как самостоятельного игрока большой геополитики напрямую зависит от ее отношений с Украиной. Без Украины Россия недостаточна ни в пространственно-стратегическом, ни в демографическом, ни в политическом смыслах. Именно поэтому Запад (и США конкретно) активно спонсировал «оранжевую революцию» на Украине в целях установления там такого режима, который, вопреки всем насущным интересам украинцев, разорвал бы связи с Россией и ускоренными темпами интегрировался в военно-стратегический блок НАТО. В 2004-2009 годах, после успешного осуществления «оранжевой революции», события разворачивались именно по

этому сценарию. После прихода к власти Виктора Януковича в 2009 году ситуация несколько исправилась и стабилизировалась, что снова дает Heartland'у шанс.

В отношении интеграции с Украиной и Беларусью Россия должна действовать крайне деликатно, чтобы в этом процессе не повторялись ошибки как царистского империализма, так и советского периода, когда процессы интеграции проходили с определенными издержками. В этом отношении огромную роль может сыграть философия многополярности, которая позитивно оценивает все различия — в культуре, этничности, социальности, истории. Если эта философия будет освоена российскими политическими элитами, диалог с украинцами и белорусами будет развиваться по совершенно иному сценарию, нежели сегодня.

Многополярная интеграция не есть поглощение, слияние и, тем более, «русификация». Россия выступает в ней не как национальное государство со своими эгоистическими интересами и амбициями, но как ядро нового, плюралистического и полицентрического образования, где централизация будет затрагивать только самые принципиальные вопросы (война, мир, партнерство с внешними блоками, транспортная система, макроэнергетика и т.д.), а все остальные темы будут рассматриваться на национальных уровнях. Совершенно очевидно, что многополярность категорически исключает возможность вступления Украины или Беларуси в блок НАТО.

Особой зоной является Молдова, территория которой также частично входила в Киевскую Русь и была освоена славянскими племенами уличей и тиверцев наряду с другими народами — в первую очередь, потомками древних фракийцев, молдаванами. Этнически молдаване родственны румынам, а конфессионально являются православными. Они представляют собой, с геополитической точки зрения, типичное лимитрофное общество, в котором явственно различимы как чисто евразийские черты, так и определенные признаки восточно-европейской культуры. Существование гипотетической Вели-

кой Восточной Европы сняло бы проблему Молдавии совсем и сделало бы ее интеграцию с Румынией чисто техническим вопросом. Но пока Румыния является членом НАТО и входит в «санитарный кордон», построенный атлантистскими стратегами против Heartland'a, такая интеграция будет невозможной, поскольку нарушает стратегические интересы России и идет против основного вектора развития многополярности.

Основные задачи Heartland'a в западном направлении

Перечисленные нами направления западного сегмента в строительстве многополярного мира не предполагают последовательности, но должны разворачиваться параллельно, так как они относятся к разным уровням, а сами эти уровни между собой взаимосвязаны. Так, на отношения России с США непосредственно влияют отношения России с Западной Европой, Восточной Европой и странами СНГ и наоборот. Это единая геополитическая система, которая затрагивает одновременно все составляющие и предопределяет общую структуру внешней политики.

Обобщить западный вектор Heartland'a в строительстве многополярного мира России можно следующим образом:

- переиграть США в европейском пространстве, не вступая с ними в прямую конфронтацию;
- способствовать кристаллизации континентальной идентичности Евросоюза;
- продвинуть проект Великой Восточной Европы;
- воспрепятствовать дальнейшему продвижению НАТО на Восток и созданию «санитарного кордона» между Россией и Европой;
- интегрировать в единое стратегическое пространство Россию, Украину и Беларусь;
- нейтрализовать интеграцию Молдовы с Румынией (пока та является членом НАТО).

Южная стратегия Heartland'a: Евразийский Ближний Восток и роль Турции

В южном направлении российской стратегии также можно наметить некоторые безусловные ориентиры, направленные на конструирование многополярности.

Как и в предыдущем случае, ключевым здесь будет вопрос эффективного противостояния стратегии США в этом регионе. Американская стратегия объявила зоной своих национальных интересов пространство всего мира, и поэтому у США есть набор стратегий перераспределения регионального баланса сил в свою пользу для каждой точки политического пространства земли.

Оставим в стороне положение в североафриканском регионе как не затрагивающее напрямую стратегические интересы Heartland'a. На современном этапе всерьез Россию начинают затрагивать процессы, развертывающиеся на Ближнем Востоке и далее вплоть до Тихоокеанского региона. Мы разделим темы геополитики Юга и Востока по условной линии Пакистана: от Египта и Сирии до Пакистана — условно «Юг», от Индии до Тихоокеанского ареала (Япония) — «Восток».

Для Ближнего Востока у США имеется свой «Великий проект», Greater Middle East Project¹. Он предусматривает «демократизацию» и «модернизацию» ближневосточных обществ и изменение структуры национальных государств в регионе (вероятный распад Ирака, появление нового государства Курдистан, возможное расчленение Турции и т.д.). В целом, общий смысл проекта — усилить военное присутствие США и НАТО

¹ Achcar G. Greater Middle East: the US Plan — www.mondediplo.co. 2004. [Электронный ресурс] URL: <http://mondediplo.com/2004/04/04world> (дата обращения 03.09.2010); Greater Middle East Project- en.emep.org. 2009. [Электронный ресурс] URL: http://en.emep.org/index.php?option=com_content&view=article&id=53%3A-the-greater-middle-east-project&catid=36%3Aarticles&Itemid=55 (дата обращения 03.09.2010);

в регионе, ослабить позиции исламских режимов и стран с сильно развитым арабским национализмом (Сирия) и способствовать углубленному внедрению глобалистских паттернов в традиционную религиозную структуру обществ данного региона.

Heartland заинтересован в прямо противоположном сценарии, а именно:

- в сохранении традиционных обществ и их естественном развитии;
- в поддержке арабских стран в их стремлении к построению обществ на основании уникальной этнической и религиозной культуры;
- в сокращении количества или полном отсутствии американских военных баз на всем Ближнем Востоке;
- в развитии двухсторонних связей со всеми региональными державами этой зоны — в первую очередь, с Турцией, Египтом, Саудовской Аравией, Израилем, Сирией и т.д.

Оптимальным для России был бы выход Турции из состава НАТО, что позволило бы резко интенсифицировать стратегическое партнерство с этой евразийской по своей идентичности страной, пропорции между традиционным обществом и современностью в которой весьма напоминают российское общество. О возможности выхода Турции из НАТО в последние годы все громче говорят видные и влиятельные турецкие политики — например, генерал Тунджер Кылынч¹, бывший глава Совета национальной безопасности Турецкой Республики, и многие другие. Турция за последнее десятилетие резко изменила манеру геополитического поведения, из надежного оплота атлантизма превращаясь в самостоятельную региональную державу, способную проводить независимую политику даже тогда, когда она

¹ Kilinc T. Turkey Should Leave the NATO — www.turkishweekly.net. 2007. [Электронный ресурс] URL: <http://www.turkishweekly.net/news/45366/tuncer-kilinc-%F4c%DDturkey-should-leave-the-nato-.html> (дата обращения 03.09.2010).

расходится с интересами США и НАТО и противоречит им. Поэтому сегодня вполне может идти речь о создании оси «Москва-Анкара», о которой пятнадцать-двадцать назад и речи быть не могло¹.

Ось Москва-Тегеран

Далее к Востоку располагается самый главный элемент многополярной модели евразийского сектора — континентальный Иран, страна с многотысячелетней историей, уникальной духовной культурой, ключевым географическим месторасположением.

Ось «Москва-Тегеран» является главной линией в выстраивании того, что еще К.Хаусхофер называл евразийской «пан-идеей». Иран является тем стратегическим пространством, которое автоматически решает задачу превращения Heartland'a в глобальную мировую силу. Если интеграция с Украиной является необходимым условием для этого, то стратегическое партнерство с Ираном — достаточным.

Совершенно очевидно, что в настоящее время Россия не имеет ни желания, ни возможности самостоятельно аннексировать эти территории, чего никогда не удавалось ей исторически и в более выигрышных условиях (все русско-персидские войны давали России лишь частичный перевес и способствовали реорганизации в ее пользу территорий Южного Кавказа и Дагестана). Кроме того, российское и иранское общества различны и представляют собой далеко отстоящие друг от друга культуры. Поэтому ось «Москва-Тегеран» должна представлять собой основанное на рациональном стратегическом расчете и геополитическом прагматизме партнерство во имя реализации многополярной модели мироустройства — единственной, которая устраивала бы и современный Иран, и современную Россию.

¹ Изменения турецкой геополитики в последние два десятилетия подробно рассматриваются в книге *Dugin A. Moska-Ankara aksiyainin*. Istanbul:Kaynak, 2007

Иран как любая «береговая зона» евразийского материка теоретически обладает двойной идентичностью: он может сделать выбор в пользу атлантизма, а может — в пользу евразийства. Уникальность нашей ситуации заключается в том, что в настоящее время политическое руководство Ирана, в первую очередь, националистически и эсхатологически настроенное шиитское духовенство, стоит на крайних антиатлантистских позициях, категорически отрицает американскую гегемонию и жестко выступает против глобализации. Действуя в этом ключе более радикально и последовательно, нежели Россия, Иран закономерно стал «врагом США номер 1». В этой ситуации у Ирана нет никакой возможности далее настаивать на такой позиции без опоры на солидную военно-техническую силу: своего потенциала Ирану в случае конфронтации с США явно не хватит. Поэтому Россию и Иран объединяет в общее стратегическое пространство сам исторический момент. Ось «Москва-Тегеран» решает для двух стран все принципиальные проблемы: дает России выход к теплым морям, а Ирану — гаранта ядерной безопасности.

Сухопутная сущность России как Heartland'a и сухопутный (евразийский, коль скоро он антиатлантистский) выбор современного Ирана ставят обе державы в одно и то же положение по отношению к стратегии США во всем Центрально-Азиатском регионе. И Россия и Иран жизненно заинтересованы в отсутствии американцев поблизости от своих границ и в срыве перераспределения баланса сил в этой зоне в пользу американских интересов.

США уже разработали план «Великой Центральной Азии»¹, смысл которого сводится к дроблению этой зоны, превраще-

¹ Starr F. A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors — www.stimson.org. 2005. [Электронный ресурс] URL: <http://www.turkishweekly.net/article/319/the-greater-central-asia-partnership-initiative-and-its-impacts-on-eurasian-security.html> (дата обращения 03.09.2010); Purtaş Firat. The Greater Central Asia Partnership Initiative and its Impacts on Eurasian Security — www.turkishweekly.net. 2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.turkishweekly.net/article/319/>

нию ее в «Евразийские Балканы» (З.Бжезинский¹) и вытеснению отсюда иранского и российского влияния. Этот план представляет собой создание «санитарного кордона» — на сей раз на южных границах России, который призван отделить Россию от Ирана, как западный «санитарный кордон» предназначен для отделения России от континентальной (и континенталистской) Европы. В этот «санитарный кордон» должны входить страны «Великого шелкового пути» — Армения, Грузия, Азербайджан, Афганистан, Узбекистан, Киргизия и Казахстан, — которые планируется поставить под американское влияние. Первым аккордом этого сценария является размещение военных баз в Средней Азии и развертывание американского военного присутствия в Афганистане (под предлогом борьбы с талибами и погони за Бин Ладеном). Задача России и Ирана — сорвать это проект и реорганизовать политическое пространство Центральной Азии таким образом, чтобы удалить оттуда американское военное присутствие, прорвать азиатский «санитарный кордон» и совместно выстроить геополитическую архитектуру Прикаспийского региона и Афганистана. *У России и Ирана здесь полностью совпадают стратегические интересы:* то, что выгодно России, выгодно Ирану, и наоборот.

Вред национального эгоизма в российско-иранских отношениях и инструментальные мифы глобалистов

Но эта ситуация становится прозрачной только в том случае, если мы посмотрим на этот регион геополитически и с учетом императива построения конкретной многополярности. Если же рассматривать Российскую Федерацию и Исламскую республику Иран как два национальных государства с эгои-

the-greater-central-asia-partnership-initiative-and-its-impacts-on-eurasian-security.html (дата обращения 03.09.2010).

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998.

стическими и меркантильными целями, то картина станет менее очевидной. В этом случае создается поле для разнообразного обыгрывания различий между иранским и российским обществами в целях политических манипуляций. Так, для российского общественного мнения глобалистскими центрами заготовлен инструментальный миф об «агрессивном исламском фундаментализме» иранской политической системы и о том, что со стороны иранских религиозных «фанатиков» Россия может получить в какой-то момент «прямой удар», в том числе и «военный». Этот тезис несостоятелен по нескольким причинам: реальные стратегические интересы Ирана, если и выходят за национальные границы, то только в западном направлении. Иран самым серьезным образом относится к шиитскому сегменту общества в Ираке (а это большинство), к Сирии, ливанской Хезболле и к палестинскому сопротивлению (особенно к его шиитской фракции «Джижад-уль ислами»). Российские мусульмане, практически все шииты (кроме представителей не особенно религиозной азербайджанской диаспоры), Иран совершенно не интересуют и никакой идеологической пропаганды Иран в России и в исламских странах СНГ не ведет. При этом иранское руководство прекрасно осознает, что только Россия способна по-настоящему предупредить жесткие формы американского вторжения. И наконец, никаких территориальных споров — даже отложенных — у Ирана и России на сегодняшний момент нет.

Аналогичные мифы относительно России (с цитированием эпизодов из истории царистского империализма и советской идеологической пропаганды) запускаются в иранское общество с теми же целями — воспрепятствовать, насколько это возможно, созданию главной несущей конструкции всей потенциальной *квадриполярной структуры*. Странно было бы ожидать от глобалистов и атлантистских геополитиков, что они будут спокойно наблюдать за тем, как на их глазах создается смертельно опасное для их мировой гегемонии российско-иранское стратегическое партнерство.

Афганская проблема и роль Пакистана

Если Прикаспийский регион — это вопрос, в первую очередь, российско-иранских отношений, то для реформатирования Афганистана необходимо привлечение Пакистана. Эта страна традиционно была ориентирована в русле атлантистской стратегии в регионе и, более того, вообще была искусственно создана англичанами при их уходе из Вест-Индии, чтобы создавать региональным центрам силы дополнительные проблемы. Но в последние годы пакистанское общество существенно изменилось, и прежняя прямолинейная проанглосаксонская ориентация все чаще ставится под сомнение — особенно с учетом несоответствия глобалистских стандартов современного и постмодернистского глобального общества традиционному и архаическому обществу Пакистана. У Ирана с Афганистаном традиционно выстроились натянутые отношения, что проявилось в том, что во внутриафганском конфликте Иран и Пакистан неизменно поддерживали враждующие между собой стороны: Иран — шиитов, таджиков, узбеков и силы Северного Альянса, а Пакистан — пуштунов и их радикальную верхушку, талибов.

У России в этих условиях появляется шанс сыграть важную роль в структурировании нового Афганистана через новый виток развития российско-пакистанских отношений. И снова многополярный горизонт, принятый во внимание, сам диктует нам, в каком направлении и на какой основе развивать отношения с Москвой с Исламабадом. — Следует двигаться в направлении освобождения всей территории Центральной Азии от американского присутствия и, пользуясь конфликтами талибов с силами НАТО, постоянно подчеркивать «особую позицию России» по афганскому вопросу, а не поддерживать безоговорочно «агрессора», который, якобы, сдерживает талибов, которые в противном случае могли бы представлять угрозу стратегическим интересам России. Это, кстати, тоже очередной запущенный атлантистами и глобалистами миф. США никогда

ничего не делает просто так, да еще в пользу России. Если они вступили в конфликт с талибами, то для этого есть серьезные стратегические, военные и экономические основания. И самой явной причиной является необходимость легитимации американского военного присутствия в регионе. Контролируемый вооруженными силами США и НАТО Афганистан как раз и является основой азиатского «санитарного кордона», направленного против России и Ирана. В этом и состоит единственный геополитический смысл афганской войны.

Так как Пакистан может существенно влиять на талибов, России следует начать исподволь готовить новую модель отношений с пуштунским большинством Афганистана, чтобы — по-

Среднеазиатский и прикаспийский геополитический ромб

Геополитическая схема Центральной Азии

сле неизбежного и желательного — ухода американских войск из этой страны России не пришлось бы расплачиваться за преступления, которые она не совершала.

Среднеазиатский геополитический ромб

Все пространство Средней (или Центральной) Азии геополитически представляет собой ромб, на двух — северной и южной — вершинах которого можно расположить Москву и Тегеран (Россию и Иран).

Между ними располагаются (с Запада на Восток) Южный Кавказ (Армения, Грузия, Азербайджан), Туркмения, Афганистан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия.

В этой зоне располагаются несколько консолидированных политически и экономически государств с региональными амбициями (Армения, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркмения) и несколько более хрупких и зависимых образований (Грузия, Таджикистан, Киргизия). Оккупированной США и войсками НАТО Афганистан представляет собой совершенно отдельное явление.

В перспективе многополярного мира у России и Ирана рамочные условия (удовлетворяющие их стратегическим интересам) той стратегической модели, которую следует выстроить из этих стран, полностью совпадают. Допустимо все, кроме реализации проекта «Великой Центральной Азии» или «Великого шелкового пути».

Например, и Россию и Иран категорически не устраивает проамериканская ориентация современной Грузии и расположение на ее территории американских военных баз. В этом смысле Грузия противопоставляет себя всей региональной модели и выступает форпостом атлантизма, глобализации и однополярного мира. А в спорных вопросах, где нет очевидных геополитических интересов США (например, в Карабахском вопросе), картина более сложная, и ни у Ирана, ни у России нет однозначных фаворитов. Иран по внутривнутриполитическим соображениям, сохраняя нейтралитет, больше помогал Армении, равно, как и Россия. Но и у Ирана, и у России, тем не менее, сохранились ровные отношения с Азербайджаном. Эта конструкция несколько меняется в последние годы в силу трансформации турецкой политики, которая все больше выходит из-под контроля США. Следовательно, турецкое влияние в Азербайджане перестает носить однозначно атлантистский характер. Вместе с тем, часть армянских элит все теснее взаимодействует с США и глобалистскими инстанциями, что также не проходит бесследно для российско-армянских и иранско-армянских

отношений. Но все эти изменения не превышают пока уровня флуктуаций, не меняющих принципиальной расстановки сил. Такая ситуация сохранится вплоть до решительных сдвигов в Карабахском вопросе — в какую бы то ни было сторону.

В отношении Казахстана, Таджикистана и Киргизии России необходимо интенсифицировать интеграционные процессы в сфере создания таможенного союза. Желательно при этом вернуть в интеграционное поле Узбекистан, который вначале вступил в ЕврАзЭС, а затем его покинул; предотвратить развал Киргизии, потрясваемой внутренними противоречиями (не без участия внешних сил); наладить рабочие контакты с новым руководством Туркменистана.

Основные задачи Heartland'a на южном направлении

Южный вектор создания Heartland'ом предпосылок для возникновения многополярного мира обобщенно состоит из следующих задач:

- переиграть США в центрально-азиатском пространстве, не вступая с ними в прямую конфронтацию;
- помешать США в реализации проекта «Великий Ближний Восток»;
- создать мощную стратегическую конструкцию по оси «Москва-Тегеран» вплоть до военно-политической интеграции и размещения взаимных военных объектов на территории обеих стран;
- стараться максимально сближаться с Турцией в ее новом геополитическом курсе на независимость от американского и глобалистского влияния;
- сорвать проект «Великой Центральной Азии» и реорганизовать Прикаспийский регион на «сухопутных» (евразийских, многополярных) основаниях, рассматривая Каспий как «внутреннее озеро» континентальных держав;

- воспрепятствовать созданию азиатского «санитарного кордона» между Россией и Ираном;
- интегрировать в единое экономическое и таможенное пространство Россию, Казахстан, Таджикистан;
- разработать новый формат отношений с Пакистаном с учетом трансформации его политики;
- предложить новую архитектуру Афганистана и способствовать его освобождению от американской и натовской оккупации.

*Восточная стратегия Heartland'a:
Ось Москва — Нью-Дели*

Двинемся восточнее. Здесь мы видим Индию как самостоятельное «большое пространство», которое в эпоху «Большой Игры» (Great Game) было главным плацдармом обеспечения британского господства в Азии. В тот период для «цивилизации Моря» было принципиальным сохранение контроля над Индией и предотвращение самой возможности того, что какие-то еще державы — в первую очередь, Российская Империя — могут посягнуть на безраздельный контроль англичан в этом регионе. С этим были связаны и афганские эпопеи англичан, которые неоднократно пытались установить свой контроль над сложной структурой неуправляемого афганского общества именно для того, чтобы блокировать русских от возможного похода в Индию¹. Такая перспектива теоретически прорабатывалась уже с эпохи императора Павла I, который практически начал (несколько наивно организованный и спланированный) поход казаков на Индию (в союзе с французами), что, возможно, и стало поводом к его убийству (за организацией которого, как показывают историки, стоял английский посол в России Лорд Уитворт²).

¹ Снесарев А. Е. Афганистан. Указ. соч.

² Эйдельман Н. Грань веков. М.: Вагриус, 2004; Башилов Б. История русского масонства. М.: Русло, 1994.

В настоящее время Индия проводит политику стратегического нейтралитета, но ее общество, культура, религия и ценностная система не имеют ничего общего с глобалистским проектом или с западноевропейским образом жизни. По своей структуре индусское общество — совершенно сухопутное, основанное на константах, довольно незначительно изменяющихся в течение тысячелетий. Индия по своим параметрам (демография, уровень современного экономического развития, интегрирующая культура) представляет законченное «большое пространство», которое органично включается в многополярную структуру. Российско-индийские отношения после освобождения Индии от англичан традиционно были очень теплыми. Вместе с тем, индийские правители постоянно подчеркивают приверженность многополярной модели мироустройства. При этом само индийское общество демонстрирует пример многополярности, при которой многообразие этносов, культов, локальных культур, религиозных и философских течений прекрасно уживаются друг с другом при всем их глубинном различии и даже противоречиях. Индия это, безусловно, цивилизация, которая в XX веке после окончания этапа колонизации, приобрела — по прагматическим соображениям — статус «национального государства».

При этих благоприятных для многополярного проекта обстоятельствах, которые делают ось «Москва - Нью-Дели» еще одной несущей конструкцией пространственного выражения евразийской пан-идеи, существует ряд обстоятельств, затрудняющих этот процесс. Индия в силу исторической инерции продолжает сохранять тесные связи с англосаксонским миром, который за период колониального господства сумел существенно повлиять на индийское общество, спроецировать на него свои формальные социологические установки и паттерны (в частности, англоязычие). Индия тесно интегрирована с США и странами НАТО в военно-технической области, и атлантистские стратегии чрезвычайно дорожат этим сотрудничеством, так как оно вписывается в стратегию контроля «берего-

вой зоны» Евразии. При этом сама ментальность индийского общества отвергает логику жестких альтернатив *или/или*, и для индусского сознания трудно осознать необходимость необратимого выбора между Морем и Сушей, между глобализацией и сохранением цивилизационной идентичности.

Но на региональном уровне, в отношениях со своими непосредственными соседями — и в первую очередь, с Китаем и Пакистаном — индийское геополитическое мышление работает куда более адекватно, и этим следует пользоваться для встраивания Индии в многополярную конструкцию новой евразийской стратегической архитектуры.

Естественное место Индии — в евразийском пространстве, в котором она могла бы играть стратегическую роль, сопоставимую с Ираном. Но формат построения оси «Москва — Нью-Дели» должен быть совершенно иным, учитывающим специфику индийской региональной стратегии и культуры. В случае Ирана и Индии должны быть задействованы различные парадигмы стратегической интеграции.

Геополитическая структура Китая

Важнейший вопрос представляет собой тема Китая. В сегодняшнем мире Китай настолько успешно развивает свою экономику, находя оптимальные пропорции между сохранением политической власти реформированной коммунистической партии, принципами либеральной экономики и мобилизационным использованием общности китайской культуры (в некоторых случаях в форме «китайского национализма»), что многие отводят ему роль самостоятельного мирового полюса в глобальном масштабе и предрекают будущее «нового гегемона». По экономическому потенциалу Китай занял второе место в числе пяти государств мира с самым крупным ВВП. Наряду с США, Германией и Японией страна образовала своеобразный клуб ведущих мировых торговых держав. Сами китайцы на-

зывают Китай — «Чжунго», то есть дословно «центральная, срединная страна».

Китай является сложной геополитической единицей, в которой можно выделить следующие главные составляющие:

- континентальный Китай — бедные и слабо орошаемые в течение года сельские районы в междуречье Хуанхэ и Янцзы, населенные преимущественно коренными этносами, объединенными понятием «хань»;
- береговые зоны на Востоке, представляющие собой центры экономического и торгового развития страны и пункты доступа к глобальному рынку;
- буферные зоны, населенные этническими меньшинствами (Автономный район Внутренняя Монголия, Синцзянь-Уйгурский автономный округ, Тибетский автономный район);
- соседние государства и специальные административные районы острова с исконно китайским населением (Тайвань, Гонконг, Макао).

Проблема китайской геополитики заключается в следующем: чтобы развивать экономику, Китаю не хватает внутреннего спроса (бедность континентального Китая). Выход на международный рынок через развитие береговой зоны Тихого океана резко повышает уровень жизни, но создает социальные диспропорции между «берегом» и «континентом», а также способствует усилению внешнего управления через экономические связи и инвестиции, что угрожает безопасности страны. В начале XX века эта диспропорция привела к краху китайской государственности, раздробленности страны, фактически к установлению «внешнего управления» со стороны Великобритании и, наконец, к оккупации береговых зон Японией. Мао-Цзедун (1893—1976) выбрал иной путь — централизации страны и ее полной закрытости. Это сделало Китай независимым, но обрекло на бедность. В конце 1980-х годов Дэн Сяопин (1904—1997) начал очередной виток реформ, смысл которых заключается в балансе между открытым раз-

витием «береговой зоны» и привлечением туда иностранных инвестиций и сохранением жесткого политического контроля над всей территорией Китая в руках Коммунистической партии в целях сохранения единства страны. Эта формула и определяет геополитическую функцию современного Китая.

Идентичность Китая двойственна: есть континентальный Китай и есть Китай береговой. Континентальный Китай ориентирован на самого себя и сохранение социальной и культурной парадигмы; береговой Китай все более интегрируется в «глобальный рынок» и, соответственно, в «глобальное общество» (то есть постепенно принимает черты «цивилизации Моря»). Эти геополитические противоречия сглаживаются Коммунистической Партией Китая (КПК), которой приходится действовать в парадигме Дэн Сяопина — открытость обеспечивает экономический рост, жесткий идеологический и партийный централизм, с опорой на бедные континентальные сельские области, поддерживает относительную изоляцию Китая от внешнего мира. Китай стремится взять от атлантизма и глобализации то, что его усиливает, и отслоить и отбросить то, что его ослабляет и разрушает. Пока Пекину удастся поддерживать этот баланс, и это выводит его в мировые лидеры. Но трудно сказать, до какой степени можно совмещать несовместимое: глобализацию одного сегмента общества и сохранение другого сегмента в условиях традиционного уклада. Решение этого чрезвычайно сложного уравнения и предопределил судьбу Китая в будущем и, соответственно, выстроит алгоритм его поведения.

В любом случае, сегодня Китай жестко настаивает на многополярном миропорядке и в большинстве международных коллизий оппонирует однополярному подходу со стороны США и стран Запада. Только от США исходит единственная серьезная угроза безопасности нынешнего Китая — американский военный флот в Тихом океане в любой момент может установить блокаду вдоль всего китайского побережья и тем самым мгновенно обрушить китайскую экономику, полностью

зависящую от внешних рынков. С этим связана напряженность вокруг Тайваня, мощного, бурно развивающегося государства с китайским населением, но представляющего собой чисто атлантистское общество, интегрированное в мировой либеральный контекст.

В модели многополярного мироустройства Китаю отводится роль полюса Тихоокеанского региона. Такая роль будет, своего рода, компромиссом между глобальным рынком, в условиях которого сегодня существует и развивается Китай, поставляющий туда огромную долю промышленных товаров, и полной закрытостью. Это в целом соответствует китайской стратегии, стремящейся максимально усилить экономический и технологический потенциал государства, прежде чем придет момент неизбежного столкновения с США.

Роль Китая в модели многополярного мира

В отношениях между Россией и Китаем есть ряд вопросов, которые могут помешать консолидации усилий по строительству многополярной конструкции. Это демографическое расширение китайцев на территорию слабозаселенных территорий Сибири, что грозит радикальным изменением самой социальной структуры российского общества и несет в себе прямую угрозу безопасности. В этом вопросе необходимым условием сбалансированного партнерства должен быть жесткий контроль китайских властей над миграционными потоками в северном направлении.

Второй вопрос — это влияние Китая в Центральной Азии, близком к России стратегическом районе, богатом природными ресурсами, огромными территориями, но довольно слабо заселенном. Движение Китая в Центральную Азию может стать также камнем преткновения. Обе эти тенденции нарушают важный принцип многополярности: организацию пространства по оси «Север — Юг», и никак не наоборот. Направление, в котором Китай имеет все основания развиваться — это тихо-

океанский регион, расположенный к Югу от Китая. Чем весомей будет китайское стратегическое присутствие в этой зоне, тем крепче будет многополярная конструкция.

Усиление присутствия Китая в Тихом океане напрямую сталкивается со стратегическими планами американской мировой гегемонии, так как с позиции атлантистской стратегии обеспечение контроля над мировыми океанами является ключом ко всей стратегической картине мира, какой его видят США. Военно-морской флот США в Тихом океане и размещение в разных его частях, а также в Индийском океане на острове Сан-Диего стратегических военных баз, позволяющих контролировать морское пространство всего региона, станут главной проблемой для реорганизации тихоокеанского пространства по модели многополярного мироустройства. Освобождение этого ареала от военных баз США можно считать задачей общепланетарного значения.

Геополитика Японии и ее возможное участие в многополярном проекте

Китай не является единственным полюсом в этой части земли. Асимметричной, но сопоставимой по экономическим показателям региональной державой является Япония. Будучи сухопутным и традиционным обществом, Япония после 1945 года по итогам Второй мировой войны оказалась под американской оккупацией, стратегические последствия которой сохраняют свое значение вплоть до сегодняшнего дня. — Япония не самостоятельна в своей внешней политике, на ее территории расположены американские военные базы, а ее военно-политическое значение ничтожно по сравнению с ее экономическим потенциалом. Для Японии с теоретической точки зрения единственным органическим путем развития было бы включение в многополярный проект, что предполагает:

- установление партнерских отношений с Россией (с которой до сих пор не заключен мирный договор — такую

ситуацию искусственно поддерживают США, опасаясь сближения России и Японии);

- восстановление ее военно-технической мощи как суверенной державы;
- активное участие в реорганизации стратегического пространства в Тихом океане,
- становление вторым, наряду с Китаем, полюсом всего тихоокеанского пространства.

Для России Япония была оптимальным партнером на Дальнем Востоке, так как демографически, в отличие от Китая, она не представляет никакой проблемы; жизненно нуждается в природных ресурсах (что позволило бы России с опорой на Японию в ускоренном ритме технологически и социально оснастить Сибирь) и обладает колоссальной экономической мощью, в том числе и в сфере высоких технологий, что стратегически важно российской экономике. Но для того чтобы такое

Главные (сплошные линии) и вспомогательные (пунктир) оси евразийской интеграции в направлении Юга.

партнерство стало возможным, Японии необходимо сделать решительный шаг по освобождению от американского влияния.

В противном случае (как это имеет место в нынешней ситуации) США будут рассматривать Японию как простой инструмент своей политики, призванный сдерживать Китай и потенциальное движение России в Тихий океан. Об этом совершенно справедливо рассуждает З.Бжезинский в книге «Великая шахматная доска»¹, где описывает оптимальную стратегию США в тихоокеанском регионе. Так, он поддерживает торговое и экономическое сближение с Китаем (поскольку через него Китай втягивается в «глобальное общество»), но настаивает на выстраивании против него военно-стратегического блока. С Японией З. Бжезинский, напротив, предлагает наращивать военно-стратегическое «партнерство» против Китая и России (на самом деле, речь не о «партнерстве», но о более активном использовании японской территории для развертывания военно-стратегических объектов США) и жестко конкурировать в экономической сфере, так как японский бизнес способен сделать экономическую доминацию США в мировом масштабе относительной.

Многополярный миропорядок закономерно оценивает ситуацию прямо противоположным образом: китайская либеральная экономика самоценностью не является и лишь усиливает зависимость Китая от Запада, а военная мощь — особенно в военно-морском сегменте, напротив, является, так как создает в перспективе предпосылки для освобождения Тихого и Индийского океанов от американского присутствия. Япония, напротив, интересна, прежде всего, как экономическое могущество, конкурирующее с экономиками Запада и освоившая правила глобального рынка (есть надежда, что в определенный момент Япония сможет этим воспользоваться в своих интересах), но

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. Указ. соч.

менее привлекательна в качестве партнера многополярного мира как пассивный инструмент американской стратегии. Оптимальным во всех случаях был бы сценарий освобождения Японии от американского контроля и её выход на самостоятельную геополитическую орбиту. В этом случае лучшего кандидата на строительство новой модели стратегического баланса в Тихом океане трудно себе представить.

В настоящее время с учетом существующего положения дел можно зарезервировать место «полюса» тихоокеанской зоны для двух держав — Китая и Японии. У обеих есть серьезные основания для роли лидера или одного из двух лидеров, существенно превосходящих все остальные страны дальневосточного региона.

Северная Корея как пример геополитической автономии сухпутного государства

Следует особо выделить фактор Северной Кореи, страны, которая не уступает давлению Запада и продолжает сохранять верность своему весьма специфическому социально-политическому укладу (чучхэ), вопреки всем попыткам его опрокинуть, дискредитировать и демонизировать. Северная Корея является примером мужественного и эффективного сопротивления глобализации и однополярности со стороны довольно небольшого народа, и в этом ее огромная ценность. Ядерная Северная Корея, сохраняющая социальную и этническую самобытность, а также реальную независимость, при скромном уровне жизни и целом ряде ограничения «демократии» (понятой в либеральном, буржуазном смысле), наглядно контрастирует с Южной Кореей, стремительно утрачивающей культурную идентичность (к примеру, большинство жителей Южной Кореи принадлежат к протестантским сектам), не способной сделать ни шага во внешней политике без оглядки на США, но с более или менее благополучным (материально, но не психологически) населением. На примере двух частей исторически и этнически

единого народа разыгрывается моральная драма выбора между независимостью и комфортом, достоинством и благополучием, гордостью и преуспеванием. Северокорейский полюс иллюстрирует собой ценности Суши. Южнокорейский — ценности Моря. Рим и Карфаген, Афины и Спарта. Бегемот и Левиафан в контексте современного Дальнего Востока.

Основные задачи Heartland'a на восточном направлении

Восточный (дальневосточный, азиатский) вектор Heartland'a можно свести к следующим главным задачам:

- обеспечить стратегическую безопасность России на тихоокеанском побережье и на Дальнем Востоке;
- интегрировать территории Сибири в общий социальный, экономический, технологический и стратегический контекст России (с учетом катастрофического положения дел в демографии российского населения);
- развивать партнерство с Индией, в том числе и в военно-технической области (ось «Москва-Нью-Дели»);
- выстроить сбалансированные отношения с Китаем, всячески поддерживая его многополярную политику, поощряя его стремление к статусу мощной военно-морской державы, но предупреждая негативные последствия от демографической экспансии китайского населения в северном направлении и проникновения китайского влияния в Казахстан;
- всячески способствовать ослаблению американского военно-морского присутствия в Тихоокеанском регионе, ликвидации военно-морских баз и иных стратегических объектов;
- поощрять освобождение Японии из-под американского влияния и становления самостоятельной региональной силой, что позволит наладить стратегическое партнерство по оси «Москва-Токио»;

- поддерживать региональные державы Дальнего Востока, отстаивающие свою независимость от атлантизма и глобализационных процессов (Северная Корея, Вьетнам и Лаос).

Геополитика Арктики. Значение Арктики

В отношении северного вектора перед Heartland'ом стоит проблема реорганизации арктической зоны. Пространство, прилегающее к Северному Полюсу, Северный ледовитый океан, существенно увеличивает свое значение по мере развития воздухоплавания и особенно ракетостроения, а также в силу подступающего дефицита природных ресурсов на мировом уровне. Через Арктику проходит кратчайшая траектория между Евразией и Америкой, а арктический шельф изобилует слабо разведанными пока природными ресурсами (по предварительным оценкам, там залегает до 25% всех неразведанных ресурсов нефти и газа в мире). В такой ситуации каждая пядь арктической земли или проведение морских границ приобретает особую геополитическую ценность.

Страны, выдвигающие сегодня претензии на контроль над арктическим пространством — это США, Канада, Норвегия, Дания и Россия. США, Канада, Норвегия и Дания — члены НАТО, то есть представители атлантического блока. В данный момент набирает обороты процесс получения Гренландией самостоятельности (в данный момент это автономия в рамках Дании), но едва ли новая страна, под управлением эскимосов-инуитов (которых на огромном пространстве Гренландии менее 60 000), сможет когда-то, в обозримом будущем, стать самостоятельной силой. Пока же на территории Гренландии (Канак) находятся американские военно-морские базы¹. Поэтому с геополитической точки зрения баланс сил в Арктике

¹ Бартош А.А. Арктический вектор сил реагирования НАТО. — www.oborona.ru. 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://www.oborona.ru/283/308/index.shtml?id=3181> (дата обращения 03.09.2010).

определяется Россией (Heartland) и США (вместе с другими странами НАТО). Осознавая важность арктических ресурсов, многие другие страны, не имеющие прямого доступа к Арктике, развивают строительство ледокольного флота (как, например, Китай), что показывает огромное значение этой области для тех, кто мыслит о будущем стратегически.

Стратегическая безопасность России с севера

В последние годы Россия стала уделять Арктике повышенное внимание, плотно занимаясь правовыми вопросами, осуществляя символические арктические экспедиции и ускоренно переоснащая военно-технические объекты, расположенные в этой зоне¹. Все это вполне можно считать конструктивными шагами по закреплению многополярной конструкции мира. Если территории Heartland'a будут неуязвимы для возможной воздушной атаки с территории Северо-Американского континента, а также будут обладать обширной и легитимной долей арктических природных ресурсов, это качественно повысит вероятность установления многополярной модели. Поэтому все державы, так или иначе заинтересованные в многополярности, теоретически должны были бы поддержать арктические притязания России, которая в данном случае выступает не просто как одно из национальных государств, пекущееся о своих практических интересах (ресурсы, энергетика, экономика, безопасность), но как геополитическая сила, созидаящая сбалансированный и гармоничный многополярный миропорядок.

¹ Савельева С. Б., Шиян Г. Н. Арктика: укрепление геополитических позиций и экономическое развитие//Вестник МГТУ. 2010. Том 13. №1.С.115-119.

ГЛАВА 5. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

*Трансформация современной структуры
международного права.*

Уровни системы международного права

Рассмотрим теперь тонкий вопрос об институционализации многополярности. Многополярность, так же, как однополярность и глобализация (мондиализм), представляет собой волевой концептуальный проект, который с необходимостью предшествует правовому оформлению и поэтому не может сам по себе иметь правовой характер. Этот проект является источником международного права, точнее, его трансформации от существующих форм к новым. Ни доктрина Монро, ни концепция Вудро Вильсона, ни теория «большого пространства» К. Хаусхофера и К. Шмитта не имели никакого правового статуса, но, будучи воплощенными (полностью или частично) в жизнь, они предопределили мировой баланс сил в международной политике, то есть на определенных этапах становились юридическими формами.

В системе международного права всегда есть несколько уровней:

- общие принципы, которые разделяет критическое количество участников международного процесса, способного эти принципы отстоять силой;
- интересы главных игроков мировой политики;
- существующее в данный момент силовое «статус-кво»;
- существующее в данный момент правовое «статус-кво»;

- закладываемые главными игроками перспективы на будущее.

Все эти пункты находятся в состоянии постоянной динамической трансформации и влияют друг на друга. Этим определяется общая структура международного права: в ней есть относительно постоянные моменты (там, где противоположные импульсы находятся в состоянии равновесия) и переменные моменты (там, где у каких-то игроков скапливается достаточно потенциала, чтобы изменить общие правила).

*Переходное состояние современной системы
международного права*

В настоящий момент общая структура международного права представляет собой следующее:

- *Вестфальская система*, считающая суверенными признанные мировым сообществом (в лице ООН) национальные государства (то есть право национальных правительств проводить в своих границах политику, независимую от внешних сил) — «второй номос земли», по К.Шмитту;
- *инерциальные остатки Ялтинской системы*, двухполюсного мира, что закреплено в составе Совета Безопасности ООН, где голосами обладают ядерные державы — «третий номос земли», по К. Шмитту;
- *влияния «однополярного момента»*, что проявляется в односторонних декларациях и действиях США и их партнеров по атлантистской коалиции относительно того, что считать зоной национальных интересов США (этой зоной объявлена вся территории планеты Земля в т.н. «доктрине Рамсфельда»¹, формулировку которого

¹ Рамсфельд Д. Трансформирование вооруженных сил. — Отечественные записки. 2002. [Электронный ресурс] URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=9&article=353> (дата обращения 20.09.2010.)

относительно «превентивных ударов» несколько смягчил, но только по форме, Барак Обама);

- *принципы глобализации*, постепенно воплощающиеся институционально в транснациональные институты (например, такие, как международный Страсбургский Суд) и в системы обязательных правовых нормативов — демократии, прав человека, свободного рынка, то есть т.н. «общечеловеческих ценностей»).

В этой конструкции легко выделить основной вектор трансформации. Вес и значение однополярности и глобализации *возрастают*, система национальных государств и инерция двухполюсного мира *слабеют*. При этом наибольшие сдвиги отмечаются в ускоренном *демонтаже* Ялтинской системы и *ликвидации* остатков двуполярности. Беспрецедентный случай одностороннего вторжения вооруженных сил США и Великобритании в Ирак в 2001 году, его оккупация, уничтожение его законно избранного Президента, последующее создание марионеточного правительства и начало распада национальной государственности — и все это под надуманным предлогом наличия у Саддама Хусейна «химического оружия», доказательства чего так и не были представлены, а также вторжение в Афганистан и бомбежки Сербии, показывают, что значение национального суверенитета отдельных государств становиться все более и более относительным, а его силовая и правовая подоплека постепенно слабнет. Ведь никто из протестовавших против вторжения в Ирак государств — ни в Европе (Франция, Германия), ни в Евразии (Россия), ни в Азии (Китай) — не смогли политическими средствами остановить США и не посмели выдвинуть силовой аргумент, тем самым признав по факту «право сильного» на нарушение принципа суверенитета и создав, таким образом, прецедент, который рано или поздно может получить правовой статус.

В системе международного права происходит переход от «второго» и «третьего номоса» Земли к «четвертому». И в данный момент этим «четвертым номосом» земли претендует

стать глобализм и однополярность, а отнюдь не многополярный мир.

Правовой статус многополярности

Поэтому вопрос о правовом статусе многополярности является сегодня наиболее актуальным в мировой политике. — Он отражает ход битвы за структуру «четвертого номоса земли», который может быть либо однополярным и глобалистским, либо многополярным. Между собой скрещиваются два проекта архитектуры будущего — проект Моря (глобализация) и проект Суши (многополярность).

Постепенная институционализация однополярности и глобализма на фоне сохранения элементов прежних правовых моделей (второго и третьего номоса) налицо. Некоторые круги США уже предлагают более отчетливое оформление этой правовой модели, когда говорят о целесообразности создания вместо ООН (отражающей парадигмы прежних международно-правовых отношений) «Лиги «Демократий»¹. «Лига Демократий» мыслится как союз государств, которые полностью готовы подчиняться стратегии США и внедрять нормативы атлантизма и либеральной демократии в глобальном масштабе.

¹ Автором идеи создания «Лиги демократий» считается нынешний посол США в НАТО кадровый разведчик Н. Даалдер и теоретик международных отношений Энн Баефски, а также участники «Принстонского проекта» (Дж.П.Шульц и Энтони Лэйк). См. Угланов А. «Лига демократий» вместо ООН //Аргументы Недели. 2009. 12(150) от 26 марта. Публично ее озвучил кандидат от Республиканской партии США Дж. Маккейн. McCain John. League of Democracies (op-ed)//Financial Times. 2008. March 19. См. также Kagan Robert. The Case for a League of Democracies// Financial Times. 2008. May 13. Связь проекта «Лиги Демократий» с глобалистскими и мондиалистскими концепциями Джорджа Сороса анализируются в статье Клифа Кинкейда. Kincaid Cliff. McCain, Soros, and the New «Global Order». www.aim.org. 2008. [Электронный ресурс]URL: <http://www.aim.org/aim-column/mccain-soros-and-the-new-global-order/> (дата обращения 20.09.2010.)

Только «Лига Демократий» будет признаваться легальной и легитимной моделью международного права, а те, кто останутся за ее бортом, правовым образом будут причислены к странам-изгоям за счет поражения в правах.

Формализация многополярного проекта и его оформление в правовой сфере пока не столь отчетливы, как в случае однополярного сценария. И, тем не менее, определенные действия по институционализации многополярности принимаются. Мы их здесь и рассмотрим.

*Многополярность в российской доктрине Национальной
Безопасности. Российско-китайская декларация
многополярности 1997 года*

Далеко не маловажен факт, что термин «многополярность» фигурирует не только в выступлениях высокопоставленных политических деятелей, но и в ряде официальных документов. Таким образом, можно считать это первым шагом к институционализации этого понятия и его правового оформления.

Едва ли не впервые формула «многополярный мир» была употреблена в совместной российско-китайской декларации, принятой в Москве 23 апреля 1997 года. Она была подготовлена действующими Послами Китая и России в ООН — Сергеем Лавровым и Ванг Ксюексяном и подписана Президентами РФ Ельциным и главой КПК Дзян Дзимином¹. В ней утверждалось, что «ушедший в прошлое двухполярный мир должен уступить место многополярному»². В тот период большого значения этой формуле никто не придавал, но факт заслуживает внимания.

¹ Текст см. на сайте <http://www.fas.org/news/russia/1997/a52—153en.htm> (дата обращения 20.09.2010.)

² Там же.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года

В наше время мы находим обращение к многополярному миру в действующей Концепции Национальной безопасности Российской Федерации, сформулированной в документе «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденном указом президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537¹.

Многополярность упомянута в самом начале — в пункте №1:

«1. Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX века — остановила падение уровня и качества жизни российских граждан, устояла под напором национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся *многополярных* (разрядка наша — А.Д.) международных отношений²».

Пункт № 25 этого же документа гласит:

«25. Национальные интересы Российской Федерации на долгосрочную перспективу заключаются:

- в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики;
- в обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации;

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. — www.scrf.gov.ru. 2009. [Электронный ресурс] URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения 20.09.2010.)

² Там же.

- в превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях *многополярного мира* (разрядка наша — А.Д.)¹».

Есть упоминание о многополярности и в 24 пункте этого документа:

«24. Для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, наряду с достижением основных приоритетов национальной безопасности, сосредоточивает свои усилия и ресурсы на следующих приоритетах устойчивого развития:

(...)стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство, которые укрепляются на основе активного участия России в развитии *многополярной модели мироустройства* (разрядка наша — А.Д.)²».

Критика однополярного мира В.В. Путиным и евразийские тезисы

Термин «многополярность» перешел в этот действующий в настоящий момент документ из предшествующих аналогичных ему текстов. В частности, вскоре после избрания Президента В.В.Путина 10 января 2000 года он издает Указ № 24 «О Концепции Национальной безопасности Российской Федерации»³, где в первом разделе, «Россия в мировом сообществе», прямо провозглашается курс на многополярность:

«Положение в мире характеризуется динамичной трансформацией системы международных отношений. После окон-

¹ Там же.

² Там же.

³ О Концепции Национальной безопасности Российской Федерации. — [www.businesspravo.ru](http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_11586.html). **2001**. [Электронный ресурс] URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_11586.html (дата обращения 20.09.2010.)

чания эры биполярной конфронтации возобладали две взаимоисключающие тенденции.

Первая тенденция проявляется в укреплении экономических и политических позиций значительного числа государств и их интеграционных объединений, в совершенствовании механизмов многостороннего управления международными процессами. При этом все большую роль играют экономические, политические, научно-технические, экологические и информационные факторы. Россия будет способствовать формированию идеологии становления *многополярного мира* на этой основе (разрядка наша — А.Д.)¹».

Чтобы не оставалось иллюзий в отношении того, чему противопоставляется многополярный мир, курс на строительство которого открыто провозглашен в этом тексте, следующий за ним абзац прямо осуждает однополярную систему миропорядка:

«Вторая тенденция проявляется через попытки создания структуры международных отношений, основанной на доминировании в международном сообществе развитых западных стран при лидерстве США и рассчитанной на односторонние, прежде всего военно-силовые, решения ключевых проблем мировой политики в обход основополагающих норм международного права²».

Этот подход недвусмысленно осуждается. Более развернутую критику однополярного мироустройства Владимир Путин дал в своей знаменитой Мюнхенской речи спустя семь лет — в 2007 году³, продемонстрировав тем самым, что решимость российской власти противодействовать американской гегемо-

¹ Там же.

² Там же.

³ Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. — kremlin.ru. 2007. [Электронный ресурс] URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml (дата обращения 20.09.2010.)

нии и ее политике двойных стандартов является осознанной и долгосрочной стратегией. В. Путин, в частности, сказал:

«Чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере — и навязывается другим государствам¹».

А закончил эту речь он чрезвычайно важными словами: «Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня²».

Та же по смыслу идея была сформулирована и в «Концепции национальной безопасности 2000 года», в первом пункте которой мы видим, как и в словах Путина в Мюнхене, прямое обращение к геополитике, евразийству и тематике Heartland'a:

«Россия является одной из крупнейших стран мира с многовековой историей и богатыми культурными традициями. Несмотря на сложную международную обстановку и трудности внутреннего характера, она в силу значительного экономического, научно-технического и военного потенциала, уникального стратегического положения на Евразийском континенте объективно продолжает играть важную роль в мировых процессах³».

Игнорирование темы многополярности в российском экспертном сообществе

Надо отметить, что ни первый документ, подписанный В.В.Путиным в 2000 году, ни действующая «Стратегия национальной безопасности», утвержденная Президентом

¹ Там же.

² Там же.

³ О Концепции Национальной безопасности Российской Федерации. Указ. соч.

Д.А.Медведевым, совершенно не обсуждались в российском обществе — ни в кругу экспертов, ни в широких аудиториях, а обсуждение Мюнхенской речи толковалось лишь эмоционально и поверхностно.

Более того, можно заметить устойчивое нежелание российской элиты и, в первую очередь, МИД РФ, всерьез определять понятие многополярности и делать хотя бы какие-то шаги в его конкретизации и построении программы действий. Возможно, причина этого лежит в том, что любое более или менее содержательное толкование многополярности неминуемо приведет к необходимости формулировать открыто ряд позиций, которые по объективным причинам непременно вызовут недовольство США. Любое серьезное осмысление многополярности приводит нас к остро стоящей дилемме: либо однополярный, либо многополярный мир. А это предполагает четкий и ясный выбор. Поскольку США строят однополярный глобальный мир (в одиночку, как предлагают неоконсерваторы или сторонники «Лиги Демократий», или вместе с «младшими партнерами», как предлагают апологеты многостороннего подхода и, в частности, администрация Президента Обамы) и не собираются сворачивать с этого пути, то внятная декларация ориентации на многополярность означает прямой вызов США. А к такому повороту событий не готово ни российское общество, ни правящая элита. Это и создает определенный диссонанс. В основных документах, определяющих военно-политическую стратегию России в международной сфере недвусмысленно зафиксирован курс на многополярность, вместе с тем конфликтность такого подхода, заложенного в геополитическом смысле такой ситуации, аккуратно ретушируется в общественных дебатах и российских СМИ.

Тем не менее, мы имеем дело с важным фактом: курс на многополярность заложен в основных стратегических документах России и, значит, имеет определенный правовой статус в национальном законодательстве, а, следовательно, мы имеем дело с первой стадией его институционализации.

Международные организации, способные стать основой многополярного миропорядка в правовом поле. ООН на современном этапе: геополитический анализ

С точки зрения многополярности можно посмотреть и на Организацию Объединенных Наций — в той форме, в которой она существует в актуальных геополитических условиях. ООН представляет собой итог предшествующей стадии глобализации, связанной с Вестфальской системой и отчасти с двухполюсным миром. В ООН мы имеем дело с парадигмой международного права, соответствующей «второму» и «третьему» Земли, по К.Шмитту, тогда как сегодня, в целом, мы постепенно переходим к «четвертому номосу Земли» (либо однопольному, либо многополярному). Именно поэтому наиболее радикальные сторонники однопольности и глобализации все чаще выступают с критикой ООН, и даже с призывами к роспуску этой организации.

На месте ООН представители жесткой американоцентричной однопольности предлагают создать «Лигу Демократий»¹ во главе с США, а мондиалисты — «мировое правительство». Это два направления правового оформления новой расстанов-

¹ Автором идеи создания «Лиги демократий» считается нынешний посол США в НАТО кадровый разведчик Н. Даалдер и теоретик международных отношений Энн Баефски, а также участники «Принстонского проекта» (Дж.П.Шульц и Энтони Лэйк). См. Угланов А. «Лига демократий» вместо ООН //Аргументы Недели. 2009. 12(150) от 26 марта. Публично ее озвучил кандидат от Республиканской партии США Дж. Маккейн. McCain John. League of Democracies (op-ed)//Financial Times. 2008. March 19. См. также Kagan Robert. The Case for a League of Democracies// Financial Times. 2008. May 13. Связь проекта «Лиги Демократий» с глобалистскими и мондиалистскими концепциями Джорджа Сороса анализируются в статье Клифа Кинкейда. Kincaid Cliff. McCain, Soros, and the New «Global Order» — www.aim.org. 2008. [Электронный ресурс]URL: <http://www.aim.org/aim-column/mccain-soros-and-the-new-global-order/> (дата обращения 20.09.2010.)

ки сил в мире. В такой ситуации ООН становится консервативным институтом, сдерживающим тенденции развития глобализации. Хотя изначально ООН (как и Лига Наций, которая была ее предшественницей между Первой и Второй мировыми войнами) задумывалась как инструмент «глобализма», ее формат, с учетом краха двухполярного мира и ухода социалистического лагеря и СССР с мировой арены, устарел и тормозит институционализацию и легализацию иной картины мира.

В такой ситуации, если процессы глобализации пойдут по атлантистскому сценарию, реформирование (начиная с изменения структуры Совета Безопасности, о чем уже сегодня идет речь), а затем и роспуск ООН будут неизбежны. Однако переходные условия настоящего момента позволяют использовать ООН и сторонникам многополярного мира. Не представляя собой институт многополярности в чистом виде, перед лицом активизации однополярных и глобальных тенденций ООН может выполнять, временно и прагматически, защитную функцию, противодействуя этим тенденциям по инерции и самой структуре своего устройства. Это прекрасно осознают в США, подвергая ООН все более жесткой критике, высмеивая ее несостоятельность и недееспособность, укоряя в растрате впустую средств, выделяемых на ее содержание¹ и т.д. В такой ситуации сторонники многополярного мироустройства вполне могут использовать ООН как прикрытие для организации более эффективных институтов многополярности. Воспринимая ООН как форму уходящего миропорядка, пока еще выживающую в тени

¹ Например, сенатор Республиканец Джесси Хелмс. См. Senator Jesse Helms Rebukes the U.N. — Newswatch.2000. [Электронный ресурс] URL: <http://www.garymcleod.org/helms.htm> (дата обращения 20.09.2010.). Показательно также назначением Джорджем Бушем младшим представителем США в ООН сенатора Джона Болтона, до этого открыто призывавшего «распустить ООН». См. Gill Kathy. John Bolton, UN Nominee. — www.about.com. 2005. [Электронный ресурс] URL: http://uspolitics.about.com/od/politicalcommentary/a/ed_bolton.htm (дата обращения 20.09.2010.).

его постепенного распада, и продлевая как можно дольше эту постепенность, можно попытаться в старых рамках заложить основы новых правовых институтов.

Если следовать этой линии осознанно и последовательно (как и поступает сегодня Российская Федерация, активизировавшая свою деятельность в ООН с 2007 года и увеличившая свою долю в финансировании этой организации), можно достичь определенных результатов:

- продлить сопротивление процессу однополярной глобализации и тем самым выиграть время для подготовки собственно многополярных структур и институтов (это наиболее вероятный проект);
- превратить ООН в момент окончательного кризиса в отношениях с США и перехода США к учреждению «Лиги Демократий» в собственно «многополярную структуру» (этот сценарий менее вероятен, так как ему будут активно противодействовать атлантистские силы, которые явно не оставят без боя такой институт своим стратегическим противникам).

БРИК: геополитика «второго мира»

Примером первого приближения к разработке многополярной международной структуры является создание неформального клуба «БРИК», созданного на основе четырех стран — Бразилии, России, Индии и Китая¹. В него входят четыре государства: три державы евразийские — Россия, Индия, Китай, и одна латиноамериканская — Бразилия, с ярко выраженной принадлежностью к «цивилизации Суши», представляющих собой «большое пространство» и являющихся бесспорными лидерами в своих регионах.

«БРИК» выражает собой формы геополитического самосознания тех держав, которые, с одной стороны, имеют огромные

¹ BRICs and beyond. Goldman Sachs Global Economics Group. NY, 2007.

Страны БРИК

достижения в экономической, военно-технической и ресурсной сферах, но вместе с тем существенно уступают странам Запада, существенно превосходя при этом все остальные незападные страны. Три державы обладают ядерным оружием (Россия, Китай, Индия), а Бразилия, по мнению некоторых ресурсов, близка к этому¹. Китай и Индия в общей сложности насчитывают больше двух миллиардов населения. Россия обладает гигантскими территориями и природными ресурсами, а также сохраняет достаточно высокий военно-технический потенциал. Бразильская экономика развивается ускоренными темпами, превращая страну в регионального лидера и ядро всей Латинской Америки. Если сложить стратегический потенциал всех этих стран, то совокупно по многим параметрам он сопоставим со стратегическим потенциалом стран Запада, а в некоторых аспектах — и превосходит его².

¹ BRICs and beyond. Op. cit.

² BRICs and beyond. Op. cit.

При этом все четыре страны находятся в состоянии активной модернизации и впитывают — по разному алгоритму — те технологические возможности, которые предоставляет глобальный мир и мировая экономика.

В однополярной конструкции страны БРИК мыслятся строго *по отдельности*, как промежуточные пояса между «ядром» и «мировой периферией». Элиты этих стран при таком подходе должны постепенно интегрироваться в мировую элиту, а массы — смешаться с другими низшими социальными стратами из соседних обществ, в том числе и из менее развитых через поток миграции, и утратить, таким образом, культурную и цивилизационную идентичность. То обстоятельство, что в странах БРИК разворачиваются глобализационные процессы, дает основание глобалистам полагать, что эти страны постепенно встроятся в общую систему однополярности.

Но с точки зрения многополярности, функции БРИК могут быть совершенно иными. Если эти четыре страны смогут сформулировать общую стратегию, оформить консолидированные подходы к основным вызовам современности и разработать совместную геополитическую модель, то мы получим готовый мощный международный институт многополярного мира, обладающий колоссальными техническими, дипломатическими, демографическими и военными ресурсами.

БРИК можно осмыслить как потенциальный «второй мир»¹. По определенным параметрам он будет отличаться и от «первого мира» («ядра», Запада) и от «третьего мира» («мировой периферии»). Если подойти к этому не с чисто количественных позиций (ресурсы, экономика, население, технологии и т.д.), но с учетом качественной особенности обществ этих стран, то есть с позиции культуры и цивилизации, то можно увидеть в БРИК нечто совершенно новое и оригинальное.

¹ Khanna Parag. Der Kampf um die zweite Welt — Imperien und Einfluss in der neuen Weltordnung. Berlin: Berlin Verlag, 2008.

В однополярной перспективе «второй мир» (БРИК) подлежит разделению на два сегмента: на элиты, интегрирующиеся в «первый мир», и массы, сползающие в «третий мир» и с ним смешивающиеся. Так оно происходит в ходе инерциального развития событий. Но если БРИК осмыслит свою историческую функцию не как простой этап в становлении глобальной мировой системы (И.Валлерстайн), а как новую парадигму, которая выработает иную стратегию, сохранит пропорции между элитами и массами в рамках общего цивилизационного проекта, то «второй мир» может стать серьезной альтернативой «первому» и указанием пути (и спасением) для «третьего». В этом случае формат простого «клуба» четырех стран, имеющих много общих черт в современном моменте развития, может органически перерасти в основу мощной мировой организации, способной диктовать остальным участникам мирового процесса свои требования в ультимативной форме (если это потребуется), а не просто сообщать частное мнение об одобрении или неодобрении того или иного действия США и его партнеров (как это имеет место сейчас).

Представим себе такую ситуацию. США собираются начать военную операцию в Ираке. Франция и Германия «не одобряют» такого шага. А четыре ядерные страны — Бразилия, Россия, Индия и Китай — говорят: «нет, вы этого не сделаете!» Жесткость ультиматума будет подтверждена совокупным геополитическим потенциалом. Поодиночке США могут нанести непоправимый урон каждой из этих стран в отдельности — в военной, экономической, политической сферах. Но всем четырем странам — исключено.

Таким же образом могут решаться и другие вопросы, мнения по которым полярно расходятся у сторонников однополярного и многополярного мира — проблемы Сербии, Афганистана, Грузии, Тибета, Синьцзяня, Тавайн, Кашмира, а также ряд локальных проблем в Латинской Америке. Конечно, США постараются не создавать ситуаций, предполагающих заинтересованность в выработке общей позиции странами БРИК

каждой из стран одновременно. На это и делается вся ставка, поскольку по отдельности с каждой из стран «второго мира» можно отношения уладить.

Но смысл многополярности в том и состоит, чтобы выработать правила международного порядка, которые отвечали бы не частной ситуации, в которой отдельная, пусть крупная, держава получает желаемое, но общему принципу, когда США и их союзникам вообще невозможно было бы развязывать острый конфликт в одностороннем порядке, не считаясь более ни с кем. Вторжение США в Ирак глубоко не затронуло ни Китай, ни Россию, ни Индию, ни Бразилию. Вторжение в Афганистан было сиюминутно (так казалось, по крайней мере) выгодно России, и отчасти Индии (блокирование очага воинственного радикального ислама). Но серия подобных шагов со стороны США рано или поздно возведет такую манеру поведения в принцип и положит в основу правовой модели — как мы видим в проекте «Лиги Демократий». Поэтому США необходимо в подобных случаях жестко останавливать — заранее и по принципиальным причинам, а не из-за того, что нечто ситуативно выгодно или невыгодно той или иной стране «второго мира». Тут-то и проявляется закон «разделяй и властвуй» («*divide et impera*», на латыни). Если «второй мир» будет консолидирован общей многополярной философией, стратегией и геополитикой, он будет недоступен однополярным интригам и сможет двигаться прямым путем к своей институционализации и приданию многополярным правилам правового характера.

Сегодня БРИК как организация находится в самом начале большого пути, и никто не может обещать, что этот путь будет легким. Однако существующая форма клуба четырех великих держав уже представляет собой форму, прообраз международной структуры, которая могла бы постепенно стать институциональным ядром многополярного мира.

Шанхайская Организация Сотрудничества и ее геополитические функции

Другой структурой, которая имеет признаки многополярного института, является Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС)¹. Она задумана как форма постоянных консультаций ряда крупных держав евразийского континента по поводу региональных проблем и вызовов, касающихся каждой из них. Сама идея ШОС свидетельствует о многополярном подходе, так как основана на предпосылках, что локальные проблемы должны решаться теми странами и теми обществами, которые имеют к ним прямое отношение. Глобальные инстанции при этом оставляются в стороне.

В ШОС на постоянной основе участвуют Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Этими странами эта организация и была учреждена в 2001 году после того, как Узбекистан принял решение присоединиться к «Шанхайской пятёрке», образованной Россией, Китаем, Казахстаном, Таджикистаном и Киргизстаном в период с 1996 по 1997 годы в ходе подписания друг с другом ряда соглашений по военному сотрудничеству. При формальном равноправии всех участников ШОС диспаритет потенциалов очевиден: в основании этой организации стоят Китай и Россия, а остальные страны, из числа бывших союзных республик Средней Азии, представляют «буферный регион», в котором традиционно сильно российское стратегическое присутствие и постепенно нарастает китайское. Чтобы согласовывать эти процессы и учитывать позиции стран Средней Азии, а также решать технические вопросы (противодействия терроризму, наркоторговле, сепаратизму, организованной преступности и т.д.), ШОС и была создана.

Россия и Китай недвусмысленно выражают свою ориентацию на многополярный мир, что полностью соответствует и позициям остальных участников ШОС, поэтому данная орга-

¹ Сайт организации в Интернете: <http://www.sectsco.org/RU/> (дата обращения 05.10.2010).

низация может рассматриваться как один из многополярных институтов.

Показательно, что в качестве стран-наблюдателей в ШОС принимают участие Индия, Иран, Пакистан и Монголия, то есть практически все крупные государства, имеющие непосредственное отношение к Центрально-Азиатскому региону. Если вновь обратиться к стратегическим аспектам многополярной теории, то мы увидим в ШОС потенциал для формирования полноценной коалиции Heartland'a, то есть того четвертого полюса, который является ключевым для построения квадриполярной архитектуры.

Россия, Иран, Индия и Пакистан являются главными узлами в зоне евразийской пан-идеи. А Китай, со своей стороны, опорой многополярности и соседней державой, от которой во многом зависит строительство многополярного мира. То есть в ШОС, если предположить участие в ней стран-наблюдателей на постоянной основе, мы имеем дело с мощнейшим инструментом глобальной политики, функционально сопоставимым с БРИК (тем более что в ШОС присутствуют три из четырех стран БРИК), но имеющим привязку к евразийскому континенту.

Даже предварительные консультации по частным вопросам в таком составе уже превращают эту организацию в самостоятельную мировую силу. А проведение совместных военных учений (как это ежегодно имеет место, начиная с 2007 года) при благоприятных обстоятельствах вполне может стать основой военно-стратегического партнерства, а может быть, и «Евразийского Альянса», симметричного Альянсу Северо-Атлантическому (НАТО).

ШОС представляет собой еще один пример постепенного правового оформления многополярности¹. А тот факт, что официальные декларации ШОС постоянно опровергают по-

¹ Серебрякова Н.В. Шанхайская организация сотрудничества: многосторонний компромисс в Центральной Азии. М.: ИнфоРос, 2011.

литический или стратегический характер этой организации, лишь показывает, что ее руководители стараются максимально отложить момент прямой конфронтации с глобализмом и однополярным миром, действуя по той же логике, что и при отказе от прояснения геополитического и стратегического смысла «многополярности» (о чем речь шла ранее).

Интеграционные организации постсоветского пространства

Рассмотрим более узкие интеграционные структуры, затрагивающие непосредственно территорию Heartland'a. К ним относятся:

- Евразийское Экономическое Сообщество, сокращенно, ЕврАзЭС (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан)¹;
- Организация Договора о Коллективной Безопасности, сокращенно ОДКБ (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Армения)²;
- Таможенный союз (Россия, Казахстан, Беларусь)³;
- Единое Экономическое Пространство (Россия, Казахстан, Беларусь, Украина);
- Союзное Государство России и Белоруссии⁴.

Все эти организации ставят перед собой задачи новой интеграции Heartland'a в новых условиях и так или иначе ориентированы в первую очередь на Россию и на воссоздание вокруг нее общего «большого пространства». Такая цель и политиче-

¹ Сайт организации в Интернете: <http://www.evrazes.com/> (дата обращения 05.10.2010).

² Сайт организации в Интернете: <http://www.dkb.gov.ru/> (дата обращения 05.10.2010).

³ Сайт организации в Интернете: <http://www.tsouz.ru/AboutETS/Pages/default.aspx> (дата обращения 05.10.2010).

⁴ Сайт организации в Интернете: <http://www.soyuz.by/> (дата обращения 05.10.2010).

ская география участников показывает, что эти организации нацелены на создание многополярного мира, в частности, на создание полноценного полюса четвертой зоны (евразийской пан-идеи). С геополитической точки зрения все они являются чисто евразийскими по своему качеству. При этом надо заметить, что *евразийская философия интеграции* пока разработана довольно слабо и фрагментарно. Единственно, что не подлежит сомнению: интеграционные процессы в рамках этих институтов не основаны ни на прямой территориальной экспансии России (как это было в период Российской Империи), ни, что очевидно, на основе коммунистической идеологии (как это было в советский период). Поэтому логично предположить, что философия интеграции постсоветского процесса будет многополярной и евразийской, то есть основанной на учете культурной, этнической и исторической самобытности каждого общества, вступающего заново в единое историческое «большое пространство» воссоздаваемого на новом историческом витке Heartland'a. Определенные шаги в этом направлении предпринимаются политическим руководством Казахстана, чей Президент Нурсултан Назарбаев открыто исповедует евразийские взгляды¹. Именно он являлся инициатором создания большинства интеграционных структур, а в 1994 году в МГУ озвучил авангардный проект создания «Евразийского Союза» — как прямого аналога Европейского Союза, и даже предложил проект его «Конституции». Однако со стороны других участников этих структур, включая саму Россию, большого интереса к этой теме не проявляется, самым мягким объяснением чему (как мы уже неоднократно видели), вероятно, является нежелание обострять раньше времени отношения с США.

Вместе с тем, США прекрасно осознают, что все интеграционные процессы на постсоветском пространстве неминуемо

¹ Дугин А. Г. Евразийская Миссия Нурсултана Назарбаева. М.: РОФ Евразия, 2004.

ведут к усилению Heartland'a и, следовательно, представляют собой угрозу американской военной гегемонии. Эти опасения находят выражение в официальных документах американского руководства — таких, как «план Вулфовица», настаивающий на том, что главной задачей американской стратегии безопасности является недопущение возникновения на территории Евразии блока, способного проводить самостоятельную политику без учета интересов США в регионе¹. Поэтому в США была разработана система альтернативной организации постсоветского пространства. Смысл ее состоял в том, чтобы:

- оторвать страны СНГ от России;
- сблизить их с США и Евросоюзом;
- начать процесс интеграции их в НАТО;
- выстроить на пространстве СНГ антироссийскую коалицию;
- заменить в странах СНГ дружественные России или, по меньшей мере, нейтральные, политические режимы на антироссийские, прозападные и глобалистские;
- разместить в проамериканских странах американские военные объекты.

Для этой цели США и, в частности, фонд мондиалиста Дж. Сороса активно провоцировали «цветные революции» в Украине, Грузии, Молдове (попытки делались в Беларуси, Армении и Киргизии). А те страны, которые оказались в сфере влияния атлантизма, создавали собственные антироссийские. Антиевразийские коалиции — такие как ГУАМ² (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова) или эфемерное «Содружество демократического выбора», провозглашенное Ющенко и Саакашвили в 2005 году (Украина, Грузия, Литва, Латвия, Эстония, Молдова, Словения, Македония, Румыния).

¹ Сайт организации в Интернете: <http://guam-organization.org/> (дата обращения 05.10.2010).

² Сайт организации в Интернете: <http://guam-organization.org/> (дата обращения 05.10.2010).

Таким образом, все постсоветское пространство было поделено на *евразийскую* (интеграционную) и *атлантистскую* (дезинтеграционную) зоны. Обе зоны были включены в правовые и институционные процессы, которые призваны были зафиксировать структуру этих пространств в юридической форме — либо в однополярном (атлантистском, глобалистском), либо в многополярном (евразийском) ключе. Поэтому, несмотря на то, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве и их институциональное оформление носят локальный характер, по своему значению они имеют глобальный масштаб — ведь речь идет о выполнении необходимого условия многополярного мира: воссоздания политического пространства Heartland'a в объеме, необходимом для того, чтобы стать полноценным полюсом квадриполярной конструкции.

Все интеграционные структуры постсоветского пространства имеют различный характер.

ЕврАзЭС представляет собой экономическую структуру, призванную объединить экономики входящих в него стран.

ОДКБ — военно-политический союз.

Таможенный союз, запущенный только к 2010 году — реально действующий механизм, интегрирующий территории России, Казахстана и Беларуси в единую зону с полностью идентичной системой экономического законодательства (в рамках таможенного союза все трансакции, транспортные тарифы и т.д. осуществляются так, как если бы они находились в пределах единого государства).

Союзное Государство России и Беларуси — одобренная политическим руководством обеих стран и ратифицированная парламентами инициатива по созданию единой наднациональной государственности с общей системой управления, единым парламентом и т.д. Союз существует юридически, но его практическая реализация сталкивается с целым рядом трудностей.

Единое Экономическое Пространство — провозглашенная в 2003 году президентами четырех стран (России, Казахстана,

Беларуси и Украины) инициатива экономической интеграции. Отличается от ЕврАзЭС и таможенного союза присутствием Украины, ради которой и был предложен особый формат, которая в то время собиралась вступить в ВТО, а в 2008 году вступила. Интеграция с Украиной шла с большим трудом, не случайно эта страна стала членом антироссийского блока ГУАМ. Когда же Президент Кучма пошел на осторожное сближение с Москвой в 2003 году, прозападные силы (с опорой на США) осуществили «оранжевую революцию», задачей которой, в частности, был срыв вступления Украины в ЕЭП.

Таким образом, институционализация интеграционных инициатив на постсоветском пространстве, как мы видим, имеет не локальный, а глобальный характер, так как ее успех резко повышает шансы на создание многополярной системы, а ее провал, напротив, усиливает позиции сторонников американской гегемонии и глобализма.

ГЛАВА 6. МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР И ПОСТМОДЕРН

Многополярность как образ будущего и сухопутный Постмодерн. Многополярность как инновационный авангардный концепт

Многополярная теория представляет собой своеобразное направление, которое не может быть квалифицировано упрощенно в терминах «прогресс»/ «консерватизм», «старое»/«новое», «развитие»/«стагнация» и т.д. Однополярный взгляд на историю и, соответственно, глобалистская перспектива представляют исторический процесс как линейное движение от худшего к лучшему, от неразвитого к развитому и т.д. В этом случае глобализация видится как горизонт универсального будущего, а все, что глобализации препятствует — как инерция прошлого, атавизм или стремление сохранить «статус-кво» любой ценой. В силу такой установки глобализм и «цивилизация Моря» пытаются истолковать и многополярность, которая интерпретируется исключительно как консервативная позиция сопротивления «неизбежным переменам». Если глобализация — это Постмодерн (глобальное общество), то многополярность предстает как сопротивление Постмодерну (где есть элементы Модерна и даже Премодерна).

На самом деле можно взглянуть на вещи под иным углом зрения и отложить в сторону догматику линейного прогресса¹

¹ Бенуа Ален де. Краткая история идеи прогресса/ Бенуа Ален де. Против либерализма. К четвертой политической теории. СПб: Амфора, 2010.

(или «монотонного процесса»¹). Представление о времени как о социологической категории, на которой основывается философия многополярности, помогает интерпретировать общую парадигму многополярности в совершенно иной системе координат.

Многополярность в сравнении с однополярностью и глобализмом не есть просто обращение к старому, призыв сохранить все как есть. Многополярность не настаивает ни на сохранении национальных государств (Вестфальский мир), ни на восстановлении двухполярной модели (Ялтинский мир), ни на замораживании того переходного состояния, в котором сегодня пребывает международная жизнь.

Многополярность — это взгляд в будущее (такое, какого еще никогда не было), проект организации и миропорядка на совершенно новых принципах и началах, серьезный пересмотр тех аксиом, на которых покоится современность в идеологическом, философском и социологическом смыслах.

Многополярность, так же, как и однополярность, и глобализация, ориентируется на построение того, чего никогда еще не было раньше, на творческое напряжение свободного духа, философского поиска и стремление построить лучшее, более совершенное, справедливое, гармоничное и счастливое общество. Но только образ этого общества, его принципы и ценности, а также методы строительства его фундамента видятся радикально иными (нежели у глобалистов). Многополярность видит будущее многомерным, вариативным, дифференцированным, разнородным, сохраняющим широкую палитру выбора самоидентификации (коллективной и индивидуальной), а также полутона лимитрофных обществ, с наложением разных идентификационных матриц. Это модель «цветущей сложности» мира, где множество мест сочетаются с множеством времен, где в диалог вступают разномасштабные коллективные и индивидуальные акторы, выясняя, а подчас и трансформируя,

¹ Дугин А. Г. Яд модернизации//Однако. 2010. №10 (26) 22 марта.

свою идентичность в ходе такого диалога. Западная культура, философия, политика, экономика, технология видятся в этом будущем мире лишь одним из локальных явлений, ни в чем не превосходящим культуру, философию, политику, экономику и технологию азиатских обществ, и даже архаических племен. Все, с чем мы имеем дело в лице разных этносов, народов, наций и цивилизаций, это *равноправные* вариации «человеческого общества» («Menschliche Gesellschaft»¹), одни — «расколдованные» (М.Вебер) и материально развитые, другие — бедные и простые, но зато «околдованные» (М.Элиаде), священные, живущие в гармонии и равновесии с окружающим бытием. Многополярность принимает любой выбор, который делает то или иное общество, но всякий выбор становится осмысленным только в привязке к пространству и историческому моменту, а значит, остается локальным. Самая западная культура, воспринятая как нечто локальное, может восхищать и вызывать восторг, но ее претензии на универсальность и отрыв от исторического контекста превращают ее в симулякр, в «псевдо-Запад», в карикатуру и китч. Так, в определенной степени, произошло с американской культурой, в которой без труда узнается Европа, но Европа гипертрофированная, стерилизованная, лишенная внутренней гармонии и пропорций, шарма и традиций, Европа как универсалистский проект, а не как органичное, хотя и сложное, парадоксальное, драматическое, трагическое и противоречивое историческое и пространственное явление.

Многополярность как Постмодерн

Если мы обратимся к прошлому, то легко обнаружим, что многополярного мира, то есть международного порядка, основанного на принципе многополярности, никогда не существовало. Многополярность является поэтому именно проектом, планом, стратегией будущего, а не простой инерцией

¹ Thurnwald R. Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen, 5 B. Berlin: de Gruyter, 1931-1934.

или косным сопротивлением глобализации. Многополярность смотрит в будущее, но видит его радикально *иным*, нежели сторонники однополярности, универсализма и глобализации, и стремится воплотить свое видение в жизнь.

Эти соображения показывают, что, в определенном смысле, многополярность тоже есть *Постмодерн* (а не Модерн и не Премодерн), но только другой, чем Постмодерн глобалистский и однополярный. И в этом особом смысле многополярная философия согласна с тем, что нынешний миропорядок, а также вчерашний (национальный или двухполюсный), несовершенен и требует радикальной переделки. Многополярный мир — это не отстаивание «второго» и «третьего номоса земли» (по К. Шмиту), но *битва за четвертый номос*, который должен прийти на смену настоящему и прошлому. В той же степени многополярность есть не отвержение Постмодерна, но утверждение радикально *иного Постмодерна* и по сравнению с тем, что предлагается неолиберальными глобалистами и сторонниками однополярного мира, и по сравнению с критической антиглобалистской и альтерглобалистской позицией, которая основывается на том же самом универсализме, что и неолиберализм, только с обратным знаком. Многополярный Постмодерн, таким образом, представляет собой нечто иное, чем Модерн, Премодерн, неолиберальный глобализм, однополярный американоцентричный империализм и левацкий антиглобализм и альтерглобализм. Поэтому в случае оформления многополярности в систематизированную идеологию, речь заходит именно о «Четвертой политической теории».

Многополярная идея признает, что национальные государства не отвечают вызовам истории и, более того, являются лишь подготовительной стадией глобализации. И поэтому она поддерживает интеграционные процессы в конкретных регионах, настаивая на том, чтобы их границы учитывали цивилизационные особенности обществ, исторически сложившихся на этих территориях (это вполне постмодернистская черта).

Многополярный проект допускает, что в международной политике должно возрастать значение *новых негосударственных акторов*. Но этими акторами должны быть, прежде всего, самобытные, исторически сложившиеся и имеющие привязку к пространству органические общества (такие, как этносы), к которым надо прислушиваться намного больше, чем это было раньше (это тоже постмодернистская черта).

Многополярная идея отказывается от универсальных, «больших нарративов» (рассказов), европейского логоцентризма, жестких властных иерархий и подразумеваемого нормативного патриархата. Вместо этого утверждается ценность локальных, многообразных и асимметричных идентичностей, отражающих дух каждой конкретной культуры, какой бы она ни была и сколь чуждой и отталкивающей она ни казалась остальным (И это постмодернистская черта).

Многополярная идея отбрасывает механистический подход к реальности, декартовское деление на субъект и объект, утверждая целостность, холизм и интегральный подход к миру — органичный и сбалансированный, основанный, скорее на «геометрии природы» (Б.Мандельброт), чем на «геометрии машины». Отсюда вытекает экологизм многополярного мира, отказ от концепции «покорения природы» (Ф.Бэкон) и переход к «диалогу с природой» (это тем более постмодернистская черта).

*Многополярный Постмодерн против однополярного
(глобалистского/антиглобалистского) Постмодерна*

Когда речь заходит о мере вещей в мире будущего, у многополярной теории и постмодернизма начинаются серьезные противоречия. Либеральный и неомарксистский постмодернизм оперируют с базовыми понятиями «индивидуума» и линейного «прогресса», которые мыслятся в перспективе «освобождения индивидуума», а на последней стадии — в перспективе «освобождения от индивидуума» и перехода к постчеловеку, кибор-

гу, мутанту, ризоме, клону. Более того, именно принцип индивидуальности они считают универсальным.

В этих вопросах многополярная идея резко расходится с магистральной линией постмодернизма и утверждает в центре вещей — *общество*¹, коллективную личность, коллективное сознание (Э.Дюркгейм), коллективное бессознательное (К.Г.Юнг). Общество есть матрица бытия, оно создает индивидуумов, людей, языки, культуры, экономики, политические системы, время и пространство. Но общество не одно, а обществ много, и они несоизмеримы друг с другом. Лишь в одном типе общества, а именно, западноевропейском, индивидуум стал «мерой вещей» в столь абсолютной и законченной форме. А в других обществах он таковым не стал и не станет, потому что они устроены совершенно иным образом. И надо признать за каждым обществом неотъемлемое право быть таким, каким оно захочет, творить реальность по своим выкройкам, придавая индивидууму и человеку высшую ценность или не придавая никакой.

То же касается «прогресса». Поскольку время — явление социальное², в каждом обществе оно структурировано по-разному. В одном обществе оно включает в себе эскалацию роли индивидуума в истории, а в другом нет. Поэтому никакой предопределенности в масштабе всех обществ Земли в отношении индивидуализма и постчеловечества нет. Такова, вероятно, судьба Запада, связанная с логикой его истории. Но к другим обществам и народам индивидуализм имеет косвенное отношение, а если и присутствует в их культуре, то, как правило, в форме навязанных извне колониальных установок, чужеродных парадигме самих локальных обществ. Но именно колониальный империалистический универсализм Запада и является главным противником многополярной идеи.

¹ Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический проект, 2010.

² Там же.

Используя термины геополитики, можно сказать, что многополярность это сухопутная, континентальная, *теллуократическая* версия Постмодерна, тогда как глобализм (равно как и антиглобализм) — его морская, *талассократическая* версия.

*Многополярность и теории глобализации.
Многополярность против мировой политики*

Рассмотрим теперь основные теории глобализации и соотнесем их между собой с позиции многополярности.

«Теория *мировой политики*» (World Polity Theory — Дж.Мейер, Дж.Боли и др.), предполагающая создание единого мирового государства с опорой на индивидуальных граждан, максимально противоположна многополярности и представляет собой ее *формальную антитезу*. Точно так же тезисы «конца истории» (быстрого или постепенного) Ф.Фукуямы и все остальные жестко глобалистские однополярные проекты описывают как желательное и вероятное то будущее, которое полностью противоречит многополярному. В этом случае между многополярностью и теорией глобализации существует отношения плюса и минуса, черного и белого, то есть радикальный ультимативный антагонизм: *или/или*. Или «мировая политика» или многополярность.

*Многополярность и мировая культура
(в поддержку локализации)*

Более сложно обстоит дело с теорией мировой культуры (World Culture Theory — Р.Робертсон), а также с концепциями «трансформационистов» (Э.Гидденс и др.). Сюда же можно отнести и критические оценки глобализации в духе С.Хантингтона. В этих теориях анализируется баланс двух тенденций — универсализации (чистый глобализм) и локализации (Р.Робертсон), или нового появления контуров цивилизаций (С.Хантингтон). Если к универсализации отношение многополярной теории однозначно антагонистическое, то ряд

явлений, обнаруживающихся в ходе глобализации как ее побочные эффекты, напротив, могут оцениваться позитивно. Ослабление социально-политического контекста национальных государств, в теориях этого толка, рассматривается с двух сторон: частично их функции передаются глобальным инстанциям, а частично оказываются в руках новых, локальных акторов. С другой стороны, также из-за хрупкости и расшатанности национальных государств, все большее значение приобретает цивилизационный и религиозный фактор. Этот набор явлений, которые сопровождают глобализацию по факту и являются следствиями ослабления прежних моделей миропорядка (государственного и идеологического), заслуживают позитивного внимания и становятся элементами многополярной теории.

Побочные эффекты глобализации возвращают общества к конкретному пространственному, культурному и подчас религиозному контексту. Это означает усиление роли этнической идентичности, рост значения конфессионального фактора, повышенное внимание к локальным общинам и проблемам. Если суммировать эти явления, то они вполне могут быть осознаны как стратегические позиции многополярного миропорядка, которые надо фиксировать, закреплять и поддерживать. В «глокализации», описываемой Робертсоном, многополярность заинтересована в «локализации», с которой полностью солидарна. Сам Робертсон считает, что процессы «глокализации» не предрешены, и могут качнуться в ту или иную сторону. Принимая этот анализ, сторонники многополярного мира должны сознательно прикладывать усилия, чтобы процессы качнулись в «локальную» сторону и перевесили «глобальную».

Многополярные выводы из анализа теории мировой системы

«Теория *мировой системы*» (World-System Theory) И.Валлерстайна для многополярной теории интересна тем, что адекватно описывает экономико-политический и соци-

ологический алгоритмы глобализации. «Мировая система», по Валлерстайну, представляет собой глобальную капиталистическую элиту, группирующуюся вокруг «ядра», даже если ее представители — выходцы из стран «периферии». «Мировой пролетариат», который постепенно от национальной идентичности переходит к классовой (интернациональной), воплощает «периферию» не просто географически, но и социально. Национальные государства являются не более чем площадками, на которых происходит один и тот же механический процесс — обогащение олигархов и их интеграция в сверхнациональное (глобальное) «ядро» и обнищание масс, постепенно сливающихся с рабочим классом других наций в ходе миграционных процессов.

Этот, в целом корректный, анализ, с точки зрения многополярной теории, не учитывает *культурный и цивилизационный* фактор (игнорирование которого свойственно марксизму, озадаченному, прежде всего вскрытием механики экономического устройства общества, в целом), а также геополитику. Между «ядром» и «периферией» в сегодняшнем мире располагается «второй мир», то есть региональные интеграционные образования («большие пространства»). По логике И. Валлерстайна, их существование ничего не меняет в общей структуре мировой системы, и они представляют собой лишь шаг в сторону полной глобализации: интеграция элит в «ядро» и «интернационализация масс» проходит в них еще быстрее, чем в контексте национальных государств. Но по логике многополярной теории наличие «второго мира» радикально все меняет. Между элитами и массами интеграционных структур в рамках «второго мира» может возникнуть иная модель отношений, нежели прогнозирует либеральный или марксистский анализ. С.Хантингтон назвал этот процесс *«модернизацией без вестернизации»*¹. Суть его состоит в том, что получающие

¹ Huntington Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. New York: Simon and Schuster, 1996.

западное образование и осваивающие западные технологии элиты стран периферии часто не интегрируются в глобальную элиту, но возвращаются в своё общество, подтверждают социализацию и коллективную идентичность в нем и ставят освоенные навыки на службу своим странам, не следующим за Западом, и даже противостоящим ему. Факторы культурной (часто религиозной) идентичности, цивилизационной принадлежности оказываются сильнее универсалистского алгоритма, заложенного в модернизационной технологии и породившей её среде.

«Модернизация без вестернизации», а также региональная интеграция без глобальной интеграции, представляет собой тенденцию, которую сам И. Валлерстайн игнорирует, но которую именно его анализ позволяет увидеть и четко описать. Для многополярной теории это становится важнейшим элементом и программным тезисом.

Что касается *глобального горизонта*, с которым, согласно большинству теорий глобализации, всем обществам теперь придется иметь дело, то многополярная теория может выдвинуть следующие принципы.

Истинная полнота и цельность мира схватываются в локальном, а не в глобальном опыте, но таком, который в отличие от обычного опыта, ориентирован *иначе*. Хайдеггер называл это «аутентичным экзистированием Dasein'a»¹. Схватить мир как целое можно только через изменение бытия, а не через накопление все новых и новых данных, впечатлений, встреч, разговоров, информации, знаний. По Хайдеггеру, к изучению новых мест и ландшафтов человека толкает бегство от «подлинного бытия», воплощенное в фигуру «das Man» — безличного, усредненного, униформного начала, замещающего собой подлинный опыт бытия и растворяющего концентрацию сознания в «любопытстве» и «болтовне» (как в двух формах «неаутен-

¹ Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Академический проект, 2010.

тичного экзистирования»)¹. Чем проще коммуникации в глобальном мире, тем более они бессмысленны. Чем насыщеннее потоки информации, тем меньше люди способны осмысливать и расшифровывать их значение. Поэтому глобализация вообще никак не способствует приобретению опыту «целого мира» и, напротив, уводит от него, рассеивая внимание в бесконечной серии бессмысленных осколков, частей, не являющихся атрибутами чего-то целого, то есть частей самих по себе. «Глобальный горизонт» не достигается в глобализации, он постигается в глубоком экзистенциальном опыте «места».

Поэтому различные общества сталкиваются не с глобальным горизонтом, а с вызовом глобализма как наступающей на всех идеологии и практики, и этот вызов действительно ощущается повсеместно. Многополярная теория признает универсальность этого вызова, но считает, что он столь же универсально должен быть отражен — как катастрофа, несчастье или трагедия.

«Горизонт глобализма» мыслится как нечто, что следует победить, преодолеть, упразднить. Каждое общество сделает это по-своему, но многополярная теория предлагает обобщить, консолидировать и скоординировать все формы отрицательно-го ответа на вызов глобализации. Столь же глобальным, как вызов глобализации, должно быть его отвержение. Но структура этого отвержения, чтобы быть полноценной, самостоятельной и перспективной, должна быть многополярной и предлагать четкий и внятный проект того, что следует поставить на место глобализации, вместо нее.

¹ Глобализм Хайдеггер называл термином «планетэр-идиотизм», имея в виду исконное греческое значение слова *idiotes*, означающее жителя полиса, лишённого гражданской идентичности, то есть принадлежности к роду, касте, профессии, культу и т.д. См. Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. Указ. соч.

*Превратить яд в лекарство. «Оседлать тигра»
глобализации: многополярная сеть*

Строительство многополярного мира требует выработать особое отношение ко всем основным аспектам процесса глобализации. Мы видели, что, хотя многополярность противостоит однополярности и глобализации, речь идет не просто об отвержении всех трансформаций современности, но о том, чтобы придать этим трансформациям многополярный курс, повлиять на них и направить к тому образу, который видится как желательный и наилучший. Поэтому многополярность в определенных ситуациях призвана не столько фронтально противодействовать глобализации, сколько *перехватить инициативу*, пустить процессы по новой траектории и превратить «яд в лекарство» («оседлать тигра»¹, по выражению китайской традиции). Такая стратегия повторяет логику «модернизации без вестернизации», только на более обобщенном и систематизированном уровне. Отдельные укоренные в региональной культуре общества заимствуют западные технологии для того, чтобы укрепиться и при определенных условиях отразить давление Запада. Многополярность предлагает осмыслить такую стратегию как систему, которая может служить общим алгоритмом для самых разных обществ.

Приведем несколько примеров реинтерпретации отдельных аспектов глобализма в многополярном ключе.

Возьмем явление *сети и сетевого пространства*. Само по себе это явление не нейтрально, но представляет собой результат серии последовательных трансформаций социологического понимания пространства в контексте «цивилизации Моря» по пути все большего «разжижения» информационной среды — от водной через воздушную к инфосфере. Параллельно этому сеть представляет собой конструкцию, воспринимающую наличие связей между элементами системы не органически,

¹ Эвола Ю. Оседлать тигра. СПб: Владимир Даль, 2005.

а механически. Сеть может быть выстроена между отдельными индивидуальными элементами, изначально никак не связанными друг с другом и не имеющими общей коллективной идентичности. И наконец, в феномене сети заложена перспектива преодоления человека и выход на постчеловека, если сделать акцент на самом функционировании самоорганизующихся систем, где центральность человека становится все более и более относительной (Н. Луман, М.Кастельс и т.д.). С этой точки зрения, сеть представляет собой реальность в высшей степени «морскую», атлантистскую и глобалистскую.

Но в классической геополитике мы видим, что противостояние Суши и Моря связано не столько с пребыванием в той или иной стихии, сколько с социологическими, культурными, философскими и только затем стратегическими выводами, которые разные общества делают из соприкосновением с Морем. К.Шмитт подчеркивал¹, что, несмотря на создание мировой империи, основанной на мореплавании, испанское общество продолжало сохранять сугубо сухопутную идентичность, что сказалось, в том числе, и на социальной организации колоний, и на различии судеб Латинской Америки и англосаксонской Америки. Наличие развитого мореплавания не обязательно делает державу «морской» в геополитическом смысле этого термина. Более того, задача цивилизации Суши, и в частности, Heartland'a, состоит в том, чтобы получить доступ к морям, прорвать блокаду берегового контроля со стороны талассократии и начать конкурировать с ней *в ее собственной стихии*.

Точно так же обстоит дело и с сетевым пространством. Многополярному лагерю необходимо освоить структуру сетевых процессов, их технологии, научиться правилам и закономерностям поведения в сети, чтобы получить возможность реализовывать свои цели и задачи в этой новой стихии. Сетевое пространство открывает новые возможности малым

¹ Шмитт К. Земля и Море/Дугин А. Г. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000.

актерам: ведь сайты гигантской ТНК планетарного уровня, великой державы и частного лица, минимально владеющего навыками программирования, ничем друг от друга не отличаются и, в определенном смысле, они оказываются в сходных условиях. То же самое справедливо для социальных сетей и блогов. Глобализация делает ставку на то, что распыление кодов на множество участников сети так или иначе встроит их в контекст, основными параметрами которого будут управлять владельцы физических серверов, регистраторы доменных имен, провайдеры и монополисты программного обеспечения. Но в антиглобалистских теориях Негри и Хардта мы видели, как это обстоятельство лево-анархистские теоретики предлагают повернуть в своих интересах, подготавливая «восстание множеств», призванных опрокинуть контроль «империи»¹. Нечто аналогичное может быть предложено и в многополярной перспективе. Только речь идет не о хаотическом саботаже «множествами» установленных глобалистами нормативов, но о построении *виртуальных сетевых цивилизаций*, привязанных к конкретному историческому и географическому месту и обладающих общим культурным кодом. Виртуальная цивилизация может рассматриваться как проекция в сетевую среду цивилизации как таковой, предполагающая консолидацию в ней именно тех силовых линий и идентификационных установок, которые являются доминантами в соответствующей культурной среде. Этим уже пользуются различные религиозные, этнические и политические силы отнюдь не глобалистской, и даже антиглобалистской, направленности, координируя действия с помощью различных инструментариев сети Интернет, а также распространяя свои взгляды и идеи.

Другой формой являются национальные домены и развитие сетевых коммуникаций в локальных языковых системах. При эффективной работе в этой среде это может способствовать

¹ Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.

укреплению культурной идентичности молодежи, естественным образом тяготеющей к новым технологиям.

Пример «китайского Интернета», где юридически и физически ограничен доступ к определенному типу сайтов, могущих, по мнению китайских правительственных экспертов, нанести ущерб безопасности китайского общества в политической, социальной или моральной сфере, показывает, что в некоторых случаях позитивный эффект для укрепления многополярности оказывают и чисто ограничительные меры.

Глобальная сеть может превратиться в многополярную, то есть в совокупность пересекающихся, но самостоятельных «виртуальных континентов». Таким образом, вместо сети появятся сети, каждая из которых будет виртуальным выражением конкретного качественного пространства. Все вместе эти континенты могут быть интегрированы в общую многополярную сеть, дифференцированную и модулируемую на основании многополярной сетевой парадигмы. В конце концов, содержание того, что находится в сети, есть не что иное, как отражение структур человеческого воображения¹. Если эти структуры понимать многополярно, то есть как имеющие смысл лишь в конкретном качественном историческом пространстве, то нетрудно вообразить себе, чем мог бы быть Интернет (или его будущий аналог) в многополярном мире.

И на практическом уровне, уже в настоящих условиях можно рассматривать сеть как средство консолидации активных социальных групп, личностей и обществ под эгидой продвижения многополярности, то есть как постепенное строительство многополярной сети.

Сетевые войны многополярного мира

Еще одним явлением эпохи глобализации являются сетевые войны. Методологии сетевых войн в общетеоретическом и

¹ Дугин А. Г. Социология воображения. Указ. соч.

прикладном аспектах также следует взять на вооружение при строительстве многополярного мира. В этом смысле, адаптация сетевых принципов (Networkcentric Principles) при реорганизации Вооруженных Сил Российской Федерации¹ представляет собой совершенно оправданное решение, призванное укрепить позиции Heartland'a и повысить боеспособность армии, являющейся одним из главных элементов в многополярной конфигурации.

Сетевидный принцип ведения войн имеет технические и принципиальные аспекты. Оснащение отдельных подразделений российской армии сетевыми атрибутами (приборами слежения, оперативной двухсторонней связью, интерактивными техническими средствами и т.д.) является само собой разумеющейся стороной вопроса, не требующей особых геополитических обоснований. Гораздо важнее рассмотреть иной, более общий аспект сетевых войн.

Сетевая война, как явствует из трудов ее теоретиков, ведется постоянно и во всех направлениях — «против противников, союзников и нейтральных сил». Точно так же сетевые операции должны разворачиваться во всех направлениях и со стороны центра (или центров) строительства многополярного мира. Если учесть, что ведущим сетевую войну актором является не отдельное государство, но гибкая и многоуровневая структура, ставящая перед собой цель создания многополярного мира (как сетевая война со стороны атлантистов и глобалистов ставит своей целью установление однополярного мира от лица всего Запада), станет очевидным, что ведение этой войны разными полюсами (например, Россией, Китаем, Индией, Ираном и т.д.) сможет создавать интерференции и резонансы, многократно усиливающие эффективность сетевых стратегий.

¹ Свершилось: российская армия переходит на сетевидный принцип. — www.evrasia.org. 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://evrazia.org/news/12360> (дата обращения 12.09.2010).

При строительстве многополярного мира каждый полюс заинтересован не в усилении другого полюса, но в ослаблении мировой гегемонии гипердержавы. Тем самым сетевая война многополярного мира может представлять собой структуру спонтанной конвергенции усилий и от этого быть чрезвычайно эффективной. Усиление Китая выгодно России. Безопасность Ирана выгодна Индии. Независимость Пакистана от США позитивно скажется на ситуации в Афганистане и Центральной Азии и т.д. Ориентируя сетевые, информационные и имиджевые потоки, заряженные многополярно, во всех направлениях, можно сделать сетевую войну чрезвычайно эффективной, поскольку обеспечение интересов одного актора многополярного миропорядка будет автоматически работать на интересы другого. Координация в таком случае должна быть только на самом высшем уровне — на уровне представителей стран в многополярном клубе (как правило, это главы государств), где и будет согласовываться общая многополярная парадигма. А процессы сетевой войны будут воплощать общую стратегию в жизнь.

Второй важный момент теории сетевых войн состоит в подчеркивании *повышенной чувствительности к начальным условиям*. То, с какой точки начинается вероятный конфликт, какую позицию занимают участвующие в нем стороны и в какой информационной среде это происходит, может оказаться решающим для всего результата. Поэтому приоритетное внимание следует уделять подготовке среды — локальной и глобальной. Если расстановка сил, просчет последствий тех или иных шагов в информационной сфере, а также заблаговременная подготовка имиджевого обеспечения произведены корректно, то это может вообще исключить конфликтную ситуацию и обеспечить убежденность потенциального противника в бесперспективности сопротивления или вооруженной эскалации. Это касается как традиционных боевых действий, так и информационных войн, где борьба ведется за влияние на общественное мнение.

Поэтому страны, провозглашающие ориентацию на многополярность, могут и должны активно использовать теории и практики сетецентрических операций в своих интересах. Теоретики сетевых войн справедливо считают их ключевым стратегическим инструментом ведения войны в условиях Постмодерна. Многополярность принимает вызов Постмодерна и начинает битву за Постмодерн. Сетецентричные операции представляют собой одну из наиболее важных территорий ведения этой битвы.

Многополярность и диалектика хаоса

Другой пример, на котором можно проследить стратегию превращения «яда в лекарство», это феномен хаоса. Хаос все чаще фигурирует в современных геополитических текстах¹, а также в теориях глобализации. Сторонники жесткого однополярного подхода (такие как С.Манн²) предлагают манипулировать хаосом в интересах «ядра» (то есть США). Антиглобалисты и постмодернисты приветствуют хаос в буквальном смысле — как анархию и беспорядок. Другие авторы пытаются увидеть в хаотической реальности зародыши порядка и т.д.

Многополярный подход трактует проблему хаоса следующим образом.

Во-первых, мифологическая концепция «хаоса» как состояния, противостоящего «порядку», есть продукт преимущественно греческой (то есть европейской) культуры. Это противопоставление изначально основано на исключительности порядка, а впоследствии, по мере развития философии, когда порядок отождествился с рациональностью, хаос и вовсе превратился в чисто негативный концепт, синоним иррациональности, темноты и бессмысленности.

¹ Рамоне Игнасио. Геополитика хаоса. М.: ТЕИС, 2001.

² Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление. — www.geopolitika.ru. [Электронный ресурс] URL: <http://geopolitika.ru/Articles/890/> (дата обращения 05.08.2010).

Но можно подойти к этой проблеме и с другой стороны, в менее эксклюзивистском ключе. И тогда хаос откроется нам как инстанция, не противостоящая порядку, но предшествующая его обостренному логическому выражению. Хаос — не бессмыслица, но матрица, из которой рождается смысл¹. В западноевропейской культуре «хаос» есть однозначное «зло». А в других культурах — вовсе нет. Многополярность отказывается считать западноевропейскую культуру универсальной, а значит, и «хаос» утрачивает свой однозначный негатив, равно как и коррелированный с ним «порядок» — свой позитив. Многополярность не рассуждает в терминах «хаоса» или «порядка», но всякий раз требует пояснений, какой «хаос», и какой «порядок», и каков смысл того и другого термина в конкретной культуре. Как понимает «хаос» и «порядок» западная культура, мы приблизительно знаем. А как его понимает, например, китайская философия и культура? Ведь ключевое для китайской философии понятие «Дао» («Путь») во многих текстах описывается в терминах, удивительно напоминающих описание хаоса². Поэтому многополярный подход констатирует, что понимание хаоса и порядка должно быть привязано к цивилизации, а ею может быть вовсе не только западная цивилизация.

Во-вторых, под «хаосом» в геополитическом смысле глобалисты часто понимают то, что не укладывается в их представление об упорядоченных социально-политических и экономических структурах и что противится установлению глобальных и «универсальных», по их мнению, ценностей. В этом случае в разряд «хаоса» попадает все то, что является ценным для строительства многополярного мира, что настаивает на иных формах идентичности и, следовательно, несет в себе зерна многополярного порядка. В этом случае «хаос»

¹ Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический проект, 2010.

² Лао-Цзы. Дао Дэ Цзин. СПб: Феникс плюс, 1994.

является опорой для строительства многополярного мира и его животворным началом.

И, наконец, хаос как чистый беспорядок или слабо организованные спонтанные процессы, происходящие в обществе, также могут быть рассмотрены с позиции многополярности. И если естественным или искусственным путем возникает хаотическая ситуация (конфликт, волнения, столкновения и т.д.), необходимо научиться управлять ею, то есть освоить *искусство модерации хаоса*. В отличие от упорядоченных структур, хаотические процессы не поддаются прямолинейной логике, но это не означает, что они совсем ее не имеют. Логика у хаоса есть, но она более сложна и многогранна, нежели алгоритмы нехаотических процессов. Вместе с тем она поддается научному исследованию и активно изучается современными физиками и математиками. С точки зрения прикладной геополитики, при строительстве многополярного мира она вполне может стать одним из эффективных инструментов.

Часть 3

Контексты ХХІ века: географические и цивилизационные аспекты Постмодерна

ГЛАВА 1. СХЕМА «НОВОГО МИРА»

Геополитика как анализ постоянной части исторического процесса

Геополитика как метод основана на пространственном подходе. А пространство, взятое в самом себе, неизменно, постоянно. Поэтому геополитический подход оперирует с такими реальностями, которые — чисто теоретически — считаются постоянными и не зависят от исторических колебаний. Как в астрономическом календаре существует постоянная и переменная части, первая из которых отмечает расположение на небосклоне неподвижных звезд, а вторая — динамику перемещения движущихся светил, так и полноценный политический анализ международных отношений можно представить в виде двух частей — постоянной и переменной. Постоянная часть — это и есть геополитика. Она исходит из принципа, что государства и цивилизации в своих основах отражают специфику ландшафта, в котором они возникли и развивались.

Великолепный термин предложил для понимания философской сущности этого геополитического подхода русский географ евразиец Петр Савицкий — «*месторазвитие*». Оно описывает и то «место», то конкретное пространство, — включая всю его структуру, и ландшафт, и особенности ведения хозяйства, и символические особенности, — где зародилась государственность или культура того или иного народа, и те области, где эта государственность и эта культура развивались в дальнейшем, переосмысляя это же изначальное пространство, вступая в диалог с окружающими пространствами или меняя изначальное местонахождение. Все это представляет не-

который постоянный фон, на котором разворачивается история народов и государств, и этот фон — по мысли геополитиков — сам по себе диктует глубинную логику того, что происходит с народами, с их политикой, экономикой, международными отношениями, с системами ценностей и верований.

Переменной же частью политической истории будет сама история как таковая, где вступают в действие более подвижные и динамически меняющиеся силы: решения исторических личностей, особенности социального развития, принятие и ниспровержение определенных конфессий и идеологий, факты исторического столкновения с иными народами и культурами.

В западноевропейской гуманитарной науке до определенного момента объектом изучения и внимания оставалась исключительно переменная часть — только *история*. Всю реальность европейцы вкладывали в развитие событий во времени, а на постоянную, фоновую, «парадигмальную» сторону никакого внимания не обращали. И лишь с развитием социологии и политической географии во второй половине XIX века (Ратцель, Челлен, Теннис и т. д.) исследователи стали постепенно все больше и больше уделять внимания тому, *где* именно разворачивается то или иное историческое событие и как географический контекст на него влияет. Отсюда родились теории государства «как формы жизни» (Ф. Ратцель) и государства «как пространственного организма» (Р. Челлен). Так «постоянная» часть в форме учета географического контекста стала постепенно входить в систему политического анализа и постепенно, уже в XX веке, — хотя и не без труда и не без сопротивления политологов и историков традиционного склада — прочно вошла в структуру любого полноценного политологического, стратегического и исторического анализа.

Суша и Море, Лес и Степь

Общепринятой классификацией, положенной в основу геополитического подхода, стала предложенная англичани-

ном Макиндером концепция выделения в качестве двух основополагающих и первичных форм пространства «Суши и Моря». Позже философски и культурологически диалектику этой пары обосновал в своих трудах немецкий юрист Карл Шмитт¹. Это стало общепринятым местом в геополитике — поскольку границы между Сушей и Морем практически не изменяются в ходе тысячелетий и анализ истории народов и государств в их отношении к морям (шире: к водным ресурсам, включая озера и реки, что дало потамическую теорию происхождения цивилизаций, согласно которой государства и культуры создаются только там, где водные артерии располагаются в определенном — перекрестном — порядке) может быть продлен в далекое прошлое.

Другой версией геополитического подхода являются теории о дуализме кочевых и оседлых народов, которые принципиально по-разному относятся к пространству и поэтому закладывают в свои культурные, религиозные и политические модели противоположные ценностные установки, что предопределяет их политическую историю. Эту линию применительно к русской истории впервые отметили русские славянофилы, сформулировав концепцию Леса и Степи, описав их диалектические противоречия и обоюдную роль в создании российской государственности. Систематический анализ такого подхода дал в своем фундаментальном труде «Начертание русской истории» русский историк В. Вернадский².

В европейской традиции можно отметить часто встречающееся противопоставление Леса и Пустыни, избранное в качестве основы различия индоевропейской культуры (Лес) и семитской культуры (Пустыня), диалектическим синтезом которых стала (по мнению некоторых европейских геополитиков) западно-христианская цивилизация.

¹ Шмитт К. Земля и Море/Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея-Центр, 2000.

² Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000.

Теоретически могут существовать и более узкие региональные модели — геополитика гор, геополитика льдов и т. д.

В принципе геополитический метод позволяет широкую свободу в толковании основных начал, повлиявших на тот или иной тип государственности или культуры. Важнее всего здесь фактор учета фундаментального влияния качественного пространства, обнаруживаемого в самих первоосновах цивилизации.

Три основных исторических цикла

В XX веке произошло не только обогащение политического анализа геополитическим измерением, но и совершилась новая систематизация исторических процессов. Если ранее истории были склонны индивидуализировать исторический процесс, связывать его преимущественно с деяниями конкретных исторических личностей (Карлейль) или отдельных социальных групп (в частности, элит — у Парето, классов — у Маркса и т. д.), то постепенно к концу XX века устоялась типология, выделяющая в каждом обществе три теоретических этапа, которые так же глубинно, как пространственный фактор, но на сей раз из глубины самого времени, предопределяют основные пропорции исторического развития. Если такие пары, как Суша и Море, Лес и Степь и т. д., пытались нащупать изначальные «парадигмы пространства», то в анализе временных закономерностей истории велся поиск «парадигм времени».

Этими «парадигмами времени» применительно к общественным системам стали три модели общества — «традиционное» (или иначе «Премодерн»), «современное» («модерн») и «общество постмодерна». В экономических терминах им соответствуют «преиндустриальное общество» («аграрное»), «индустриальное общество» («промышленное») и «постиндустриальное общество» («информационное»).

Полностью все три типа общественного уклада прослеживаются в истории Европы и Северной Америки, в остальных

же культурах мы имеем дело либо с первыми двумя типами общества, либо только с первым (в «развивающихся странах» Третьего мира или у отдельных архаических народов, обособленно ведущих хозяйство в составе более развитых государств). Но так как с конца XX века набирает силу феномен глобализации, то элементы западного общества Постмодерна неуклонно распространяются и на все остальные страны и народы, порождая повсюду «трехслойное общество», где наличествуют — пусть фрагментарно и частично — все три парадигмы. И в самой отсталой стране есть центры компьютерных технологий и терминалы мировых финансовых систем — т. е. элементы «Постмодерна» и «постиндустриальной экономики». Но верно и обратное — рост мировой миграции порождает анклав традиционных — даже архаических — обществ в самых развитых странах, где — как в современной Франции — можно встретить среди постиндустриального пейзажа кварталы, компактно заселенные либо исламскими фундаменталистами, с минаретами, откуда регулярно призывают к молитве муэдзины, либо африканскими язычниками, чьи ритуальные барабаны не смолкают ни днем, ни ночью, заставляя «постсовременных» и высококультурных французов ежиться и вздрагивать.

*Планетарная дуэль между атлантистскими США и
Россией-Евразией*

Дуализм Суши и Моря в XXI веке довольно ясно конкретизирован в двух важнейших планетарных пространствах — Северной Америке (что при добавлении Западной Европы дает нам атлантическое сообщество) и Северо-Восточной Евразии. Если Северная Евразия, на большей части территории которой была расположена Российская империя (позже СССР, а сегодня Российская Федерация — хотя и в сокращенном виде), уже у первых геополитиков признавалась бесспорным ядром цивилизации Суши и приравнивалась к мировому сухопутному полюсу (центру силы), контроль над которым, по словам Ма-

киндера, обеспечил бы мировое могущество, то полюс Моря в течение XX века сместился от Англии — «владычицы морей» — к США, которые переняли эстафету мирового господства над океанами. Впрочем, первые американские геополитики — такие как адмирал Мэхэн — уже предчувствовали такой поворот событий еще в XIX веке, когда тот же Мэхэн написал выдающийся труд по военной стратегии — «Морское могущество» («Sea Power»), в котором связывал грядущее планетарное возвышение США с развитием военно-морского флота и океанической стратегии.

Таким образом, с середины XX века геополитический дуализм, прослеживаемый геополитиками вплоть до древнейших конфликтов Афин и Спарты, Рима и Карфагена и т. д., окончательно кристаллизовался в противостоянии западного мира (США + страны Западной Европы) и СССР с его сателлитами в Европе и Азии. «Холодная война» и границы между участвующими в ней силами стала идеальной иллюстрацией к теории «великой войны континентов», где цивилизация Моря стремится захватить пространство Евразии «кольцом анаконды», предотвратить выход соперника к «теплым морям» и через контроль над береговыми зонами (увеличивая их к центру континента) удушить его во внутренней стагнации. И противостояние двух блоков в Восточной Европе, и Куба, и, шире, освободительные движения Латинской Америки, и Вьетнамская война, и разделение двух Корей, и, наконец, противостояние советских войск в Афганистане радикальным исламистам, поддерживаемым США, — все это эпизоды позиционной геополитической войны, где идеология играла второстепенную роль, прикрывая собой те же глубинные механизмы, которые действовали и в период «Большой Игры» между Великобританией и Российской империей вплоть до 20-х годов XX столетия. У Великобритании в XIX и XX веках не было никаких принципиальных идеологических противоречий с Российской империей, но геополитическое содержание их дуэли в Европе, на Черном море (Крымская война), на Кавказе, в Центральной

Азии и на Дальнем Востоке было почти идентичным тому, что мы видели в эпоху «холодной войны». Впоследствии место Англии заняли США, и противостоянию была придана идеологическая нагрузка в виде соревнования двух систем. Однако геополитики также склонны толковать это идеологическое различие как выражение некоторых пространственных тенденций. В советском обществе легко заметить все признаки «сухопутной» Спарты, а в капиталистическом лагере ясно читаются демократические черты «морских», «портовых» Афин.

В любом случае перевес геополитики над идеологией наглядно обнаружился в 90-х годах XX века, когда СССР распался, Российская Федерация отказалась от коммунистической идеологии, и провозгласила себя «демократией», и с распростертыми объятиями двинулась на Запад, ожидая слияния в едином «глобальном общежитии» (теории «общеевропейского дома» эпохи Горбачева и откровенно лизоблюдское западничество Ельцина и его реформаторского окружения). *Слияния, однако, не произошло*, и, напротив, атлантический блок НАТО не только не распустился после прекращения существования Варшавского договора, но, двигаясь на Восток, стал последовательно занимать те позиции, которые оставляла Москва. Поступая так, Запад руководствовался одним — геополитикой. Об идеологии здесь и речи быть не могло. На первых порах это оправдывалось «опасениями коммунистического реванша», а когда эта формула стала выглядеть смехотворной, то НАТО продолжал расширяться *просто так* — безо всяких объяснений.

Так сложилась сегодняшняя ситуация. Геополитическое наступление цивилизации Моря на цивилизацию Суши продолжается¹. По периферии России один за другим возникают новые военные объекты НАТО, направленные на стратегиче-

¹ Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея-Центр, 2000.

ское сдерживание и окружение России. И этот процесс только набирает обороты.

Геополитика, геополитическая методология не только убедительно объясняют эти процессы, но способны достоверно предсказать логику дальнейшего развития событий — будущее развертывание «великой войны континентов»¹ в эпоху глобализации.

*В чем была фатальная концептуальная ошибка
Горбачева и Ельцина?*

Преобладание исключительно исторического подхода и слепая и некритическая вера в односторонний прогресс без учета устойчивости «исторических парадигм» — и особенно устойчивости парадигмы «традиционного общества» — долгое время принуждали политологов анализировать конкуренцию государств между собой исключительно в терминах «модернизации». Считалось, что те общества, которые быстрее перейдут от аграрного к индустриальному уровню развития, и далее к постиндустриальному, получают тотальное превосходство над теми, кто отстанет. Следовательно, единственным полем конкуренции остается «модернизация: «кто более «модернизирован», тот и выигрывает. Приняв эту верную (но не универсальную) теорию, Советский Союз стремился любой ценой «догнать и перегнать» Запад, а когда выяснилось, что это не получается, Москва пришла в отчаяние, опустила руки и пошла к Западу на поклон с просьбой помочь в модернизации страны. Сегодня уже не только в теории, но и на практике очевидно, что из этого *ничего не вышло*. А если бы советское руководство уделило больше внимания геополитическому методу еще в 1980-х годах, когда кое-что можно было еще поправить, то крах таких попыток было бы легко предсказать и, возможно,

¹ Дугин А. Великая война континентов/ Дугин А. Конспирология. М.: РОФ Евразия, 2005..

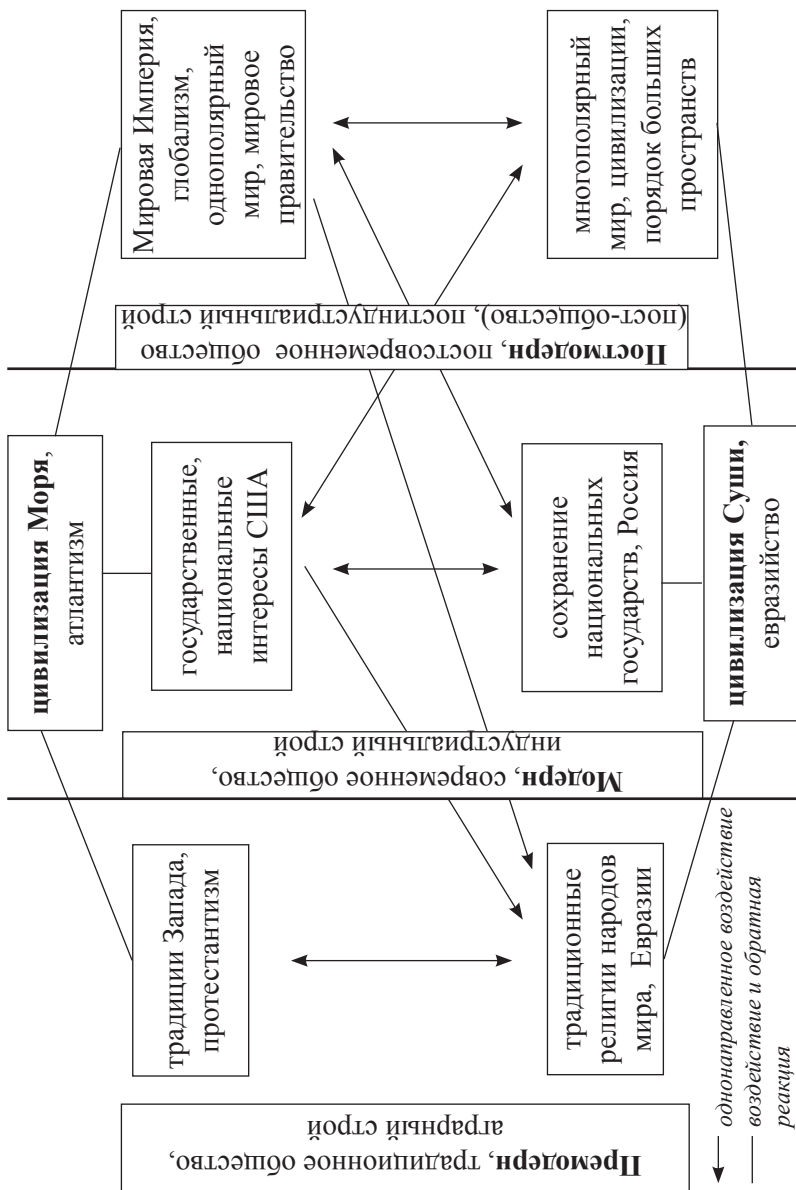
избежать некоторых позорных страниц нашей новейшей истории.

То, что привело СССР и социалистическую систему к развалу, имело свое концептуальное обоснование. Не уделяя никакого внимания геополитической предопределенности обществ и не подозревая о сухопутной природе СССР и не снимаемых ни при каких обстоятельствах противоречиях с цивилизацией Моря (в нашем случае с США), советское руководство, а позже в еще большей степени либералы-реформаторы из окружения Ельцина, анализировали ситуацию только в терминах «идеологического противостояния» и «модернизации». Им казалось, стоит убрать «идеологию», и основные преграды для «модернизации» будут сняты. Но оставалась еще неизвестная им геополитика, которая существенно меняла всю картину. «Идеология» для самого Запада была лишь проявлением геополитического дуализма, и Макиндер ясно описал это в своей книге «Демократические идеалы и реальность», где он подчеркивал, что капиталистическая идеология воплощается в конкретных геополитических условиях, которые во многом и предопределяют идеологические процессы. Поэтому элита Запада действовала не вслепую, как Горбачев и Ельцин, и даже после отмены в одностороннем порядке «идеологического» противостояния (что они не могли не приветствовать, так как победила *их* идеология, а враждебная — самоуничтожилась), Запад не спешил с «модернизацией» России, предпочитая продолжать геополитическое наступление на уже поверженного противника, чтобы его добить. *Вместо* «модернизации» имели место активное наступление НАТО на Восток и отдельные попытки дестабилизировать ситуацию в самой России (отсюда поддержка Западом чеченских сепаратистов). Кроме того, советским (а позднее российским) руководством был совершенно не учтен тот момент, что переход от индустриального общества к постиндустриальному — это отнюдь не чисто количественное продолжение развития, но совершенно новый этап со своей качественной спецификой. И

во многом общество Постмодерна представляет собой нечто обратное обществу модерна. Переход к постиндустриальной фазе не есть просто следующая, более развитая индустриальная фаза. Это выход за границы привычного представления об обществе, экономике, государственности, человеке, с которым привыкли иметь дело люди эпохи модерна. Поэтому постиндустриализация в определенных аспектах идет в ином направлении, нежели индустриализация, — в частности, промышленное производство не развивается, а сокращается или переносится в страны Третьего мира, подальше от стран «богатого Севера». С другой стороны, Постмодерн своей целью видит полное и радикальное дробление любых обществ на атомарные единицы — вплоть до упразднения государств, наций, национальных администраций, границ и превращения планеты в единое «гражданское общество», управляемое «мировым правительством». А это значит, что, став на путь «постмодернизации», Россия подвергается опасности скорейшей утраты собственной идентичности, растворения государственности и смешения населения с открытым во все стороны миром, что в итоге приведет к «глобальному кочевничеству» (Ж. Аттали). Иными словами, если проводить постмодернизацию без учета геополитики, то даже ее успех неминуемо приведет к исчезновению России как исторического явления.

*Сводная схема основных парадигм глобальной
политологии XXI века*

Если мы сведем и исторические парадигмы, и геополитические принципы в одну схему, то получим картину, которая может рассматриваться как *базовая пространственно-временная политологическая карта XXI века*. С ее помощью можно прогнозировать основные фундаментальные тенденции и тренды, отслеживать динамику развития и изменения баланса основных событий, расшифровывать их значение.

На схеме изображена сводная картина исторических парадигм и геополитических полюсов, своеобразная пространственно-временная матрица, описывающая баланс сил в начале XXI века. Мы видим, что, в отличие от упрощенных картин идеологического противостояния или сведения всего к процессу «модернизации», геополитический дуализм Суши и Моря существенно усложняет картину, показывая, что линии напряжения могут проходить одновременно по всем трем историческим парадигмам, и в некоторых случаях конфликты могут разворачиваться в перекрестных направлениях.

Атлантистский полюс в лице США сегодня активно утверждается во всех трех парадигмах. «Традиционному обществу» соответствует основополагающая для американской государственности и американского общества протестантская религия, и распространение протестантских сект со штаб-квартирами в США вполне может рассматриваться как один из инструментов геополитической экспансии. Американоцентричный протестантизм в некоторых случаях является особенно действенным средством укрепления американского влияния, если речь идет о традиционных обществах. В 1990-х годах волна протестантских проповедников и миссионеров захлестнула Россию и страны постсоветского пространства, а в последние годы масштабное наступление протестанты ведут на страны Дальнего Востока. Так, в Южной Корее протестантизм уже является конфессией большинства, и сейчас идет процесс повального распространения протестантизма в Китае. Поскольку именно протестантская этика и система ценностей лежит в основе современных западных капиталистических обществ, то расширение зоны влияния протестантской конфессии вполне может рассматриваться как подготовительная операция по наступлению атлантизма как геополитического явления, хотя в этом случае речь идет о смене одних религий другой, а не о прямой «модернизации» и программе Просвещения, которая делает ставку приоритетно на атеизм и индивидуализм.

На схеме видно, что традиционные конфессии автохтонных народов сопротивляются протестантскому влиянию, но одновременно можно увидеть, что косвенно распространению протестантизма оказывают поддержку и американское государство, и глобалистские фонды, НПО и правозащитные организации. Чаще всего традиционные религии в той или иной степени противодействуют прямым атакам протестантских миссионеров, но симметрично влиять на американскую государственность или глобалистские сети они бессильны (если не считать атаку 11 сентября 2001 года на Нью-Йоркские небоскребы Всемирного торгового центра, приписываемую «Аль-Каиде»).

На уровне типичных образований модерна мы видим на схеме противостояние интересов США как государства и других национальных государств, чей суверенитет и региональное влияние ограничивают естественным образом зону влияния США. Поэтому атлантизм ведет к постепенной десуверенизации национальных государств. Этот процесс десуверенизации ведется по двум направлениям, отмеченным на схеме стрелками. С одной стороны, США стараются установить прямой контроль над проблемными зонами (Ирак, Афганистан, до определенной степени Сербия) — это противостояние по линии государство (США) — государство (все остальные страны). Здесь речь идет о напряжении в рамках парадигмы модерна. Но в других случаях десуверенизация может проходить под эгидой глобализации, и тогда те же США выступают уже не в роли национального государства, а как наднациональный локомотив глобализации, продвигающий условия «Постмодерна» в мировом масштабе, не считаясь с национальными и административными границами.

Как мы видим на схеме, глобализация сталкивается с двумя типами сопротивления — по линии модерна этому противятся (отчасти по инерции) суверенные государства, а на глобальном уровне однополярному миру противостоит многополярный мир, или проект «созвездия новых империй», «больших про-

странств», что представляет собой ответ в плоскости Постмодерна. И наконец, последняя линия напряжения проходит между проектом многополярного мира (евразийским Постмодерном) и национальными интересами США как государства.

Нельзя назвать отмеченные двойными стрелками тенденции полностью равнозначными, сила действия и противодействия в геополитике — в отличие от физики — не является тождественной. И в наших условиях все атлантистские (морские) векторы являются более весомыми и активными, более сильными, нежели ответные евразийские (сухопутные). Но так обстоит дело на стартовой позиции XXI века, когда еще дают о себе знать последствия того беспрецедентного поражения и провала, которое потерпела цивилизация Суши в 90-е годы XX столетия.

В будущем вполне можно прогнозировать изменение этого баланса, но силовые линии и основные параметры глобальной политической картины принципиально будут оставаться приблизительно теми же.

Эта схема может быть с успехом применена к анализу как конкретных региональных конфликтов, так и масштабных международных процессов.

Атлантистский проект против евразийского проекта

Понимание истоков нынешней геополитической расстановки сил необходимо для того, чтобы действовать в этой ситуации адекватно. Американский политолог Самуил Хантингтон откровенно охарактеризовал общий баланс сил в мировой политике формулой «the West against the Rest» — «Запад против всех остальных». В нашей схеме это будет означать не что иное, как атлантизм против евразийства, или Море против Суши. Но эта формула в нашем мире рассматривается только с одной стороны — со стороны Моря. Создается впечатление, что глобальный Запад, «the West», создает планетарный порядок по своим шаблонам, а «все остальные», the Rest, просто

путаются у него под ногами, мешая осуществлять задуманное. Евразийство как метод предлагает посмотреть на ситуацию глазами этих «всех остальных», глазами the Rest. И тогда вместо инерции сопротивления «новому» со стороны «старого» мы видим *сознательное и напряженное противостояние двух разных проектов, двух разных порядков* — сухопутного и морского, каждый из которых обладает своей структурой, своими ценностями, своими идеалами и методологиями. И каждый идет к своей цели, в которой учитываются все аспекты, составляющие основу исторической цивилизации — и традиционное общество, и государственность эпохи модерна, и постмодернистский проект будущего.

Оказывается, ситуация далеко не выглядит как противостояние «атлантистского порядка мировому хаосу». Нет, атлантистскому порядку противостоит альтернативный евразийский порядок, а отнюдь не хаос. В конфликте сошлись не прошлое и будущее, но разные версии будущего, произрастающие из разного прошлого.

На этой напряженной линии борьбы находится и наше поколение, и будут жить те поколения, которые придут ему на смену. И еще долго — необозримо долго — война между единой планетарной Империей (атлантистский проект) и созвездием многих империй (евразийский проект) будет определять сущность мировых политических процессов.

ГЛАВА 2. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАРАДИГМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПОСТМОДЕРНА

Постмодерн как вызов

В нашем мире происходит фундаментальный слом парадигм, сопоставимый с тем, который произошел в Новое время. Новое время (Модерн) сменило собой «традиционное общество» (Премодерн), утвердило программу его полного уничтожения и приступило к ее исполнению. Это была настоящая революция парадигм. Сегодня на наших глазах складывается новая парадигма, которую принято называть «Постмодерном». Смысл этого понятия сводится к обозначению нового состояния цивилизации, культуры, идеологий, политики, экономики в той ситуации, когда основные энергии и стратегии модерна, Нового времени, представляются либо исчерпанными, либо измененными до неузнаваемости. Приставка «пост-» отсылает нас к состоянию, следующему за данным. Постмодерн наступает только после конца модерна.

Модерн, как парадигма, рожденная Западной Европой в Новое время, была отрицанием традиционного общества. Как альтернативный концепт, он был рожден посттрадиционным и антитрадиционным обществом, выработавшим систему критериев, в которой наука, опыт, техническое развитие, рационализм, критицизм и индивидуализм заместили собой теологию, коллективность, веру, догматику, холизм, интуицию, онтологизм традиционного мира. Программа модерна питалась энергией отрицания, опрокидывания устоев того, что тысячелетиями казалось непререкаемым абсолютom. Западный модерн распространился, созидался и укреплялся через борьбу с не-

Модерном, не-современностью, «Премодерном», а также через борьбу с не-Западом (Востоком или Третьим миром). А. Тойнби осмыслил этот процесс в тезисе «The West and the Rest», у С. Хантингтона он превратился в «The West against the Rest». Программа и основной пафос модерна заключались в ниспровержении очевидностей традиционного общества, либерализации и освобождении человека от всего того, что догматически претендовало на роль его коллективной идентификации.

Либерализм изначально был чистым воплощением Модерна, отрицавшим последовательно и размеренно онтологию Премодерна. Вначале либерализм (буржуазная демократия) последовательно победил монархии и сословные общества. В этом процессе буржуазных реформ и революций, по сути, была сформулирована основополагающая программа модерна: Фрэнсис Бэкон и Адам Смит сегодня звучат абсолютно современно. Отрицая шаг за шагом фундамент традиционного общества, «освобождая» Европу от его нормативов, либерализм двигался широким путем нигилизма. Первый аккорд этого освобождения очевиден: разрушаются формальные структуры традиционного общества, представленные эксплицитно. Этот этап завершается к концу XIX века, когда формально феодальных режимов на Западе более не остается. Отныне нелиберальные идеологии вынуждены принять терминологию модерна, формально облачать свои идеи и тезисы в язык современности. Так, наряду с либералами, которые представляют собой модерн и по форме и по содержанию, сложились течения консервативных революционеров и коммунистов.

Консервативные революционеры, представители идеологии «третьего пути», пытались — довольно прозрачно и осознанно — обернуть консервативный фундаментал (ценности традиционного общества) в оболочку модерна, не просто отвергая модерн, как классические консерваторы, но пытаясь его перетолковать. Классический пример — Луи де Бональд, утверждавший, что после того как «Французская революция утвердила в обществе «права человека», консерваторы должны

утвердить в нем «права Бога». Он делал вид, что не отдает себе отчета в заведомом богоборчестве атеистической программы модерна... Наивная хитрость («теперь мы должны») тем не менее, возымела свой эффект, и многие европейские режимы 20—30-х годов XX века поддались на консервативно-революционную стратегию.

Но в середине XIX века сложилось еще одно направление, которое до поры до времени воспринималась как наиболее «продвинутой» форма модерна, как наиболее «модерновое» в модерне. Речь идет о революционной демократии, социализме, коммунизме. Здесь, казалось бы, нигилизм (отрицание традиционного общества) был еще более очевиден, нежели в либерализме, и многие искренне рассматривали это направление как будущее буржуазно-демократического периода. До поры до времени обе тенденции Модерна (либерализм и социализм) шли рука об руку, по крайней мере, в том, что касалось борьбы с традицией в ее явной (консервативной) или завуалированной (консервативно-революционной) формах. По мере достижения успехов в общей борьбе заострялись противоречия между этими двумя формами.

Таким образом, к началу XX века модернизация шла уже сразу по трем каналам, три идеологии претендовали на ортодоксальное выражение этого процесса: идеология национальной модернизации (фашизм и его аналоги), идеология социалистической модернизации (марксизм) и идеология либеральной модернизации (англо-саксонский капитализм). Все они предлагали свой путь и по-своему трактовали стартовый импульс Нового Времени, все были ориентированы на достижение некоего финального состояния модернизации, когда ее процессы достигли бы наивысшей стадии. Иными словами, на горизонте всех трех версий модерна сияли три утопии, три версии «конца истории» как завершения процесса модернизации.

Фашистский проект (особенно масштабно воплощенный в мифологии национал-социализма) предполагал создание «планетарного Рейха», где расово-германский элемент был бы вен-

цом и субъектом технической эволюции. Показательно, что здесь апелляции к теме «Reich»^а, т. е. «царства», «империи», были прямыми и, по сути, обнаруживали наличие полуосознанной цели — реставрации условий Премодерна в глобальном режиме с преобладанием германского расового элемента. Модернизация в нацизме была диалектическим средством для практической реализации «вечного возвращения», о чем прямо повествовали нацистские мифы.

Германский «планетарный Рейх» рухнул первым. Данный план «модернизации для архаизации» был сломлен.

Второй проект — советский — был более тонким и предпочитал оперировать только категориями модерна, без прямых апелляций к «империи». «Империей» («красной империей») — в полемических целях и в пейоративном смысле — СССР называли только враги. Однако и здесь модернизация должна была достигнуть своего пика с переходом на качественно новый уровень. Этим пределом был коммунизм. История модернизации, осознанная в гегелевско-марксистских терминах, кончалась бы коммунизмом. Исследуя советский опыт уже в 30-х годах XX века, многие прозорливые либералы (К. Поппер, Н. Кон, Ф. фон Хайек, Р. Арон) пришли к выводу, что коммунизм и социализм суть разновидности консервативной революции. Но архаичное, сакральное и традиционное здесь весьма специфично, глубоко завуалировано и подчас невнятно большинству самих коммунистов и социалистов. Речь, по их мнению, шла об эсхатологической версии традиции, абсолютизирующей онтологию будущего. По сути, коммунизм — это Постмодерн в советской версии модернизации, точно так же, как «планетарный Рейх» — Постмодерн нацистского проекта. Но и эта модель не реализовалась.

Третий проект модернизации — либерально-демократический — остался единственным, который дошел до финишной черты и тем самым выиграл приз на наследие всего модерна. После Второй мировой войны начался очередной этап очищения модерна от традиции, но уже от тех ее элементов, которые проникли в модерн глубоко и неявно. В этом состоял парадиг-

мальный смысл геополитической и идеологической борьбы между советским и капиталистическим лагерем в послевоенный период («холодная война»). Постиндустриальное (информационное) общество — единственная успешная модель завершения программы модернизации и перехода ее на следующую ступень развития.

Гегелевская философия истории, определявшая логику модернизации во всех вариантах, могла теоретически привести к одной из трех альтернативных версий «конца истории», Постмодерна. Об этом много спорили в XIX и XX веках. А. Кожев одним из первых выдвинул гипотезу, что этим «концом истории» станет не коммунизм и тем более не планетарный нацистский Рейх, но именно либерально-модернистическая парадигма. Теоретически Постмодерн мог бы быть нацистским, коммунистическим или либеральным. Он стал только либеральным, именно либеральную парадигму следует принимать за образец Постмодерна. Переход от модерна на следующую ступень исторически реализовался только в либеральном контексте, и иного формата постиндустриального общества, кроме либерального, мы не знаем. Все остальное — в сослагательном наклонении. Конечно, Ф. Фукуяма несколько поспешил объявить о том, что история закончилась. Но в целом он был прав. Выиграв соревнование с фашизмом и коммунизмом и первым реализовав переход от Модерна и индустриального уклада к следующей, постиндустриальной, эпохе, либерализм остался один на один с самим собой.

Сегодня Ф. Фукуяма корректирует свой тезис о «конце истории», т. к. реализация «империи Постмодерна» сталкивается с новыми трудностями — например, всплытием затопленных и ранее игнорируемых смысловых и психологических «континентов» Премодерна в Третьем мире, в Азии и т. д., — но теоретически построения американского футуролога безупречны. Раз альтернативные проекты модернизации сорвались и не дошли до следующей стадии (не случайно Н. Хрущев назначил коммунизм на 1980-е — опоздание со сроками реализации

«советского Постмодерна» создавало реальную угрозу победы Запада, что и произошло), то «конец истории» доказал себя в лице планетарного либерализма.

Победа либерализма нивелирует различия между прежними проектами, стремившимися быть ему альтернативой. Это означает, что к началу XXI века различия между классическим консерватизмом, третьим путем, коммунизмом были практически стерты, а на следующем этапе это коснется и социал-демократии. Все, что оказалось «немодерным» — по форме или даже по глубокому и бессознательному содержанию, — отнесено в разряд политнекорректного, «вечно вчерашнего», «преодоленного».

Постмодерн: Запад, Восток и Россия

Описанная выше схема (Премодерн — Модерн — Постмодерн) взята, однако, по прецеденту (в юридическом смысле): так или приблизительно так обстояло дело с той частью человечества, которая проживала в последние две тысячи лет в Западной Европе или была как-то связана с ней генетически (колонизаторские культуры обеих Америк, в меньшей степени — Африки и Тихоокеанского бассейна). И хотя в самой Западной Европе эта модель также имела множество отклонений и противоречий, тем не менее, можно утверждать, что «телос» западноевропейской истории именно таков: от традиционного общества к современному, от Премодерна к Постмодерну.

Но европейское или европоцентричное сознание отличается «гносеологическим расизмом» и постоянно осуществляет отождествление «западноевропейского», «европейского» и «универсального». Западноевропейский «телос» истории берется как универсальный «телос» истории человечества, на основании которого вырабатывается «универсальная» система оценок, критериев и шаблонов. Путь от традиционного общества к современному (и «постсовременному»), который прошел и продолжает проходить Запад, считается универсальным путем

для всех стран, культур и народов. Их история рассматривается лишь как процесс «модернизации» и «вестернизации».

«Вестернизация» и «модернизация» — понятия не тождественные, но в то же время тесно связанные между собой концептуально. «Современность» оценивается со знаком плюс только в прогрессистской западной парадигме, поэтому этот термин заведомо несет на себе ее отпечаток. «Модернизация» (в широком смысле) имплицитно постулирует универсальность «исторического телоса», по сути скалькированного с «телоса» именно европейской истории.

Очевидно, что история традиционных обществ (а к этой категории до сих пор принадлежит подавляющее число жителей земли!) выпадает из такой телеологической парадигмы, движется по совершенно иной траектории. Следовательно, в глазах Запада «история» большинства человечества игнорируется в ее содержательном измерении, а внимание фокусируется лишь на тех ее фрагментах, где дают о себе знать признаки «европейского телоса», т. е. «элементы модернизации».

Для написания учебников по всеобщей истории такой подход чрезвычайно удобен: все общества, культуры и страны ранжируются в соответствии с упрощенной исторической схемой, выстраиваемой согласно априорно заданной телеологии. Далее задача приобретает чисто технический характер — в зависимости от уровня учебника более или менее нюансируются иллюстрации (любопытно, что марксизм в значительной мере наследует западноевропейский «гносеологический расизм»).

Вне подобной историцистской парадигмы говорить о «Постмодерне» (равно как и о Модерне) бессмысленно. Вне западной цивилизации есть «Модерн», принесенный туда с Запада (по логике колониальной парадигмы), и в какой-то момент это привитое явление переходит (может перейти, перейдет) в новую стадию — в ту, куда постепенно переходит само западное общество, следуя за своим «телосом». Если рассмотреть культурно-цивилизационный контекст, отличный от западно-

го, то качество т. н. незападного Модерна явно обнаружит свою двусмысленность.

«Модернизация» России в XX веке шла чрезвычайно оригинальным («марксистско-ленинским») путем, и сейчас еще предстоит выяснить, чем был, по сути «советский эон». В чем «советизм» был «модернизацией», в чем — «псевдомодернизацией», в чем, «антимодернизацией»? Иными словами, «советский Модерн» — это открытая тема. Но если в России сложился очень сомнительный «Модерн», то «Постмодерн» наверняка будет еще более странным.

Постмодерн основывается на предпосылке, что модернизация традиционного общества успешно завершена, что сакрального измерения в социально-политической и экономической сферах более не остается. Так или почти так обстоит дело на Западе (по крайней мере, таковы фундаментальные декларации западной власти и интеллектуальной элиты, таковы приметы преобладающего цивилизационного стиля). Контроль Запада над планетой сегодня велик как никогда, и налицо полная иллюзия успешного введения в контекст «Модерна» всех региональных элит незападного человечества. В этих условиях наблюдается интересное явление: весть о «Постмодерне» постепенно делегируется Западом западным элитам. Это обозначение новой парадигмальной территории, которая призвана постепенно сменить «модернистические» установки после того, как они эффективно и окончательно лишат последних традиционных черт недостаточно современные общества. «Постмодерн» — это своего рода «масонство» XXI века, которое в полузакрытой среде оперирует чистыми парадигмами политико-цивилизационных установок и дозировано транслирует их (в адаптированных формах) западным элитам.

Проецируя указанные тренды на Россию, можно легко заметить, что наша страна в 1990-х гг. оказалась на новом витке колонизации. Явно не до конца «модернизированное» общество получило императив освоения не просто либеральной модели, но либеральной модели в ее наиболее рафинированном,

кристальном виде. В России и с Модерном-то было все не до конца понятно, а тут нагрянул Постмодерн. Это породило серьезную концептуальную сумятицу.

В российском «Постмодерне» можно выделить две основные линии. Первая является чисто «колониальной». Западный «Постмодерн», примененный через «компрадорские» интеллектуальные элиты к России, был призван создать четкий вектор для процесса ускоренной модернизации — быстрыми темпами демонтировать все то, что было по сути «немодерном» в российском «псевдомодерне». Так Постмодерн был индикатором правильности курса модернизации. Традиционная психология русских весь XX век перетолковывала «модернизацию» в архаическом ключе (например, переплавив марксизм в хилиастическую эсхатологию), и естественно, эти тенденции мгновенно остановить было трудно. Поэтому «Постмодерн», а точнее, «постмодернизм» играл важную роль на этом этапе либеральной модернизации. Реформы экономики в духе классического (индустриального, а иногда и прединдустриального капитализма) сопровождались реформами сознания в духе постклассического, постиндустриального капитализма (посткапитализма). В этой своей функции постмодернизм в России 1990-х годов являлся ультраколониализмом. Он жестко насаждал «свершившийся телос» Запада в страну, вся история которой была направлена на то, чтобы от этой логики увернуться (а то и опровергнуть ее). Отсюда естественное и вполне оправданное недоверие к Постмодерну у консервативно настроенной российской интеллигенции. Однако эта функция постмодерна в России далеко не завершена.

Следует учесть еще одно обстоятельство. Постмодерн в западном контексте снижает деструктивный пафос «Модерна» в отношении «остатков» традиционного общества, так как эти остатки считаются качественно преодоленными. В Постмодерне Традиция вызывает уже не ненависть, и даже не безразличную иронию, но эфемерный десемантизированный развлекательный (псевдо) интерес. Третий Рейх и Сталин (выставка

тоталитарного искусства «Москва — Берлин») идут на одном дыхании, вместе с историей первой топ-модели Твигги, перипетиями кинокарьеры Мэрилин Монро или Мадонной (Постмодерн уже в «пике»), играющей Эвиту Перон (жену латиноамериканского диктатора, национал-социалиста) в популярном крупнобюджетном мюзикле. В Постмодерне Модерн настолько побеждает Премодерн (Традицию), что уже не видит в Традиции никакого содержания, забавляясь ею наряду со всем остальным. Традиция отныне не враг, но элемент зрелища на равных основаниях со всем остальным. Постмодерну теперь все равно. Окончательно все равно. Он готов рециклировать все и вся: в новых условиях ничто не может выступить его антагонистом — ни экономическим, ни социальным, ни психологическим, ни цивилизационным. Даже «злодей» Бен Ладен интегрируется в спектакль: его племянница — это потенциальная поп-звезда с гарантированной карьерой.

Адольф Гитлер — идеальный ди-джей. Геббельс — ведущий ток-шоу. Сталин — чудесный бренд для продажи табака или грузинских вин. Че Гевара рекламирует сотовые телефоны. И Традиция, и Революция включены в постмодернистский спектакль без особых проблем. Они существуют виртуально именно потому, что они более невозможны в реальности. Впрочем, в Постмодерне виртуально все: деньги, наслаждения, культ, труд, общество, власть...

Когда такая парадигма переносится в «недосовременную» Россию, она мобилизует проколониальную элиту, дает ей парадигмальные ключи и стилистические коды контроля. Но есть у русского Постмодерна и совершенно иной аспект. На уровне политического бессознательного русское общество не принимало западный «телос», всякий раз стараясь перетолковать навязанные парадигмы «Модерна» в «премодернистском» ключе. Этот тонкий процесс связан со структурой коллективного бессознательного русских. Сложно детально описать этот процесс, он заведомо остерегается внешней рационализации, ускользает от нее. Этот пласт коллективного бессознательного

представляет собой гигантский психический потенциал, некий активный диспозитив реинтерпретационных, ресемантизационных стратегий, диспозитив перетолковывания.

Диспозитив перетолковывания у русских существенно отличается от аналогичных инстанций традиционных культур (например, азиатских) тем, что он располагается гораздо ближе к поверхности сознания, стучится в двери рассудка, пытается выбраться на поверхность. Азиатские культуры, модернизируясь, игнорируют корневые парадигмы этого процесса, пряча архетипы в глубины психики. Японский философ-кантианец легко остается законченным и совершенным буддистом, даже не подозревающим, что Кант имел в виду что-то другое. Пласты архаического диспозитива у японца фундаментальны, как гранитный цоколь. Азиаты, подчиняясь «Модерну» внешне, не обращают на него, по сути, никакого внимания, оставаясь сами собой. Русские же, смутно и непрямо, стремятся концептуализировать свою внутреннюю позицию. Это переводит диспозитив ресемантизации в основу национального мессианства.

Евразиец П. Савицкий в рецензии на книгу Н. Трубецкого «Европа и человечество» заметил, что только русские способны обобщить архаический потенциал традиционных обществ Азии в активную контридеологию, в альтернативную парадигму. Евразийцы признавали за русскими возможность активного противостояния Модерну, модернизации как вестернизации. Именно активный антимодерн, в свою очередь, вел к «модернизации» без «вестернизации», т. е. к такой модернизации, которая была бы направлена на противостояние парадигме Запада, его «телосу». Исторической иллюстрацией этого явления служит весь период советской истории (понятый, вслед за М. Агурским, в духе «национал-большевизма»), а максимальная рационализация его обнаруживается в интуициях евразийцев. Речь идет о том, что у России был (и отчасти остается) не просто архаический диспозитив коллективного бессознательного, но и вектор к рационализации программы «антимодерна» или «иноного Модерна».

Вот здесь-то и заключается самое интересное. Искусственное колонизаторское внедрение в современную Россию парадигмы Постмодерна, за счет безразличия и игрового, зрелищного (псевдо) интереса Запада к табу, приоткрывает русским новые возможности. Постмодерн не видит в Премодерне опасности, так как он есть «реализовавшийся» (а не «реализующийся»!) «телос» Модерна, возникающий только тогда, когда все альтернативы Модерну действительно сняты. Будучи примененным к иной контекстуальной среде, это может дать непредсказуемые результаты¹...

В западном контексте Постмодерн размывает упругость модернизационной стратегии, так как «телосу» уже ничто не угрожает. В Азии Постмодерн все равно не поймут, как не поняли Модерн, перетолковывая его как-то по-своему (но в целом безобидно). А в России постмодернистский эзотеризм, выйдя на улицы, грозит стать брешью в стихии западного «телоса», его «антитезой», его «темным дублем». Если прозападная, компрадорская элита видит в Че Геваре бренд мобильной связи, то антизападные, евразийские массы, иронично поймав нить игры, могут превратить мобильник в средства Революции (ведь, согласно постмодернизму, означающего и означаемого больше нет, есть только знаки). Точно так же у массы, в отличие от элит, не Сталин брендирует «красное вино», но после «красного вина» рождается великая ностальгия по Сталину. В каком-то смысле народный массовый Постмодерн в России может породить «антителос», стать топливом нового рывка евразийского мессианства и превратить рециклирование алеаторных кодов змеино-го контроля системы в экстатическую имперскую практику Вечного Возвращения...

¹ См. Дугин А. Мартин Хайдеггер и возможность русской философии. М.: Академический проект, 2011; Он же. Археомодерн. М.: Евразийское движение, 2012.

*Эволюция социально-политических идентичностей в
парадигмальной системе координат*

Какое бы социальное явление мы ни рассматривали, следует точно локализовать его в парадигмах исторического процесса по линии «Премодерн» («традиционное общество») — «Модерн» (Новое время) — «Постмодерн». Очевидно, что смена парадигм происходит не мгновенно, а занимает довольно растянутый исторический период. В этом качественная содержательная нагрузка исторического процесса: Модерн, с его революционной повесткой дня, элиминацией метафизики, освобождением индивидуума, разрушением старых социокультурных, политических и религиозных форм, вытесняет Премодерн постепенно, а тот («традиционное общество»), в свою очередь, упорствует, ищет новых воплощений, стремится одновременно прямо противостоять ему и проникать изнутри, имитируя «модернизацию». Сложность картины смены парадигм никогда не позволяет однозначно определить, когда Модерн победил, а Премодерн исчез. Нельзя спешить с выводами: Премодерн очень устойчив, жизнеспособен, глубок и способен прорасти сквозь рациональную программу Модерна, как трава сквозь асфальт. Иррациональное, мифы, чувства, сны, интуиции ведут против Модерна свою тайную работу, не останавливаясь ни на мгновение.

Проследим цепи парадигмальных эволюций на примере трансформаций идентичностей — социальной, политической, индивидуальной.

Премодерн знает следующие основные идентичности:

- империя;
- этнос;
- религия;
- иерархия (каста, сословие).

Империя объединяет в общий рациональный проект несколько этнических групп, универсализируя определенный культурный тип, который ложится в основу выработки системы особой имперской рациональности, всегда подчиненной

высшей, сверхрациональной, трансцендентной цели (*imperium sacrum*). Империи, как правило, открыты к ассимиляции определенных культурных элементов различных охваченных ею этносов, что делает имперский механизм чаще всего надэтническим. Это справедливо как для классических персидской, греческой или Римской империй, так и для кочевых империй гуннов, тюрков или Чингисхана. Имперская идентичность воспринимается гражданами Империи как соучастие в общности универсального проекта, в общности судьбы. Политически возвышаясь над этносом, человек Премодерна попадает в Империю, вступает в активное взаимодействие с «*legacy of empire*». Империя для человека традиционного общества не данность, но задание.

Этнос — это, напротив, данность. Это матрица культурной, языковой, психологической, родовой, кровной, но и социальной природы человека. Рождаясь в Премодерне, человек попадает в этнос и чаще всего остается в нем до самой смерти. Этнос — это непосредственная идентичность человека традиционного общества, откуда он черпает все — язык, обычаи, психологические и культурные установки, жизненную программу, систему возрастных и социальных идентификаций и т. д. Этнос также обладает рациональностью, но эта рациональность, в отличие от имперской, локальна, имеет ограниченный ареал применения. Этническое мышление неразрывно связано с языком. Через язык человек интегрируется в этнос, получает имя, определяет свое место в мире. Эта органичная идентичность в традиционном обществе намного превосходит индивидуальное начало: человек этнический есть элемент единого целого, понятого (холистски) как неразделимое единство, главный и непоколебимый диспозитив онтологии. Человек в «традиционном обществе» есть в той мере, в какой он есть русский, грек, татарин, германец и т. д.

Религия — особая форма идентичности Премодерна. В некоторых случаях она совпадает с этносом (иудаизм).

В других случаях она опирается на стратегический потенциал империи (римское язычество, позже христианство в Ви-

зантии). Иногда религия сама способна консолидировать различные этносы, превращая их в единое стратегическое целое (исламский халифат). И наконец, религия может формировать общую надэтническую идентичность в отрыве и от этноса, и от империи (буддизм в Китае, Японии и т. д.) Религия является также диспозитивом идентичности и онтологии, который, однако, сообщает свое качество иначе, нежели естественная этническая среда или жесткие силовые императивы империи. Религия обращается к индивидууму непосредственно, возводя его к соучастию в особом уровне существования, где он становится элементом особого духовного процесса, определяемого в разных религиях по-разному (спасение в христианстве, освобождение в индуизме, нирвана в буддизме и т. д.).

Кастовый (или, смягченно, сословный) принцип характерен для большинства типов традиционного общества. Почти все они основаны на иерархии, где высшие касты соответствуют духу, низшие — материи. Человек Премодерна отождествляет себя со своей кастой, которая дает ему обоснование для социальной жизни и самопозиционирования. Иерархия — дословно «священновластие» — является неотъемлемой чертой традиционного общества.

Модерн сознательно нацелен на то, чтобы сокрушить и ниспровергнуть идентичности Премодерна. Его программа состоит в последовательном опрокидывании пропорций «традиционного общества». Модерн предлагает свою систему идентичностей:

- государство (etat-nation) — вместо империи;
- нацию — вместо этноса;
- светскость — вместо религии;
- равенство индивидуумов, граждан (права человека) — вместо иерархии.

Государство мыслится Модерном как антиимперия. Это особенно очевидно в теориях Макиавелли, Бодена, Гоббса.

В империи ими критикуется принцип трансцендентности, особой сверхрациональной телеологии, линия великой судьбы.

Государство, в современном понимании, рассматривается как чисто рациональный аппарат, имеющий не столько позитивную (мессианскую) нагрузку, сколько механическую задачу не допустить «войны всех против всех» (Гоббс), сбалансировать эгоистические, хаотические и противоречивые импульсы «автономных индивидуумов». В разработке концепции Государства большую роль сыграло протестантское учение — с его резкой индивидуализацией духовного начала, критикой католических традиций и церковных институтов.

На место органического кровно-культурного родства в Модерне приходит нация как искусственно организованный конгломерат граждан конкретного государства. Создание наций и государств уничтожает этносы, переверстывает их под единый формальный шаблон. В нации органические кровнородственные и культурные связи распадаются, заменяясь механически выстроенной формализованной системой. Происходит унификация граждан под шаблон Государства.

Институт традиционных религий маргинализируется, Модерн утверждает идеал «светскости», секуляризма. Религиям отводится место на периферии общества, они превращаются из действенного фактора организации коллективной идентичности в личное дело каждого, никак не влияющее на структуру общественного целого. Лаицизм настаивает на этом эксплицитно.

Иерархическая модель Модерном также отвергается, индивидуумы считаются принципиально равными, разделенными на классы лишь произвольностью личной судьбы. Правители и простые граждане ставятся на одну онтологическую и антропологическую плоскость, демократия релятивизирует системы власти — теоретически каждый индивидуум может занимать в обществе и государстве любой пост. Какая бы то ни было, связь власти с онтологией отрицается, власть десакрализируется.

Идентичности Модерна являют собой антитезу идентичностям «традиционного общества». Переход от системы старых

идентичностей к новым и составляет основное содержание современной европейской истории.

К концу XX века Модерн с этой программой справляется, его идентичности полностью вытесняют и замещают собой идентичности Премодерна. По мере того как этот процесс завершается на Западе, сам Запад отвоевывает себе доминирующие позиции в остальном мире, устанавливая идеологическую гегемонию в планетарном масштабе — через культурную, стратегическую, экономическую или политическую колонизацию. Запад становится хозяином дискурса, обрекая остальной мир на шепот, вскрики или рыдания. Запад (вполне по-расистски) приравнивает свой процесс развития, эволюцию своей цивилизации (от Премодерна к Модерну и Постмодерну) к универсальному курсу «всемирной истории». Но переход от Модерна к Постмодерну, являясь безусловно логичным на Западе, создает применительно к остальному человечеству некоторую двусмысленность, на прояснении которой, впрочем, современные западные философы предпочитают не останавливаться.

При переходе от Модерна к Постмодерну обнаруживается интересное явление: когда процесс модернизации принципиально завершен, сами идентичности Модерна начинают на глазах менять свое качество, утрачивая *raison d'être*. Не случайно многие философы отождествляют процесс Модерна с «процессом критики» (подразумевается критика традиционного общества и его пережитков). Когда объект критики исчезает, трансформируется сама критическая тенденция. Это и есть ситуация Постмодерна, которая неожиданно дает нам веер новых идентичностей.

Постмодерн выдвигает проекты:

- глобализации (глобализма) — против классических буржуазных государств;
- планетарного космополитизма — против наций;
- полного индифферентизма или индивидуального мифотворчества в контексте неоспиритуализма — против строгой установки на секулярность;

- произвольность утверждения абсолютным индивидуумом своего отношения к «другим» — против гуманистической стратегии «прав человека».

Глобализация расплавляет государства; «новое кочевничество» и планетарный космополитизм подвергает декомпозиции нации; светскость, традиционные религии и экстравагантные культы уравниваются в статусе, открывая путь произвольным и индивидуальным парарелигиозным конструкциям («ню-эйдж»); виртуальное наделение своего «эго» произвольными качествами, спроецированными на виртуальный клон киберпространства, порождает ультраиндивидуализм.

Появляется новая идентичность — человечество. Так как любая идентичность предполагает наличие пары «свой-чужой» (психология), «друг-враг» (К. Шмитт), человечество в эпоху глобализации создает своих внутренних и внешних оппонентов — «изверги-террористы» («нелюди») внутри, «инопланетяне», «aliens» — вовне. Фобии НЛО и инопланетян, столь распространенные, к слову, в США, самой авангардной стране глобализационного проекта, все более занимают массовое сознание, порождая распространенные культурные сюжеты, своего рода «архетипы Постмодерна».

Вместе с тем появляется новая «каста» париев — иммигранты, вовлеченные в поток «нового кочевничества», обездоленные массы «Третьего мира», Евразии и Восточной Европы. Они качественно отличны от традиционных общин: их культурная, религиозная, этническая принадлежность размывается, экономическая функция становится относительной (в отличие от предшествующих фаз развития капитализма, заинтересованного в перемещении в зону промышленного развития дешевой рабочей силы). Иммигранты образуют особую общность, коллективная идентичность которой находится сейчас в стадии становления.

Неоспиритуализм, экстравагантные секты, культы и хаотические фрагменты традиционных религий (восточных и запад-

ных) образуют постепенно особый настрой, в котором нет ни строгости догматов Премодерна, ни последовательного атеизма и лаицизма Просвещения. В Постмодерне человек свободно оперирует с произвольными сегментами совершенно не сочетающихся мировоззрений, дискурсов, языков. В области духа нет никаких ограничений, но и никаких ориентиров, никаких вех. Каждый волен верить во что угодно, считать себя и других кем угодно, декларировать что угодно.

Индивидуализм достигает в Постмодерне своего логического предела. Человек настолько автономизируется, освобождается от общества и любых форм коллективной идентичности, что постепенно вообще теряет из виду «другого». Все больше проводя времени в виртуальных мирах компьютера, в сети Интернет или компьютерных играх, перемещая постепенно туда и труд, и досуг, люди Постмодерна привыкают к обладанию игровой идентичностью, выбирая себе маски, ники, роли, стратегии. Мало-помалу их «я» эвапоризируется, растворяется в смутных импульсах полностью фрагментарного существования, что усиливается постоянно расширяющимся пристрастием к наркотикам, весьма способствующим экзистенциальному стилю. В конечном счете, стратегия социальной интеграции — иерархической или гражданской — подменяется стратегией индивидуальной галлюцинации.

У Постмодерна, в отличие от Модерна, нет программы, он не стремится преодолеть или ниспровергнуть Модерн. Для Постмодерна все ценности Модерна, весь пафос его критики, все напряжение «духа Просвещения» глубоко безразличны. Постмодерн не активен, но пассивен.

Интересно следующее: при сдвиге парадигм — от Модерна к Постмодерну — открываются затопленные континенты «традиционного общества», казалось бы, давно преодоленные и рассеянные установки. Премодерн — особенно в Третьем мире, но и не только — пользуется критической фазой перехода для того, чтобы снова напомнить о себе. Так, как это ни парадоксально, все чаще дают о себе знать архаические идентич-

ности: в политологическом языке снова употребляется термин «империя» или «империи» (во множественном числе); этносы напоминают о себе после столетий подавленности со стороны национальных государств; религии (в частности, ислам) вновь становятся фактором мировой реальной политики, а секты и радикальные политические организации воспроизводят параметры древних иерархий. Так складывается в нашем мире сложная мозаичная система идентичностей. Сегодня мы легко можем обнаружить — причем на одной и той же плоскости — следы всех перечисленных нами парадигмальных эпох. Часть человечества живет в Постмодерне, часть — в Модерне, часть — в Премодерне, причем эти эпохи в пространстве локализуются недостаточно четко: элементы Модерна и Премодерна встречаются и на постмодернистском Западе, а сам постмодернизм проникает в толщи архаических социальных зон Востока и Третьего мира. В этом заключается уникальность нашей эпохи: переход от Модерна к Постмодерну позволяет проявляться любым, логически не связанным и концептуально конфликтующим друг с другом идентичностям. Именно так, совершенно неожиданно для многих, в современном политологическом дискурсе вновь появилось понятие «империя».

«Империя» как концепт Постмодерна

Политология Нового времени записала имперский концепт в разряд категорий «предсовременного», традиционного общества (Премодерн). В политологии Модерна «империи» места не было, на ее место пришли «государства-нации» как продукт распада или реорганизации прежних империй на принципиально новых условиях. Концепции Бодена, Локка и Макиавелли, творцов концепции современной государственности, отвергали «империю» и ее политическую онтологию. Политическая логика Модерна была направлена на «преодоление империи» как в теоретическом, так и в практическом смыслах: разруше-

ние последних империй — Австро-Венгерской, Российской и Османской — стало поворотным пунктом окончательного вступления европейского человечества в политический Модерн.

Новое обращение к категории «империя», причем без традиционно уничижительного или чисто историографического подтекста, стало возможным только в условиях Постмодерна, когда повестка дня политического Модерна была исчерпана и от «традиционного общества» не осталось и следа. Обращение к терминологическому арсеналу, отвергнутому на пороге вступления в Модерн, в свою очередь, стало возможным лишь тогда, когда процесс модернизации полностью завершился; это обращение приобрело отныне «ироничный» смысл. Свобода обращения с тем, что было главным противником на прежнем этапе, обретена за счет абсолютности этой победы. Как же надо «отстать» от ритма развития политологического процесса в западном контексте, чтобы автоматически прикладывать распространенный сегодня термин «империя» как к современным явлениям, так и к политическим формам Премодерна...

Постмодерн свидетельствует не о том, что кто-то просто «проспал» Модерн, но о том, что Модерн настолько успешно выполнил свою задачу, что его бывший противник — Премодерн — представляет отныне не большую опасность, чем мышка для кошки. Не понимать этого — все равно что искренне принимать изображение Че Гевары на рекламном плакате мобильной связи за «призыв к социальной революции». Че Гевара здесь выполняет ту же функцию, что и обращение к «империи» в современной политологии: инкрустация его в маркетинговый ряд показывает фундаментальность победы рынка и капитала над социализмом и пролетарской революцией. Отныне капитал настолько уверенно себя чувствует, что иронично предлагает себя через свою антитезу — теперь он может себе это позволить. Не просто наивно, но идиотично считать, что таким образом капитал пропускает удар и невольно конституирует альтернативу себе. Он, очевидно, де-

лает нечто прямо противоположное, разлагая демонстрацией своего всевластия тщету и игровой, фиктивный характер любой альтернативы. Че Гевара в маркетинговой компании мобильной связи — демонстрация того, что Че Гевары больше нет, не может быть и, по сути, никогда не было. Это декомпозиция Че Гевары, его постмодернистская десемантизация.

Точно так же дело обстоит с «империей». Обращение к ней в постмодернистском контексте, конечно же, не означает никакого пересмотра политологической установки Модерна на ликвидацию этой самой «империи» и ее идейных оснований. «Империя» в актуальном (постмодернистском) понимании — это концентрированное воплощение отрицания содержания империи в историческом смысле как интегрированной системы общества Премодерна. Поэтому, когда мы говорим об «империи» применительно к реалиям сегодняшнего дня, а не к историческим эпохам, относящимся к Премодерну, мы должны отчетливо понимать, что речь идет о совершенно новой реальности, устроенной по особому образцу и подчиняющейся совершенно иным законам.

«Империя» в контексте Постмодерна является сетевой (а не пространственной) структурой. Эта «империя» отнюдь не противоположна «гражданскому обществу», но практически совпадает с ним. Она основана на абсолютизации либеральных ценностей и принципов, а отнюдь не на архаических системах иерархий. Она продолжает Модерн, а не отрицает его, переводя на новый, качественно более высокий уровень, а не предлагает какую-либо альтернативу. Эта «империя» фактически представляет собой синоним глобализации.

«Империя» в современном понимании прямо противоположна не только империям традиционного общества, но и «красной империи» или «империи зла». В этом полемическом ходе либералы критиковали наличие архаических элементов (т. е. скрытое наследие Премодерна) в СССР, и к такому явлению относились без иронии и снисхождения, но с мобилизованной ненавистью. «Советская империя» не реабилитируема

в условиях Постмодерна, так как она была жесткой альтернативой тому, что называется «империей» сегодня. Пока существовала «советская империя», Постмодерн еще не наступил и не мог наступить. Именно она и мешала ему. И до 1991 года никто не применял термин «империя» к западному миру и США. Только конец СССР и восточного блока сделал возможной «империю» в постмодернистском смысле. «Империя» в таком контексте может существовать только в единственном числе. Только единственное число этого термина является политкорректным и относится к конвенциональному языку Постмодерна. Термин «империи» во множественном числе произносить нельзя.

Новая география: «ядро» и «провал» Т. Барнетта

Установление «империи Постмодерна» по-новому структурирует планетарное политическое пространство. Все это пространство становится отныне для «империи» внутренним пространством. Отсюда актуальность темы глобализма, «мирового правительства» и т. д. Возникает новая политическая география — карта глобализма. Ее структурное описание дает американский политолог Томас Барнетт. Глобальный мир, по его мнению, разделяется на глобальное «ядро» («the Core»), «зону подключения», и «провал», «зону неподключенности» («the Gap», «the zone of disconnectedness»).

«The Core» воплощает в себе центр ретрансляции когнитивных, экономических, онтологических парадигм, составляющих содержательный аспект глобальной информации.

Но в условиях Постмодерна информация не делится более на форму и содержание, она транслируется как методология, т. е. главным содержанием того, что получают индивидуумы в «зоне подключенности», является это само состояние подключенности и методологии подключения. «The global Core» транслирует не столько дискурс, сколько язык, т. е. обобщенную плазму Постмодерна, не подлежащую селекции на произ-

водство и потребление. Секрет «империи» состоит в том, что она ассимилирует в себя «подключенных» как свои динамические элементы, становящиеся участниками общей игры в информацию, а не простыми потребителями информации, как представляла себе пропаганда эпохи Модерна. «Подключенность» дает информацию обо всем вместе и одновременно интерактивно вбирает информацию от «подключенного». Смысл «подключенности» в самом факте передачи, опосредованной быстротой сетевой коммуникации. В «империи» все идентификации размыты, все «субъекты» растворены. «Подключенность» определяет правила, но также открывает возможность их произвольно менять. Сеть — это жизнь «империи». Ее задача — укрепиться как единственная планетарная реальность, как единственное содержание жизни. По сути, в «империи» вся реальность с ее структурами переходит в виртуальность, а виртуальность, в свою очередь, становится единственной реальностью.

Единственной оппозицией «империи» в такой ситуации становится «the Gap», «провал», территории, отказывающиеся от «подключения» и, следовательно, виртуализации и правил игры. Это островки того, что застряло в условиях незавершенного Модерна или даже раньше, в Премодерне, и упорствует в своем отказе. Это — проблема для «ядра», так как такое поведение создает конфликт для функционирования всей сети, всей «империи». Отсюда главная повестка дня «империи» — сузить зону «провала», «подключить» все, что возможно. В конечном счете, следует ликвидировать «the Gap» как факт.

Ликвидация «the Gap» и есть то концептуальное противоречие, которое отличает оптимизм раннего Ф. Фукуямы от пессимизма С. Хантингтона. По оптимистическим прогнозам, «зона неподключенности» ликвидируется сама собой, «рассосется» и «подключится»: «конец истории» станет свершившимся фактом. По пессимистическим оценкам (Хантингтон), «the Gap» окажется сильнее, чем представляется, и приготовит «империи» много неприятных сюрпризов, проявляясь в недо-

битых идентичностях незападных «цивилизаций», в архаичных остатках не до конца стертых империй прошлого, а также в недоассимилированных Западом внутренних элементах империи (последняя книга С. Хантингтона посвящена «опасности» латино-католической идентичности в самих США). Но это спор не принципиальный, а тактический. Это диалог внутри империи, который ведется между ее безусловными сторонниками, апологетами и строителями.

Модель В. Парето применительно к глобальной системе

Продлевая логику исследования парадигмальной географии глобального мира, можно применить к ее анализу схему В. Парето, разработанную им для изучения обобщенной структуры политических процессов. У Парето фигурируют понятия «элиты», «контр-элиты», «антиэлиты» и «неэлиты» (массы). Это сугубо инструментальные термины, ничего не говорящие об идеологическом содержании каждого из элементов. Все они легко идентифицируются в различных обществах, но в каждом конкретном случае выступают под совершенно различными лозунгами и знаменами.

Элита представляет собой властных, активных, деятельных, волевых, расчетливых людей, способных к осуществлению властных функций, желающих их осуществлять и осуществляющих на практике в силу своего положения.

Контр-элита состоит из точно такого же типа — деятельных, волевых, расчетливых людей, способных к осуществлению властных функций и желающих их осуществлять, но лишенных этой возможности по каким-то причинам. Контр-элита выступает против существующей элиты в том случае, если последняя не может в нее интегрироваться эволюционным образом. Если же ротация проходит безболезненно и правящая элита достаточно открыта, то этого протеста не происходит.

Антиэлита, по Парето, состоит из активных, творческих и неординарных людей, выступающих против элиты и ее правил

на основе индивидуального анархического бунта. Антиэлита не находит себе места ни в каком обществе и совершенно не готова к власти, несмотря на пассионарность, талантливость и высокую активность. Этот тип характерен для творческой богемы, криминального сообщества, анархистски ориентированных групп. Антиэлиты отличаются от контр-элит, с которыми они солидаризируются во время революционных фаз, тем, что не имеют ответственности и позитивной повестки дня.

Наконец, не-элиты, массы — это социальный тип, принципиально не способный к осуществлению властных функций, с невысоким уровнем воли и рациональности, податливый и адаптирующийся к любым формам властного контроля, обладающий пониженным уровнем пассионарности и узким кругозором, не допускающим обобщений или ответственных решений.

В глобальном мире новой политологии паретовской элите соответствует «империя». Это глобальное «ядро», «the Core». Синонимом его может быть «богатый Север», «золотой миллиард», «Запад», «атлантизм», «однополярный мир», США, «Постмодерн». Однако сам центр в глобальной системе не привязан жестко к реальной географии. Это понятие виртуальное, равно как и «Запад» и «американизация» означают сегодня не географические понятия, но определенный политико-экономический и социально-культурный стиль.

В таком случае возникает интересный симметричный термин — «контр-империя», — пока трудно расшифровываемый, но, по аналогии с паретовской моделью «контр-элиты», призванный описывать явление, сопоставимое с устройством и структурой «ядра», то есть способное ассимилировать и понять непростые условия «Постмодерна» и наделенное волей к инсталляции планетарной языковой парадигмы в пропорциях, аналогичных стратегиям «империи». Этот термин будет совершенно корректен в формате новой политологии, так как он описывает явление, принадлежащее к той же структурной и временной формации, что и «либеральный Постмодерн». Вме-

сте с тем это явление не так легко вычленишь и обозначить, аналогично тому как выявление «контр-элиты» в конкретном обществе всегда представляет собой определенную трудность (правлящая элита всегда стремится затушевать этот феномен). При этом контр-элита смешана с антиэлитой вплоть до неразличимости, и селекция происходит только тогда, когда революция заканчивается успехом и способные к последующему властвованию отделяются от способных лишь к восстанию. «Контр-империя» более всего соответствует концепции современного евразийства, которая, собственно, и претендует именно на эту роль в глобальной системе координат. И некоторая расплывчатость евразийства, отмечаемая многими авторами, свидетельствует о том, что, как и явление контрэлиты, она ускользает от четкого определения из-за стараний «элиты» («империи»), направленных на ее замалчивание, и от смешения со сходными внешне, но сущностно дифференцированными тенденциями.

«Антиэлите» соответствует «антиимперия», тоже вполне корректный термин, описывающий современное явление антиглобализма — от левых и экологических организаций до террористических ультраисламистских групп Бен-Ладена. Отрицание «империи», подчас пассионарное и талантливое, здесь сопровождается отсутствием внутренних квалификаций для осуществления альтернативного проекта. «Антиимперия» отрицает «империю» активно и последовательно, но в качестве альтернативы выдвигает либо чисто деструктивные, либо заведомо невыполнимые проекты. Антиимперия в глубине не понимает «империю», будучи ей совершенно чуждой, равно как антиэлита не понимает элиту в силу глубинного различия в структуре властного инстинкта и рационально-психологического устройства. Антиимперия может переплетаться с контр-империей, но разница между ними существует всегда, а в случае успешной революции — как правило, интегрирующей все имеющиеся в наличии протестные элементы — эти группы существенно расходятся и антиимперия снова уходит

в вечную анархическую оппозицию. Антиимперия формирует сознательный планетарный «провал», «the Gap».

«Массам» Парето соответствует то, что можно назвать «глобальной «неимперией». «Неимперия» в данном случае — это не обязательно «провал» в географическом смысле, т. е. страны, сознательно отказывающиеся от глобализации. «Неимперия» в глобальном контексте Постмодерна может сосуществовать с «империей» в одном физическом и политическом пространстве, но форма отношения к виртуальной парадигме будет качественно иной. Как массы в политически иерархизированном обществе воспринимают власть как нечто внешнее по отношению к ним, так и «неимперия», даже будучи включенной в систему Постмодерна, остается на внешней стороне виртуальности, являясь объектом информационного общества, а не его субъектом и тканью. «Неимперия» обрабатывается Постмодерном, как природные ресурсы: из нее выбиваются жизненные импульсы, эмоции и внимание, а все остальное отправляется в шлак. Это своего рода «дешевый Постмодерн», бессмысленное перелистывание рекламных предложений потребителя с нулевой покупательной способностью, хаотическое брожение по порнографическим сайтам Интернета, с перескакиванием на случайную и произвольную ассоциативную сеть ресурсов. От «неимперии» в принципе требуется соучастие в «империи», но оно может быть растянуто во времени. Задача в том, чтобы сделать героя музыкального клипа или телепередачи совершенно взаимозаменяемым с рядовым телезрителем — видеокамеры, реалити-шоу, интернетизация позволяют перемолоть в рамках виртуального Постмодерна всех.

Однако «империя» всегда сохраняет дистанцию от «неимперии», играя с ней по специфическим законам и постоянно оказывая на нее разнообразные виды давления, не особенно отличающиеся от самодурства древних деспотов. Одним из инструментов стратегии прощупывания силы властвования над умами подданных, подобной предложению императора Калигулы по обожествлению его коня, является мода. Явление моды

является тем водоразделом, который отделяет «империю» от «неимперии». «Империя» не подвержена моде, а «неимперия» не подвержена ничему, кроме моды. Именно здесь проходит новая граница Постмодерна: «империя», «контр-империя» и «антиимперия» одинаково нечувствительны к моде, сохраняя тем самым фундаментальный онтологический и гносеологический зазор, позволяющий им верстать структуры власти и управления в условиях Постмодерна, устанавливать и распознавать реальные стратегии и элементы «имперского порядка».

В антиутопии Оруэлла «1984» тайный агент системы говорит главному герою: «На пролов не надейтесь, Уинстон!». То же можно сказать и о «неимперии». Качественно отличаясь от «империи», она не имеет в себе завязи альтернативы и никогда не может стать основой нового «ядра». Весь подлинно революционный потенциал такой новой политологии следует искать только в сложном и ускользающем от прямой фиксации явлении «контр-империи».

ГЛАВА 3. ЗАПАД И ЕГО ВЫЗОВ

Что мы понимаем под «Западом»?

Термин «Запад» может толковаться по-разному. Поэтому прежде всего следует уточнить, что мы понимаем под ним и как это понятие эволюционирует в истории.

Совершенно очевидно, что *«Запад» не является чисто географическим термином*. Сферичность Земли делает такое определение просто некорректным — то, что для одной точки — Запад, для другой — Восток. Но этот смысл никто в понятие «Запад» и не вкладывает. Хотя при ближайшем рассмотрении, мы обнаружим здесь одно важное обстоятельство: концепция «Запад» по умолчанию берет за *нулевую* отметку, откуда откладываются координаты долготы, именно Европу. И не случайно, согласно международным конвенциям, *нулевой меридиан* проходит по Гринвичу. Уже в самой этой процедуре заложен *европоцентризм*.

Хотя многие древние державы (Вавилон, Китай, Израиль, Россия, Япония, Иран, Египет и т.д.) считали себя *«центром мира»*, «срединными империями», «поднебесными», «подсолнечными царствами», в международной практике центром координат стала Европа, более узко — Западная Европа. Именно от нее принято откладывать вектор в сторону Востока и вектор в сторону Запада. Получается, что *даже в узко географическом смысле мы видим мир с европоцентрической точки зрения*, и то, что принято называть «Западом», одновременно представляет собой центр, «середину».

Европа и Модерн

В историческом смысле Европа стала тем пространством, где впервые произошел переход от традиционного общества к обществу Модерна. Причем такой переход совершился благодаря развитию автохтонных для европейской культуры и европейской цивилизации тенденций. Развивая в определенном направлении принципы, заложенные в греческой философии, римском праве через специфическое толкование христианского учения — вначале в католико-схоластическом, а затем в протестантском ключе — Европа пришла к созданию уникальной среди остальных цивилизаций и культур модели общества. Это общество впервые

- было выстроено на *секулярных* (светских, атеистических основах);
- провозгласило идею *социального и технического прогресса*;
- создало основы *современного научного видения мира*;
- выработало и внедрило модель *политической демократии*;
- поставило во главу угла *капиталистические* (рыночные) отношения;
- перешло от *аграрной экономики к промышленной*.

Одним словом, именно *Европа стала пространством современного мира*.

Поскольку в границах самой Европы наиболее авангардной зоной развития парадигмы Модерна были такие страны, как Англия, Голландия и Франция, находящиеся к Западу от Центральной (и тем более, Восточной) Европы, то понятия «Европа» и «Запад» постепенно стали синонимами: собственно «европейское», отличное от остальных культур, заключалось именно в переходе от традиционного общества к обществу Модерна, а это, в свою очередь, происходило прежде всего на европейском Западе.

Таким образом, термин «Запад» с XVII — XVIII вв. приобретает четкий цивилизационный смысл, становясь синонимом *«Модерна», «модернизации», «прогресса», социального, промышленного, экономического и технологического развития.* Отныне все, что вовлекалось в процессы модернизации, автоматически причислялось к Западу. *«Модернизация» и «вестернизация»* оказались синонимичны

*Идея «прогресса» как обоснование политики
колониализма и культурного расизма*

Тождество «модернизации» и «вестернизации» заслуживает некоторых пояснений, которые приведут нас к очень важным практическим выводам. Дело в том, что становление в Европе небывалой цивилизации Нового времени, учреждение «Модерна» привело к особой *культурной установке*, сформировавшей самосознание вначале самих европейцев, а затем и всех тех, кто попал под их влияние. Этой установкой выступает искренняя убежденность в том, что путь развития западной культуры и особенно переход от традиционного общества к современному есть не просто особенность только Европы и населяющих ее народов, но *универсальный закон развития*, обязательный для всех остальных стран и народов. Европейцы, «люди Запада», *первыми* прошли эту решающую стадию, но все остальные фатально *обречены* на то, чтобы идти по *тому же самому* пути, поскольку такова якобы «объективная» логика мировой истории, этого требует «прогресс».

Возникает идея, что *Запад есть обязательная модель исторического развития всего человечества*, и всемирная история — как в прошлом, так в настоящем и будущем — мыслится в виде повторения тех этапов, которые Запад в своем развитии уже прошел или проходит в настоящий момент, опережая всех остальных. Везде, где европейцы сталкивались с «незападными» культурами, которые сохраняли «традиционное общество» и его уклад, они ставили однозначный диа-

гноз — «варварство», «дикость», «неразвитость», «отсутствие цивилизации», «отсталость». Так, постепенно *Запад стал идеей*, нормативным критерием для оценки народов и культур всего мира. Чем *дальше* они были от Запада (в его новейшей исторической фазе), тем более «ущербными» и «неполноценными» они считались.

Архаические корни западной исключительности

Любопытно проанализировать происхождение этой универсалистской установки, отождествляющей этапы развития Европы с общеобязательной логикой всемирной истории.

Самые глубокие и архаические корни можно *найти в культурах древних племен*. Архаическим обществам свойственно отождествлять понятие «человек» с понятием «принадлежащий к племени», «этносу», что приводит подчас к отказу иноплеменникам в статусе «человека» или присвоению им заведомо низшей иерархической ступени. Пленники из других племен или порабощенные народы становились по этой же логике *классом рабов*, вынесенным *за пределы человеческого социума*, лишенными всяких прав и привилегий. Эта модель — соплеменники=люди, иноплеменные=нелюди — лежит в основе социальных, правовых и политических институтов прошлого, что подробно исследовал Гегель (и в частности, гегельянец А.Кожев), рассматривая пару фигур Господин — Раб. Господин был всем, Раб — ничем. Господину принадлежал статус человека как привилегия. Раб приравнивался — даже юридически — к домашнему скоту или предметам производства.

Эта модель господства оказалась гораздо более устойчивой, чем можно было подумать, и перекочевала в измененной форме в Новое время. Так возник комплекс идей, который парадоксально сочетал демократию и свободу внутри самих европейских обществ с жесткими расистскими установками и циничным колониализмом в отношении иных — «менее развитых» — народов.

Показательно, что институт рабства, причем на *расовых* основаниях, после более чем тысячелетнего перерыва, возрождается в западных обществах — в первую очередь в США, но также и в странах Латинской Америки — именно в Новое время, в эпоху распространения демократических и либеральных идей. Причем теория «прогресса» служит, как ни странно, обоснованием нечеловеческой эксплуатации европейцами и белыми американцами автохтонов — индейцев и африканских рабов.

Складывается впечатление, что по мере становления цивилизации Нового времени в Европе модель Господин—Раб переносится из самой Европы на весь остальной мир в форме колониальной политики.

Империя и ее влияние на современный Запад

Другим важным источником этого же явления была *идея Империи*, от которой в явной форме европейцы отказались на заре Нового времени, но которая проникла в *бессознательное западного человека*. Империя — как Римская, так позже и христианская (Византийская на Востоке и Священная Римская империя германских наций на Западе) — мыслилась как *Вселенная*, внутри которой проживают люди (граждане), а за ее пределами — «недолюди», «варвары», «еретики», «иноверцы» или даже фантастические существа: людоеды, монстры, вампиры, «гоги и магоги» и т.д. Здесь племенное деление на своих (людей) и чужих (нелюдей) переносится на более высокий и абстрактный уровень — граждан империи (участников Вселенной) и неграждан (обитателей глобальной периферии)¹.

Эта стадия обобщения того, кто считается, а кто не считается *человеком*, вполне может быть рассмотрена как *переход-*

¹ Еще в XVII веке европейские и американские авторы (в частности, иезуиты) задавались вопросом о том, принадлежат ли индейцы, коренное население Америки, к человеческому роду или являются разновидностью животных.

ный этап между архаикой и современным Западом. Отвергнув Империю формально вместе с ее религиозными основаниями, современная Европа полностью сохранила *империализм*, только перенесла его на уровень ценностей и интересов. Прогресс и техническое развитие отныне осознавались как европейская миссия, во имя которой и разворачивалась планетарная колониальная стратегия.

Таким образом, Новое время, порвавшее с традиционным обществом формально, перенесло некоторые базовые установки именно этого традиционного общества (архаическое деление на пару человек—нечеловек по этнической принадлежности, модель Раб—Господин, империалистическое отождествление своей цивилизации со Вселенной, а всех остальных с «дикарями» и т.д.) на новые условия жизни. Запад как идея и как планетарная стратегия стал амбициозным проектом *нового издания мирового господства* — на сей раз, возведенного в статус «просвещения», «развития» и «прогресса» всего человечества. Это своего рода «*гуманистический империализм*».

Важно, что тезис о прогрессе не был простым прикрытием для эгоистических хищнических интересов людей Запада в их колониальной экспансии. Вера в универсализм западных ценностей и в логику исторического развития был вполне искренним. Интересы и ценности в данном случае совпадали. Это и давало огромную энергию первопроходцам, мореплавателям, путешественникам и предпринимателям Запада осваивать планету — они искали не только наживы, но и несли «дикарям» просвещение.

Все вместе — жестокое ограбление, циничная эксплуатация и новая волна рабовладения вместе с модернизацией и технологическим развитием колониальных территорий — и легли в основу Запада как идеи и как мировой практики.

Модернизация: эндогенная и экзогенная

Здесь следует сделать одно важное замечание. Начиная с XVI в. на территории Западной Европы начинается процесс планетарной модернизации. Он строго совпадает с колонизацией Западом новых земель, где, как правило, проживают народы, сохраняющие устои традиционного общества. Но постепенно модернизация затрагивает всех: и людей Запада, и людей не-Запада. Так или иначе, модернизируются все. Но сущность этого процесса в разных случаях остается различной.

На самом Западе, в первую очередь в Англии, Франции, Голландии и особенно в США, стране, построенной как лабораторный эксперимент Нового времени на якобы «пустой земле», «с чистого листа», модернизация отличается *эндогенным* характером. Она вырастает из последовательного развития культурных, социальных, религиозных и политических процессов, заложенных в самой основе европейского общества. Не везде это протекает одновременно и с одной и той же интенсивностью — здесь явно отстают такие народы, как немцы, испанцы и итальянцы, у которых модернизация идет в несколько замедленном ритме, чем у их европейских соседей с Запада. Но как бы то ни было, Новое время для европейских народов наступает по их внутреннему графику и в соответствии с естественной логикой их развития. Модернизация стран и народов самого Запада протекает по внутренним законам. Развертываемая из объективных предпосылок и соответствующая воле и настрою большинства европейского населения, она является *эндогенной*, то есть имеющей внутренние причины.

Совсем иное дело с теми странами и народами, которые втягиваются в процесс модернизации *помимо их воли*, становясь жертвой колонизации или будучи вынужденными сопротивляться европейской экспансии. Конечно, подчиняя себе страны и народы или отправляя в США черных рабов, люди Запада способствуют процессу модернизации. Вместе с коло-

ниальной администрацией они вводят новые порядки, устои, а также технику, логику экономических процессов, нравы, учреждения, социально-политические структуры, правовые установки. Черные рабы, особенно после победы аболиционистов-северян, становятся членами более развитого общества (хотя и оставаясь людьми второго сорта), чем архаические племена Африки, откуда они были вывезены работорговцами. Факт модернизации колоний и поработенных народов отрицать нельзя. Запад и в данном случае оказывается мотором модернизации. Но последняя весьма специфична. Ее можно назвать *экзогенной*, то есть происходящей извне, навязанной, занесенной.

Незападные народы и культуры пребывают в условиях традиционного общества, развивающегося в соответствии со своими циклами и своей внутренней логикой. Там также бывают периоды подъема и упадка, религиозные реформы и внутренние раздоры, экономические катастрофы и технические открытия. Но эти ритмы соответствуют иным, *незападным*, моделям развития, следуют иной логике, направлены к иным целям и решают иные задачи.

Экзогенная модернизация — и в этом ее основное свойство — *не проистекает из внутренних потребностей и естественного развития традиционного общества*, которое, будучи предоставлено самому себе, скорее всего никогда бы не пришло к тем структурам и моделям, которые сложились на Западе. Иными словами, такая модернизация является *насиленной* и навязанной извне.

Следовательно, синонимический ряд модернизация = вестернизация можно продолжить — это еще и колонизация (введение внешнего управления). Подавляющее большинство человечества — за вычетом европейцев и прямых потомков колонизаторов Америки — подверглось именно этой насильственной, навязанной, внешней модернизации. Она сказалась на травматичности и внутренней противоречивости большин-

ства современных обществ Азии, Востока, Третьего мира. Это *болезненный Модерн*, карикатурный Запад.

Два типа обществ с экзогенной модернизацией

Теперь во всех обществах, подвергшихся экзогенной модернизации, можно выделить два больших класса:

- сохранивший политико-экономическую самостоятельность (или добившийся ее в ходе антиколониальной борьбы);
- утративший ее.

Если рассмотреть второй случай, то мы имеем дело с *чистой колонией*, полностью потерявшей свою самостоятельность и причастной к ценностям Нового времени не более, чем индейцы из североамериканских резерваций. Такие общества могут быть архаичными (как некоторые африканские, южноамериканские или тихоокеанские племена), но частично пересекаться с высокотехнологическими и вполне модернизированными структурами, развернутыми на том же самом пространстве колонизаторами. Здесь *смыслового* пересечения между автохтонами и модернизаторами почти нет: статус местных обществ слабо отличается от статуса обитателей зоопарка или в лучшем случае заповедной зоны, населенной вымирающими видами (занесенными в «Красную книгу» природы). В этой ситуации *модернизация не касается местного населения*, которое продолжает не замечать ее, сталкиваясь лишь с техническими ограничениями — в виде колючей проволоки или стальных решеток клетки.

В том случае, когда мы имеем дело с обществом, которое вынужденным образом прошло определенный путь по линии вестернизации и экзогенной модернизации, но сделало это в ответ на угрозу колонизации со стороны Европы (Запада) и сумело сохранить независимость, процесс модернизации (=ве-

стернизации) приобретает более сложный характер. Можно назвать это *«оборонительной модернизацией»*.

Здесь в центре внимания оказывается баланс между ценностями, свойственными традиционному обществу, подлежащими сохранению для поддержания идентичности, и теми заимствованными моделями и системами, которые необходимо импортировать с Запада для создания предпосылок и условий для частичной (оборонительной) модернизации. Вместе с тем в таких обществах сохраняется *субъектность*, определяющая собственные интересы, что предопределяет остроту сопротивления колонизаторским инициативам Запада.

Картина складывается такая: чтобы отстоять свои интересы перед лицом натиска Запада, страна (общество) вынуждена заимствовать некоторые ценности с того же самого Запада, но сочетать их с ценностями самобытными. Это явление С. Хантингтон назвал термином *«модернизация без вестернизации»*.

Впрочем, подобное понятие несет в себе некоторое противоречие: так как модернизация и вестернизация суть *синонимы* (Запад=Модерн), то невозможно проводить модернизацию в отрыве от Запада и копирования его ценностей — в традиционных обществах, не входящих в ареал европейской культуры, предпосылки для модернизации просто отсутствуют. Поэтому речь идет не о полном отказе от «вестернизации», но о таком *балансе* между собственными и заимствованными с Запада ценностями, который удовлетворял бы условиям сохранения идентичности (отличия от Запада — причем принципиального!) и развитию *оборонных* технологий, способных конкурировать с Западом в основных жизненных областях (чего невозможно достичь без интенсивного включения в «западный» контекст). Получается, что такая разновидность экзогенной модернизации основана на наличии самостоятельных интересов (принципиально отличных от колонизаторских интенций Запада) и при этом *на сочетании собственных ценностей с прагматически заимствованными ценностями Запада*.

(Можно сказать, что это «модернизация + частичная вестернизация»).

В данную категорию экзогенной модернизации попадают такие страны, как Россия (причем в течение всего Нового времени, что представляет собой достаточно уникальный случай!), но также современный Китай, Индия, Бразилия, Япония, некоторые исламские страны, страны Тихоокеанского региона (вступившие в этот процесс намного позже — в последнее столетие). Кроме России, остальные страны, идущие по этому пути, были в определенный момент *колониями* Запада и получили независимость относительно недавно, либо (как Япония) потерпели поражение в военном конфликте и были оккупированы.

В любом случае этот тип экзогенной модернизации выдвигает на первый план *вопрос о балансе собственных и заимствованных ценностей*, то есть проблему пропорций и качества элементов, принадлежащих к *двум культурно-историческим и цивилизационным формам* — к местным консервативным устоям традиционного общества и якобы «универсальным» и «прогрессивным» моделям западной цивилизации.

В этой пропорции и заключается самое главное, что составляет сущность отношений России с Западом.

Мы вернемся к этому несколько позже, а сейчас сделаем несколько геополитических замечаний.

Концепции «Запад» и «Восток» в Ялтинском мире

Теперь рассмотрим геополитические аспекты обсуждаемой проблемы и связанные с ними трансформации понятия «Запад» в XX в.

После окончания Второй мировой войны оно стало применяться геополитически к совокупности развитых стран, ставших на капиталистический путь развития. Это было еще одной коррекцией данного понятия. Такой «Запад» фактически *тождествен капитализму и либерально-демократической идеоло-*

гии. Те страны, которые продвинулись по этому пути дальше других, собственно и считались «Западом» в конструкции двухполюсного (биполярного) мира, называемого также «Ялтинским» (по месту совещания глав стран антигитлеровской коалиции, предопределившей карту миру во второй половине XX в., — Сталина, Рузвельта и Черчилля).

На этот раз понятие «Запад» частично отличается от рассматриваемого ранее. Во-первых, идеологически к «Западу» в широком смысле принадлежали и коммунистические режимы — в первую очередь СССР — которые заимствовали «западноевропейские» теории социализма и коммунизма (построенные на наблюдениях за историей политэкономического развития именно западных обществ вместе с соответствующей верой в прогресс и универсальность этих закономерностей для всего человечества). Но при этом марксизм стал излюбленной моделью осуществляемой модернизации традиционных обществ, которая могла *совместить* соблюдение собственных геополитических интересов, частичное сохранение локальных традиционных ценностей с мощным заимствованным аппаратом модернизационных и собственно западных идей, структур, институтов и теорий. Таким образом, марксизм — советский, китайский (маоизм), вьетнамский, северокорейский и т.д. — следует рассматривать в качестве *варианта экзогенной модернизации*, о которой сказано выше. Причем с точки зрения технологической и идеологической конкуренции этот проект оказался относительно успешным.

Хотя догматически марксизм претендовал на то, что он заменит собой капитализм, когда тот достигнет критической стадии в своем становлении, на практике вышло совсем иначе: коммунистические партии победили в тех обществах, где капитализм был в зачаточном состоянии, а традиционное общество (прежде всего аграрное) преобладало и в экономическом и в культурном смыслах. Иными словами, реализовавшийся, победивший марксизм был *опровержением теорий своего идейного основоположника*, и напротив, история капитали-

стических обществ показывает, что предсказания Маркса о неизбежности в них пролетарских революций опровергнуты временем. Маркс настаивал на том, что пролетарской революции в России (и в других странах с преобладанием «азиатского способа производства») произойти не может, но она осуществлена именно здесь. В обществах же с развитым капитализмом подобного не случилось.

Из этого напрашивается только один вывод: *марксизм в коммунистических режимах был не тем, что он сам о себе провозглашал*, но лишь моделью экзогенной модернизации, при которой западные ценности воспринимались лишь частично и неявно сочетались с местными религиозно-эсхатологическими и мессианскими течениями. В целом эта процедура специфической модернизации — *альтермодернизации* по социалистическому (тоталитарному), а не по капиталистическому (демократическому) пути — служила для отстаивания геополитических и стратегических интересов самостоятельных держав, стремившихся отразить колониальные атаки Европы и (позже) Америки.

Стратегический блок, сформировавшийся вокруг СССР, авангарда этой альтермодернизации, был назван после Второй мировой войны «Востоком». Хотя речь шла, собственно, о варианте экзогенной модернизации, формально ценностная система марксизма основывалась на парадигме Нового времени в той же степени, как и капиталистические общества. Иногда в политологии Ялтинского периода вместо формулы «Восток» («коммунистический Восток», «Восточный блок») употреблялось выражение «*Второй мир*», которое гораздо точнее и охватывает страны, которые провели ускоренную индустриализацию с частичной и весьма специфической модернизацией (коммунистического толка) и — самое главное! — сумели сохранить геополитическую самостоятельность, избежав (или освободившись от) прямой колонизации.

В таком случае, понятие «Третий мир» приобретает осмысленность.

«Первый мир», то есть собственно «Запад» в терминологии послевоенного периода, — это *страны с эндогенной модернизацией* (Европа, Америка), а также единственный случай экзогенной, но чрезвычайно успешной технологически модернизации в лице оккупированной Японии, сумевшей направить внутреннюю энергию завоеванной нации на гигантский экономический рывок по западным стандартам. Но при этом Япония утратила геополитическую самостоятельность и в стратегическом смысле стала покорной и надломленной колонией США.

«Второй мир» — страны экзогенной модернизации, которые сумели воспользоваться тоталитарно-социалистическими методами модернизации с частичным и относительно успешным заимствованием западных технологий и сохранением независимости от капиталистического Запада. Это в понятиях Ялтинского мира называлось «Востоком».

И наконец, «Третий мир» обобщал страны экзогенной модернизации, которые отстали в развитии и от «Первого», и от «Второго» миров, не обладали полноценной суверенностью, сохраняли устои традиционного общества и вынуждены были зависеть либо от «Запада», либо от «Востока», представляя собой полузависимые колонии того или другого.

Итак, если мы ограничиваем наше рассмотрение условиями «холодной войны» (двухполярного мира), то понятие «Запад» в этом случае будет выступать синонимом капиталистического лагеря — «Первого мира», включающего наиболее развитые и богатые страны Северной Америки, Европы и Японию.

Интеллектуальным штабом интеграции «Первого мира», «Запада» в этом конкретном смысле, служила Трехсторонняя комиссия (Trilateral comission), созданная на основе американского Совета по внешней политике (Counsil on Foreign Relations) и собранная из представителей элиты США, Европы и Японии. Так, определенный сегмент интеллектуалов, банкиров, политиков, ученых «Запада», начиная с 1960-х годов взял на себе историческую ответственность за процессы глобализации и создание «мирового правительства» на основе конечной

победы «Запада» надо всем остальным миром — и в геополитическом, и в ценностном, и в экономическом, и в идеологическом смыслах.

В 1990-е годы «Запад» становится глобальным

Еще одну трансформацию понятие «Запад» испытало в 1990-е годы, когда рухнула архитектура двухполярного (Ялтинского) мира. Отныне либерал-капиталистическая модель стала главной и единственной, коммунизм как проект альтер-модернизации пришел к краху, не выдержав конкуренции, и военно-политическая и экономическая мощь США неоспоримо превысила позиции всех остальных стран. Односторонняя капитуляция СССР и Варшавского блока в «холодной войне» с параллельным самороспуском открыла путь глобализации и построению *однополярного* мира¹. Американский философ, неоконсерватор Фрэнсис Фукуяма заговорил о «конце истории», о «замене политики экономикой» и «превращении планеты в единый и однородный рынок»².

Это означало, что понятие «Запад» превратилось в *глобальное и единственное*, так как ничто больше не оспаривало не только саму идею модернизации, но и ее наиболее ортодоксальный, наиболее «западный» в историческом плане, *либерально-капиталистический проект*. Столь успешная и весомая победа «Запада» над «Востоком», то есть «Первого мира» над «Вторым», по сути, ликвидировала альтернативы модернизации, сделала ее единственным и неоспоримым содержанием мировой истории. Каждый, кто хотел оставаться подключенным к «современности», должен был признать это безусловное верховенство «Запада», выразить ему свою лояльность и вместе с тем раз и навсегда отказаться от каких бы то ни было собственных интересов, хотя бы в чем-то отличных или — тем

¹ Дугин А. Геополитика постмодерна. СПб., 2007.

² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

более — идущих вразрез с интересами США (или, шире, стран блока НАТО) как флагамена однополярного мира.

Отныне проблема ставилась только таким образом: *в какой сегмент глобального «Запада» будет интегрирована та или иная страна, то или иное государство?* Если модернизация и, соответственно, вестернизация были проведены успешно, то появлялся шанс интегрироваться в «золотой миллиард» или зону «богатого Севера». Если по каким-то причинам этого не получилось, оставалась интеграция в пояс мировой периферии, в зону «бедного Юга». При этом планетарное разделение труда предполагало обещание модернизации и для «бедного Юга», но на сей раз по колониальному сценарию, когда политическое рабство заменялось экономическим, а импорт западных культурных стандартов методично искоренял автохтонные ценности (так, жители Южной Кореи, получившей мощный импульс экзогенной модернизации колониального типа, вместе с бурным экономическим ростом столкнулись с почти тотальным распространением протестантизма среди традиционно шаманистского, буддистского и конфуцианского общества). Включенность всех стран в глобальный Запад ничего не гарантировала, но давала шанс.

В этом же русле проходили реформы и в России, появившейся как новое образование после распада СССР, который, в свою очередь, наследовал геополитически Российской империи. Россия также попыталась интегрироваться в глобальный Запад, рассчитывая на место в «богатом Севере» и надеясь «причаститься» к модернизации в ее *магистральном* (капиталистическом), а не *окольном* (социалистическом) пути. При этом России, как и всем остальным странам, предлагалось отказатьсь вначале от глобальных претензий, а потом и от локальных, довольствуясь ролью стратегического сателлита США среди еще менее модернизированных народов без каких бы то ни было особых привилегий. В стране, по сути, вводилось *внешнее управление*.

И соответственно, у власти размещалась *колониальная элита* — реформаторов-западников и олигархов, осознающих самих себя как менеджеров, работающих на глобальную транснациональную корпорацию со штаб-квартирой по ту сторону Атлантики.

Глобализация

В начале 1990-х, когда «конец истории» казался не только весьма близким, но практически свершившимся, понятие «Запад» почти совпало с понятием «мир», что и было закреплено в термине «глобализация».

Глобализация представляет собой последнюю точку в практической реализации изначальных претензий «Запада» на универсальность своего исторического опыта и своей ценностной системы.

Проникая в различные общества и культуры, сочетая гуманитарные проекты с колониальными методами удовлетворения собственных интересов (в первую очередь в сфере природных ресурсов), процесс глобализации делал «Запад» понятием *глобальным*. Мир стремительно двигался к однополярной модели, где развитый *центр* (ядро — США, трансатлантическое сообщество) имел дело с недоразвитой *периферией*¹.

В итоге сложилась модель, описанная в классическом тексте С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», — «Запад и все остальные». Но в модели глобализации эти «все остальные» не рассматриваются как *нечто иное* в отношении «Запада», это *тоже «Запад»*, только недоделанный, несовершенный, своего рода «недо-Запад».

И тут уже в новых исторических условиях и через вереницу трансформаций и смысловых изменений мы снова сталкиваемся с тем *культурным расизмом* и либерал-демократическим се-

¹ Barnett T. The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century. Washington, 2004

кулярным «мессианством», который мы обнаружили у истоков эпохи Модерна и в изначальном определении понятия «Запад».

Постмодерн и «Запад»

В 1990-е происходил еще один интересный процесс, касающийся содержания понятия «модернизация». Модернизация, которая с разными скоростями и с разным качеством осуществлялась так или иначе во всем мире с начала Нового времени в Западной Европе, к концу XX в. подошла к своему логическому завершению. Причем, естественно, это случилось на самом Западе: тот, кто раньше других и по естественным причинам приступил к модернизации традиционного общества, тот первым достиг финиша. Поэтому, преодолев и инерцию сопротивления консервативных структур, и довольно эффективную на определенном этапе конкуренцию со стороны социалистической альтермодернизации, Модерн в его либерально-капиталистической форме к означенному рубежу завершил выполнение своей программы — прямое противостояние альтернативных идеологий было сломлено, а преодоление пассивного сопротивления мировой периферии становилось делом техники. И там, где оно еще сохранялось, его можно было приравнять к «инерциальной реакции объективной среды», а не конкурентной стратегии. Борьба с традиционным обществом и его попытками предстать в новом облики (альтермодернизация, социализм) закончилась *победой либерализма*. И на самом Западе модернизация достигла *внутреннего рубежа*, добравшись до самого дна западной культуры.

Это состояние окончательного истощения повестки дня процессов модернизации породило на Западе весьма специфическое явление — *Постмодерн*.

Суть Постмодерна в том, что окончание модернизации традиционного общества переносит людей Запада в *принципиально новые условия*. Можно уподобить это долгому движению к намеченной цели. Люди, расположившиеся в поезде, едущем

к невероятно далекой станции, настолько привыкли к движению, которое не останавливается в течение нескольких поколений, что по-другому не представляют себе жизни. Они видят существование как развитие, обращенное к дальнему ориентиру, о котором все помнят, к которому все стремятся, но который остается все время еще очень далеким. И вот поезд прибывает на конечную станцию. Перрон, вокзал... Цель достигнута, поставленные задачи решены... Но люди настолько привыкли все время двигаться, что не могут прийти в себя от шока *столкновения с осуществившейся мечтой*. Когда цель достигнута, больше некуда стремиться, некуда ехать, не к чему двигаться. *Прогресс достиг своего предела*. Это и есть «конец истории», или «пост-история» (А. Гелен, Дж. Ваттимо, Ж. Бодрийяр).

Этой метафорой можно вполне описать состояние Постмодерна. Здесь и чувство успеха, и чувство разочарования. В любом случае это *больше не Модерн*, не Просвещение, не Новое время. Критическая фракция философов Постмодерна подвергла *осмеянию* различные этапы движения к этой цели, принялась иронизировать над теми иллюзиями и надеждами, которыми тешили себя те, кто начинал движение, не подозревая о том, каким будет достижение поставленной цели. Другие, напротив, предлагали расстаться с критическим чувством и воспринимать «дивный новый мир» каков он есть, не вдаваясь в детали и сомнения.

В любом случае, оцененный со знаком минус или со знаком плюс Постмодерн представлял собой *терминальное состояние*. Вера в прогресс сделала свое дело и уступила место *игровой темпоральности*¹. Реальность, вытеснившая ранее

¹ Делез Ж. Логика смысла. М., 1995. Ср. понятия Делёза «эон» (рассудочная темпоральность, имеющая прошлое и будущее, но не имеющая бытийного настоящего) и «хронос» (бытийная темпоральность, представляющая чистое настоящее, лишённое смысла, т.е. будущего и прошлого); обе темпоральности приобретают, согласно Делезу, свободу в состоянии «ризомы». См. также: Дугин А. Постфилософия. М., 2009.

миф, религию, священное, сама превратилась в виртуальность. Человек, на заре Нового времени свергнувший Бога с пьедестала, сам отныне готов уступить королевское место постчеловеческим породам — киборгам, мутантам, клонам, продуктам полностью «раскрепощенной техники» (О. Шпенглер¹).

Пост-Запад

Запад в эпоху глобализации не только становится сам глобальным и вездесущим (что выражается в униформности мировых мод, повальном распространении компьютерных и информационных технологий, повсеместном установлении рыночной экономики и либерально-демократических политических и правовых систем), но в своем ядре, в центре однополярного мира, «богатого Севера» он *качественно меняется от Модерна к Постмодерну*.

И отныне обращение к этому *ядерному Западу*, Западу в его высшем проявлении, быть может, впервые в истории *не влечет за собой модернизации* (какой бы то ни было — экзогенной или эндогенной), так как сам *Запад отныне синонимичен не Модерну, но Постмодерну*. А Постмодерн — с его иронией, чистой технологичностью, рециклированием старого, утратой веры в прогресс — более не предлагает для своей периферии даже отдаленной перспективы развития. Наступивший «конец истории» ставит совершенно иные проблемы, перед весом и значением которых подтягивание «Западом» до своего уровня «бедного Юга» выглядит абсолютно ненужной, никчемной и бессмысленной задачей: коль скоро чего-чего, а уж ответа на новые проблемы эпохи Постмодерна там точно не содержится.

Поэтому те, кто по инерции обращаются к корневому Западу в поисках модернизации в новых условиях, обречены на колоссальное разочарование: пройдя весь путь модернизации до конца, Запад не имеет больше *стимула* ни двигаться в этом

¹ См.: Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом // Дугин А. Основы геополитики, М., 2000.

направлении самому, ни увлекать за собой других. Запад перешел на качественно новую стадию. Теперь это уже не Запад, а *пост-Запад*, особый видоизмененный в своей глубинной природе *Запад эпохи Постмодерна*.

Технически и технологически он полностью доминирует, и процессы глобализации разворачиваются полным ходом, но это уже не *поступательное развитие*, а *круговое движение во-круг все более и более проблематичного центра*. Архитектура Постмодерна излюбленным ходом делает такие конструкции, где стили и эпохи причудливо перемешаны, а на месте центральной точки архитектурного ансамбля зияет *дыра*. Это — *отсутствующий центр*, полюс круга, представляющий собой провал в небытие.

Такова и содержательная структура однополярного мира. В центре глобального Запада — в США и странах трансатлантического альянса — сверкает черная бессмысленная яма наступившего Постмодерна.

Зазор между теорией и практикой глобализма

Последняя метаморфоза Запада при переходе к Постмодерну, которую мы описали выше, является все же чисто теоретической конструкцией. Такая картина сложилась к началу 1990-х годов, и так осмыслили логику мировой истории те мыслители, которые еще сохранились на Западе, прежде чем окончательно уступить дорогу постчеловечеству (возможно, мыслящим автоматам). Но между данной теоретической конструкцией и ее воплощением сохранялся определенный *зазор*. Размышления о природе и структуре *такого* Запада и *такого* Постмодерна приводили даже его ярых апологетов в состоянии ужаса и отчаяния. Например, Фрэнсис Фукуяма в определенный момент отшатнулся от той идиллической картины, которую сам же и нарисовал в начале 1990-х и предложил сдать назад, удерживая Запад в том состоянии, где он находился,

еще не подъехав к конечной станции¹. Критики Фукуямы, в том числе и С.Хантингтон, и вовсе завышали качество и объем тех преград, которые предстоит преодолеть Западу, чтобы стать по-настоящему глобальным и всеобщим. С разных точек зрения все стали *цепляться за остатки Модерна* — с его национальными государствами, верой в прогресс, морализаторством, менторством и фобиями, к которым все давно привыкли. Тогда было решено продлить движение к намеченной цели или, по крайней мере, симулировать покачивание вагонов и стук колес на стыках рельс.

Сегодня Запад пребывает как раз в этом зазоре — *между* тем, чем он теоретически должен стать в эпоху глобализма и по факту преодоления всех преград и победы над всеми альтернативами, и тем, что ему чрезвычайно не хочется признавать как новую глобальную архитектуру Постмодерна, — с дырой вместо центра. Однако в этом зазоре — бесконечно малом и постоянно сокращающемся — происходят весьма важные процессы, которые постоянно меняют общую мировую картину.

Все это активно влияет на Россию.

США и Евросоюз: два полюса западного мира в начале XXI в.

Колебание Запада в зазоре между закончившимся Модерном и начинающимся Постмодерном отражается и в *геополитическом* срезе.

Так, исчезновение глобального конкурента в лице СССР (альтермодернизационный проект) поставило под вопрос трансатлантическую цивилизацию. Отсутствие врага на Востоке делало связь США и Европы в рамках «ядерного Запада» не столь очевидной и само собой разумеющейся. Стало проявляться расслоение трансатлантического Запада на США и Евросоюз.

¹ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004.

Центр Запада в течение XX в. постепенно смещался по ту сторону Атлантики, к США. И после Второй мировой войны именно Соединенные Штаты взяли на себя миссию *авангарда Запада*. Они стали сверхдержавой, обеспечивающей своей мощью военно-стратегическую безопасность и экономическое процветание европейских стран.

После распада СССР роль центра Запада еще прочнее утвердилась за США. Это совпало с европейской интеграцией и созданием в Европе по сути *наднационального государства*, государства постмодернистского типа (Р.Купер¹). Будучи когда-то колыбелью Запада как явления Европа, в свою очередь, стала «Востоком» по отношению к США. Соединенные Штаты прошли по пути модернизации и постмодернизации *далее*, чем Европа, и Старый Свет в сравнении с Новым превратился в нечто *самостоятельное*.

Так сложилась геополитическая картина, где в пространстве самого Запада наметился определенный *дуализм*. С одной стороны, самым «продвинутым» Западом стали США. А Европа, со своей стороны, попыталась нащупать свой отдельный, *особый путь*.

Начались даже философские споры, и некоторые американские неоконсерваторы (в частности, Р. Кейган²) предложили рассматривать американскую цивилизацию как вытекающую из концепции грозного государственного «Левиафана» Гоббса, а Евросоюз как воплощение пацифистских идей Канта — с его гражданским обществом, толерантностью и правами человека. Предлагались и иные классификации. В любом случае США и Европа начали по-новому осмыслять свою идентичность, свои ценности, свое отношение к модерну и Постмодерну.

На уровне *интересов* это обнаружилось еще сильнее. Евросоюз, как первая коммерческая и вторая экономическая сила в

¹ Cooper R. The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-first Century, London, 2003.

² Kagan R. Of Paradise and Power. Washington, 2003.

мире, осознал, что его интересы в арабских странах, а также в отношении России и других стран Востока сплошь и рядом *отличаются* от американских и часто *противоположны* им. Особенно наглядно это проявилось во время Иракской войны, когда командование НАТО не поддержало американское вторжение, а лидеры Франции и Германии (Ширак и Шредер) совместно с президентом России В.Путиным выступили резко против этой войны.

Можно описать сложившуюся картину такой формулой: у *США и Европы сегодня общие ценности, но различные интересы*. Различие интересов и осознание этого особенно заметно в таких странах, как Франция, Германия, Италия, Испания. Их обычно называют странами *континентальной Европы*, а тенденцию к представлению Европы как самостоятельного геополитического игрока, который по возможности должен стать независимым от США, — *континентализмом* или *евроконтинентализмом*. В самых крайних случаях континенталисты утверждают, что у *США и Европы различны не только интересы, но и ценности* (например, французский философ Ален де Бенуа¹).

На другом полюсе Европы находятся те, кто всячески подчеркивает *единство ценностей*, и на этом основании настаивают на подстраивании европейских интересов под американские. К этому полюсу относятся *евроатлантисты* (Англия, страны Восточной Европы — Польша, Венгрия, Румыния, Чехия, страны Балтии и т.д.).

Две разные тенденции в самой Европе создают *двойственную идентичность* — с одной стороны, мы имеем дело с континентальной Европой, а с другой — с атлантистской (проамериканской). К понятию «Запад» оба полюса Европы относятся неоднозначно: континенталисты считают, что если Европа — «Запад», то США — уже что-то другое. А атлантисты, напротив, всячески стремятся отождествить судьбы Европы и

¹ De Benoist A. L'Europe, Tiers-monde, meme combat. Paris, 1992.

Америки как *единой цивилизации*, где Атлантика является своего рода «внутренним озером» (подобно тому, как греческая и римская эйкумены рассматривали в свое время Средиземное море). Для евроатлантистов Евросоюз и США вместе представляют именно «Запад», притом что авангардом его выступают США.

Идентичность России: страна или...?

Теперь перейдем к рассмотрению идентичности современной России. Предварительное разбирательство того, что следует понимать под термином «Запад», снабдило нас надежным инструментарием, позволяющим определить, что мы понимаем под «Россией». И после этого можно уже вполне корректно и обоснованно описать соотношение и того и другого в настоящем и вероятном будущем.

Существует два принципиально различных понимания современной России (впрочем, это можно сказать и о царской романовской, где велись оживленные споры по тому же поводу).

Россию можно понимать либо как *страну*, либо как *самостоятельную цивилизацию*. В зависимости от принятого решения, как мы понимаем Россию, будет определяться и структура наших отношений с Западом.

Если Россия — страна, то ее следует соотносить с другими странами, например, такими как Франция, Германия, Англия или США. Следовательно, ее придется отнести к *Европе* (по частичному географическому расположению, преобладанию христианства и индоевропейскому происхождению доминирующих славянских этносов — в первую очередь, великороссов) и соответственно к «Западу». Многие считают Россию *европейской державой*. Такое мнение преобладает:

- у романовской аристократии,
- у русских западников и
- у современной российской политической элиты.

Из уст Путина и Медведева мы неоднократно слышали высказывания о том, что «Россия — европейская страна».

Если встать на эту позицию, то надо почти сразу признать, что Россия — «плохая, а то и вовсе ужасная европейская страна», так как она явно выпадает из того, что принято считать нормативным образцом западной цивилизации. Ценностная, социальная, политическая, культурная и психологическая идентичность России настолько отличается от европейского и американского общества, что сразу же возникает сомнение в ее принадлежности к Западу.

Самый главный критерий при этом — *природа российской модернизации*. При ее рассмотрении мы явно видим все признаки *экзогенности*, то есть внешнего происхождения модернизационного импульса, который не вызревал внутри самого общества, но искусственно и насильственно (авторитарно или тоталитарно) навязывался *сверху* тиранической властью деспота (Петр Великий) или экстремистскими фанатиками (большевики). В России не вызревали и не вызрели:

- ни капитализм,
- ни индивидуализм,
- ни демократия,
- ни рационализм,
- ни личная ответственность,
- ни правовое самосознание,
- ни гражданское общество.

Напротив, преобладали и преобладают до сих пор установки традиционного общества:

- патернализм,
- коллективизм,
- иерархичность,
- отношение к государству и обществу как к семье,
- превосходство морали над правом, этического мышления над рациональным и т.д.

Кроме того, Россия впитывала многие европейские черты — как ценностные, так и технологические, но адаптировала

их к своему собственному укладу и заставляла служить своим *интересам* и своим *ценностям*. Россия активно черпала у Запада различные элементы, но им упорно не становилась. Отсюда — крайнее раздражение людей Запада (и особенно русских западников) в отношении России, которая представляется им зловещей и агрессивной «карикатурой на Европу», имитирующей ее внешние формы, но вкладывающей в них свое исконно русское содержание.

Россия отличается не просто от какой-либо европейской страны, подобно тому, как и те различаются между собой. При пересечении российских границ меняется сам *культурный дух*, мы переходим из одного культурно-исторического типа к другому. Россия отлична именно от Европы, от Запада всего целиком.

Если же настаивать, что Россия все-таки — это часть Запада и европейская страна, то можно сделать два вывода. Либо Россию надо *фундаментально реформировать в западном ключе* (чего пока никому не удавалось довести до конца), либо Россия представляет собой какой-то *иной Запад*, «другую Европу».

Первый случай наиболее частый. Но то упорство, с которым русский народ и русское общество отказываются от глубокой вестернизации (лишь имитируя ее внешне), саботируют принятие европейских ценностей (подделывая их под особый национальный лад), отыскивают в самом западном обществе экстравагантные сценарии, позволяющие ускользнуть или размыть строгий императив чисто западных ценностей и установок (что очевидно и в царский, и — особенно — в советский период), заставляет полагать, что превращение русских в европейцев дело совершенно безнадежное. И Россия так и останется лишь «недо-Западом», «Западом второго сорта» — не в силах впитать по-настоящему сущность западной идентичности.

Второй случай, когда речь идет о том, что Россия — это Запад, но другой, не менее сложен. Во-первых, даже если сами русские считают себя «Западом», но только особым — например, православным, поствизантийским, славянским и т.д., ев-

ропейцы никогда не признавали и не признают этого, считая такую претензию «высокомерной и бездоказательной амбициозностью». Попытки настаивать на ней только усилят напряженность и вызовут ответную реакцию. Если Россия — это Запад, причем настаивающий на том, что его надо принимать и признавать таким, каков он есть, само понятие «Запад», острота его исторического, геополитического, технологического и культурного вектора, размывается, рассеивается и рушится. *Если Россия часть Запада, то Запад больше не Запад, а не пойми что.*

И наконец, обе позиции, педалирующие, что Россия — европейская страна, усугубляют свою противоречивость твердым осознанием того, что у России есть свои *собственные интересы*, которые всегда или почти всегда входят в противоречие с интересами стран Запада. Независимость и свобода Родины всегда была для русских наивысшей ценностью, и это явное и устойчивое расхождение интересов заставляло ставить под сомнение общность ценностей и принадлежность к единой цивилизации. Это не главный аргумент, так как и между европейскими державами были глубокие противоречия, но в сочетании с двумя вышеприведенными соображениями это создавало благоприятный фон для закономерных сомнений в гипотезе о принадлежности России к Западу.

Лишь позиция крайних западников более или менее состоятельна — правда, с чисто теоретической, абстрактной точки зрения. Они утверждают, что Россия — это «полное уродство», которое должно быть насильственно превращено в часть Запада путем искоренения всякой самобытности, отказа от собственных интересов, введением внешнего управления и сменной этносоциального состава населения. Чтобы Россия могла стать полноценной европейской страной, ее надо предварительно уничтожить до основания. Но даже радикальный эксперимент большевиков не справился с этой задачей, и Россия со всеми своими особенностями возродилась из пепла. Тем более не удалось это либерал-реформаторам и олигархам 1990-х.

Однако убежденность в том, что Россия — европейская страна, до сих пор присуща правящему классу России. И недаром именно правящий класс всегда был источником модернизации и вестернизации русского общества. Пушкин справедливо замечал, что «в России правительство — единственный европеец».

Россия как цивилизация (культурно-исторический тип)

Другой взгляд на Россию определяет ее как *самостоятельную цивилизацию*. Это позиция была свойственна поздним славянофилам (Леонтьев, Данилевский), русским евразийцам, младороссам, национал-большевикам (Устрялов, сменовеховцы). В этом случае Россия предстает как явление, которое следует сравнивать не с отдельной европейской страной, но с Европой в целом, с исламским миром, с индусской или китайской цивилизацией. Данилевский называл это «*культурно-историческим типом*». Можно говорить о «славяно-православной» или русской цивилизации. Еще точнее выражение *Россия-Евразия*, которое ввели в оборот первые евразийцы (Н. Трубецкой, П. Савицкий, Г. Вернадский, Н. Алексеев, П. Сувчинский, В. Ильин и т.д.). Такое написание подчеркивает, что речь идет не о стране, не о простом государственном образовании, но о цивилизационном единстве, о государстве-мире.

Наличие европейских и азиатских черт в России как цивилизации не должно приводить к поспешному выводу, будто речь идет о *механическом сложении* заимствований с Запада и Востока. Термин «Евразия» указывает: это нечто третье, цивилизация особого типа, сопоставимая по *масштабу* и *оригинальности*, но отличная по *ценностному* содержанию от цивилизаций и Востока, и Запада.

Если принять утверждение, что Россия есть цивилизация, все становится на свои места — и в эпоху Московского царства, и в санкт-петербургский период, и в советское время. Отношения Россия — Запад приобретают законченную логику,

и все нелепости и парадоксы, присущие гипотезе «России как европейской страны», разрешаются сами собой.

Россия-Евразия (=особая цивилизация) обладала и своими самобытными *ценностями* и своими *интересами*. Ценности относились к традиционному обществу, с акцентом на православной вере и специфическом русском мессианстве.

На политические и социальные устои существенное влияние оказала имперская идея Чингисхана и централизованное устройство монгольской орды. Естественное развитие этого комплекса не требовало модернизации и не несло в себе предпосылок появления тех идей, принципов и тенденций, положенных в основу Нового времени в Европе. Но наличие на Западе активной и агрессивной колонизаторской силы, навязчиво пытающийся продвинуть на Восток не только свои интересы, но и свои ценности, заставляло Россию периодически вставать на путь частичной и оборонительной модернизации (и вестернизации). Эта модернизация была экзогенной, но не колониальной. Ее частичный, *гибридный* характер и ответствен за ту карикатурность России, которой возмущались русские западники, начиная с Чаадаева, но которую, со своей стороны, порицали и русские славянофилы (Хомяков, Кириевский, братья Аксаковы и т.д.).

В этом случае русская история предстает как циклическая пульсация особой цивилизации, в спокойных условиях возвращающейся к своим самобытным корням, но в критические периоды вступающей в насильственную модернизацию (сверху). И петровские реформы, и «европеизм» романовской элиты, и советский эксперимент обретают в такой картине осмысленность и закономерность. Россия-Евразия жестко отстаивала свои собственные интересы и ценности, иногда вынуждено прибегая к вестернизации-модернизации для эффективного противостояния Западу.

Россия не часть Запада и не часть Востока. Это цивилизация сама по себе. И сохранение такой свободы, независимости

и самобытности перед лицом других цивилизаций — как с Запада, так и с Востока, составляет вектор русской истории.

Россия и Запад в 1990-е годы

В эпоху СССР и особенно «холодной войны» цивилизационная миссия России получила идеологическое выражение в форме *советской цивилизации*. В ней мы встречаемся с классическим сочетанием противостояния Западу (в данном случае, в его либерально-капиталистической буржуазной ипостаси) и заимствования определенных западных идей и технологий (марксизм). Это был период типичной альтермодернизации, экзогенной модернизации с сохранением геополитической независимости.

К концу советского периода ясное понимание основных мировых процессов политическим руководством СССР утратилось — во многом из-за неадекватности осознания марксистами истинной роли и природы самого марксизма, а также подлинных причин победы социалистической революции в отсталой аграрной стране (вопреки Марксу). Советские доктрины игнорировали национал-большевистский (евразийский) характер СССР, и это дезориентировало их в понимании глубинных отношений России с Западом. Так, в разлагающемся позднесоветском обществе возникла (самоубийственная) идея снова обратиться для дальнейшей модернизации, которая стала пробуксовывать, напрямую к Западу.

Вначале разговор шел о возможной *конвергенции* двух систем с сохранением обоюдных интересов и разных укладов. Но эта фаза быстро перешла к практике обменивать геополитические позиции СССР и его союзников на экономические и технологические инструменты развития. Встав на этот путь, СССР стремительно рухнул, и либерал-реформаторы 1990-х сломя голову бросились на Запад, признав примат западных интересов и ценностей уже безо всяких условий.

1990-е годы были движением России в сторону Запада, отчаянной попыткой интегрироваться в него на *любых* основаниях. Поэтому появилась устойчивая тенденция покаяния за советское и царистское прошлое, безудержное копирование либерально-демократической модели в политике и рыночной системы в ее неолиберальном издании, отказ от глобальных и региональных интересов, следование в фарватере американской политики.

Однако вопреки расчетам и надеждам реформаторов-западников, этот курс, связанный с именем Ельцина и его окружения, никаких положительных результатов не дал.

Запад не спешил модернизировать Россию по двум причинам:

- опасаясь, что *Россия снова может вернуться на путь конфронтации*, усилиться и восстановить свое могущество (Запад прекрасно понимал, что Россия никакая не европейская страна, а самостоятельная цивилизация и всегда к ней так и относился),
- пребывая в состоянии перехода к Постмодерну, сам Запад утратил идеологическую заинтересованность в модернизации остальных цивилизационных пространств, погрузившись в осмысление новых вызовов.

Запад приветствовал резкое ослабление России, но в искренность и фундаментальность ее нового западнического курса не верил, да это было для него безразлично.

Поэтому отношения России с Западом в 1990-е были полностью *провальными*. Россия под властью реформаторов-западников размывала свою идентичность, утрачивала позиции в мире, теряла друзей, жертвовала интересами, слепо копируя Запад без какого бы то ни было понимания реальной подоплеки его ценностной системы и даже не подозревая об истинном характере постиндустриального общества или культуры Постмодерна.

Запад же, со своей стороны, делал все возможное, чтобы ослабить Россию еще больше, не только не радуясь новому

курсу, но всячески его критикуя и высмеивая его карикатурный характер и криминально-коррупционную подкладку. В такой ситуации Россия не только не вступила в виток новой модернизации, но, разрушив старые институты и социально-экономические инструменты, просто заимствовала отдельные разрозненные фрагменты Постмодерна, привитые на скорую руку элитам, олигархам и некоторым сегментам молодежной субкультуры.

В середине 1990-х сложилось впечатление, что Россия заходит на новый виток распада и ее территориальная целостность под угрозой (чеченская компания). *Размывание идентичности, отсутствие национальной идеи и провалы модернизации* поставили Россию на грань катастрофы. И Запад в такой ситуации не просто не помогал, но активно способствовал развитию разрушительных тенденций и сценариев.

НАТО планомерно двигался на Восток, заполняя появившиеся пустоты. Сети агентуры влияния в России продолжали облучать население в духе либерализма и «общечеловеческих» (читай — западных) ценностей. Все те, кто пытался поднять вопрос о наличии у России собственных национальных интересов, клеймились «националистами» или «красно-коричневыми».

Сегодня можно с уверенностью сказать, что отношения России с Западом в эпоху 1990-х были катастрофическими для России, основанными на грубейших заблуждениях, категорически неверных расчетах, полном непонимании реального положения вещей, прямом предательстве национальных интересов, в конце концов.

Россия на глазах превращалась в колонию, с экзогенным фрагментарным внедрением Постмодерна и постепенной утратой суверенитета. Вице-спикер Госдумы от «Союза правых сил» Ирина Хакамада всерьез предлагала согласиться на международное распределение труда в «мировом правительстве» на условиях «превращения России в хранилище ядерных отходов для более развитых стран».

*Стратегия «мирового правительства» в отношении
СССР и России*

Показательно, что начиная с 1980-х годов интеллектуальный штаб Запада — американский «Совет по внешним отношениям» (CFR) и его расширенная версия в лице «Трехсторонней комиссии» (Trilateral) — стремятся активно вовлечь советское руководство в диалог, чтобы смягчить цивилизационное противостояние между «Востоком» и «Западом», обещаниями «модернизации» и «конвергенции» включить часть позднесоветской элиты в свое концептуальное поле на основании определенной ценностной близости советской и капиталистической идеологий, вытекающих из Просвещения. Эти организации выполняют функции лабораторного наброска «мирового правительства», которое планируется установить тогда, когда Запад станет глобальным и наступит «конец истории». Важно, что основная *понятийная игра* CFR с политическим руководством СССР ведется как раз вокруг многозначности содержания понятий «Запад» и «Модерн» (Просвещение).

Часть советского руководства идет на это, и в СССР на базе Института системных исследований (Дж.Гвишиани) (филиала Международного института прикладного системного анализа, Вена) формируется специальная группа ученых, призванных вступить с интеллектуальными центрами Запада в активный диалог. Фактически Москва дает согласие на делегирование своих представителей — вначале в лице ученых-системщиков и молодых экономистов — в «мировое правительство». Показательно, что это направление курируется высшими чинами в ЦК КПСС — А. Яковлевым, Э. Шеварнадзе, Е. Примаковым. Еще более впечатляет состав «молодых экономистов» — Е. Гайдар, А. Чубайс, Г. Явлинский, П. Авен. В Институте системных исследований начинает свою карьеру и Б. Березовский. Члены питерского кружка Чубайса — Г. Глазков, С. Васильев, М. Дмитриев, С. Игнатьев, Б. Львин, А. Илларионов, М. Маневич, А. Миллер, Д. Васильев, А. Кох, И. Южанов, А. Кудрин, О. Дми-

триева — и московского кружка Гайдара — К. Кагаловский, А. Улюкаев, А. Нечаев, В. Машиц — составляли второй эшелон. Большинство участников этой CFR-сети заняли в будущем ведущие посты в российском правительстве.

Последствия деятельности CFR в СССР известны. Горбачев дает добро ориентации на «конвергенцию» и начинается перестройка. В 1989 году в Кремле принимают комиссию высокопоставленных представителей CFR во главе с Д. Рокфеллером, Г. Киссинджером и т.д., социалистический лагерь рушится, а в 1991 году распадается и СССР.

Структуры CFR в России полностью легализуются в 1991-м в форме Совета по внешней и оборонной политике (С. Караганов — он официально числится в Наблюдательном совете CFR и посещает заседания Трехсторонней комиссии), а «молодые экономисты» формируют костяк правительства Ельцина и образуют его идеологическое ядро.

В деятельности сетей CFR и его российского филиала легко проследить, как концептуальные модели, оперирующие категориями «ценности», «конвергенция», «Запад», «Просвещение», могут *активно повлиять на фундаментальные процессы в мировой политике* и привести к ликвидации цивилизационного конкурента.

Россия и Запад в эпоху Путина

Приход к власти Владимира Путина существенно скорректировал этот курс 1990-х. Самой важной была жесткая установка нового президента *на отстаивание национальных интересов*. Так как наибольшая угроза им исходила именно со стороны Запада — в первую очередь, США и стран НАТО, это не замедлило сказаться на росте международной напряженности.

Путин взял курс на укрепление суверенитета и демонтаж структур внешнего управления — через либеральных полити-

ков, олигархов, коррумпированное чиновничество и прозападную столичную интеллигенцию.

С этого момента непреложной истиной стало наличие у России собственных интересов, сплошь и рядом не совпадающих с американскими или европейскими. Но при этом Путин — особенно в первый президентский срок — неоднократно заявлял, что «считает Россию европейской страной», «разделяет западные ценности», и «всегда склонен к взаимодействию с Западом», особенно когда «наши интересы имеют общие точки соприкосновения». Иными словами, он изменил ельцинскую модель отношений Россия—Запад *на девяносто градусов*. Утверждение собственных интересов разительно *отличалось* от полной покорности либерал-реформаторов по отношению к воли США, но идея интеграции России в Запад, ее модернизации по западному сценарию оставалась *той же*.

Вместе с тем Путин начинает все больше внимание уделять геополитике. Он явственно различает в структуре Запада два полюса — США и континентальную Европу. Стремится сблизиться с Европой в ущерб США. Соединенные Штаты параллельно этому усиливают через евроатлантизм антироссийские настроения в Евросоюзе, активно используют страны Новой Европы для создания «санитарного кордона», отделяющего Россию от Европы континентальной. Позже США переходят к тактике окружения России на постсоветском пространстве через организацию «цветных революций» (Грузия, Украина и т.д.). Геополитическая модель внешней политики Путина адекватна международным реалиям, она дифференцирует политику в европейском и американском направлениях.

Все это работает на уровне интересов, что особенно наглядно проявляется в российско-европейском энергетическом партнерстве: Старая Европа, жизненно заинтересованная в российском газе и нефти, стремится к прагматическому партнерству с нами, США всячески этому препятствуют. Но в целом, историческое осознание российских интересов у политического руководства входит в фокус — впервые после тяжелых

периодов позднесоветского или либерально-реформаторского бреда и откровенного предательства.

Вызов Западу

Во второй президентский срок Путин подходит к пересмотру и другой составляющей отношений России с Западом — к *вопросу о ценностях*. Повторяя заверения «в верности западным ценностям», он начинает упоминать о различиях в понимании демократии, о национальных особенностях политического устройства, о русских традициях. К тому же следует отнести и робкую теорию «суверенной демократии».

На геополитическом уровне, в своей знаменитой Мюнхенской речи Путин подвергает резкой критике международную политику США и проект создания однополярного мира. По сути, он бросает вызов Западу — в том виде, в котором тот предстает в настоящее время. И здесь мы подходим к пределу возможных толкований путинской позиции. Постепенно удаляясь от безоговорочного западничества ельцинской эпохи, Путин до последнего времени оставался в рамках модели «Россия = европейская страна». На первом этапе это означало «Россия = великая и суверенная европейская страна со своими собственными интересами». Позднее позиция стала еще более неколебимой: *«Россия = великая и суверенная европейская страна со своими собственными интересами и определенным ценностным своеобразием, жестко противостоящая американской однополярности»*. Но здесь и создается концептуальное противоречие: если «Россия = великая и суверенная европейская страна со своими собственными интересами и определенным ценностным своеобразием, жестко противостоящая американской однополярности», то уже никак не *европейская страна*, поскольку ставит под сомнение универсализм западных ценностей (претендуя на их самобытную национальную трактовку) и выступает против цивилизационной модели однополярного мира с западноцентричной архитектурой. И не

только не европейская, но даже и не страна, потому что иметь собственные ценности, принадлежа к общей цивилизации с другими странами, она просто не может — в этом случае речь должна идти о *цивилизации*.

Показательно, что по опросам ВЦИОМ, проводимым регулярно, 71—73% россиян в последние 10 лет на вопрос: «Является ли, на ваш взгляд, Россия частью Европы или самостоятельной — православной или евразийской — цивилизацией?» — устойчиво отвечают: «Россия — цивилизация». Определенный консенсус масс (народа) в этом вопросе достигнут. Но в политической и высшей экономической элите пропорции явно другие.

Позиция Путина в отношении Запада — как и в ряде других важнейших политических вопросов — есть попытка примирить между собой элиты и массы. Массам он транслирует намерения на самобытность России, элитам — заверения в верности курса на Запад и модернизацию. Нельзя однозначно сказать, что это такое: сознательная ли тактика сокрытия реальной позиции или колебания между этими двумя идентичностями — «Россия как страна» и «Россия как цивилизация». Если проследить от чего и к чему движется Путин в своих оценках Запада, то можно предположить, что он либо постепенно обнаруживает свой завуалированный до времени русский цивилизационный патриотизм, либо действительно эволюционирует в этом направлении под воздействием обстоятельств и наблюдений за разворачиванием событий в международной сфере.

Курс новоизбранного президента Медведева в целом повторяет основные силовые линии и декларации Путина. Отношение Медведева к Западу очень схоже с позицией Путина: Медведев также заявляет, что «Россия — европейская страна», но при этом, как и его предшественник, настаивает на национальных интересах (и частично ценностях) и резко критикует США и однополярный мир.

Сети CFR в путинский период

Несмотря на существенную коррекцию отношения к Западу в эпоху Путина, весьма показателен тот факт, что основные сети влияния, заложенные еще в 1980-е годы Западом, остаются в России нетронутыми и в этот период. Караганов и другие деятели СВОПа продолжают быть влиятельными фигурами. Под эгидой Караганова в 2003 году начинает выходить журнал «Россия в глобальной политике» (главный редактор Ф. Лукьянов), филиал американского «Foreign Affairs» (официального органа CFR). В редакционный совет журнала входят множество персон, которые занимают высокие посты в правительстве, бизнес-структурах, политических партиях и т. д. Попечительский Совет возглавляет олигарх Потанин.

Официально интересы CFR в России представляет «Альфа-группа» — П. Авен и М. Фридман. Усилиями этой структуры штаб-квартиру CFR в Нью-Йорке в свое время посещали Министр обороны РФ С.Б.Иванов, а осенью 2008 года — Министр иностранных дел РФ С. Лавров и даже президент РФ Д. Медведев (во время встречи «Двадцатки»). Экономические структуры Авена-Фридмана (в частности ТНК-ВР) глубоко интегрированы в американскую экономику в том ее сегменте, который контролирует группа Рокфеллеров-Морганов, а Д. Рокфеллер много десятилетий остается главным идеологом и спонсором CFR (сам CFR был создан его предками, банкирами, сразу после окончания Первой мировой войны и откровенно ставил своей целью создание «мирового правительства»).

Эти примеры показывают, что эволюция взглядов Путина и Медведева на отношения России с Западом *не переходит определенной критической черты*, за которой наличие сетей влияния «Запада» в России, и в первую очередь в ее высшем руководстве, стало бы недопустимым, nonsensом. Это напрямую связано с колебаниями в позиции высшего политического руководства относительно признания России *самостоятельной цивилизацией* и принятия окончательно трезвого и крити-

ческого взгляда на Запад. Пока президент и премьер России продолжают утверждать, что она «европейская страна» (как бы ни толковались ими данные слова), западнические структуры влияния будут оказывать на российскую внешнюю и внутреннюю политику большое, если не решающее влияние.

Органами, институализирующими подобное влияние, служат, кроме собственно структур CFR, такие площадки, как Институт развития И.Юргенса (РСПП), Форум Стратегия-2020, Высшая школа экономики, группы либералов в Администрации Президента и т.д.

Отношения Россия—Запад в будущем

Наконец, мы подошли к заключительной части — к прогнозам, пожеланиям и рекомендациям относительно развития отношений Россия—Запад в будущем. Предыдущий анализ ставил своей целью продемонстрировать насколько сложна эта проблема, сколько здесь существует смысловых сдвигов, нюансов, наложений различных ценностных и геополитических схем. Меняется понятие «Запад» и его очертания. Нет ясности в определении российской идентичности — и потому даже оттенки определений и дополнения к основной формуле могут оказаться решающими и поменять плюс на минус, победу на поражение, либо же наоборот.

Россия стоит перед исторической дилеммой, и суть последней заключается *к выработке на новом этапе и в новых условиях ее отношения к Западу*. Ситуация усугубляется глубочайшим экономическим и, вероятно, идеологическим кризисом, который переживают сегодня не только США, но весь мир, оказавшийся достаточно глобальным, чтобы сбой в функционировании ядерного Запада почти обрушил экономику всех остальных стран или по крайней мере нанес ей гигантский и необратимый ущерб. Запад стал глобальным настолько, чтобы неурядицы в его центре мгновенно повлияли на всю периферию.

Чтобы выстраивать прогнозы и стратегии на будущее развитие отношений России с Западом, необходимо в первую очередь определиться с понятиями.

*Перестройка-2: Россия интегрируется
в глобальный «Запад»*

Самой теоретически непротиворечивой в такой ситуации была бы позиция наиболее радикальных западников: Запад стал глобальным, и это надо принять, интегрируясь в его структуру на любых условиях — и чем раньше, тем лучше. Если для такого шага нужно отказаться от суверенитета, то стоит пойти и такое, поскольку рано или поздно глобализация передаст управление в руки наднационального «мирового правительства» и следует стремиться заполучить в нем несколько портфелей, не вступая в обреченную конфронтацию. И если сейчас либеральная экономика переживает кризис, то таковы всего-навсего лишь «технические детали саморегуляции рынков»; рынок найдет способ выбраться из кризиса. А так как никакой внятной альтернативы западному либерализму сегодня никто не предлагает (все прежние противоположные варианты потерпели крах), то России просто не остается ничего другого, как делить с Западом его трудности.

Приблизительно так рассуждал М. Ходорковский, на таких же позициях стоят члены оппозиционной «Другой России». Но самое главное, в смягченной форме схожей точки зрения придерживаются и более умеренные западники, принадлежащие к сетям CFR и занимающие ключевые посты в российской экономике и отчасти политической сфере. И хотя подобные идеи сегодня мало кто высказывает открыто, именно эта стратегическая линия свойственна экономическому блоку правительства (А. Кудрин, Э. Набиуллина, А. Дворкович, И. Шувалов), архитекторам международной политики России из МИДа, МГИМО, Администрации Президента, российским олигархам (в лице РСПП или Института развития И. Юргенса) и другим

влиятельным сегментам российской элиты. В целом элита остается верной Западу, впитывает его ценности, хранит капиталы за границей и там же селит свои семьи, проводит свободное время и обучает детей. И хотя отношение к фигурам Путина и Медведева резко делит российских западников на две части (одни — за, другие — категорически против), обе они исходят из принципа неизбежности глобализации и создания «мирового правительства»¹.

Надо сказать, что такая позиция обладает одним существенным «достоинством»: она позволяет жить и работать по инерции, без больших напряжений и усилий. Тенденции глобализации и построения однополярного мира развиваются ядерным Западом при помощи как инерциального раскручивания маховика мировой истории, так и благодаря напряженной работе по отстаиванию своих интересов. Ценности и интересы Запада в основных чертах совпадают, движение к «концу истории» необратимо, споры идут только о его скорости, этапах и деталях. Как бы ни ужасал Постмодерн даже его адептов, он вписан в логику социальных, культурных, технологических и геополитических процессов, отложить и, тем более, отменить его волевым декретом никому не удастся. Поэтому российские западники предлагают «расслабиться и получать удовольствие», даже если речь идет чем-то неприятном, а то и убийственным для страны, для амбиций народа и исторической миссии России.

¹ Эту близость позиций западников за Путина и западников против Путина легко обнаружить через такие примеры, как эволюция взглядов бывшего премьер-министра Касьянова или президентского советника Илларионова, легко перешедших в самую радикальную оппозицию, а также внимательно изучая список редакционного совета проамериканского издания «Россия в глобальной политике», где радикальные оппозиционеры (Рыжков, Хакамада) мирно соседствуют с министрами и высокопоставленными сотрудниками Администрации Президента.

Наличие самой *миссии* они оспаривают или осмеивают, *амбиции* советуют сократить, а *неприятности* можно сгладить постоянно растущей индустрией развлечения, «тоталитарной» пропагандой гламура и шоу-бизнеса. Если же в результате глобализации Россия исчезнет, то, утешают либералы, «туда ей и droga», важно лишь сделать это исчезновение по возможности незаметным и «комфортным». Россия исчезнет, а люди-то — если сумеют, конечно, — получают шанс вписаться в глобальный Запад, останутся и даже, вероятно, смогут воспользоваться новыми открывающимися возможностями: свободой передвижения, коммуникаций, доступа к знаниям, поиска работы и равенством стартовых условий. И надо признать, что, если рассматривать Россию как европейскую страну, либералы правы. Ведь другие европейские страны постепенно отказываются от своего суверенитета, передают, пусть со скрипом, — власть наднациональным органам (брюссельской бюрократии), уравнивают в правах коренное население и мигрантов из Африки и Азии, стирают границы, переходят на английский язык, забывают о национальных, культурных и религиозных корнях. Если «Россия — европейская страна», то, *как и остальным европейским странам*, ей надо готовиться к тому, чтобы быть стертой с лица земли, уступая место новым глобалистским образованиям. Ведь для самой Европы интеграция — это только временный этап. Если следовать за процессом глобализации, на следующем ее витке весь мир станет «*единым государством*» (World State) и все народы и страны передадут власть «мировому правительству» (зародышем которого уже сегодня является CFR или Trilateral).

Такая тенденция проектирования отношений России с Западом не настолько нелепа и маргинальна, как кажется на первый взгляд, после того подъема патриотического чувства, который нарастал в течение всего правления Путина и на первых порах президентства Медведева (особенно после августа 2008 года и российско-грузинского конфликта). Интеграция в глобальный Запад («мировую цивилизацию») — это самое

простое решение, не требующее никаких усилий. Процессы глобализации идут сами собой, и даже те, кто не согласен с их ценностным идеологическим содержанием (например, Китай, в меньшей степени Индия), пытаются лишь скорректировать эти процессы в свою пользу, слегка ограничить или притормозить их, придать им определенный местный колорит, оспорив нюансы, но *никто* — кроме радикальных исламских кругов и молодежного анархистского движения антиглобалистов — не выступает последовательно и основательно против. Участвовать в глобализации в такой перспективе видится *не как волевой выбор, но как нечто само собой разумеющееся*, не требующего выбора, поскольку тот сделан за нас — логикой истории Нового времени и закономерным наступлением Постмодерна и «конца истории».

Таким образом, нельзя сбрасывать такое западническое решение со счетов. Куда более идеологизированный, радикально антизападный, тоталитарный и управляемый, чем нынешний, советский режим рухнул перед этой неумолимой логикой Запада, сдал позиции перед убедительными аргументами сети влияния, которую сам же и создал. Желая поучаствовать в чужой модернизации ценой минимальных усилий, СССР заплатил за промах и погиб. Но шок быстро забылся, и перед лицом нарастающих проблем аналогичный ход вещей — перестройка, либеральные реформы, сближение с США, вступление в НАТО, отказ от гигантских территорий и отягчающих этносоциальных регионов — вполне может повториться, особенно в условиях нарастающих проблем. Либеральная оппозиция говорит об этом открыто. Но втайне того же мнения придерживается и значительный процент современной российской политической элиты. Поэтому такой сценарий развития событий — условно говоря, «Перестройка-2» — при всей его малой вероятности в условиях эскалации современного российского патриотизма ни в коем случае сбрасывать со счетов нельзя.

Россия и Запад в евразийской теории

Прямо противоположной посылкой, на которой можно основывать прогноз развития отношений России с Западом, выступает тезис о том, что «Россия есть самостоятельная цивилизация», Россия-Евразия, «государство-мир». В этом случае понимание Запада (равно как и Модерна, и модернизации в ее многообразных видах) — практически во всех значениях этого слова — от исторического до ценностного и идеологического, берется как *зло*, как негативная концепция, как гегелевский антитезис, как то, что следует отвергнуть, победить, преодолеть, изжить, окоротить — в далекой перспективе уничтожить. Такой точки зрения придерживались русские цари Московского периода (видя в Европе «царство еретиков» — «папешников и люторов»), славянофилы (особенно поздние), русские народники, евразийцы и коммунисты (в соответствии со своей особой классовой идеологией).

Отталкиваясь от этой славянофильской (евразийской) перспективы, отношения России с Западом должны строиться в совершенно ином ключе. Эту позицию можно назвать *жестко антизападной*. Российская (православно-славянская, евразийская) цивилизация должна дать последний и решительный бой.

Такая установка ведет к *полному отрицанию того пути развития, по которому шел Запад и те, кто оказывался в зоне его влияния* — добровольно или насильственно (через колонизацию).

Следовательно, первым (и главным) пунктом стратегии становится *отрицание универсальности исторического опыта европейской цивилизации*, приравнивание ее к частному случаю с опровержением всех ее претензий на магистральный путь развития человечества. Это означает, ни больше ни меньше, вызов всей структуре эпохи Модерна, *отвержение Просвещения*, приравнивание духа Нового времени к локальному — географически и исторически — явлению. Если Россия есть самостоятельная цивилизация, то ее логика, ее этапы, динамика,

цели, ее ценности и ориентации могут быть совершенно *иными*, нежели пути развития и становления Запада. Какими бы путями и по какой бы логике Запад ни шел к концу истории, к Постмодерну и постиндустриальному обществу, Россия-Евразия вполне способна сказать всему этому решительное «нет!», отвергнуть на основе своих собственных ценностей, приоритетов, ориентиров, выборов и, в конце концов, интересов.

Данная позиция требует *метафизического переосмысления русской идентичности*, незамедлительной разработки русской национальной идеи на новом витке развития, чтобы подвести под тотальное отторжение Запада надежное философское, мировоззренческое основание.

Встав на этот путь и не дожидаясь, пока огромная работа духа будет проделана, вполне можно набросать основные принципы, отталкиваясь от которых Россия-Евразия, Россия (=цивилизация) будет выстраивать отношения с Западом.

Первым и главным пунктом в этих отношениях будет *отвержение тенденции «глобального Запада»*. Запад есть явление локальное и региональное, и все попытки представить себя как универсальный стандарт развития есть ничто иное как колониальная расистская претензия на абсолютную власть над человечеством. *Универсализму Запада объявляется война.*

Из этого следует еще один важнейший вывод: модернизация, которую проделал Запад и которую он несет всем остальным, есть не судьба, но волевым образом избираемая *возможность*, которую другие либо принимают, либо отвергают. Модернизация превращается в таком случае не столько в *объект вождения*, сколько в сомнительную авантюру, когда общество жертвует религией, этикой, традиционными устоями, но приобретает *технический комфорт*, возведенный в высшую ценность и главенствующий критерий. Модерн — с его материализмом, атеизмом и утилитаризмом — обнаруживается в качестве *соблазна*, притягательного, но убивающего дух и самобытность культур и народов. Поэтому Модерн лишается своей исторической ценности, а традиционное общество —

включая религию, культ, обряды, обычаи и т.д. — осмысляется не как нечто изжившее себя, не как инерция и предрассудки, а как *свободный выбор свободного общества*.

Запад связал свою судьбу с Модерном и модернизацией. Если Россия есть самостоятельная цивилизация, отличная от Запада, она вполне может (и должна) поступить иначе, сделав выбор в пользу традиционного общества. Отсюда следует важнейший вывод: Модерн и модернизация не представляют собой абсолютные ценности и безусловный императив развития. Россия способна развиваться и жить в соответствии со своей внутренней логикой — диктуемой ее религией, ее исторической миссией, ее самобытной и своеобразной культурой.

У России, понятой в качестве цивилизации, не просто могут, но должны быть свои ценности, отличающиеся от других цивилизаций. Поэтому она имеет полное право создавать свои собственные политические, социальные, правовые, экономические, культурные и технологические модели, не обращая внимания на реакцию Запада (как впрочем, и Востока).

В конкретной политике эти принципы оборачиваются моделью многополярного мира. Причем его полюсами становятся не сегменты глобального Запада, которые лишь берут паузу, чтобы более эффективно подстроить свои общества под универсальный стандарт, но отдельные цивилизации, претендующие на собственное понимание истории, на свое особое историческое время (циклическое или линейное), на свою онтологию, антропологию, социологию, политологию, на свой собственный мир, который может не нравиться остальным, но это ни на что не влияет.

Так рождается *фундаментальная философия многополярности*, отрицающая претензии Запада на универсальность его пути и предлагающая народам мира самим искать не только средства развития, но и определять его цели и направление.

Если Россия станет на такой путь и признает себя цивилизацией (как признаёт подавляющее большинство населения), это будет означать крестовый поход против Запада, отрицание его

универсальной миссии, а значит, отвержение Модерна и Постмодерна как его последнего выражения.

Такая позиция не столь уж невероятна, хотя на сегодняшний момент ее занимают лишь Иран, Венесуэла, Сирия, Боливия, Никарагуа, Северная Корея, Белоруссия и в осторожной манере Китай.

Если допустить, что российское политическое руководство сделает ожидаемый шаг и провозгласит Россию цивилизацией, немедленно выстроится логичная цепочка практических действий.

1. Россия укрепит свои отношения с теми странами, которые *радикально бросают вызов* Западу, глобализации, Модерну и Постмодерну.

2. Россия начнет *раскалывать Запад*, укрепляя свои связи с континентальной Европой и стремясь вывести ее из-под контроля США.

3. Россия создаст *фильтр* по отношению к процессам глобализации — в области культуры, технологии, ценностей, принимая только то, что будет способствовать укреплению ее стратегической мощи, и безжалостно отбрасывая и ставя вне закона все, что ослабляет, разъедает и релятивизирует ее цивилизационную идентичность.

Такой поворот приведет к эскалации отношений с США и всеми апологетами «глобального Запада», но при этом подтянет к России миллиарды союзников в тех странах, которые захотят сохранять верность своим ценностям и традициям, вместо того чтобы растворяться в «мировом государстве».

Окончательного исхода этой конфронтации не знает никто, поскольку исторические ставки слишком велики; разразится подлинная битва за смысл «конца истории» или, при ином исходе, за то, чтобы она продолжалась далее. Если многополярный мир будет построен, *история продолжится*. Если нет, то Постмодерн воцарится окончательно и она *закончится*, уступив место «Пост-истории» (на сей раз — безо всякого зазора).

Россия и Запад в оптике современной российской власти

Чтобы не предаваться пустым иллюзиям и не выдавать желаемое за действительное, приходится констатировать: сегодня российская власть совершенно не готова сделать выбор ни в одном, ни в другом направлении. Ни Путин, ни Медведев не собираются ни растворяться в Западе, ни признавать того, что Россия есть самостоятельная цивилизация, и давать Западу последний бой. Ни власть, ни общество не готовы к столь резкому шагу.

Принимая во внимание логику всего постсоветского периода, легко заметить, что от безудержного западничества маятник российской политики неуклонно смещается в сторону противоположную. Вся история президентства Путина, его гигантский рейтинг и поддержка его политики в народе свидетельствуют о том, что самосознание россиян тяготеет к признанию России цивилизацией и к отторжению западничества. И любой намек власти поступить так же немедленно с энтузиазмом подхватывается широкими массами. Но, несмотря на это, существует невидимый барьер, который сдерживает ее эволюцию в этом направлении. Может быть, речь идет об эффективности деятельности сетей агентуры влияния (в первую очередь CFR). Возможно, в обществе еще недостаточно накоплено энергии, чтобы взойти на новый виток цивилизационной битвы, которую — в той или иной форме — русские вели на протяжении всей своей истории.

Как бы то ни было, позиция современной российской власти в отношении Запада (в его актуальном воплощении) остается *неопределенной*. Власть отказалась от прямолинейного западничества, но так и не встала на альтернативную (славянофильскую, евразийскую) позицию. Она «зависла», как порой зависает компьютер. Ни туда, ни сюда.

Мы очертили общий сценарий развития отношений с Западом, если верх возьмет одна из двух фундаментальных позиций — интеграция в глобальный Запад или отстаивание цен-

ностей и интересов России как цивилизации в многополярном мире.

На сегодняшний момент выбор не сделан. Он всячески оттягивается, откладывается. Создается такое впечатление, что российская власть страдает от самой необходимости этого выбора, что она сделала бы все возможное, чтобы столь жесткой альтернативы не существовало, чтобы ее избежать каким-то средним, компромиссным вариантом — и Запад, и не-Запад.

Россия должна интегрироваться и модернизироваться, но при этом сохранять суверенность и самобытность. Отчаянной попыткой примирить непримиримое являются разнообразные концепции в стиле «суверенной демократии».

Такая неопределенность и двусмысленность удобна для тактического расширения поля возможностей. Но вместе с этим это не решение проблемы, а ее откладывание. Это может давать (и дает) положительный эффект для примирения западных элит и евразийских (национальных) масс. Но рано или поздно выбор делать придется. Российская власть убеждена: лучше поздно.

Наверное, для такой позиции есть определенные основания, однако «поздно» не значит «никогда». Наступит момент, когда на эту дилемму придется дать однозначный и внятный ответ: итак, Россия — это европейская страна или самостоятельная цивилизация?

Когда Путин говорит о многополярности и критикует США, создается впечатление, что он сделал выбор в пользу цивилизации. Но тут же он появляется на публике в сопровождении агентов влияния CFR, олигархов и говорит о «демократии и модернизации», подчеркивая решимость России стать частью глобального Запада. Путин поступал точно так же: постоянно дезавуировал свои собственные идеологические инструкции, смешивая в одной и той же речи несовместимое и взаимоисключающее.

Это наблюдение показывает: отношения России с Западом при нынешней власти будет протекать в пространстве проме-

жуточном — между двумя четкими и внятными позициями. Вместо однозначного «или-или», которое предопределило бы дальнейшую логику отношений Россия—Запад, мы на какое-то время обречены на недомолвки, колебания, фигуры умолчания. *Российская власть не созрела для ответа на эту фундаментальную проблему.* Наверное, до конца не созрело и само общество. Хотя настроение масс явно склоняется в одну сторону, а настроение элит в другую. Нынешняя российская власть основана на компромиссе между этими двумя полюсами.

Пока этот компромисс существует, настоящего и полноценного решения мы не дождемся. А значит, отношения России с Западом будут развиваться противоречиво и двусмысленно: *и да, и нет.*

Однако мировой экономический кризис и логика глобализации, от которой Запад отступать не намерен, объективно ускорят (за нас) процесс принятия решения. Дольше какой-то критической точки «тянуть резину» не получится. Власть должна будет сделать выбор, который и предопределит логику дальнейшего развития отношений с Западом. Каким окажется это решение и когда оно возобладает предугадать трудно.

Но между *чем и чем* будет осуществляться выбор, мы постараемся описать с максимальной точностью.

ГЛАВА 4. «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Потребность в уточненной дефиниции

В отношении понятия «цивилизация» в интеллектуальных, научных и широких общественных кругах не существует сегодня никакого согласия. Как впрочем, и в отношении иных основополагающих терминов. Это проистекает из фундаментального смысла нашей эпохи, переходной от периода Модерна к Постмодерну, что сущностно аффектирует смысловые поля и языковые формы. Причем, — поскольку мы находимся именно в стадии незавершившегося перехода, — в понятиях царит невообразимая путаница: кто-то толкует привычные термины по-старому; кто-то, чувствуя необходимость семантических сдвигов, уже заглядывает в будущее (которое пока не наступило); кто-то фантазирует (быть может, приближая будущее или попросту впадая в индивидуалистические иррелевантные галлюцинации); кто-то совсем запутался.

Как бы то ни было, для корректного употребления терминов — особенно ключевых, к которым, безусловно, относится понятие цивилизации, — сегодня необходимо осуществлять пусть элементарную, но деконструкцию, возводящую значения к историческому контексту, и проследживать основные семантические сдвиги.

Цивилизация как фаза развития обществ

Термин «цивилизация» получил широкое хождение в эпоху бурного развития теории прогресса. А эта теория исходила из двух базовых парадигмальных аксиом Модерна — поступа-

тельный и однонаправленный характер развития человечества (от минуса к плюсу) и универсальность человека как феномена. В этом контексте «цивилизация» у американца Г.Л. Моргана¹ определяет стадию, в которую «человечество» (в XIX в. все как один некритически верили в очевидное существование такого понятия, как «человечество») вступает после стадии «варварства», а та, в свою очередь, сменяет собой стадию «дикости». Такое толкование цивилизации легко приняли марксисты, вписав ее в теорию смены экономических формаций. По Моргану, Тейлору и Энгельсу², «дикость» характеризует племена, занимающиеся собирательством и примитивными видами охоты. «Варварство» относится к бесписьменным обществам, занятым простейшими видами сельского хозяйства и скотоводства — без четкого разделения труда и развития социально-политических институтов. «Цивилизация» же знаменует собой стадию появления письма, социально-политических институтов, городов, ремесел, технологических усовершенствований, расслоение общества на классы, появление развитых теологических религиозных систем. «Цивилизации» считались исторически устойчивыми и могли сохраняться, развиваясь, но оставляя неизменными основные признаки в течение тысячелетий (месопотамская, египетская, индусская, китайская, римская).

«Цивилизация» и «империя»

Однако вместе с чисто историческим фазовым значением в понятие «цивилизации» — хотя менее эксплицитно — вкладывался и территориальный смысл. «Цивилизация» предполагала довольно обширный ареал распространения, то есть наряду со значительным временным объемом подразумевалось

¹ Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934..

² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г.Моргана, М., 2007.

широкое пространственное распространение. В этом территориальном смысле границы термина «цивилизация» отчасти совпадали со значением слова «империя», «мировая держава». «Империя» в таком цивилизационном смысле указывала не на особенность политического и административного устройства, а на факт активного и интенсивного распространения влияний, выходящих из очагов цивилизации на окружающие территории, населенные предположительно «варварами» или «дикарями». Иными словами, в самом понятии «цивилизации» уже можно распознать характер экспансии и экспорта влияния, свойственных «империям» (древним и современным).

Цивилизация и универсальный тип

Цивилизация вырабатывала новый универсальный тип, качественно отличающийся от моделей «варварских» и «дикарских» обществ. Этот тип строился чаще всего на «глобализации» того этно-племенного и/или религиозного ядра, которое стояло у истоков данной цивилизации. Но в ходе этой «глобализации», то есть через приравнивание конкретного этнического, социально-политического и религиозного образа к «универсальному эталону», происходил важнейший процесс трансцендирования самого этноса, перевода его естественной и органической — чаще всего бессознательно передающейся — традиции в ранг рукотворной и осознанной рациональной системы. Гражданин Рима даже на первых этапах Империи уже существенно отличался от среднестатистического жителя Лации, а разнообразие мусульман, молящихся по-арабски, далеко вышло за рамки бедуинских племен Аравии и их прямых этнических потомков.

Таким образом, при переходе к «цивилизации» качественно менялась социальная антропология: человек, относящийся к «цивилизации», обладал коллективной идентичностью, запечатленной в фиксированном корпусе духовной культуры, который он был обязан до определенной степени освоить. «Цивилизация» предполагала рациональное и волевое усилие со

стороны человека — то, что в XVII в. после Декарта философы стали называть «субъектом». Но необходимость такого усилия и наличие абстрагированного, фиксированного в культуре образца до определенной степени уравнивала между собой и представителей ядерного этноса (религии), лежащего в основе «цивилизации», и тех, кто попадал в зону влияния из иных этнических контекстов. Усвоить основы цивилизации было качественно проще, чем быть принятым в племя, поскольку для этого требовалось не органически впитывать гигантские пласты бессознательных архетипов, но проделать ряд рассудочных логических операций.

Цивилизация и культура

В некоторых контекстах (в зависимости от страны или отдельного автора) в XIX в. понятие «цивилизация» отождествлялось с понятием «культура». В других случаях между ними устанавливались иерархические отношения — чаще всего культура рассматривалась как духовное наполнение цивилизации, а собственно цивилизация означала формальную структуру общества, отвечающую основным пунктам определения.

Освальд Шпенглер в знаменитой книге «Закат Европы» даже противопоставлял «цивилизацию» и «культуру», считая вторую выражением органического жизненного духа человечества, а первую — продуктом остывания этрого духа в механических и чисто технологических границах. По Шпенглеру цивилизация — это продукт культурной смерти. Однако такое остроумное наблюдение, верно истолковывающее некоторые черты современной западной цивилизации, не получило всеобщего признания, и чаще всего сегодня термины «цивилизация» и «культура» используются как синонимы. Хотя у каждого конкретного исследователя на этот счет может быть свое собственное мнение.

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: В 2 т., М., 2006.

Постмодерн и синхроническое понимание цивилизации

Даже самый беглый обзор значения термина «цивилизация» показывает, что в нем мы имеем дело с концептом, пропитанным духом Просвещения, прогрессизма и историцизма, который был свойственен эпохе Модерна в ее некритической стадии, то есть до фундаментального переосмысления XX в. Вера в поступательное развитие истории, в универсальность пути человечества по всеобщей логике развития от дикости к цивилизации была отличительной чертой XIX в. Но уже с Ницше и Фрейда, так называемых «философов подозрения», эта оптимистическая аксиома стала ставиться под сомнение. А на протяжении XX в. Хайдеггер, экзистенциалисты, традиционалисты, структуралисты и, наконец, постмодернисты не оставили от нее камня на камне.

В Постмодерне критика исторического оптимизма, универсализма и историцизма приобрела систематический характер и создала доктринальные предпосылки для тотальной ревизии концептуального аппарата западноевропейской философии. Сама эта ревизия до конца не осуществлена, но и того, что сделано (Леви-Строссом, Бартом, Рикёром, Фуко, Делёзом, Деррида и т.д.) уже достаточно, чтобы убедиться в невозможности пользоваться словарем Модерна без его тщательной и скрупулезной деконструкции.

П. Рикёр, обобщая тезис «философов подозрения», рисует следующую картину. Человек и человеческое общество состоят из рационально-сознательной составляющей («керигма», по Бультману; «надстройка» Маркса; «эго» Фрейда) и бессознательной (собственно «структура» в структуралистском понимании; «базис»; «воля к власти» Ницше; «подсознание»). И хотя внешне кажется, что путь человека прямо ведет от плена бессознательного к царству разума и это как раз представляет собой прогресс и содержание истории, на самом деле при ближайшем рассмотрении выясняется, что бессознательное

¹ Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. М., 1996.

(«миф») оказывается намного сильнее и по-прежнему существенно предопределяет работу рассудка. Более того, сам рассудок и осознанная логическая деятельность почти всегда есть не что иное как гигантская работа по репрессии бессознательных импульсов — иначе говоря, выражение комплексов, стратегии по вытеснению, замещение проекции и т.д. У Маркса в качестве бессознательного выступают «производительные силы» и «производственные отношения».

Следовательно, «цивилизация» не просто снимает «дикость» и «варварство», полностью преодолевая их, но сама строится именно на «диких» и «варварских» началах, которые переходят в область бессознательного, но от этого не только никуда не исчезают, но, напротив, приобретают над человечеством неограниченную власть — в большой мере именно потому, что считаются «преодоленными» и более «несуществующими». Этим объясняется разительное различие между исторической практикой жизни народов и обществ, полной войн, насилия, жестокости, разгула страстей, изобилующей усугубляющимися психическими расстройствами и претензиями рассудка на гармоничное, мирное и просвещенное существование под сенью прогресса и развития. В этом отношении Новое время не просто не исключение, но вершина обострения этого несоответствия между претензиями разума и кровавой реальностью мировых войн, этнических чисток, небывалого в истории массового геноцида целых рас и народов. Причем для удовлетворения «дикости» используются самые совершенные технические средства, изобретенные «цивилизацией», — вплоть до оружия массового уничтожения.

Итак, критическая традиция, структурализм и философия постмодернизма заставляют перейти от преимущественно диахронического (стадиального) толкования «цивилизации», что было нормой для XIX в. и по инерции продолжает бытовать в широком употреблении, к синхроническому. Синхронизм

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии, М.1953.

предполагает, что цивилизация приходит не взамен «дикости» и «варварства», не после них, а вместе с ними и продолжает сосуществовать с ними. Можно представить себе «цивилизацию» как числитель, а «дикость»-«варварство» как знаменатель условной дроби. «Цивилизация» аффектирует сознание, но бессознательное через ни на миг непрекращающуюся «работу сновидений» (З. Фрейд)¹ постоянно перетолковывает всё в свою пользу. «Дикость» — это то, что объясняет «цивилизацию», является ключом к ней. Получается, что человечество поспешило объявить о «цивилизации» как о том, что уже реально произошло, тогда как это остается не более чем незавершенным планом, постоянно терпящим крах под натиском хитрых энергий бессознательного (как бы мы ни понимали его — ницшеански, как «волю к власти», или психоаналитически).

Деконструкция «цивилизации»

Как на практике можно применить структуралистский подход для деконструкции понятия «цивилизация»? В соответствии с общей логикой этой операции следует подвергнуть сомнению необратимость и новизну того, что составляет основные характеристики «цивилизации» по контрасту с «дикостью» и «варварством».

Основной характеристикой «цивилизации» часто считают инклюзивный универсализм — то есть теоретическую открытость цивилизационного кода для тех, кто хотел бы к нему примкнуть извне. Инклюзивный универсализм на первый взгляд есть полная антитеза эксклюзивному партикуляризму, свойственному племенным и родовым общинам «доцивилизованного» периода. Но исторически претензия цивилизации на универсальность — эйкуменичность и, соответственно, единственность — постоянно наталкивалась на то, что, помимо «варварских» народов, за границами такой «цивилизации» существовали другие цивилизации со своим собственным и

¹ Фрейд З. Толкование сновидений. СПб., 1998..

отличным вариантом «универсализма». В этом случае перед «цивилизацией» обнажалось логическое противоречие: либо надо признать, что претензия на универсальность оказывается несостоятельной, либо зачислить иную цивилизацию в разряд варварских. При признании несостоятельности тоже могут последовать разные решения: либо постараться найти синкретическую модель объединения обеих цивилизаций (по меньшей мере, в теории) в общую систему, либо принять правоту иной цивилизации. Как правило, сталкиваясь с такой проблемой, «цивилизация» поступает на основе эксклюзивного (а не инклюзивного) принципа — считает иную цивилизацию неполноценной, то есть «варварством», «ересью», «партикуляризмом». Другими словами, мы имеем дело с переносом обычного племенного этноцентризма на более высокий уровень обобщения. Инклюзивность и универсализм на деле оборачиваются знакомыми нами «дикарскими» эксклюзивиями и партикулярностями.

Это легко распознать в следующих ярких примерах: греки, считавшие себя «цивилизацией», всех остальных причисляли к «варварам». Происхождение слова «варвар» — звукоподражательный пейоратив, обозначающий того, чья речь не имеет смысла и является набором животных звуков. У многих племен встречается подобное отношение к иноплеменникам — не понимая их языка, они думают, что у тех его вообще нет, а, следовательно, не считают их людьми. Отсюда, кстати, славянское племенное название «немцы», то есть «немые», не знающие того, что должен знать всякий, считающий себя человеком, — русского языка.

У древних персов, представлявших собой именно цивилизацию с претензией на универсальную маздеистскую религию, это было выражено еще четче: деление на Иран (людей) и Туран (демонов) проводилось на уровне религий, культов, обрядов, этики. Дело доходило до абсолютизации эндогенных связей и нормативизации инцеста — чтобы солнечный дух

иранцев (Ахура Мазда) не был осквернен примесью сынов Ангро-Манью.

Иудаизм как мировая религия, претендующая на универсализм и заложившая теологические основы монотеизма — и для христианства, и для ислама, построивших по несколько цивилизаций одновременно, — до сих пор почти этнически ограничена кровно-племенным кодексом «Галахи».

Племенное устройство основано на инициации, в ходе которой неофиту сообщаются основы племенной мифологии. На уровне цивилизации эту же функцию выполняют религиозные институты, а в более поздние эпохи — система всеобщего образования, заведомо идеологизированная. Мифы Модерна неофиты усваивают в иной обстановке и в иных декорациях, но их функциональное значение остается неизменным, а логическая обоснованность (если учесть фрейдистский анализ замещающе-репрессивной деятельности рассудка и «эго») не далеко ушла от легенд и преданий.

Словом, даже приблизительная деконструкция «цивилизации» показывает, что претензии на преодоление прежних фаз — иллюзии, а на деле большие и «развитые» коллективы людей, объединенные в «цивилизации», по сути, просто на ином уровне повторяют архетипы поведения и ценностные системы «дикарей». Отсюда бесконечные и всё более кровавые войны, двойные стандарты в международной политике, разгул страстей в личной жизни, постоянно взламывающих этические нормативные коды умеренных и рациональных обществ. Развивая мысль о «добром дикаре» Руссо (кстати, жестко критиковавшего цивилизацию как явление и считавшего именно ее источником всех зол), можно сказать, что «цивилизованный» человек есть не кто иной как «злой дикарь», испорченный и извращенный «варвар»¹.

¹ Руссо Жан-Жак. Избранное. М.: Терра, 1996.

*Сегодня преобладает синхронистическое и плюральное
понимание «цивилизации»*

С этими предварительными замечаниями можно, наконец, подойти к тому, что мы вкладываем сегодня в понятие «цивилизации», когда развиваем тезис Хантингтона о «столкновении цивилизаций»¹ или возражаем ему с экс-президентом Ирана Хатами, настаивая на «диалоге цивилизаций».

Сам факт едва ли не консенсуса в использовании термина «цивилизации» явно указывает на то, что стадияльное (чисто историцистское и прогрессистское) толкование этого понятия, преобладавшее в эпоху Модерна и общепринятое в XIX и первой половине XX в., теперь явно утратило свою релевантность. Противопоставлять «цивилизацию» и «варварство» сегодня могут разве что самые отсталые, застрявшие в некритическом Модерне Конта или Бентама исследователи. Хотя инструментально в историческом анализе термин «цивилизация» удобно использовать при описании древних типов обществ, однако идеологическую нагрузку как глобального плюса по сравнению с глобальным минусом (варварства и дикости) он явно утратил. Универсализм, поступательность развития, антропологическое единство человеческой истории — всё это на философском уровне давно поставлено под вопрос. Леви-Стросс своими исследованиями в структурной антропологии, основанными на богатейшем этнографическом и мифологическом материале жизни племен Северной и Южной Америк, убедительно доказал, что концептуальные и мифологические системы самых «примитивных» обществ по своей сложности, богатству оттенков, связей и функциональной проработанности дифференциаций ничем не уступают наиболее цивилизованным странам.

В политическом дискурсе еще бытуют суждения о «преимуществах цивилизации», но и это уже смотрится как анах-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций М.: АСТ, 2006.

ронизм. Мы столкнулись с таким всплеском некритического невежества, когда либерал-реформаторы пытались представить историю России как непрерывную цепь неизжитого варварства перед лицом «процветающей и блистательной», «состоявшейся» западной цивилизации. Впрочем, и это было не просто экстраполяцией бравурных пропагандистских претензий самого Запада и результатом индукции сетей влияния, но и формой российских карго-культов: первые «Макдоналдсы», частные банки и клипы рок-групп на советском телевидении воспринимались как «сакральные объекты».

За исключением этих пропагандистских штампов или безнадёжной отсталости, в рамках пусть даже отдаленно окрашенного знакомством с современной философией, однако не противоречащего мейнстриму дискурса понятие «цивилизации» трактуется без какой-либо моральной нагрузки, скорее как технический термин, и подразумевает не что-то противопоставленное «варварству» и «дикости», но другую «цивилизацию». В известной, уже упоминавшейся статье Хантингтона, нет ни слова о «варварстве», он говорит исключительно о границах, структурах, особенностях, трениях и различиях разных цивилизаций, противостоящих друг другу. И это особенность не только его позиции или линии, восходящей к Тойнби, которой Хантингтон явно следует. Использование этого термина в современном контексте уже предполагает заведомый плюрализм, компаративизм и, если угодно, синхронизм. Здесь непосредственно сказываются философская критика и переосмысление Модерна, осуществляемые тысячами разных путей в течение всего XX в.

Итак, если отбросить рецидивы некритического либерализма и узколобую наивную проамериканскую (шире — атлантистскую) пропаганду, мы увидим, что сегодня термин «цивилизация» в оперативном и актуальном политологическом анализе применяется главным образом синхронически и функционально, чтобы обозначить широкие и устойчивые географические и культурные зоны, объединенные приблизительно

общими духовными, ценностными, стилистическими, психологическими установками и историческим опытом.

Цивилизация в контексте XXI в. означает именно это: зону устойчивого и укоренного влияния определенного социо-культурного стиля, чаще всего (но не обязательно) совпадающего с границами распространения мировых религий. Причем политическое оформление отдельных сегментов, входящих в цивилизацию, может быть весьма различным: цивилизации, как правило, шире, чем одно государство, и могут состоять из нескольких или даже многих стран; более того, границы некоторых цивилизаций проходят через страны, разделяя их на части.

Если в древности «цивилизации» чаще всего совпадали с империями и были так или иначе политически объединены, то сегодня их границы представляют собой невидимые линии, нерелевантно накладывающиеся на административные границы государств. Какие-то из этих государств некогда входили в состав единой империи (например, ислам распространялся почти повсеместно в ходе завоеваний арабов, строивших мировой халифат). Другие не знали общей государственности, но были объединены между собой иначе — религиозно, культурно или расово.

*Кризис классических моделей исторического анализа
(классового, экономического, либерального, расового)*

Итак, мы установили, что в употреблении термина «цивилизация» в XX в. и в рамках критики Модерна произошло качественное смещение в сторону синхроничности и плюральности. Но можно сделать еще один шаг и попытаться понять, а почему, собственно, это словоупотребление стало столь актуальным именно в наше время? Действительно, ранее понятие цивилизации не было предметом нарочитой проблематизации, а мыслить такими категориями было привычно лишь гуманитарным академическим кругам. В политическом и смежном с

ним политологическом дискурсе доминировали иные — экономические, национальные, расовые, классовые, социальные подходы. Сегодня же мы наблюдаем, что мыслить узко экономически, говорить о национальном государстве и национальных интересах, а тем более ставить во главу анализа классовый или расовый подходы всё менее и менее принято. И наоборот, редко какое выступление или речь политического деятеля обходятся без упоминания слова «цивилизация», не говоря уже о политологических и аналитических текстах, где этот термин едва ли не самый общеупотребительный.

У Хантингтона вообще наблюдается попытка сделать «цивилизацию» центральным моментом политического, исторического и стратегического анализа. Мы явно идем к тому, чтобы мыслить «цивилизациями».

Здесь следует приглядеться внимательнее к тому, что именно в магистральных версиях политологического дискурса замещает собой «цивилизация». Всерьез говорить о расах не принято после трагической истории с европейским фашизмом. Классовый анализ стал мейнстримно irrelevantным после распада соцлагеря и краха СССР. И в какой-то момент казалось, что единственной парадигмой политологии будет либерализм. При этом создалось впечатление, что национальные границы однородных, по сути, либерально-демократических государств, не сталкивающихся более ни с какой системной и претендующей на планетарный размах альтернативой (после падения марксизма), будут в скором времени упразднены, создастся мировое правительство и единое мировое государство с однородной рыночной экономикой, парламентской демократией (мировой парламент), либеральной системой ценностей и общей информационно-технологической инфраструктурой. Глашатаем такого «прекрасного нового мира» выступил в 1990-е Фрэнсис Фукуяма в программной книге (а сначала статье) «Конец истории»¹. Фукуяма ставил точку в развитии стадийной

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2005.

интерпретации понятия «цивилизация»: конец истории, в его версии, означал окончательную победу «цивилизации» над «варварством» во всех его формах, нарядах и вариациях.

С Фукуямой-то и спорил Хантингтон, выдвигая в качестве главного аргумента то обстоятельство, что конец противостояния четко оформленных идеологий Модерна (марксизм и либерализм) никак не означает автоматической интеграции человечества в единую либеральную утопию, поскольку под формальными конструкциями национальных государств и идеологических лагерей обнаружились глубинные тектонические платформы — своего рода континенты коллективного бессознательного, которые, как выяснилось, отнюдь не были преодолены модернизацией, колонизацией, идеологизацией и просвещением и по-прежнему предопределяют важнейшие аспекты жизни — включая политику, экономику и геополитику — в том или ином сегменте человеческого общества в зависимости от принадлежности к цивилизации.

Иными словами, Хантингтон предложил ввести понятие «цивилизация» в качестве фундаментального идеологического концепта, призванного прийти на смену не только классовому анализу, но и либеральной утопии, слишком серьезно и некритически воспринявшей пропагандистскую демагогию «холодной войны», и тем самым ставшей, в свою очередь, ее жертвой. Капитализм, рынок, либерализм, демократия кажутся универсальными и общечеловеческими только внешне. Каждая цивилизация перетолковывает их содержание по своим бессознательным лекалам, где религия, культура, язык, психология играют огромную, подчас решающую роль.

В таком контексте цивилизация приобретает центральное значение в политологическом анализе, выходя на первый план и замещая собой клише либеральной «Вульгаты».

Развитие событий в 1990-е годы показали, что Хантингтон оказался в этой полемике ближе к истине, и сам Фукуяма вынужден отчасти пересмотреть свои взгляды, признав, что явно

поторопился. Но сам этот пересмотр Фукуямой тезиса о «конце истории» требует более тщательного рассмотрения.

Шаг назад либеральных утопистов: state building

Дело в том, что Фукуяма, анализируя несоответствия своих предсказаний о «конце истории» через призму глобальной победы либерализма, всё же пытался остаться в рамках той логики, из которой изначально исходил. Следовательно, ему надо было одновременно и осуществить reality check («сверку с реальностью»), и уклониться от того, чтобы признать правоту своего оппонента — Хантингтона, который по всем признакам оказался в своем прогнозе ближе к истине. Тогда Фукуяма сделал следующий концептуальный ход: он предложил отложить конец истории на неопределенный срок, а пока заняться укреплением тех социально-политических структур, которые были ядром либеральной идеологии на предыдущих этапах. Фукуяма выдвинул новый тезис — «state-building». В качестве промежуточного этапа для перехода к глобальному государству и мировому правительству он посоветовал укрепить национальные государства с либеральной экономикой и демократической системой управления, дабы более фундаментально и углубленно проработать почву для финальной победы мирового либерализма и глобализации. Это не отказ от перспективы, это ее откладывание на неопределенное будущее с конкретным предложением относительно промежуточного этапа.

Фукуяма почти ничего не говорит о концепте «цивилизации», но явно учитывает тезисы Хантингтона, косвенно отвечая ему: устойчивое развитие национальных государств, которое оказалось скомканным и в эпоху колониализма, и в эпоху национально-освободительных движений, и в эпоху идеологического противостояния двух лагерей, теперь-то должно пройти должным образом. Это и приведет постепенно к тому, что разные общества, воспринявшие рынок, демократию и права

человека выкорчуют остатки бессознательного и подготовят более надежную (чем сейчас) почву для глобализации.

Мир как сеть у Томаса Барнетта

В американской политологии и внешнеполитической аналитике существует также и новое издание чисто глобалистской теории, представленной на сей раз сочинениями Томаса Барнетта. Смысл его концепции сводится к тому, что технологическое развитие создает зональное деление всех территорий планеты на три области: зона ядра (*the core*), зона подключенности (*the zone of connectedness*) и зона отключенности (*the zone of disconnectedness*). Барнетт считает, что сетевые процессы свободно проникают сквозь границы и государств, и цивилизаций и по-своему структурируют стратегическое пространство мира. К ядру относятся США и Евросоюз, там сосредоточены все коды новых технологий и центры принятия решений. К «зоне подключенности» — большинство остальных стран, обреченных на «юзерское» отношение к сетям (они вынуждены потреблять готовые технологические средства и подстраиваться под правила, вырабатываемые ядром). К «зоне отключенности» причисляются страны и политические силы, вставшие в прямую оппозицию по отношению к США, Западу и глобализации.

Для Томаса Барнетта (как для Д. Бэлла) «технология — это судьба», в ней и воплощается квинтэссенция цивилизации, понятой чисто технически, почти как у Шпенглера, но только с позитивным знаком.

Американский взгляд на мироустройство (три версии)

В американском политическом анализе — а надо признать, что именно американцы задают тон в этой области — сосуще-

¹ Barnett T. The Pentagon New Map. War and Peace in the Twenty-First Century. New York: G.P. Putnam's Sons, 2004

ствуют все три концепции выделения субъектов на карте мира. Глобализм и цивилизация (в единственном числе), в духе идей раннего Фукуямы, отражены в конструкциях Барнетта. Здесь субъектом признается только ядро, остальное подлежит внешнему управлению — то есть десубъективации и десуверенизации.

Сам Фукуяма, критически рассматривая свои ранние оптимистичные заявления, занимает промежуточную позицию, настаивая на том, что субъектом надо еще какое-то время признавать «национальные государства», развитие которых должно подготовить более надежную почву для грядущего глобализма.

И наконец, Хантингтон и сторонники его подхода, считают, что цивилизации — слишком серьезные и основательные реалии, которые вполне могут претендовать на статус глобальных субъектов мировой политики в ситуации, когда прежние идеологические модели рухнули, национальные государства стремительно утрачивают реальное наполнение суверенитета под влиянием отдельных действенных аспектов глобализации, но сама глобализация, ломая старые границы, не способна понастоящему проникнуть вглубь обществ с устойчивыми традиционными составляющими.

Показательно, что именно за тезис Хантингтона держатся те силы в мире, которые стремятся ускользнуть от глобализации, вестернизации и американской гегемонии, дабы сохранить и заново укрепить традиционную идентичность. Только вместо мрачного катастрофического дискурса Хантингтона о «столкновении» и «конфликтах», они заговорили о «диалоге». Но этот почти пропагандистский морализаторский нюанс не должен вводить нас в заблуждение относительно главной задачи тех, кто в целом принимает модель Хантингтона. В первую очередь, это иранец Хатами. «Столкновение» или «диалог» — вопрос второстепенный и прикладной, гораздо важнее принципиальное согласие относительно того, что именно «ци-

вилизация» становится сегодня основным концептуальным субъектом анализа международной политики.

Иными словами, в отличие и от глобалистов-максималистов (типа Барнетта), и от умеренных либералов-этатистов, сторонники цивилизационного метода явно или неявно становятся на позицию структуралистского философского подхода в понимании мировых процессов.

Выделение цивилизации как основного субъекта, полюса, актора современной мировой политики является самым перспективным идеологическим ходом и для тех, кто хочет объективно оценить реальное положение дел в мировой политике, и для тех, кто стремится подобрать адекватный инструментарий для политологических обобщений новой эпохи — эпохи Постмодерна, и для тех, кто стремится отстоять собственную идентичность в условиях прогрессирующего смешения, а также реально существующих атак сетевой глобализации. Иными словами, апелляция к цивилизации позволяет органично заполнить индологический вакуум, образовавшийся после исторического кризиса всех теорий, противостоявших либерализму, да и в силу внутреннего кризиса самого либерализма, не способного справиться с опекой современного мирового пространства — о чем свидетельствует неудачный опыт утопий того же Фукуямы.

Цивилизация как концепт, истолкованный в современном философском контексте, оказывается центром новой идеологии. Эту идеологию можно определить как многополярность.

Ограниченность идейного арсенала противников глобализма и однополярного мира

Оппозиция глобализму, которая всё громче заявляет о себе на всех уровнях и во всех уголках планеты, пока не сложилась в конкретную систему взглядов. В этом слабость антиглобалистского движения — оно не систематизировано, лишено идеологической стройности, в нем преобладают обрывочные

и хаотические элементы, чаще всего представляющие собой невнятную смесь анархизма, иррелевантного левачества, экологии и еще более экстравагантных и маргинальных идей. На первые роли в нем претендуют третьесортные лузеры от западного гошизма. В других случаях глобализация сталкивается с сопротивлением со стороны национальных государств, которые не желают передавать часть суверенных полномочий во внешнее управление. И наконец, активно сопротивляются глобализму и его атлантистскому западному либерально-демократическому коду, его сетевой природе и ценностной системе (индивидуализм, гедонизм, лаксизм) представители традиционных религий, сторонники этнической и региональной самобытности (особенно ярко мы видим это в исламском мире).

Эти три существующих уровня оппозиции глобализму и американской гегемонии заведомо не способны привести к выработке общей стратегии и внятной идеологии, которая могла бы соединить различные и разрозненные силы, подчас несопоставимые по масштабу и ориентированные противоположным образом в отношении локальных проблем. Антиглобалистское движение страдает «детской болезнью левизны» и блокируется опытом целой серии поражений, понесенных мировым левым движением в последние десятилетия. Национальные государства, как правило, не обладают достаточным масштабом, чтобы бросить вызов высокоразвитой технологической мощи Запада; кроме того, их политические и особенно экономические элиты сплошь и рядом вовлечены в транснациональные проекты, завязанные на тот же Запад. А локальные, этнические и религиозные движения и общины хотя в конкретных моментах и могут оказать эффективное сопротивление глобализации, слишком разрозненны, чтобы всерьез рассчитывать на изменение основного мирового тренда или даже на корректировку курса.

*Значение концепта «цивилизации»
в противодействии глобализму*

В такой ситуации и приходит на помощь концепция «цивилизации» как фундаментальная категория для организации полноценного альтернативного проекта в мировом масштабе. Если это понятие поставить в центре внимания, то можно обрести базу для гармоничного резонансного выстраивания широких государственных, общественных, социальных, политических сил в общую систему. Под знаменем множественности цивилизаций можно объединить народы, религиозные и этнические общины, проживающие в различных государствах, предложить им общую централизованную идею (в рамках конкретной цивилизации) и оставить широкий выбор для поиска идентичности внутри нее, допуская непротиворечивое существование иных цивилизаций, отличающихся по основным параметрам.

И такая перспектива совершенно не обязательно ведет к «конфликту цивилизаций», вопреки Хантингтону. Здесь возможны и конфликты, и альянсы. Самое главное, что многополярный мир, возникающий в таком случае, создаст реальные предпосылки для продолжения политической истории человечества, поскольку утвердит нормативно многообразие социально-политических, религиозных, ценностных, экономических и культурных систем. Иначе простое и спорадическое сопротивление глобализации на локальном уровне или от лица идеологически аморфной массы антиглобалистов (и то в лучшем случае) лишь отложит этот «конец», затормозит его наступление, но не станет реальной альтернативой.

К «большим пространствам»

Выделение цивилизации в качестве субъекта мировой политики XXI в. позволит проводить «региональную глобализацию» — объединение между собой стран и народов,

относящихся к одной и той же цивилизации. Это позволит использовать преимущества социальной открытости, но не по отношению ко всем подряд, а в первую очередь по отношению к тем, кто принадлежит к общему цивилизационному типу.

Пример такой интеграции по цивилизационному признаку в новое сверхгосударственное политическое образование дает Евросоюз. Он есть прообраз «региональной глобализации», включающей в свои рамки те страны и культуры, которые имеют общую культуру, историю, ценностную систему. Но, признав несомненное право европейцев образовать новый политический субъект на основании своих цивилизационных отличий, вполне естественно допустить аналогичные процессы и в исламской цивилизации, и в китайской, и в евразийской, и в латиноамериканской, и в африканской.

В политологии после Карла Шмитта принято называть аналогичные проекты интеграцией «больших пространств»¹. В экономике, еще до Шмитта, это теоретически осмыслил и с колоссальным успехом применил на практике создатель модели германского «таможенного союза» Фридрих фон Лист². «Большое пространство» — это иное название для того, что мы понимаем под «цивилизацией» в ее геополитическом, пространственном и культурном смысле. «Большое пространство» отличается от ныне существующих национальных государств именно тем, что строится на основании общей ценностной системы и исторического родства, а также объединяет несколько или даже множество различных государств, связанных «общностью судьбы». В разных больших пространствах интегрирующий фактор может варьировать — где-то в его качестве будет выступать религия, где-то этническое происхождение, где-то культурная форма, где-то социально-политический тип, где-то географическое положение.

¹ Schmitt C. Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte: ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht, Duncker und Humblot, 1991.

² Лист Ф. Национальная система политической экономии, М., 2005.

Важен прецедент: создание Евросоюза показывает, что воплощение «большого пространства» на практике, переход от государства к надгосударственному образованию, построенному на основе цивилизационной общности, возможен, конструктивен и при всех внутренних проблемах позитивно развивается в реальности.

Реестр цивилизаций

В отличие от национальных государств о количестве и границах цивилизаций можно спорить. Хантингтон выделяет следующие: западную, конфуцианскую, японскую, исламскую,⁵ индуистскую, славяно-православную (евразийскую), латиноамериканскую и, возможно, буддистскую и африканскую.

Напрашивается, однако, несколько соображений. В западную цивилизацию Хантингтон включает США (с Канадой) и Европу. Исторически это верно, но всё же сегодня с геополитической точки зрения они образуют по отношению друг к другу два различных «больших пространства», стратегические, экономические и даже геополитические интересы которых расходятся всё дальше и дальше. У Европы есть две идентичности — «атлантистская» (для которой в полной мере справедливо отождествление Европы и Северной Америки) и «континентальная» (которая тяготеет, напротив, к проведению самостоятельной политики и возврату Европы в историю в качестве самостоятельного игрока, а не простого военного плацдарма для североамериканского «старшего брата»). Евроатлантизм базируется в Англии и странах Восточной Европы (движимых инерциальной русофобией), а евроконтинентализм — во Франции и Германии, с поддержкой Испании и Италии (это классическая Старая Европа). Цивилизация во всех случаях одна, западная, а «большие пространства», возможно, будут организовываться несколько иначе.

Под славяно-православной цивилизацией точнее понимать евразийскую цивилизацию, куда органично, исторически и культурно входят не только славяне и не только православные,

но и иные этносы (в том числе тюркские, кавказские, сибирские и т.д.) и значительная часть населения, исповедующая ислам.

Сам исламский мир, безусловно, объединенный религиозно с постоянно растущим осознанием своей идентичности, в свою очередь делится на несколько «больших пространств» — «арабский мир», «зону континентального ислама» (Иран, Афганистан, Пакистан) и тихоокеанский регион распространения ислама. Особое место в этой картине занимают мусульмане Африки, а также постоянно растущие общины Европы и Америки. И, тем не менее, ислам — это именно цивилизация, всё более осознающая свои особенности и свое отличие от других цивилизаций — и в первую очередь, от либерально-западной цивилизации, активно наступающей на исламский мир в ходе глобализации.

Сложно установить границы между зонами влияния японской и китайской цивилизаций в тихоокеанском регионе, чья цивилизационная идентификация в значительной степени остается открытой.

И конечно, пока сложно говорить об общем самосознании жителей африканского континента, хотя в будущем эта ситуация может измениться, поскольку у настоящего процесса есть по меньшей мере исторические прецеденты — в лице Лиги африканских стран, а также в виде существования panaфриканской идеи.

Сближение между собой стран Латинской Америки, особенно учитывая факт североамериканского давления, в последние годы налицо, хотя об интеграционных процессах пока говорить преждевременно.

Для интеграции евразийского пространства вокруг России вообще нет каких-то существенных преград, поскольку эти зоны в течение долгих веков были политически, культурно, экономически, социально и психологически объединены. Западная граница евразийской цивилизации проходит несколько восточнее западной границы Украины, делая это новообразованное государство заведомо хрупким и нежизнеспособным.

Многополярный идеал

Идея многополярного мира, где полюсов будет столько же, сколько цивилизаций, позволит предложить человечеству широкий выбор культурных, мировоззренческих, социальных и духовных альтернатив. Мы будем иметь модель с наличием «регионального универсализма» в пределах конкретного «большого пространства», что придаст огромным зонам и значительным сегментам человечества необходимую социальную динамику, свойственную глобализации и открытости, но лишённую тех недостатков, которыми обладает глобализм, взятый в планетарном масштабе. Вместе с тем полным ходом в такой системе может развиваться регионализм, автономное и самобытное развитие локальных, этнических и религиозных общин, поскольку унифицирующее давление, свойственное национальным государствам, существенно ослабнет (мы видим это в Евросоюзе, где интеграция существенно способствует развитию локальных коммун и так называемых еврорегионов). В добавление ко всему прочему мы сможем наконец-то решить это фундаментальное противоречие между эксклюзивизмом и инклюзивизмом «имперской» идентичности: планета представит не как одна единственная «Эйкумена» (с присущим этой единственности «культурным расизмом» в распределении титулов «цивилизованных народов» и, напротив, «варваров» и «дикарей»), а как несколько «Эйкумен», несколько «вселенных», где будут проживать рядоположено в своем ритме, в своем контексте, со своим собственным временем, со своим сознанием и своей бессознательностью не одно «человечество», а несколько.

Как сложатся отношения между ними, заранее сказать невозможно. Наверняка возникнут и диалог, и столкновения. Но важнее другое: история будет продолжаться и мы вывернемся из того фундаментального исторического тупика, куда завела нас некритическая вера в прогресс, в рассудочность и поступательное развитие человечества.

В человеке что-то меняется со временем, а что-то остается вечным и неизменным. Цивилизация позволяет строго развести всё по своим местам. Рассудок и создаваемые им философские, социальные, политические, экономические системы смогут развиваться по своим законам, а коллективное бессознательное вольно сохранять свои архетипы, свой базис в неприкосновенности. Причем в каждой цивилизации и рассудочность, и бессознательное могут свободно утверждать свои собственные стандарты, сохранять им верность, укреплять их или изменять по своему собственному усмотрению.

Никакого универсального эталона — ни в материальном, ни в духовном плане — не будет. Каждая цивилизация получит, наконец, право свободно провозглашать то, что в ней является мерой вещей. Где-то ей станет человек, где-то — религия, где-то — этика, где-то — материя.

Но, чтобы этот проект многополярности реализовался, нам еще предстоит выдержать немало схваток. И в первую очередь, необходимо справиться с самым главным врагом — глобализмом, стремлением атлантистского западного полюса в очередной раз навязать всем народам и культурам Земли свою единоличную гегемонию. Несмотря на глубокие и верные замечания своих лучших интеллектуалов, многие представители политического истеблишмента США до сих пор употребляют термин «цивилизация» в единственном числе, подразумевая под ним «американскую цивилизацию». Вот это настоящий вызов, на который мы все, все народы Земли, и в первую очередь русские, должны, просто обязаны дать адекватный ответ.

ГЛАВА 5. ПРИНЦИП «ИМПЕРИИ» У КАРЛА ШМИТТА И ЧЕТВЕРТАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Порядок «больших пространств»

В своей работе 1939 года «Порядок большого пространства в правах народов и запрет на интервенцию пространственно чуждых сил. Введение в понятие «рейх» в правах народов»¹ Карл Шмитт излагает основы концепции, которая легла в основу неоевразийского проекта в России начала XXI в. И хотя Шмитт писал свой текст применительно к Германии конца 1930-х годов, что отразилось на разбираемых им реалиях, его значение намного превосходит и исторический, и политический, и географический контекст, закладывая фундамент особой политико-юридической модели мышления, которой, скорее всего, суждено воплотиться в жизнь только в XXI в. и которая имеет ключевое значение для современной России.

Доктрина Монро

Показательно, что изложение теории «большого пространства» сам Шмитт начинает с «доктрины Монро», сформулированной в 1823 году президентом США Джеймсом Монро и ставшей базой американской внешней политики на два столетия. Смысл «доктрины Монро» сводится к утверждению, что политика американского континента должна определяться ин-

¹ Schmitt Carl. Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für Raumbremde Mächte- Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht. Berlin: Duncker & Humblot, 1991.

тересами самих американских государств. В начале XIX в. это имело вполне конкретный смысл, так как Америка находилась тогда в полуколониальном состоянии и европейские державы постоянно вмешивались в ее политические процессы. США, как самая сильная американская держава, брали на себя ответственность за поддержку независимости всего американского континента от европейского вмешательства. Здесь Карл Шмитт и видит истоки политической теории «большого пространства».

«Большое пространство» исходит из антиколониальной стратегии и предполагает (чисто теоретически) добровольный альянс всех стран континента, стремящихся коллективно отстаивать независимость. Предполагается, что инициатива в отстаивании этой независимости пропорционально возлагается на более сильные державы, откуда следует естественное первенство США. Первенство в обеспечении независимости всего американского «большого пространства» означает и признание лидерства США со стороны остальных стран, и возложение на них основной нагрузки в целях поддержания свободы всего «большого пространства». Это ни в коей мере не предполагает, что американские страны становятся «провинциями» США или хоть в чем-то утрачивают суверенность. Но поскольку суверенность в планетарном масштабе (перед лицом европейских колониальных сил) они могут на практике обеспечить только все вместе и при главенстве США, то значение Соединенных Штатов для всех стран возрастает, ибо союз с ними напрямую влияет на реальное содержание суверенитета каждой американской страны.

Все это отражает реалии первой половины XIX в., но Шмитт именно в этой изначальной форме «доктрины Монро» видит нечто большее — прообраз сбалансированной и гармоничной организации всего мира в будущем, т.е. не исторически обусловленное состояние дел, но оптимальный проект для грядущей реорганизации планетарного пространства.

Смысл «доктрины Монро» в следующем: необходимость обеспечения безопасности и независимости одного государства (США) обусловлен стратегическим статусом примыкающих к нему или расположенных близко держав континента. В отличие от Европы, где конкурировали между собой великие державы, расположенные вплотную друг к другу (Англия, Франция, Германия, Австрия, Италия, Испания, Португалия, Голландия и т.д.), США были единоличным лидером на американском континенте, и угрозу для них представляли только внешние — европейские — могущества. Остальные же американские страны были теоретически заинтересованы в том же, что и США (в независимости от европейского колониализма), но реальной конкуренции для них не представляли — уровень их суверенитета был намного слабее.

В Европе идея того, что безопасность Франции зависит от политического состояния Англии или Германии, была бы нелепой напрямую, поскольку и Англия, и Германия обладали могуществом, сопоставимым с французским, и европейские державы вынуждены были договариваться между собой для построения общей системы безопасности — например, в «концерте европейских держав», а внешней для всей Европы угрозы не существовало. Когда тень такой угрозы возникала (со стороны России или Турции), для ее отражения хватало временных альянсов европейских держав между собой.

США находились в принципиально ином положении, и их собственная безопасность напрямую зависела от политического положения других американских стран, которые, взятые по отдельности, свой суверенитет отстоять не могли и для США реальной конкуренции не представляли. Все это и отражено в «доктрине Монро».

*Юридический статус «доктрины Монро».
Политика и право, легальность и легитимность*

Карл Шмитт был юристом и особое внимание уделял правовой составляющей международной политики. Поэтому он задается вопросом о правовом статусе «доктрины Монро». Чтобы понять оценку Шмитта надо напомнить об основных формах шмиттовского анализа.

Шмитт разделяет между собой область права и область Политического. Он убежден, что право подчинено Политическому, так как изначальное решение о формулировке, принятии или изменении закона всегда принимается на основании волеизъявления, выходящего за чисто правовые рамки. Эта сфера принятия решения, запредельная сфере закона, и называется Шмиттом «Политическим». Если закон оперирует с парой понятий «разрешено—запрещено», то Политическое — с парой понятий «друг—враг». В отличие от морали в Политическом определения «друг—враг» ничего не говорят о том, имеем ли мы дело с «хорошим» или «плохим». Эти понятия не имеют заведомо и правового статуса. Враг может быть благородным, справедливым, обладать честью, но должен быть побежден, уничтожен и разбит, так как он враг.

Шмитт разделяет, вслед за Максом Вебером, также «легальность» и «легитимность». Легальность — это соответствие строго определенному и фиксированному правовому кодексу. Легитимность — совокупное и общее соответствие того или иного политического действия или решения мнению большинства, народа, общества. Политика и право, легальность и легитимность тесно связаны между собой, и различить их в определенных моменты затруднительно. Лишь в критической ситуации («чрезвычайном положении») природа их проявляется в полном объеме, потому что Политическое выступает само по себе, обнаруживая свое сущностное превосходство над правовым. Здесь же проявляется и понятие легитимности, и вступает в силу потенциал суверенитета.

Применяя эти понятия к «доктрине Монро», можно сказать, что она мыслилась самими американцами как полностью легитимная, принадлежащая к сущности Политического и вытекающего из суверенного решения обеспечивать надлежащим образом суверенитет США, а заодно и всего американского континента.

«Доктрина Монро» — это квинтэссенция американской внешней политики. В ней определялось кто друг, кто враг. Друзьями были все американские страны, врагами — великие европейские державы с их колониальными посягательствами на Новый Свет. Чтобы защитить от «врага» суверенитет, принималось решение о рассмотрении территории всей Америки как единого стратегического пространства. И это было воспринято американцами (по меньшей мере, американским политическим классом) как вполне легитимное явление. Легально-правового статуса «доктрина Монро» не приобрела, но это только добавило гибкости в ее применении, так как позволило более успешно реализовать на практике ее цели.

В «доктрине Монро» в полном объеме проявилось суть *Политического* Соединенных Штатов Америки. В этот момент США приняли историческое решение о своем мировом статусе. Тезис «Америка для американцев» имел в тот момент вполне конкретный смысл — «для американцев, но не для европейцев» («не для европейцев» в качестве внешней управляющей силы).

Эволюция «доктрины Монро»

Изменение смысла «доктрины Монро» Шмитт отмечает уже в XIX в., когда США начинают использовать ее как прикрытия для колониальной политики в пределах континента. Правда, по сравнению с открытым колониализмом европейских держав, колониализм США остается относительным — он протекает под видом «распространения демократических ценностей», т.е. в глазах самих граждан США является цивилизаторской

и освободительной деятельностью. Сам Шмитт полагал, что здесь если и есть отход от изначального содержания, то пока незначительный, так как приоритет США в рамках «доктрины Монро» теоретически может толковаться довольно широко.

Гораздо более важный сдвиг в доктрине происходит в начале XX в., когда президенты США Т. Рузвельт и особенно В. Вильсон с опорой на «доктрину Монро» предлагают толковать ее в отрыве от исторических и географических реалий и обосновать с ее помощью необходимость участия США в мировых проблемах для «укрепления демократии, прав и свобод». Здесь «доктрина Монро» явно выходит за границы Америки и превращается в универсалистскую, планетарную теорию, обосновывающую новый тип колониализма — не европейский (открытый, прямолинейный и циничный), а американский (прикрытый цивилизаторской и идеологической функцией распространения либеральной демократии). В такой универсалистско-гегемонистской и идеологизированной форме «доктрину Монро» попытались применить к своей мировой империи и англичане, утвердив в качестве международного принципа необходимость английского контроля над проливами в мировом масштабе, поскольку от этого напрямую зависит безопасность (экономическая, а значит и политическая и военная) Англии.

Из антиколониальной теории, связанной с конкретным «большим пространством», «доктрина Монро» в XX в. стала превращаться в универсалистскую идеологизированную теорию планетарного колониализма нового типа (морского, английского, и особенно американского).

Для самих американцев и англичан это также было политическим решением, распределением функций друзей и врагов и основывалось на внутренней легитимности. Но для континентальных европейских держав — Германии, Франции, России, а также для некоторых пробуждающихся государств Азии (Япония) это издание «доктрины Монро» было категорически неприемлемо, враждебно и нелегитимно.

После победы над Германией в Первой мировой войне и революции в России, на основании нового толкования «доктрины Монро», под диктовку Англии и США была предпринята попытка выстроить систему международного права (Лига Наций). Эта система получила название Версальской. Очень важно понять, как она связана с «доктриной Монро».

Здесь в качестве субъекта суверенитета выступают страны Антанты (прежде всего Англия, Франция, США), и пространство, контролируемое ими по обе стороны Атлантического океана, берется в качестве коллективного центра. Весь остальной мир рассматривается как периферия, откуда могут исходить угрозы, а, следовательно, нельзя позволять приобрести могущества ни одной из принадлежащих периферии стран. Лига Наций под эгидой Англии, Франции и США призвана быть для всего мира тем, чем были США для американского материка — гарантом безопасности от врага. Но если в изначальной версии «доктрины Монро» врагами выступали европейские державы, то отныне ими стали изгои — Веймарская Германия, молодая Советская Россия, милитаристская Япония и т.д. Остальным странам, неспособным самостоятельно отстаивать свой суверенитет перед лицом вероятной агрессии «изгоев», предлагалось принять протекторат западных держав в рамках Лиги Наций.

Так, «доктрина Монро» оторвалась от конкретного «большого пространства» и стала основой планетарной универсалистской модели миропорядка. Вместе с тем она утратила свою защитную функцию и из инструмента борьбы с колониализмом превратилось в колониализм (нового идеологического либерал-демократического типа).

Карл Шмитт показывает, что архитекторы Версаля пытались придать новому изданию «доктрины Монро»¹ (в трактовке Вудро Вильсона) легально-правовой статус, но из-за регио-

¹ Dozer Donald. The Monroe Doctrine: Its Modern Significance. New York: Knopf, 1965.

нальных противоречий этого сделано не было. Тем не менее, для Версальского миропорядка и эпохи Лиги Наций это было основной легитимной моделью, выражавшей Политическое и описывающей структуру суверенитета.

После Второй мировой войны эта же модель легла в основу блока НАТО, притом что побежденные Германия и Япония были включены в «пространство Запада», а главным врагом стали СССР и страны советского блока.

Большое пространство и «рейх» в понимании Шмитта

Карл Шмитт написал свою работу накануне Второй мировой войны, и его интересовало осмысление той картины, которую он видел. Прагматически он обосновывал внешнюю политику нацистской Германии. Теоретически старался понять политическую картину внешней политики. Обе эти задачи Шмитт решает в разбираемом нами тексте.

Выделив в «доктрине Монро» два довольно далеких смысла (изначальный, связанный с конкретным «большим пространством», и деформированный, идеолого-империалистический, «версальский»), Шмитт противопоставляет их друг другу. При этом он применяет к изначальной версии «доктрины Монро» научный термин «большое пространство» и «порядок больших пространств», на чем и предлагает в дальнейшем строить систему международного права.

Он подчеркивает, что в понятии «большое пространство» оба термина имеют не количественное (естественнонаучное), но качественное, историческое и, если угодно, сакральное содержание. «Большое» показывает не только на физический объем, но на уровень внутренней организованности, консолидированности, освоенности, интегрированности пространства в социально-культурное, цивилизационное, стратегическое и политическое единство. В этом же смысле мы используем понятия «великий». «Пространство» также мыслится не как абстрактная категория физики, но как конкретный ландшафт,

леса, поля, горы, реки холмы, формирующие среду бытия народов и рас. В этом смысле, понятие «большое пространство» напрямую сближается с понятием «империя» (немецкое слово «das Reich» означает «империю», «царство»).

Русские евразийцы использовали выражение «государство-мир» (Савицкий). В этой формуле «государство-мир», кстати, также заложена двусмысленность, которую Шмитт обнаружил в «доктрине Монро». Савицкий понимает «государство-мир», «империю» как конкретную часть мирового пространства, представляющую собой цивилизационное единство (это и есть основа евразийства). Так было в изначальной версии «доктрины Монро». Но если отвлечься от конкретного евразийского смысла Савицкого, то же самое выражение можно истолковать как глобализм, т.е. представление о «мировом государстве», «мировом правительстве». Ровно это и произошло в эпоху Версаля и создания Лиги Наций, а позже отразилось в создании НАТО, миропорядке «Трехсторонней комиссии и современном американоцентричном глобализме.

Универсализм (глобализм) оперирует с физической картиной мира, «большое пространство» — с исторической и сакральной. Субъектом универсализма выступает индивидуум (либеральная теория «прав человека»). Для теории «больших пространств» субъект — это народ, конкретный органический коллектив. Поэтому-то Карл Шмитт и связывает эти понятия «права народов» и «большое пространство». Здесь отражается сущность двух противоположных представлений о миропорядке — многополярном и однополярном, конкретно-историческом и универсальном, основанном на нескольких «империях» («рейхах», по Шмитту) или представляющем собой одну империю (в нашем случае — американскую: ту роль, которую США играли в рамках изначальной «доктрины Монро» в XIX в. в отношении американского континента и которую вместе со странами НАТО они начинают играть в XX в. в отношении всего мира).

Сам Шмитт в 1939 видел Третий рейх именно как «империю», как «большое пространство», как «государство-мир». И такую роль Германии он пытался обосновать. Третий рейх как «большое пространство» был для Шмитта не столько германский, сколько европейский понятием. Он видел в нем выражение континентальной европейской цивилизации в ее классическом (а не просвещенческом) выражении (Шмитт был ревностным католиком и консерватором). Он понимал национал-социалистическое государство как сердцевину Европы народов, а не как новую колониальную силу или национальное государство. Отсюда и его отношение к «правам народов». Шмитт, будучи сторонником Гитлера, никогда в своих текстах не соглашался с расистским и узко-немецким толкованием «рейха». Под «рейхом» Шмитт подразумевал совместную инициативу всех европейских народов, и хотя исторически Западно-Римская империя создавалась на основе германских племен, все европейские этносы соучаствовали в общей имперской истории и должны иметь в будущем одинаковые права.

Национал-социализм Шмитта фундаментально отличается от национал-социализма Гитлера или Розенберга именно тем, что Шмитт мыслит в категориях народов, а не одного народа, немецкого, или пресловутой «арийской расы», под которой невежественные нацисты понимали только самих немцев. Он мыслит в категориях «большого пространства», в категориях гармоничного сосуществования различных империй (в том числе «русско-советской», евразийской), а не немецкой колонизации. Именно поэтому в 1936 году в журнале «Черный корпус» («Schwarze Korps») на Шмитта был опубликован донос, стоивший ему карьеры. Но Шмитт никогда не был оппортунистом и продолжал развивать свои идеи и в новом качестве — «диссидента», как и многие «консервативные революционеры», вытесненные на периферию или даже подвергнутые гонениям ретивыми дилетантами и слабоумными нацистскими фанатиками.

В разбираемой работе поразительно, что Шмитт продолжает использовать выражение «права народов» в самый пик расистской политики Гитлера, признающей полноценными только немцев. «Третий рейх» Шмитта (равно как и «Третий рейх» самого автора этой концепции Артура Мюллера ван ден Брука) — это другой «рейх», нежели Гитлера, это «империя», «большое пространство», населенное народами, каждый из которых имеет равные права в творении Политического, каждый соучаствует в своей судьбе. А центральная инстанция, метрополия, призвана, в первую очередь, обезопасить все народы от вмешательства внешне-пространственных сил (об этом говорится в самом заглавии рассматриваемого текста). Гитлер в своей политике совершил ту же ошибку, что и США, и английские империалисты, которые перешли от конкретного «большого пространства» к универсализму и глобализму, только те взяли на щит либерально-демократическую идеологию, а Гитлер — расистские доктрины и идею «арийского мирового господства», не менее абсурдную и вредную, нежели идеология прав человека.

Если внимательнее присмотреться к идеям Шмитта (шире — к идеям консервативных революционеров: от Шпенглера, Эрнста фон Саломона, Отто Петеля, Артура Мюллера ван ден Брука, Франца Шаувеккера, Эрнста и Фридриха Юнгеров, Германа Вирта, Фридриха Хильшера, Никиша до Хайдеггера), мы легко обнаружим, что речь идет о Четвертой Политической Теории (наряду с либерализмом, коммунизмом и фашизмом), которая была скрыта за Третьей (нацистской и фашистской). Трагедия идеи в том, что эта Четвертая теория исторически заслонена Третьей, на какой-то момент солидаризовалась с ней, не выдержав идеологической войны на три фронта (вместе с полемикой против либералов и коммунистов консервативным революционерам приходилось сталкиваться с искажениями их собственных идей в вульгарном нацизме).

Многое можно списать на то, что Германия вынуждена была противостоять не только главным и вполне легитимным

врагам — либерально-демократическим англосаксам, но и советскому экспансионизму с Востока, а также на естественное чувство немецкого патриотизма. И кое-кто (в том числе и сам Шмитт) пытались действовать изнутри режима, чтобы перетолковать самоубийственный курс Гитлера в духе «прав народов» и «большого пространства». Но в результате, Четвертая теория оказалась погребена под руинами Третьего рейха, который исторически остался рейхом Адольфа Гитлера, а не «рейхом» Карла Шмитта.

Советское «большое пространство». Советский рейх

Модель «больших пространств» идеально применима для анализа советского периода России. Эту тему совершенно самостоятельно развивали русские евразийцы. Они тоже оперировали с центральной категорией «большого пространства». Савицкий ввел для этого анализа термин «месторазвитие». Как и для Шмитта, для русских евразийцев основным врагом оставались либеральные страны Запада, хотя сами евразийцы Германию включали в состав Запада, тогда как Шмитт полагал, что она центр европейского континента, а «Запад начинается за Рейном».

Те же евразийцы совершенно точно предсказали эволюцию советской внешней политики от интернационализма первых лет революции к полноценной имперской политике с конца 1920-х годов. СССР был классическим образцом большого пространства, которое, по терминологии Шмита, вполне можно было назвать «Советский рейх». Собственно термин «Евразия», введенный евразийцами, и призван подчеркнуть органическое единство «большого пространства» евразийского материка, совпадающего с границами России — от Древней Руси до СССР. При этом в отличие от идеологической манеры мышления самих большевиков и руководителей СССР, которые основывали свои теории на марксизме, где ничего не говорится ни о пространстве, ни о традиции, ни о цивилизациях,

евразийцы толковали СССР как историко-пространственный, цивилизационный и геополитический организм, а не только как идеологическую конструкцию. И именно их анализ советской истории — особенно применительно к сталинскому периоду — оказался наиболее точным и аккуратным среди всех остальных эмигрантских сил. Евразийцы оценивали СССР почти так же, как Шмитт оценивал Третий рейх Гитлера, они видели сквозь советскую пену глубинную логику «большого пространства», легитимность вечной «империи», диалектику Третьего Рима, исторический суверенитет русского народа, переданный политической элите (в данном случае большевиков) с одним наказом — уберечь страну и народы от вмешательства внешне-пространственной силы. И эту задачу на протяжении семидесяти лет большевики осуществляли.

Евразийцы, по сути, были представителями Четвертой Политической Теории, как и немецкие консервативные революционеры. Но они распознали ее элементы не за фашизмом (Третья политическая теория), а за 2ПТ. Особенно подробно этот анализ дан у Устрялова.

Идея построения социализма в одной стране применительно к России уже была обращением к «большому пространству» и легитимности «рейха». Если допустить, что сила Четвертой Политической Теории в нацистской Германии и СССР оказалась бы решающей, а поверхностные идеологические аргументы отступили бы на второй план, мы получили бы совершенно иной мир — идеальный (в рамках возможного), многополярный и уравновешенный. Нереализованный (абортированный) набросок чисто теоретической победы 4ПТ мы видим в пакте Риббентропа — Молотова и концепции другого консервативного революционера Карла Хаусхофера «Ось Берлин—Москва—Токио».

Новая актуальность Четвертой Политической Теории

Теперь перейдем к современности. Наследие Карла Шмитта сегодня стало неотъемлемой составляющей политической и юридической культуры западных элит. Оно, как выяснилось, намного превосходило историческую конкретику и проникало в те фундаментальные проблемы, которые нисколько не утратили своей актуальности и ныне — напротив, только приобрели. Но если посмотреть чуть шире, становится понятно, что речь идет не только о Шмитте лично и о его персональном наследии. На самом деле резко возрастает значение самой Четвертой Политической Теории в целом, ярким представителем которой был Карл Шмитт, хотя далеко не он один.

В наше время из трех основных политических теорий XX в. выжила только одна — либеральная. Фашизм исчез, коммунизм почти исчез. В любом случае относиться и к тому, и другому всерьез невозможно. Не только потому, что они исторически проиграли, это еще полдела; но потому, что они идейно обанкротились. Те, кто им поверил, не просто были раздавлены — они унижены и посрамлены на теоретическом уровне. Ни фашисты, ни коммунисты не могут сегодня внятно объяснить причины своего краха, и именно поэтому их нет не только в настоящем, но и в будущем. Фашистская мысль сошла на нет, марксистское мышление в чистом виде стремится к нулю. А там, где оно присутствует, обязательно сопряжено с иными внешними идеологическими тенденциями (национализм в Азии и Третьем мире и либерализм в европейской социал-демократии). Четвертая Политическая Теория, куда относятся идеи «больших пространств», «империи», «прав народов», «органической демократии», «многополярности», «месторазвития», «геополитического суверенитета», «геополитики», напротив, все больше и больше доказывает свою состоятельность. Именно она и становится на наших глазах единственной взвешенной и обоснованной альтернативой глобализму, «правам человека», однополярности, либерально-демократическо-

му универсализму, индивидуализму, тоталитаризму рынка и рыночных ценностей.

Шмитт предвидел мир, состоящий из «империй», «больших пространств», «рейхов». Применяя его взгляды к актуальности, вполне можно различить в будущем атлантистскую «империю» (с центром в США), азиатскую «империю» (с кондоминиумом Китая и Японии), европейскую «империю» (в соответствии со шмиттовской идеей) и, наконец, евразийскую «империю».

Шмитт видел себя наблюдателем Европейской империи, и мыслил мир в оптике именно Европейского рейха. Евразийцы же разработали основы аналогичного мировоззрения, только глядя на мир из России. Японская модель реорганизации Тихого океана в «большое пространство» была прервана поражением во Второй мировой войне, и сегодня лидирующую роль в этом процессе пытается играть Китай. Россия только что утратила огромный сегмент своего «большого пространства», но постепенно выходит на евразийское направление (что предполагает новый виток интеграционных инициатив).

Если трем потенциальным «большим пространствам» (европейскому, евразийскому и азиатскому) предстоит расширяться, чтобы стать «империями», «рейхами», то атлантистскому пространству, которое претендует сегодня на универсальность и глобальность, придется сжиматься. Чтобы США снова вернулись к изначальной версии «доктрины Монро», чтобы они снова стали «большим пространством» и «империей», их влияние надо существенно сократить.

Такой анализ показывает, что теория Карла Шмитта «больших пространств», как наглядное выражение всей конструкции Четвертой Политической Теории, является самой надежной платформой для многополярного мира, антиглобализма, антиамериканизма и национально-освободительной борьбы против американской мировой доминации.

Рассмотренный текст Карла Шмитта «Порядок большого пространства в правах народов и запрет на интервенцию про-

странственно чуждых сил», освобожденный от исторических обстоятельств, равно как и другие фундаментальные тексты самого Шмитта и иных консервативных революционеров, представляют неотъемлемую часть наследия неоевразийской теории и помогают лучше понять смысл неоевразийства — современного выражения Четвертой Политической Теории, переформулированной в условиях XXI в. русскими, в России, в интересах России и для процветания России как мировой державы.

Неоевразийство — это политическая теория построения империи, «большого пространства» в настоящем и будущем. Либо неоевразийство станет основным мировоззрением российских элит, либо нас ожидает оккупация. Заметим, что другие потенциальные «большие пространства» и другие народы все без исключения заинтересованы в том, чтобы в России началось евразийское возрождение. От этого выиграют все, так как неоевразийство жестко выступает не за универсализм, а за «большие пространства», не за империализм, а за «империи», не за «интересы какого-то одного народа», а за «права народов».

ГЛАВА 6. ПРОЕКТ «ИМПЕРИЯ»

Империя без императора

Бытует такое мнение, что понятие империи обязательно предполагает наличие императора. Однако непредвзятый анализ этого явления показывает, что история знает множество империй без императора. Некоторые из них управлялись ограниченным кругом избранной аристократии. Другие — парламентом или сенатом. Следовательно, наличие единоличной монархической власти — императора — не является необходимым условием для существования империи. Кроме того, существовало множество монархических, деспотических, тиранических или диктаторских государств — с абсолютной властью царя или авторитарного вождя, которые не назывались империями и не имели с ними ничего общего. Таким образом, мы вполне можем рассмотреть принцип империи в полной независимости от императора.

Империя как оптимальный инструмент создания гражданского общества

Другое расхожее заблуждение — об империи как о чрезвычайно архаичном явлении, изжитом современной цивилизацией еще на пороге Нового времени. Это также далеко от действительности. Империи, и древние и современные, напротив, представляли собой такую форму политического устройства, которая по технологическим, идеологическим, социальным, управленческим, экономическим параметрам намного превосходила общества, предшествовавшие возникновению этих империй.

Они практически всегда означали модернизацию народов, обществ и государств, попадавших в границы империи. Устанавливали на огромных пространствах общий социальный и правовой уклад, унифицировали и открывали частные этнические общины для интенсивного диалога со всеми остальными, способствовали техническому развитию, облегчали торговлю и иные формы культурного обмена, создавали предпосылки для развития гражданского общества.

В частности, Римская империя после эдикта императора Каракаллы признало право на римское гражданство за всеми свободными людьми, оказавшимися на тот период под властью Рима, хотя ранее право гражданства было доступно лишь отдельным заслуженным гражданам локальной элиты. Например, апостол Павел, в свою бытность знатным иудеем Савлом, задолго до эдикта Каракаллы, имел римское гражданство.

Современные европейские государства-нации, хотя и были выстроены на отрицании империи, полностью скопировали систему гражданства именно с имперской модели. И неудивительно, что в их основе на нынешнем этапе лежит именно римское право, отразившее в себе правовую логику становления империи.

Определение империи

Если империя не определяется ни наличием императора, ни принадлежностью к архаическим политическим системам, то какие именно признаки присущи ей объективно? Как нам определить империю?

Империя представляет собой такое политико-территориальное устройство, которое *сочетает жесткий стратегический централизм* (единую вертикаль власти, централизованную модель управления вооруженными силами, наличие общего для всех гражданского правового кодекса, единую систему сбора налогов, единую систему коммуникаций и т.д.) *с широкой автономией региональных социально-политических образова-*

ний, входящих в ее состав (наличие элементов этно-конфессионального права на локальном уровне, многонациональный состав, широко развитую систему местного самоуправления, возможность сосуществования различных локальных моделей власти — от племенной демократии до централизованных княжеств или даже королевств.

Империя всегда претендует на *вселенский масштаб*, осознавая свое политическое устройство как ядро или синоним мировой империи. «Все дороги ведут в Рим». Все империи мыслят себя как *мировые империи*.

Империя наделена *миссией*. Она воспринимается как политическое воплощение исторической судьбы человечества. Миссия может осознаваться в религиозных (Византия, Австро-Венгрия, исламский халифат, Московское царство), гражданских (Древний Рим, империя Чингисхана), цивилизационных (Китайская империя, Иранская империя) или идеологических (коммунистическая империя СССР, либеральная империя США) формах проявления.

В таком обобщенном политологическом и социологическом понимании империя и ее принципы приобретают особую актуальность и для нашего времени.

Империя неоконсов (benevolent empire)

Тезис об актуальности термина «империя» для понимания реалий сегодняшнего мира подтверждается подъемом интереса к этому понятию в мировой политологии XXI в. Начиная с 2002 г. широкая американская пресса стала использовать этот термин применительно к той роли, которую США должны играть относительно прочего мира в новом столетии (возможно, тысячелетии). В американском обществе вовсю пошел спор об империи. Как всегда в таких спорах, понятие это понималось разными кругами по-разному, но само понятие стало центральным.

В определенной мере таковой процесс были следствием почти безраздельного влияния в американской политике эпохи Буша-младшего идей неоконсерваторов. Теоретики этого направления, отталкиваясь от рейгановской формулы «СССР как империя зла», предложили симметричный проект: США как «империя добра», «benevolent empire» (Р. Кейган).

Роль США в XXI в. мыслилась неоконсерваторами как функция глобального интегратора, как новое (постмодернистское) издание Рима. Все признаки империи в таком проекте были налицо:

- централизованное стратегическое управление миром (ВС США и НАТО);
- глобальная идеология (либеральная демократия);
- унифицированная модель хозяйства (рынок);
- определенная автономия региональных вассалов (имеющих некоторую степень свободы во внутренней политике, но обязанных жестко следовать за американской линией в основополагающих вопросах);
- планетарный масштаб (планетарное гражданское общество, глобализация, One World);
- миссия демократизации и либерализации всех стран и народов мира.

Фрэнсис Фукуяма в порыве энтузиазма начала 1990-х назвал установление мировой американской империи «концом истории». Несколько позже он признал, что поторопился, и что всемирная американская империя еще не является совершившимся фактом, но только проектом и дальней целью, на пути к которой могут возникнуть серьезные осложнения, задержки и, возможно, тактические отступления.

Обобщил совокупность этих возражений в своей не менее эпохальной работе другой американский политолог Самюэль Хантингтон, показавший, что установление всемирной американской «империи добра» будет заблокировано «столкновением цивилизаций». Вывод Хантингтона таков: путь к мировому масштабу США должен быть постепенным и на данный

момент важнее сплотить атлантистское ядро (США + страны НАТО) и, манипулируя цивилизационными противоречиями, дожидаться выгодного момента в будущем. Но в любом случае тезис о том, что США — это империя XXI в., общепринят в американской политологии, как бы ни понимались исторические сроки и пространственные границы ее становления.

Американская политическая элита мыслит сегодня категориями империи. Причем независимо от того, разделяют ли ее представители оптимистические и агрессивные идеи неоконсов или нет. Жесткий противник неоконсерваторов и «демократ» Збигнев Бжезинский — сторонник американской империи в не меньшей степени, нежели Дик Чейни, Ричард Перл, Пол Вулфовиц или Уильям Кристол.

Критика «империи» у Негри—Хардта

Термин «империи» стал популярным сегодня не только в американском истеблишменте. Его активно используют и даже делают синонимом своего главного идеологического проекта ярые противники капитализма, либеральной демократии и США — крайне левые философы и политики-антиглобалисты. Теоретик «красных бригад» Тони Негри и американский философ-антиглобалист Майкл Хардт написали программный труд «Империя», который, по их мнению, должен стать аналогом «Капитала» Маркса для мирового левого движения XXI в. Это своего рода «Библия» антиглобализма.

Негри и Хардт описывают историю США как изначально совмещающую в себе принцип сетевой организации с имперским мессианством, что и сделало, по их мнению, именно США мировым лидером, устанавливающим планетарную власть в форме общеобязательного для всех ценностного, экономического и социально-политического порядка.

Под «империей» Негри и Хардт понимают установление глобального государства, основанного на капиталистической эксплуатации «властью» творческих потенциалов «множе-

ства» при центральной роли США, которая постепенно превратится в мировое правительство. Для Негри и Хардта такая мировая империя есть апофеоз предшествующих стадий развития капитализма и вершиной несправедливости и эксплуатации. Это всемирное «общество спектакля» (Ги Дебор). Эта мировая империя мыслится как империя Постмодерна, где власть и насилие приобретают не открытый, а завуалированный сетевой характер.

Сами авторы предлагают отнестись к данной ситуации как к историческому шансу для «множеств» осуществить мировую революцию. Империя перемешает в космополитическом котле классы и народы, страны и политические системы. Останутся только эксплуататоры (мировое правительство, операторы сетевой империи) и «множества», лишенные каких бы то ни было качеств, а, следовательно, являющиеся идеальными «пролетариями» XXI в. «Множества», по Негри и Хардту, должны найти способ — через наркотики, всевозможные извращения, генную инженерию, клонирование и иные формы биоинтеллектуальных мутаций — ускользнуть от власти империи, взорвать ее изнутри, пользуясь для своей анархо-подрывной деятельности теми возможностями, которые открывает сама империя.

Так, категория «империя» становится во главе угла идеологических конструкций мирового левого движения, антиглобализма и альтерглобализма. Собственно, альтерглобализм и есть прямой вывод из идей Негри и Хардта: надо не бороться с глобализацией, но использовать ее капиталистические и империалистические формы (существующие сегодня) для антикапиталистической революционной борьбы.

*Альтернативы глобальной империи:
продление Ялтинского status quo*

Если всерьез отнестись к проекту глобальной американской империи, немедленно возникнет вопрос: а что можно пред-

ложить в качестве альтернативы? С одной из них мы уже познакомились, но она привлекательна для ограниченного числа крайне левых — троцкистов, анархистов, постмодернистов. Посмотрим на другие проекты.

Простейшим ответом на имперский проект будет желание сохранить *status quo*. Это инстинктивное желание оставить в неприкосновенности тот международный порядок, который сложился в XX в., когда суверенитет привязан к национальному государству, а площадкой для решения спорных международных вопросов служит ООН. Такой подход ущербен, поскольку мировой порядок XX в. после 1945 г. складывался по итогам Второй мировой войны, и номинальный суверенитет национальных государств обеспечивался паритетом стратегических вооружений двух сверхдержав — США и СССР. Имперские амбиции одной (социалистический лагерь) уравнивались имперскими амбициями другой (капиталистический лагерь). Остальные национальные государства приглашались вписать в этот баланс с широким полем для маневров в движении неприсоединившихся стран. ООН лишь закрепляло такой баланс в структуре Совета Безопасности.

После краха социалистического лагеря и распада СССР вся система Ялтинского мира рухнула, стратегический паритет был нарушен и практически все национальные государства были вынуждены соотносить свой суверенитет с диспропорционально возросшей мощностью американской империи. ООН перестала что-либо значить, и Ялтинский мировой порядок отошел в прошлое.

Многие страны не до конца осознали эту глобальную трансформацию и продолжают по привычке мыслить категориями вчерашнего дня, где две конкурирующие империи (советская и американская) выступали как гаранты суверенитета для всех остальных стран. После Ялты осталась одна империя, и не замечать этого — лишь откладывать неприятное для многих осознание реального положения дел.

Страны, попытавшиеся возразить против этой однополярной картины, — Ирак, Югославия, Афганистан — на своей шкуре почувствовали, что такое пост-Ялтинский мир и какова в нем цена суверенитета. Дело в том, что в условиях XXI в. ни одно национальное государство не способно отстоять свой суверенитет при прямом лобовом столкновении с американской империей. Тем более что на стороне США выступают остальные ведущие страны мира. Технические сложности, с которыми сталкиваются американцы в деле планетарного имперостроительства (а это и есть глобализация на различных ее уровнях), не должны вводить нас в заблуждение: если у них что-то не получается, это еще не означает, что и не получится.

Проект построения глобальной либерально-демократической империи — главный и единственный план американской внешней политики в XXI в., и после краха двухполюсного мира ничто формально не в силах бросить вызов этой модели. Оптимисты и пессимисты в самих США спорят о том, когда же окончательно установится империя — завтра или послезавтра, а не о том, стоит ли ее устанавливать вообще. И это ответственные споры. Тот факт, что многие национальные государства не хотят расставаться со своим суверенитетом, представляет собой чисто психологическую проблему: это нечто наподобие фантомных болей, мучающих владельца уже отсутствующей конечности.

Ни одно национальное государство в сегодняшнем мире не способно принципиально отстоять свой суверенитет перед лицом глобальной империи в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Максимум, что реалистично сделать, — это оттянуть время. Но задержка не есть альтернатива.

Итак, национальные государства отныне суверенны лишь номинально и не являются альтернативой однополярной модели. ООН в такой ситуации обречена на отмирание, о чем постоянно и напоминает Вашингтон.

Исламская империя (мировой халифат)

Если достаточным потенциалом, чтобы блокировать наступление американской (атлантистской) империи в современном мире не обладает ни одно из национальных государств, остается только один выбор: либо сдаться на милость победителя и прильнуть к сапогу новых хозяев мира (как делают, например, многие страны Восточной Европы и СНГ), либо дать какой-то ассиметричный ответ (анархо-троцкистский вариант в духе Негри-Хардта мы оставляем для салонных постмодернистов и маргиналов — наркоманов и извращенцев).

Чрезвычайно важно не просто осознать, на какой ресурс может опереться эта альтернатива в материальном смысле, но и какую идеологию взять в качестве интегрирующего фактора. Один из таких идеологических ответов заключается в проекте фундаментального ислама. В своем политическом выражении он противопоставляет мировой американской империи другую империю — мировой исламский халифат. И это совершенно логично: в исламском проекте учитывается характер противостояния — на глобальный вызов дается глобальный (хотя и ассиметричный) ответ.

В противостоянии США и «Аль-Каиды», как бы странно и диспропорционально такая дуэль ведущей мировой державы с экстерриториальным «международным терроризмом» ни выглядела, мы имеем дело со столкновением двух равновеликих *идеологических* проектов. Исламский фундаментализм предполагает:

установление мирового исламского правительства;

- широкую автономию этнических групп, которые обязаны будут подвергнуться исламизации или выплачивать десятину (как «люди книги»);
- введение нормативов исламской экономики (отказ от процента, отчисление десятины в пользу общины, уммы с последующим распределением среди малоимущих);
- религиозную миссию (ислам и исламизация);

планетарный масштаб (мусульмане живут во всем мире).

Исламский проект как ответ на американскую глобализацию полностью подпадает под определение империи. Конечно, здесь стоит вопрос о ресурсах противостояния. Но тут на помощь исламистам приходит Постмодернизм с его сетевым обществом (Кастельс). Исламисты используют бедность рекрутируемых для международной террористической деятельности мусульман, эксплуатируют религиозный потенциал, доведенный до фанатизма, всюю задействуют религиозные и этнические группы, существующие во всем мире для создания собственных сетей, пользуются Интернетом и иными информационными технологиями для ведения информационной борьбы и, наконец, прибегают к терактам — как в случае 11 сентября 2001 г., что наносит уже вполне ощутимый удар по той империи, против которой ведется война. Признание исламскими радикалами своим главным противником США является достаточным доказательством того, что мы имеем дело с серьезным и ответственным проектом. Проектом *альтернативной мировой империи*.

ЕС: колеблющаяся империя

Другим — гораздо менее определенным и более мягким — оказывается европейский путь. Объединенная Европа имеет две геополитические идентичности: с одной стороны, это окраина американской империи, служащая местом для размещения американских военных баз, а с другой, зародыш альтернативного геополитического образования — с собственной системой интересов и приоритетов, которые вполне могут отличаться от американских (подчас существенно). Поэтому следует говорить не об одной Европе, но о двух, которые накладываются одна на другую.

Есть Европа атлантическая и Европа континентальная. Континентальная Европа, называемая также «старой Европой», чьим ядром, напомним, выступают Франция и Германия (к

ним тяготеют Италия и Испания) представляет собой пока не реализовавшийся проект самостоятельной империи. Эта существующая как исторический набросок Европейская империя давала о себе знать в период американского вторжения в Ирак, когда чуть было не состоялась ось Париж—Берлин—Москва в качестве зародыша самостоятельного геополитического образования, призванного сдержать установление однополярного американского мира.

Совсем недавно стараниями этой континентальной Европы было замедлено присоединение Украины и Грузии к НАТО. Слишком зависящая от США в стратегическом плане и разделяющая по большей части ценностные приоритеты (демократия, либерализм, рынок, права человека, технологическое развитие) с американцами Европа не решается со всей прямоотой оформить свои имперские проекты. О них мы только догадываемся. Кроме того, другая Европа — атлантистская, чьими опорными точками служат проамериканская Англия и страны Новой Европы, не обладающие европейским самосознанием и целиком зависящие от США, стремится сорвать план Европейской (преимущественно, франко-германской) империи, сохранив ЕС в зоне прямого американского контроля.

Эта двойственность Европы сказывается во всем. Так, никак не удастся сделать выбор между двумя имперскими проектами — конформистским американским и альтернативным (если угодно «революционным») европейским, континентальным. Но при этом следует также учитывать, что большинство европейцев трезво осознает, что как минимум конкурентными — не говоря уже о стратегической независимости, — они могут быть только в формате Евросоюза, и отнюдь не как национальные государства. Иными словами, то, что Европа вынуждена переходить к имперским формам политической организации — давно решенный вопрос. По отдельности даже самые крупные страны Старой Европы не способны отстоять свои национальные интересы. И независимо от того, станет ли

когда-то Европа самостоятельной империей или будет оставаться периферией атлантизма, она обречена на интеграцию.

Российские «пораженцы»

Теперь надо сказать и о России. Как выработать нам, русским, условиях XXI в.? Эта проблема раскладывается на несколько составляющих. Во-первых, всё должно начинаться с ответа на вызов однополярного мира. Проще говоря: как мы относимся к американской империи?

Если мы отдаем себе отчет в том, что такое американская империя, то вынуждены решать уравнение суверенитета. Сам факт глобализации и построения американцами однополярного мира означает сокращение нашего суверенитета — вплоть до его конечного упразднения (с передачей основных стратегических функций имперскому центру). Либо суверенитет России, либо глобальная американская империя — такова дилемма.

В этом обозначаются две позиции. Одна состоит в том, чтобы *признать поражение СССР как нечто необратимое*, выбросить белый флаг (измены) и попытаться занять в новой американской империи наиболее комфортное место. Так считали реформаторы в эпоху Ельцина, так продолжают думать либерально-«демократические» силы (СПС, «Яблоко»), дикторы «Эхо Москвы», многие российские олигархи (яснее других это декларировал М. Ходорковский), участники радикальной оппозиции («Другая Россия», Касьянов, Каспаров и т.д.).

Надо сказать, что подобная позиция, несмотря на ее моральную ущербность (она ведь означает прямое предательство наших национальных интересов), оперирует с холодными реалиями. У США есть и идеология новой империи и значительные ресурсы для ее реализации. У противников глобализма есть эмоции, экстравагантные модели типа Негри—Хардта и зловещий террористический проект фундаменталистского ислама (надо сказать, малопривлекательный), но при этом почти нигде

нет убедительных ресурсов, чтобы гарантированно сорвать американцам их планетарный проект. Так что, российские «пораженцы» — если бы не их едва скрываемое злорадство и явная ненависть к России — вполне могли бы привлекаться для ответственного диалога о выработке стратегии будущего.

В любом случае в нашем обществе есть те, кто готов *уступить суверенитет* России глобальной американской империи и при этом внятно аргументировать свою позицию.

Антиимперские сторонники суверенитета России

В противоположном лагере *суверенистов* — другими словами, тех, кто не готов пожертвовать суверенитетом России, который явно выдвинулся в приоритеты российской политики в президентство Владимира Путина, — есть два полюса. Оба они отвечают по-разному на вызов империи и предлагают два ответных сценария.

Первый полюс, недавно четко озвученный мэром Москвы Юрием Лужковым в полемике с автором этих строк на форуме «Единой России» «Стратегия-2020», исходит из того, что Россия должна сохранять суверенитет, оставаясь в пределах национального государства. По всей видимости, такое же убеждение господствует в верхах путинской элиты, пытающейся противодействовать глобализму и стратегическому давлению НАТО и США в рамках продления Ялтинского статус-кво. С этим связана и навязчивая идея поддержки ООН и повышения российской доли в ее финансировании, и многие другие международные шаги российского руководства. Здесь мы имеем дело с желанием игнорировать геополитические сдвиги, объективно произошедшие в международной системе отношений после краха СССР и Варшавского договора. Отсюда и идея провозглашения России «европейской страной» (Д. Медведев, В. Путин). В этом читается упорное желание «заколдовать реальность», словами, жестами, знаками и двусмысленными речами отмахнуться от неприятной остроты вызова.

Американцы открыто говорят: мы строим мировую империю, где всем предлагается либо признать это как факт, смириться и встроиться в их имперский проект, либо пенять на себя (что именно последует в таком случае — показывает пример Ирака, Югославии и Афганистана — в очереди стоят другие страны «оси зла», в том числе и Россия). На это суверенисты, стремящиеся не нарушать статус-кво, отвечают: всё не так, империю никто не строит, ничего не произошло, не надо на нас давить, давайте лучше будем дружить и строить совместно демократический мир без двойных стандартов, уважая суверенитет всех государств, а о спорных случаях договариваться.

Тогда американцы снова уточняют: как раньше теперь так не будет, поскольку мы были одной из двух империй, а теперь остались одни — попробуйте доказать противное, тогда и поговорим; поэтому заканчивайте валять дурака и сдавайтесь. «We win, you loose, sign here», — как предлагает говорить с Россией Ричард Перл.

На это сторонники «фантомных болей» проваленной империи отвечают: мы ничего не слышим из того, что вы нам говорите; мы не проиграли «холодную войну»; мы просто демократы (чуть особенные) и вполне договороспособные ребята (базы из Камрани и Лурдеса убрали, американцев в Центральную Азию после налета исламистов впустили, Милошевича в Гаагский трибунал доставить помогли, против ареста Караджича особенно не протестовали), зачем же вы с нами так?!

На это американские имперостроители снова отвечают: *вы почему считаете, что выполнение приказаний хозяина должно восприниматься как оказанная ему услуга?* Что вы сделали по нашей указке — хорошо, продолжайте в том же духе и не тормозите. Иными словами: проиграли партию, отдавайте ключи от города. Отказывайтесь от суверенитета. И здесь пятая колонна американских коллаборационистов уже изнутри подпевает — отказывайтесь-отказывайтесь, пока не поздно. И суверенисты замирают от внутреннего противоречия. В какой-то момент строителям империи надо что-то возразить по суще-

ству и с точки зрения идеологии, и с точки зрения ресурсов. Причем вначале идеологии, а потом ресурсов. В зависимости от выбранной модели ассиметричного ответа, будут подыскиваться и ресурсы.

Ясно, что идея России как национального государства, «европейской страны», «гражданского общества», со своеобразной демократией и вообще без какой бы то ни было идеологии или со слабой эрзац-идеологией «суверенной демократии» (где всё прилизанно до нечленораздельности), в эпоху имперских проектов и мировой глобализации вообще никем всерьез рассматриваться не будет. Она не убедит и не мобилизует наше общество, но в то же время не остудит заокеанских архитекторов будущего.

В таком ответе хорошо то, что есть отторжение американского плана, заметно прочувствованное «нет», сказанное американской империи и однополярному миру (всё это наличествует в Мюнхенской речи Путина). Но в таком ответе плохо то, что за «нет» не следует никакого «да», никакого проекта — а общие места о праве, борьбе с коррупцией, инновациях и бизнесе просто из другой оперы. Нам навязчиво предлагают сыграть в шахматы на евразийской шахматной доске. Мы же, сделав пару ходов, переходим на логику шашек, а потом, без предупреждения, и к «чапаевцам».

Для такой категории суверенистов характерно настороженное или вовсе отрицательное отношение к имперским проектам, выдвигаемым от лица России, о чем и заявил однозначно мэр Москвы Юрий Лужков: «Говорить о том, что Россия должна стать «империей», — ответил он на мое выступление, — вредно и неприемлемо».

Евразийская империя будущего

Теперь перейдем ко второму полюсу. К нему всё более склоняются не только традиционные русские и советские патриоты из антиельцинской оппозиции, но и некоторые российские

интеллектуалы, проделавшие эволюцию от либерализма к державным позициям (М. Леонтьев, В. Третьяков и др.). Здесь располагаются те, кто отвергает десуверенизацию и глобальную американскую империю (как и другие суверенисты), но предлагают альтернативный, наступательный идеологический и геополитический проект.

Признавая необратимость изменений конца XX в., не заблуждаясь относительно завершения Ялтинского мира и дальнейшей бесполезности ООН, не строя иллюзий относительно реальной мощи и волевой решимости американцев создавать и далее мировое господство вопреки всем протестам «международной общественности» (которую Вашингтон ни в грош не ставит), этот полюс предлагает в ответ строить новую империю с ядром в России — как адекватный ответ на американский вызов. Это и есть *русский имперский проект*. Но в отличие от двуполярного мира или Российской империи он должен быть наполнен новым идеологическим содержанием.

Одной империи может противостоять только несколько империй, которые способны собрать свой потенциал в ассиметричную конструкцию, чтобы на первом этапе остановить, сорвать и предотвратить строительство однополярного мира, а на следующем — согласовать между несколькими имперскими полюсами границы обоюдных влияний в многополярном мире.

Сторонники русского имперского проекта считают, что ни территорий, ни политического, ни экономического, ни цивилизационного потенциала Российской Федерации для этого недостаточно. Чтобы выйти на рубежи реальной многополярности, Россия должна воссоздать свое влияние на постсоветском пространстве, интегрировав вокруг себя близкие нам цивилизационно страны и народы (в первую очередь страны СНГ). И параллельно этому способствовать формированию единого фронта всех тех альтернатив американской империи — от мягких до самых жестких, которые существуют сегодня. В этом смысле важны контакты не только с исламским миром, но и с

континентальной Европой, не только с Китаем, но и с поднимающей голову Латинской Америкой, нельзя забывать и о других странах — Азии и Африки.

Иными словами, Россия должна мыслить и действовать поимперски, как мировая держава, которой до всего есть дело — и до прилегающих к ней территорий, и до самых отдаленных уголков планеты. И это должно начаться не «потом», когда Россия «укрепится внутри» (она под давлением США внутри в достаточной мере не укрепится никогда), а «сейчас», поскольку и темпы, и логика строительства зависят от того, что мы строим. Если империю — это один проект, если пытаемся спасти национальное государство — это совершенно иное. Переделать одно в другое не просто затратнее и труднее, но абсолютно невозможно. Гораздо проще, любой строитель это знает, разрушить всё и построить заново. Деятели 1980—1990-х гг. всё разрушили за нас. Так что самое время строить империю — с нулевого цикла.

СНГ — котлован грядущей империи

Котлованом империи, нулевым циклом ее будет интеграция постсоветского пространства. Все постсоветские государства обладают только таким суверенитетом, который им предоставила слабость Москвы в 1990-е годы и потенциальная поддержка Вашингтона. В остальных аспектах это почти всегда «неудавшиеся государства». Сегодня НАТО, осмелев от ступора, в котором всё еще находится Кремль после геополитической катастрофы 1990-х, пытается сделать откол от России некоторых стран — в первую очередь, Грузии и Украины — необратимым. В откладывании до декабря 2008 г. вопроса о приеме Киева и Тбилиси в НАТО мы имеем дело с временем, оплаченным Старой Европой для того, чтобы мы использовали его по назначению. Но после Цхинвала всё это имеет иное значение. Фактически отсрочка закончилась 8 августа 2008 г., после решения Москвы о вводе войск в Грузию.

Если бы Украина и Грузия вошли в состав американской империи — что только усилило бы позиции атлантистов в самой Европе (как верно посчитали Париж и Берлин, сделавшие дружелюбный геополитический жест в сторону России), имперский проект для России оказался бы плотно заблокирован (об этом пишет открыто в своей книге «Великая шахматная доска» Збигнев Бжезинский). Ведь котлован будущей Евразийской империи совпадает в общих чертах с пространством СНГ.

Конечно, говоря о распространении российского влияния на постсоветское пространство, мы не настаиваем на прямой колонизации в старых традициях. Сегодняшние империи редко прибегают к подобным методам (хотя, как мы видим на примере Ирака или Косово, всё же и такое случается; следовательно, их нельзя сбрасывать со счетов вовсе). Однако в нашем мире отработаны более тонкие и эффективные сетевые технологии, позволяющие добиться аналогичных результатов иными средствами — с использованием информационных ресурсов, общественных организаций, конфессиональных групп и социальных движений.

На Украине больше половины населения, выступающего против вступления страны в НАТО, принадлежит к Русской православной Церкви Московского Патриархата и ориентировано на сближение с Россией. Но политическая верхушка Киева продалась американской империи. Западные земли Украины цивилизационно также тяготеют к Европе. Но Восток и Крым однозначно — к России. Сейчас пошел отсчет времени для того, чтобы сорвать аннексию Украины атлантистской империей. Время — до декабря, хотя грузино-российский конфликт делает ситуацию еще более острой.

У России есть шанс и ресурсы. Но если не будет уверенности в исторической необходимости строить на пространстве СНГ котлован для нового имперского здания, то Москва может упустить и эту возможность.

Вместе с тем решимость принять имперский проект должна автоматически повлечь за собой и интенсивную работу с

друзьями — странами членами ЕврАзЭС (в первую очередь Казахстаном и Беларусью), чьи народы и лидеры поддерживают интеграцию. Противостоя врагам, необходимо теснее сближаться с друзьями, закрывая глаза на разного рода шероховатости в наших отношениях.

Империя после Цхинвала

После событий августа 2008 г. ситуация на постсоветском пространстве выдвинулась к новой, более острой фазе. *Битва за империю и наше влияние перешла от политико-экономических и сетевых сценариев к прямому вооруженному столкновению.* После того как Москва ответила на геноцид южно-осетинского народа введением войск на территорию Грузии и признанием независимости Южной Осетии и Абхазии, мы вступили в *новый имперский цикл.* Это ни в коем случае не снимает актуальности политико-дипломатических методов работы на пространстве СНГ, но показывает, что военно-стратегический фактор остается в определенных случаях решающим.

Когда Президент России Д. Медведев и члены Совета безопасности РФ приняли историческое и необратимое решение о введении российских войск в Грузию, а позже признали независимость Южной Осетии и Абхазии, мы перешли запретную черту, которая ранее гипнотизировала геополитическое сознание российского руководства. Путин, будучи президентом, шел на самые крайние меры для укрепления России как государства-нации (операция в Чечне, указ о назначении губернаторов и т.д.). Это было ярким контрастом по сравнению с разрушительной практикой правления Горбачева—Ельцина, но *не выходило за границы Российской Федерации.* После Цхинвала мы прорвали этот гипноз, ясно осознав, что безопасность России и ее граждан необходимо обеспечивать *и за ее пределами.* Скорее всего, Москва еще долго не решалась бы на подобные шаги, если бы не наглость Саакашвили, которому

его американские патроны клятвенно пообещали, что вооруженный ответ со стороны России вообще исключен. Он поверил, попытался полностью уничтожить население Южной Осетии, чтобы потом приняться за Абхазию, но неожиданно столкнулся с тем, что Россия вышла из паралича и ведет себя как империя, поднимающаяся с колен.

Если быть последовательными, то нам следовало после нанесения грузинским войскам первого поражения, продолжить военную операцию, оккупировать Грузию и привести к власти временное пророссийское правительство. Через какое-то время войска можно было бы вывести, но параллельно создать прочную автономную государственность в Мингрелии, Аджарии и армянских районах Джавахетии, то есть заложить в Грузии такую политическую модель, чтобы она в ближайшие десятилетия при всем желании не смогла бы служить форпостом глобальной американской империи и воспрепятствовать тем самым нашему собственному имперостроительству. Реакция Вашингтона была бы самой резкой и негативной, но первые дни войны показали, что дальше шантажа Вашингтон не пойдет, а *Россия уже потеряла в отношениях с Западом всё, что могла потерять*. Других рычагов воздействия на Москву нет, Рубикон перейден — необратимо. В битве за Грузию мы вступили в новую эру: *шагнули на ту территорию, которая нашими врагами считалась навеки у нас отобранной*. Теперь важно удержать то, что мы приобрели.

Особо следует обратить внимание на позицию Киева. Президент Ющенко с самого начала повел себя *как прямой и ожесточенный враг России*: он не только поддержал Саакашвили, но и направил Грузии военную помощь, включая украинских военнотружущих, неоднократно пытался блокировать вход российских кораблей в Севастополь, отключал электроэнергию на нашей военно-морской базе. По сути, Ющенко вступил в войну с Россией на стороне Тбилиси. Это обостряет ситуацию вокруг Украины, которая, по словам Бжезинского, является ключом к самой возможности России снова стать империей.

Теперь уже уповать на франко-германскую позицию относительно вступления Киева в НАТО не имеет никакого смысла, и ситуация с Украиной в любой момент может вступить в горячую фазу. Нельзя исключить, что нам предстоит битва за Крым и Восточную Украину.

Если совсем недавно даже самые горячие головы среди российских ястребов допускали только внутренний конфликт на Украине и политическое, экономическое и энергетическое давление со стороны России, то сегодня вероятность прямого военного столкновения становится не такой уж и нереальной. При создании империи всегда надо платить: и тем, кто помогает Вашингтону строить их глобальную империю, и тем, кто хочет отстоять альтернативное устройство миропорядка, основанное на многополярности (стало быть, нам).

События августа показали, увы, сколь хрупок и ненадежен остов дружбы на постсоветском пространстве. Колебания Лукашенко в поддержке российской акции в Грузии в первые дни, осторожность Астаны в оценке происходящего, отказ представителей союзных государств в ОДКБ однозначно выступить единым фронтом с Россией с первых дней после грузинской атаки на Цхинвал — всё это показывает, насколько *недооценивали мы имперскую перспективу в работе с друзьями*.

Враги оказались агрессивнее, смелее и радикальней, дерзнув прямо атаковать Россию с применением силы (нападение на российских миротворцев в Южной Осетии). Друзья оказались пассивнее и осторожнее, чем предполагалось. Лучше всех в такой ситуации повели себя русские и, в первую очередь, наше политическое руководство.

До Цхинвала имперский проект России пребывал в состоянии *виртуальности*; что-то делалось, но, похоже, даже сами лидеры страны не верили в то, что эта подготовка когда-то дойдет до конкретных дел и резких шагов. Но дело свершилось, и отныне события необратимы.

Часы империи идут после Цхинвала в убыстренном ритме. Многие теоретические проблемы и рассуждения переходят в

сферу прямых военных, политических и геополитических решений.

Мы вышли на новый виток строительства империи. Нашей империи.

Дружественные империи — евразийские оси

Имперский проект для России предполагает активное развитие отношений с потенциальными партнерами по многополярности. Это, прежде всего континентальные силы в Евросоюзе (кстати, им всё равно, «европейская» или «неевропейская» страна Россия, — им важно, чтобы она была сильна и могла эффективно уравнивать США, а также снабжать Европу энергоресурсами). После ситуации в Грузии и признания Москвой Южной Осетии и Абхазии, этот российско-европейский диалог будет чрезвычайно осложнен, поскольку Вашингтон задействует всю свою мощь для укрепления евро-атлантических связей. Впрочем, хотя вероятность сближения с европейским полюсом существенно отодвинулась, усилия в этом направлении следует продолжать. Ось Париж—Берлин—Москва сегодня призрачна как никогда, но из призраков, как мы знаем, иногда рождаются великие явления.

Не менее, а может, и более значимым является стратегическое сближение с Китаем, гигантской державой, также не намеренной безоговорочно капитулировать перед американской империей. Для Пекина поддержка российской операции в Грузии будет довольно проблематичной, поскольку у Китая много проблем с сепаратистами (Тибет, Синьцзянь). Но не надо забывать, что в случае Тайваня Пекин, напротив, примеривается поступить активно и наступательно.

Итак, поскольку сегодня очевидно, что мы не можем более руководствоваться ни принципом территориальной целостности, ни принципом права наций на самоопределение как *абстрактными категориями*, а должны четко определять в каждом конкретном случае баланс сил, интересы мировых держав

и факт военно-стратегического контроля над территорией, то Китай может быть спокоен, поддерживая независимость Южной Осетии и Абхазии, но не поддерживая, например, Косово, что в лице России найдет понимание и способность отличить в свою очередь ситуацию с Тибетом и Тайванем в самом Китае. А если Китай и Россия начнут действовать консолидировано, то американской гегемонии и присвоенному США праву единолично определять, какой принцип в каждом конкретном случае следует применить — принцип территориальной целостности или принцип самоопределения — придет конец. Так Россия и Китай *смогут помогать друг другу создавать собственные империи* — не за счет друг друга, само собой разумеется, но за счет ограничения планетарного характера империи американской.

Чрезвычайно важны сейчас контакты с исламским миром — особенно с Ираном, но также и с Пакистаном, арабскими странами, мусульманами Тихоокеанского региона. Это не просто ресурсная опора, но и источник политической воли (которой так часто не хватало Кремлю до августа). Тегеран давно бросил прямой вызов Вашингтону и платит за это международной блокадой. Россия в данной ситуации заинтересована в том, чтобы помочь Ирану прорвать эту блокаду и чтобы иранская энергетика развивалась, а уровень вооружений повышался. Пакистан сейчас лихорадит, но антиамериканские настроения там растут с каждым днем. В Афганистане же США зависят от поддержки России и контролируемых ею сил «Северного альянса». Ясно, что в нынешних условиях это будет пересмотрено и Москве надо искать новых союзников в ситуации прямой конфронтации с США. Некоторые исламские движения, еще вчера бывшие противниками самой России, могут стать нашими союзниками в новых условиях. Политика — такая реальность, где нет вечных друзей и вечных врагов: тот, кто поможет нам строить нашу империю, — друг. Кто встанет на сторону — противник. А врага, как известно, уничтожают (если он не сдается).

Латинская Америка всё громче заявляет о неприятии американского контроля. И кроме тех стран, которые находятся в авангарде этого процесса — Венесуэлы, Боливии и Кубы, чрезвычайно важны шаги таких стран, как Бразилия, недавно сорвавшая США проект экономической интеграции двух Америк под эгидой Вашингтона.

Своим путем пытается идти Индия, переживающая мощный экономический и технологический подъем.

Каждая из перечисленных стран через противостояние американской гегемонии вносит свой вклад в копилку грядущей Русской (Евразийской) империи, оттягивает на себя внимание и силы Вашингтона. При этом Москва, обладая огромным дипломатическим опытом и неплохим потенциалом, вполне может выступать координатором в мировом ансамбле новых империй — в мировом масштабе. Для этого у нашей страны есть все необходимые навыки и традиции.

Евразийство как имперская идеология

Но самое главное в имперском проекте для России — идеология. Без идеологии и ясно осознанной миссии империй не бывает. Нам представляется, что оптимальной формой такой империи стало евразийство как политическая философия XXI в.

Среди всех видов империй Евразийской более всего соответствует *империя, построенная по цивилизационному признаку*. Народы постсоветского пространства веками жили вместе, разделяли основные культурные ценности, отличные как от европейских, так и от азиатских. Этот самобытный культурный ансамбль сложился вокруг русской культуры, русского языка и русской традиции — открытой для всех остальных братских народов, строивших вместе с русскими и Российскую империю, и Советский Союз.

Евразийская цивилизация является общей и для белоруса, и для казаха, и для якута, и для чеченца, и для великоросса, и для молдаванина, и для осетина, и для абхаза. Множество

народов и культур перемешались, обогащая друг друга, в евразийском обществе. Ядро его составляет русское начало, но без какого бы то ни было намека на главенство, исключительность и превосходство, без всякого этнического чванства. Достоевский называл русского человека «всечеловеком», подчеркивая его открытость, вселенскость его любви и необъятность добра.

Русские исторически всегда были империей, а значит, этот опыт не будет искусственным. Менялись идеологические установки — от православно-монархической модели до советской — но воля народа объединять культурно и цивилизационно гигантские просторы Евразии оставалась неизменной.

Евразийство предлагает синтезировать все предшествующие имперские идеи — от Чингисхана до Москвы — Третьего Рима — и вывести на этом основании общий знаменатель: формулу имперостроительной воли. Народы Северной Евразии объединяет история, культура, русский язык, общность судьбы, особенности трудовой психологии, сходная этическая и религиозная структура. Ведь смогли же европейцы объединиться после стольких жестоких войн? Для жителей будущей евразийской империи это будет еще проще. Сочетание стратегического централизма и широкой автономии, а также самоуправления, что представляет собой характерный признак империи, тоже не придется создавать искусственно. Почти так и обстояло дело в Российской империи и даже отчасти в СССР. Нечто подобное сохранилось и в Российской Федерации, где проживает множество этносов и локальных культур. Ведь Российская Федерация — тоже своего рода империя, только миниатюрная, противоестественная, основанная не на реальных культурных ареалах общей цивилизации, но на искусственных административных делениях, которые равным счетом ничего не означали в эпоху Советского Союза, поскольку были условными, а не историческими, — делениями, введенными для упрощения территориально-административного управления и экономической организации. В странах СНГ, включая Россию, в тех границах, в каких они существуют, нет ни малейшего

исторического смысла или геополитического содержания. Это совершенно условные границы, и на нерушимости их могут настаивать только те, кто, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», рассчитывает прибрать всё это к рукам порознь.

Теперь о миссии. Русские на протяжении всей истории жили ощущением ее исполнения. Именно поэтому они терпели столь легко исторические невзгоды и лишения. Наши предки ясно осознавали, что всё это необходимо ради торжества всемирной идеи — спасения мира, света, добра и справедливости. Это не простые слова — все они оплачены реками крови, невыносимыми трудами, великими историческими свершениями. Мы воевали не столько для приобретения материальных благ, сколько для утверждения того, что считали правдой, истиной и добром. Поэтому именно грядущая евразийская империя может быть со всем основанием названа империей добра и света, которая призвана вступить в последний и решительный бой с американской империей лжи, эксплуатации, нравственного разложения и неравенства, «империей спектакля».

Евразийство как политическая философия наиболее всего соответствует требованиям построения грядущей империи. Эта философия имперская, философия яркая, русская и направленная в будущее, хотя и основанная на прочном фундаменте прошлого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
- Бауман З. Текущая современность — Санкт-Петербург: Питер, 2008.
- Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. в 3 тт. М.: Весь мир, 2006.
- Бурдые П. Поле науки. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 2002
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гегель. Феноменология духа. Санкт-Петербург: Наука, 1994.
- Генон Р. Восток и Запад. Великая триада. М., 2005.
- Генон Р. Кризис современного мира. М.: Арктогея, 1991
- Генон Р. Царство количества и знаки времени. М., 2004.
- Данилевский Н. Россия и Европа. М., 2007.
- Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: Издательство Логос , 1997.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Дюмон Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. М., 2001
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
- Латур Бруно. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006.
- Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии/Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419—459.
- Миллс, Ч. Р. Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1959.
- Негри А., Хардт М. Империя. Москва: Праксис, 2004.
- Негри А., Хардт М. Империя. Указ. Соч.
- Негри А., Хардт М. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.
- Основы евразийства. М. Арктогея-Центр, 2002.
- Самнер У. Народные обычаи. М, 1914.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
- Тойнби А. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
- Трубецкой Н. С. Европа и человечество/ Трубецкой Н. С. Наследие

Чингисхана. М.: Аграф, 2001.

Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000.

Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ; Хранитель, 2007.

Фуко Мишель Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью - М.: Праксис, 2002.

Фукуяма Ф. Идеи имеют большое значение. Беседа с А.Дугиным//Профиль. 2007.

Фукуяма Ф. Идеи имеют большое значение. Беседа с А.Дугиным//Профиль. 2007.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004.

Хабермас Ю. Политические работы. — М.: Праксис, 2005.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Издательство «Весь Мир», 2003

Шмитт К. Диктатура. СПб.: Наука, 2005

Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. М.: “Наука”, 1993 .

Acharya Amitav, Buzan, Barry (eds.). Non-Western international relations theory: perspectives on and beyond Asia. London: Routledge, 2010

Adler E. Communitarian international relations: the epistemic foundations of international relations. N.Y.: Routledge, 2005.

Angell N. The Great Illusion - a Study of the Relation of Military Power to National Advantage. London: Heinemann, 1910.

Ashley R. Imposing International Purpose: Notes on a Problematic of Governance// Czempiel Ernst-Otto, Rosenau James N. (eds.). Global Changes and Theoretical Challenges: Approaches to World Politics for the 1990s. Lexington, MA: Lexington Books, 1989.

Ashley R. Living on Border Lines: Man, Poststructuralism and War/ Derian Der, Shapiro M.J. (eds.). International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics Lexington, MA: Lexington Books, 1989.

Ashley R. The Achievements of Poststructuralism/ Steve Smith, Ken Booth, Marysia Zalewski (eds.). International Theory: Positivism & Beyond, Cambridge: Cambridge UP, 1996. C. 240-253.

Ashley R. The Eye of Power: The Politics of World Modeling// International Organization. Vol. 37, No. 3 Summer 1983.

Ashley R. The Powers of Anarchy: Theory, Sovereignty, and the Domestication of Global Life// Derian D. (ed.) International Theory: Critical Investigations. London: MacMillan, 1995.

Ashley R., Walker R. B. J. (eds.). Speaking the Language of Exile: Dissidence in International Studies//International Studies Quarterly, Vol. 34, No. 3. September 1990.

- Barkin J.S. *Realist Constructivism: Rethinking International Relations Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Batistella D. *Theories des relations internationales*. P: Presse de Sciences Po, 2003.
- Brown Chris. *Understanding International Relations*. Basingstoke: Palgrave Publishing, 2005.
- Bull H. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. New York: Columbia University Press, 1977.
- Buzan B., Little R. *International Systems in World History*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Buzan B., Little R. *International Systems in World History*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Buzan Barry, Acharya Amitav *Conclusion: on the possibility of a non-Western IR theory in Asia// International Relations of the Asia-Pacific*, 7 (3). 2007.
- Buzan Barry, Acharya, Amitav *Why is there no non-Western international relations theory?: an introduction//International Relations of the Asia-Pacific*, 7 (3) 2007
- Buzan Barry, Little Richard. *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Buzan Buzan Barry, Little Richard. *The historical expansion of international society / Denemark, Robert Allen, (ed.) The international studies encyclopedia*. Wiley-Blackwell in association with the International Studies Association, Chichester, UK., 2010.
- Clinton W.D. *The realist tradition and contemporary international relations*. Baton Rouge: LSU Press, 2007.
- Clough P. T. *Feminist Thought*. Cambridge: Blackwell Publishers, 1994.
- Cobden R. *Political writings*. 2 vol. London: Fisher Unwin, 1903
- Cohen R., Kennedy P. *Global sociology*. N.Y.: New York University Press, 2007.
- Cox R., Schechter, M. *The Political Economy of a Plural World: Critical Reflections on Power, Morals and Civilization*. Routledge: London and New York, 2002
- Cox R.W. *Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method/ Gill S. (ed.). Gramsci, Historical Materialism and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Cox R.W. *Production, Power and World Order: Social Forces in the Making of History*. Columbia: Columbia University Press, 1987
- Cox Robert W. *Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method// Millennium* 12. 1983.
- Cox Robert W. *Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory// Millennium* 10. 1981
- D'Anieri P. *International Politics: Power and Purpose in Global Affairs*. Boston: Cengage Learning, 2009.

- Darian Der J. (ed.), *International Theory: Critical Investigations*. London: MacMillan, 1995.
- Darian Der J. *Introducing Philosophical Traditions in International Relations*// *Millennium*, Vol. 17, No. 2. 1988.
- Derian James Der, Shapiro Michael J. (eds.). *International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics*. Lexington, MA: Lexington Books, 1989.
- Devetak R., Burke A., George J. *An Introduction to International Relations: Australian Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Donneli J. *Realism and IR*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Doyle M. *Liberalism and World Politics*// *American Political Science Review*, 80(4), 1151-1169 1986.
- Dumont L. *Essais sur l'individualisme. Une perspective anthropologique sur l'idéologie moderne*. Paris: Le Seuil, 1983
- Dumont L. *Homo Æqualis I: genèse et épanouissement de l'idéologie économique*. Paris: Gallimard/BSH, 1977.
- Dunne T., Kurki M., Smith S. *International relations theories: discipline and diversity*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Edkins J., Vaughan-Williams N. *Critical theorists and international relations*. N.Y.: Taylor & Francis, 2009.
- Eisenstadt S.N. *The Civilizational Dimension of Modernity: Modernity as a Distinct Civilization*// *International Sociology*, 16(3) 2001. C. 320-340.
- Elshtain J. B. *Women and War*. NY: Basic Books, 1987;
- Enloe Cynthia. *Bananas, Beaches and Bases: Making Feminist Sense of International Politics*. London: London: Pandora Press 1990.
- Everett D. *Don't Sleep, There are Snakes*. New York: Pantheon Books, 2008.
- Sumner W. *Folkways*. Boston: Ginn, 1907.
- Finnemore Martha. *National Interests in International Society*. Cornell: Cornell University Press, 1996
- Fox J. *Paradigm Lost: Huntington's Unfulfilled Clash of Civilizations Prediction into the 21st Century*// *International Politics*, 42, 2005. pp. 428—457.; Henderson E. A., Tucker, R. *Clear and Present Strangers: The Clash of Civilizations and International Conflict*// *International Studies Quarterly*, 45. 2001
- Frost M. *Towards a Normative Theory of International Relations & Ethics and International Relations Consensus*. Cambridge: CUP, 1986.
- Fukuyama Francis. "After Neoconservatism"// *The New York Times Magazine*. 2006-02-19
- Furtado C. *A nova dependência, dívida externa e monetarismo*. RJ: Paz e Terra, 1982.
- Geertz Clifford. *Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture*/ Geertz Clifford. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York: Basic Books, 1973.
- Gilpin R. *Global Political Economy: Understanding the International Economic*

- Order. NY, 2001.
- Gray C.S. War, peace and international relations: an introduction to strategic history. N.Y.: Taylor & Francis, 2007.
- Griffiths M. International relations theory for the twenty-first century: an introduction. N.Y.: Routledge, 2007.
- Griffiths M., O'Callaghan T., Roach S. C.. International relations: the key concepts. New York: Taylor & Francis, 2008.
- Guddzini Stefano. A reconstruction of Constructivism in IR// European Journal of International Relations Copyright. Vol. 6(2) 2000.
- Guzzini S., Leander A. Constructivism and international relations: Alexander Wendt and his critics. N.Y.: Routledge, 2006.
- Haass Richard N. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance// Foreign Affairs. May/June 2008.
- Halliday Fred. Rethinking International Relations. London: Macmillan, 1994.
- Haraway Donna. A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century// Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. New York; Routledge, 1991. C.149-181.
- Harris Lee. Civilization and Its Enemies: The Next Stage of History, New York, The Free Press, 2004.
- Harrison Lawrence E., Samuel P. Huntington (eds.), Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York: Basic Books, 2001.
- Hiro Dilip. After Empire. The birth of a multipolar world. NY:Nation books, 2009.
- Hobden S., Hobson J.M. Historical sociology of international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Hobden Stephen, Hobson John M. Historical sociology of international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Hobden Stephen. International Relations and Historical Sociology: Breaking Down Boundaries& L.NY:Routledge, 1998.
- Huntington Samuel P. (ed.) The Clash of Civilizations?: The Debate// Foreign Affairs, New York, 1996.
- Huntington Samuel. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. London: Simon, 1996.
- Jackson R., Sorensen G. Introduction to International Relations. Oxford Univeristy Press, 2010. Reus-Smit Ch., Snidal D. The Oxford Handbook of International Relations. Oxford University Press, 2008.
- Kampf David. The Emergence of a Multipolar World.// Foreign Policy. Oct. 20, 2009. <http://foreignpolicyblogs.com/2009/10/20/the-emergence-of-a-multipolar-world/>
- Kaplan R.D. Imperial Grunts: On the Ground with the American Military, from Mongolia to the Philippines to Iraq and Beyond. NY: Vintage, 2006.
- Katzenstein Peter J. (ed.) The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics. New York: Columbia University Press, 1996.

- Kegley C W., Blanton L.B.. World politics: trend and transformation. Boston: Cengage Learning, 2009.
- Kelsen H. Reine Rechtslehre. Vienna, 1934
- Kennedy Paul. The Rise and Fall of the Great Powers. Unwin Hyman, 1988.
- Keohane Robert O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy, Princeton, 1984
- Keohane Robert O., Nye Joseph S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown and Company, 1977.
- Khatami Mohammad. Dialogue among civilizations: a paradigm for peace. NY: Theo Bekker, Joelien Pretorius, 2001
- Klotz A., Lynch S. Strategies for Research in Constructivist International Relations. N.Y.: M.E. Sharpe, 2007.
- Köchler, Hans (ed.). Civilizations: Conflict or Dialogue? Vienna: International Progress Organization, 1999.
- Krauthammer Ch. The Unipolar Moment// Foreign Affairs. 1990/1991 Winter. Vol. 70, No 1. C. 23-33.
- Krauthammer Charles. The Unipolar Moment Revisited//National Interest, volume 70, pages 5-17. Winter 2002.
- Lebow R.N. A cultural theory of international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Lebow R.N., Lichbach M.I. Theory and evidence in comparative politics and international relations. Palgrave Macmillan, 2007.
- Lederach John Paul. Preparing for Peace. Syracuse: Syracuse University Press, 1996; Richmond Oliver P. Peace in International Relations. London: Routledge, 2008.
- Linklater A. Critical Theory and World Politics: Citizenship, sovereignty and humanity. L,NY: Routledge, 2007.
- Little R. The balance of power in international relations: metaphors, myths and models. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
- Little R. The Balance of Power in International Relations: Metaphors, Myths and Models. Cambridge University Press, 2007.
- Ludwig Wittgenstein: Philosophische Untersuchungen. Kritisch-genetische Edition. Herausgegeben von Joachim Schulte. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Frankfurt 2001
- McCain John. America must be a good role model//Financial Times March 18, 2008.
- Mearsheimer John J. E. H. Carr vs. Idealism: The Battle Rages On//International Relations, Vol. 19, No. 2.
- Michael M.S., Petitto F. (eds.). Civilizational Dialogue and World Order: The Other Politics of Cultures, Religions, and Civilizations in International Relations. Palgrave-Macmillan, 2009.
- Morin, E., Le Moigne, J.-L. L'intelligence de la complexité. Paris: L' Harmattan,

1999.

Nye Joseph S. Jr. *Soft Power: The Means To Success In World Politics*. PublicAffairs, 2004.

Nye Jr., Joseph S. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books, 1990.

Onuf Nicholas. *World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. Columbia: University of South California Press, 1989.

Petitio F. *Dialogue of Civilizations as Global Political Discourse: Some Theoretical Reflections*// *The Bulletin of the World Public Forum 'Dialogue of Civilizations'*. vol. 1 no. 2, 21-29. 2004.

Petito F., Odysseos L. (2006) *Introducing the International Theory of Carl Schmitt: International Law, International Relations, and the Present Global Predicament(s)*// *Leiden Journal of International Law*, vol. 19 no. 1. 2006.

Petito F., Odysseos L. *The International Political Thought of Carl Schmitt: Terror, liberal war and the crisis of global order*. London and New York: Routledge, 2007

Petito Fabio. *Dialogue of Civilizations as Global Political Discourse: Some Theoretical Reflections*//*The Bulletin of the World Public Forum 'Dialogue of Civilizations'*, vol. 1 no. 2, 21-29. 2004.

Reus-Smit C., Snidal D. *The Oxford handbook of international relations*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Reus-Smit Ch., Snidal D. *International Relations*. Oxford:Oxford University Press 2008.

Richmond O.P. *Peace in international relations*. N.Y.: Routledge, 2008

Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage, 1992.

Rosenau J. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton, 1990.

Rosenau J., Fagen W. *A New Dynamism in World Politics: Increasingly Skillful Individuals?*//JSTOR. *Studies Quarterly*. 41. 1997.

Ruggie John. *What Makes the World Hang Together? Neo-utilitarianism and the Social Constructivist Challenge*// *International Organization* 52, 4, Autumn 1998.

Rupert M. *Producing Hegemony: The Politics of Mass Production and American Global Power*. Cambridge: Cambridge University Press. 1995

Russett B. M., Oneal J. R., Cox M. *Clash of Civilizations, or Realism and Liberalism Déjà Vu? Some Evidence*// *Journal of Peace Research* 37. 2000

Russett B., Starr H., Kinsella D. *World Politics: The Menu for Choice*. Boston: Cengage Learning, 2009.

Safire William. *The End of Yalta*//*New York Times*. July 09, 1997

Said Edward. *The Clash of Ignorance*// *The Nation*, October 2001.

Salmon T. C. *Issues in international relations*. New York: Taylor & Francis, 2008

Savarkar Vinayak Damodar. *Hindutva*. Delhi: Bharati Sahitya Sadan, 1989.

Schmitt C. *Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes*. Berlin, 1938.

- Schmitt Carl. Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für Raumd fremde Mächte- Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht. Berlin: Duncker & Humblot, 1991.
- Sen Amartya. Democracy as a Universal Value//Journal of Democracy 10.3. 1999.
- Shapiro M. J. Textualizing Global Politics/ Darian Der J., Shapiro M. J. (eds.). International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics, Lexington, MA: Lexington Books, 1989.
- Shapiro M. J., Hayward R. Alker (eds.) Challenging Boundaries: Global Flows, Territorial Identities. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1996.
- Sharp P. Diplomatic theory of international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Sheeran P. Literature and international relations: stories in the art of diplomacy. Bogmin: Ashgate Publishing, Ltd., 2007.
- Shilliam R. International Relations and Non-Western Thought: Imperialism, Colonialism and Investigations of Global Modernity. N.Y.: Taylor & Francis, 2010.
- Shimko K.L. International Relations: Perspectives and Controversies. Boston: Cengage Learning, 2009.
- Smith S. M., Booth R., Zalewski M. (eds.). International Theory: Positivism and Beyond. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Telò M. International relations: a European perspective. Ashgate Publishing, Ltd., 2009.
- Tickner A.B., Wæver O. International relations scholarship around the world. N.Y.: Taylor & Francis, 2009.
- Tickner J. Ann. Gendering World Politics. Columbia University Press. 2001.
- Tickner J. Ann. Hans Morgentau's Principles of Political Realism. A Feminist Reformulation/Darian D. (ed.) International Theory: Critical Investigations. London: MacMillan, 1995.
- Vincent R.J. Human Rights and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Walker Rob. B. J. Inside/Outside: International Relations as Political Theory, Cambridge: Cambridge UP, 1993.
- Wallerstein I. After Liberalism. New York: New Press, 1995.
- Wallerstein I. Decline of American Power: The U.S. in a Chaotic World. New York: New Press, 2003.
- Wallerstein I. Geopolitics and geoculture: essays on the changing world-system. Cambridge: Press Syndicate, 1991.
- Wallerstein I. Geopolitics and geoculture: essays on the changing world-system. Cambridge: Press Syndicate, 1991.
- Wallerstein I. Historical Capitalism, with Capitalist Civilization. London: Verso, 1995.
- Wallerstein I. The End of the World As We Know It: Social Science for the

Twenty-first Century. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

Wallerstein I. *Utopistics: Or, Historical Choices of the Twenty-first Century*. New York: New Press, 1998.

Wallerstein I. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Durham, North Carolina: Duke University Press. 2004:

Walt S. *Taming American Power: The Global Response to U.S. Primacy*. W.W. Norton, 2005; Idem. *American Hegemony: Its Prospects and Pitfalls*// *Naval War College Review*, Spring 2002.

Walton Dale C. *Geopolitic and the great Powers in the Twenty-first Century. Multipolarity and the revolution in the strategic perspective*. L;NY:Routledge, 2007.

Waltz K. *Man, State and War*. Columbia University Press. New York: 1959.

Waltz K. *Man, the State, and War*. Columbia University Press. New York: 1959.

Waltz K. *The Spread of Nuclear Weapons: A Debate Renewed*. W. W. Norton & Company. New York: 1995.

Waltz K. *Theory of International Politics*. McGraw Hill. New York: 1979.

Walzer Michel. *Thinking Politically*. Yale: Yale University Press, 2007.

Walzer M. *Thick and Thin: Moral Argument at Home and Abroad* Notre Dame, IN: Notre. Dame University Press, 1994.

Weber C. *International Relations Theory: A Critical Introduction*. N.Y.: Taylor & Francis, 2009

Wendt Alexander. *Social Theory of International Politics*, Cambridge University Press, 1999.

Wendt Alexander. *Social Theory of International Politics*, Cambridge University Press, 1999.

Wight Martin. *Systems of States*. Leicester: Leicester University Press, 1977.

Wilkinson P. *International Relations. A Brief Insight*. New York: Sterling Publishing Company, Inc., 2010.

Woolf Leonard. *International Government*. London: Allen & Unwin, 1916. York: St. Martin's. Press, 1991.

Abstract

This book represents the first attempt to formulate a Theory of Multipolar World. Author analyzes the concepts of polarity, multipolarity, civilization, balance of powers, hegemony in the context of classical and postpositivist theories of International Relations. The second part describes basic geopolitical aspects of multipolarity. The third section interpretes specific conditions of Postmodern era of international system. The most original feature of this work is the fact that author expresses his ideas from the main position of actual Russian State and taking in account first of all Russian national interests in the middle of global world transformations.

Монографии автора

Дугин А. Г. Пути Абсолюта. М.: Арктогея, 1991.

Дугин А. Г. Гиперборейская теория, М.: Арктогея, 1993.

Дугин А. Г. Конспирология. М.: Арктогея, 1993, 2-е доп. изд., М., 2005.

Дугин А. Г. Консервативная Революция. М.: Арктогея, 1994.

Дугин А. Г. Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996.

Дугин А. Г. Основы геополитики. М.: Арктогея, 1-е изд., 1996, 2-е изд., 1997, 3 изд. (дополненное) 1998, 4 изд. (дополненное), 2000.

Дугин А. Г. Метафизика Благой Вести. М.: Арктогея, 1996.

Дугин А. Г. Тамплиеры Пролетариата. М.: Арктогея, 1997 .

- Дугин А. Г. (под ред.) Конец Света (альманах по истории религий) М.: Арктогея, 1997.
- Дугин А. Г. (под редакцией) Наш Путь. М.: Арктогея, 1998.
- Дугин А. Г. Абсолютная Родина. М.: Арктогея, 1999.
- Дугин А. Г. Русская Вещь. В 2 т. М.: Арктогея, т.1, т.2., 2001.
- Дугин А. Г. Евразийский Путь. М.: Арктогея-Центр, 2002.
- Дугин А. Г. (под редакцией) Евразийский Взгляд. М.: Арктогея-центр, 2002.
- Дугин А. Г. Философия традиционализма. М.: Арктогея-Центр, 2002.
- Дугин А. Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея-центр, 2002.
- Дугин А. Г. (под ред.) Основы Евразийства. М.: Евразийское движение, 2002.
- Дугин А. Г. Философия политики. М.: Арктогея-центр, 2004.
- Дугин А. Г. Проект «Евразия». М.: Яуза, 2004.
- Дугин А. Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М.: Арктогея-Центр, 2004.
- Дугин А. Г. Философия войны. М.: Яуза, 2004.
- Дугин А. Г. Поп-культура и знаки времени. СПб.: Амфора, 2005.
- Дугин А. Г. Обществоведение для граждан Новой России. М.: Евразийское движение, 2007.
- Дугин А. Г. Геополитика постмодерна. СПб.: Амфора, 2007.
- Дугин А. Г. Знаки великого Норда. М.: Гардарики, 2008.
- Дугин А. Г. Радикальный субъект и его дубль. М.: Евразийское движение, 2009.
- Дугин А. Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009.
- Дугин А. Г. Четвертая политическая теория. СПб.: Амфора, 2009.
- Дугин А. Г. Логос и мифос. Социология глубин. М.: Академический проект, 2010.
- Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. М.: Академический проект, 2010.
- Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Академический проект, 2010.
- Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: возможность русской философии. М.: Академический проект, 2010.
- Дугин А. Г. Конец экономики. СПб.: Амфора, 2010.

Дугин А. Г. Социология русского общества. М.: Академический проект, 2010.

Дугин А. Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011.

Дугин А. Г. Геополитика. М.: Академический проект, 2011.

Дугин А. Г. Путин против Путина. М.: Яуза, 2012.

Дугин А. Г. Геополитика России. М.: Академический проект, 2012.

Дугин А. Г. Археомодерн. М.: Евразийское движение, 2012.

Дугин А. Г. (под ред.) Геополитика и Международные Отношения. М.: Евразийское движение, 2012.

Центр Консервативных Исследований Социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова издает регулярные сборники теоретических статей и материалов конференций, семинаров, симпозиумов.

Серия **«Левиафан»**. Геополитика, стратегия, Международные Отношения, многополярный мир.

Серия **«Деконструкция»**. Философия, социология, метафизика, постмодерн, три парадигмы.

Серия **«Традиция»**. Традиционализм, религия, спиритуальность, символизм.

Серия **«Четвертая Политическая Теория»**. Политология, философия политики, разработка новых политических концептов и теорий.

Серия **«Этноцентр»**. Этносоциология, этнология, антропология.

Серия **«Имажинэр»**. Социология воображения, психология глубин, культурология, театр, кино, искусствоведение.

Журнал **«Геополитика»**. Постоянный мониторинг основных трендов и тенденций в мировой геополитике и геостратегии.

О предстоящих семинарах, заседаниях ЦКИ и конференциях можно узнать на сайте ЦКИ или по тел. +7(495) 9390373.

Научное издание

Александр Гельевич Дугин

ТЕОРИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

119992, Россия, Москва, ГСП-2, Ленинские горы,
МГУ им. М. В. Ломоносова, 3-й учебный корпус,
социологический факультет
Тел./факс: (495) 939 03 73.
Центр Консервативных Исследований
E-mail: solomon2770@yandex.ru
www.konservatizm.org

Научная редакция
Н. В. Мелентьева
Редактор-составитель
Н. С пер а н с к а я
Художественное оформление
С. Ж и г а л к и н, Н. С пер а н с к а я
Верстка
Л. О х о т и н
Корректор
З. П о л о с у х и н а

Подписано в печать 20.12.2012. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 31. Тираж 1000 экз.
«Евразийское Движение»
Москва, 117105. Варшавское ш. 1/1, офис А 308.